

ПРЕП. ИСАЯК СИРИН



СЛОВА

ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ

ПѢТЬ СВЯТОСТИ



ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО

**ИСАИЯ
ГИРИНЯ
СЛОВА
ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ**



Симферополь



Лепта Книга
Москва
2012

Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви
Код Издательского Совета ИС 10-08-0356

Исаак Сирин, преподобный.
И85 Преподобного отца нашего Исаака Сирина слова подвижнические. — М.: Лепта Книга; Симферополь: Родное Слово, 2012. — 800 с. — (Путь святости. Вып. 8).

ISBN 978-5-91173-238-7

Аскетические писания прп. Исаака Сирина (VII в.), епископа Ниневийского, исполненные тонкого духовного ведения и мистического опыта, во все времена были излюбленным чтением не только монахов, но и мирян Православной Церкви.

«Слова подвижнические» были переведены с сирийского языка на греческий в конце IX — начале X вв. и получили широкое распространение в восточно-христианском мире. Первый славянский перевод появился в XIV в. Зрение духовных глубин, которого сподобился святой, всецелая устремленность к Богу, проникновение в Божественные тайны поставили писания прп. Исаака в один ряд с творениями величайших богословов Вселенской Церкви.

Преподобный Исаак Сирин писал главным образом для монашествующих. Основная тема его духовных сочинений — конечная цель аскетических подвигов: молитвенное созерцание Бога и обожение человека. Но чтение «Подвижнических слов» научает самоуглублению и вдохновляет на подвиги каждого христианина.

Книга адресована взрослому читателю.

УДК 7-284
ББК 86.37-4

ISBN 978-5-91173-238-7

© «Издательство «Лепта Книга», оформление, 2010.
© Родное слово, 2012.

ИЖЕ ВО СВАТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО
АВВЫ ИСАИЯ СИРІАНИНА

СЛОВА ПОДВИЖНИЧЕСКІЯ

Сергиев Посад
Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры
1911



СЛОВО 1

ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ МИРА И О ЖИТИИ МОНАШЕСКОМ

Страх Божий есть начало добродетели. Называется же она порождением веры и посевається в сердце, когда ум устраниен от мирской рассеянности, чтобы кружащиеся от парения мысли свои собрать ему в размышлении о будущем восстановлении. Для того чтобы положить основание добродетели, лучше всего человеку держать себя в устраниении от дел житейских и пребывать в законе света стезей правых и святых, какие Духом указал и наименовал Псалмопевец (Пс. 22:3; 118:35). Едва ли найдется, а может быть, и вовсе не найдется, такой человек, кото-

рый бы, хотя будет он и равноангельный по нравам, мог вынести честь; и это происходит, как скажет иной, от скорого восприятия изменений.

Начало пути жизни — поучаться всегда умом в словесах Божиих и проводить жизнь в нищете. Напоение себя одним содействует усовершению в другом. Если напоеваешь себя изучением словес Божиих, это помогает преспеянию в нищете, а преспеяние в нестяжательности доставляет тебе досуг преспеивать в изучении словес Божиих. Пособие же того и другого содействует к скорому возведению целого здания добродетелей.

Никто не может приблизиться к Богу, если не удалится от мира. Удалением же называю не переселение из тела, но устранение от мирских дел. В том и добродетель, чтобы человек не занимал ума своего миром. Сердце не может пребывать в тишине и быть без мечтаний, пока на человека действуют чувства; телесные страсти не приходят в бездействие и лукавые помыслы не оскудевают без пу-

стыни. Пока душа не придет в упоение верою в Бога приятием в себя силы ее ощущения, дотолѣ не уврачуѣт немощи чувств, не возможет с силою поправить видимого вещества, которое служит преградою внутреннему, и не ощутиѣт в себе свободы, и разумное порождение, и плод того и другого — спасение от сетей. Без первого* не бывает второго*, а где второе правосшественно, там третья* связуѣтся как бы уздою.

Когда умножилась в человеке благодать, тогда по желанию праведности страх смертнѣй делается для него малоуважительным, и много причин находит он в душе своей, по которым ради страха Божия должно ему терпеть скорбь. Все, что по-видимому вредит телу и внезапно действует на природу, а следовательно, приводит в страдание, ни во что вменяѣтся в очах его в сравнении с тем, чего надеѣтся в будущем. Без попущення искушений невозможно познать нам ис-

* Удаление от мира.

* Упоение верою в Бога.

* Свобода.

тины. Точное же удостоверение в этом находит человек в мысли, что Бог имеет о человеке великое промышление и что нет человека, который бы не состоял под Его Промыслом, особливо же ясно, как по указанию перста, усматривает сие на взыскавших Бога и на терпящих страдания ради Него. Но когда увеличилось в человеке оскудение благодати, тогда все сказанное оказывается в нем почти в противоположном виде. У него ведение, по причине исследований, бывает больше веры, и упование на Бога имеется не во всяком деле, и Промысл Божий о человеке понимается иначе. Таковой человек постоянно подвергается в этом козням подстерегающих во мраке *состреляти* (ср.: Пс. 10:2) его стрелами своими.

Начало истинной жизни в человеке — страх Божий. А он не терпит того, чтобы пребывать в чьей-либо душе вместе с парением ума, потому что служением чувствам сердце рассеивается, утрачивая в себе услаждение Богом. Ибо внутреннее помышление ощущением их, как го-

ворят, связуются в самих служащих им чувствовалищах.

Сомнение сердца приводит в душу боязнь. А вера может делать произволение твердым и при отсечении членов.

В какой мере превозмогает в тебе любовь к плоти, в такой не можешь быть отважным и бестрепетным при многих противоборствиях, окружающих любимое тобою.

Желающий себе чести не может иметь недостатка в причинах к печали. Нет человека, который бы с переменою обстоятельств не ощутил в уме своем перемены в отношении к подлежащему делу. Ежели вожделение, как говорят, есть порождение чувств, то пусть умолкнут, наконец, утверждающие о себе, что и при развлечении сохраняют они мир ума.

Целомудрен не тот, кто в труде, во время борьбы и подвига говорит о себе, что прекращаются тогда в нем срамные помыслы, но кто истинностию сердца своего уцеломудривает созерцание ума своего так, что не внимает он бесстыдно непотребным помыслам. И когда чест-

ность совести его свидетельствует о верности взглядом очей, тогда стыд уподобляется завесе, повешенной в сокровенном вместилище помыслов. И непорочность его, как целомудренная дева, соблюдается Христу верою.

Для отвращения предзанятых душою расположений к непотребству и для устранения восстающих в плоти тревожных воспоминаний, производящих мятежный пламень, ничто не бывает так достаточно, как погружение себя в любовь к изучению Божественного Писания и постижение глубины его мыслей. Когда помыслы погружаются в услаждение постижением сокровенной в словах премудрости, тогда человек в какой мере извлекает из них уяснение, в такой же оставляет позади себя мир, забывает все, что в мире, и все воспоминания, все действенные образы овеществления мира изглаждает в душе, а нередко уничтожает самую потребность обычных помыслов, посещающих природу. Сама душа пребывает в восторге при новых представлениях, встречающихся ей в море тайн Писания.

И опять, если ум плавает на поверхности вод, то есть моря Божественных Писаний, и не может проникнуть мыслей Писания до самой глубины, уразуметь все сокровища, таящиеся в глубине его, то и сего самого, что ум занят рвением к уразумению Писания, достаточно для него, чтобы единым помышлением о досточудном крепко связать свои помыслы и воспрепятствовать им, как сказал некто из богоносных, стремиться к естеству телесному; тогда как сердце немощно и не может вынести озлоблений, встречающихся при внешних и внутренних бранях. И вы знаете, как тягостен худой помысл. И если сердце не занято ведением, то не может стерпеть мятежности телесного устремления.

Как скорости колебания весов в ветреную бурю препятствует тяжесть взвешиваемого, так колебанию ума препятствуют стыд и страх. А по мере недостатка страха и стыда уму дается побуждение непрестанно кружиться, и тогда, по мере удаления из души страха, коромысло ума, как свободное, влается туда и сюда. Но

как коромыслу весов, если чаши их обременены очень тяжелым грузом, нелегко прийти уже в колебание от дуновения ветра, так и ум под бременем страха Божия и стыда с трудом совращается тем, что приводит его в колебание. А в какой мере оскудевает в уме страх, в такой же начинают преобладать им превратность и изменчивость. Умудрись же в основание шествия своего полагать страх Божий, и в несколько дней, не делая кружений на пути, будешь у врат Царствия.

Во всем, что встретится тебе в Писаниях, доискивайся цели слова, чтобы проникнуть тебе в глубину мысли святых и с большею точностию уразуметь оную. Божественною благодатию путеводимые в жизни своей к просвещению всегда ощущают, что как бы умный какой луч проходит по стихам написанного и отличает уму голые слова от того, что душевному ведению сказано с великою мыслию.

Если человек многозначащие стихи читает, не углубляясь в них, то и сердце

его остается бедным, и угасает в нем святая сила, которая при чудном уразумении души доставляет сердцу сладостнейшее вкушение.

Всякая вещь обыкновенно стремится к сродному ей. И душа, имеющая в себе удел духа, когда услышит речение, заключающее в себе сокровенную духовную силу, пламенно влечет к себе содержание сего речения. Не всякого человека пробуждает к удивлению то, что сказано духовно и имеет в себе сокровенную великую силу. Слово о добродетели требует сердца, не занимающегося землею и близким с нею общением. В человеке же, которого ум утружден заботою о преходящем, добродетель не пробуждает помысла к тому, чтобы возлюбить ее и взыскать обладания ею.

Отрешение от вещества бытием своим предваряет союз с Богом, хотя нередко, по Домостроительству благодати, в иных оказывается последний предшествующим первому, потому что любовь покрывается любовью. Чин, обычный Домостроительству, инаков с чином, общим

для людей. Но ты сохраняй общий чин. Если предваряет в тебе благодать, это — ее дело. А если не предваряет, то путем всех людей, каким шествовали они друг за другом, восходи и ты на высоту духовного столпа.

Всякое дело, совершаемое созерцательно и исполняемое по заповеди, данной для него, вовсе невидимо телесными очами. И всякое дело, совершаемое деятельно, бывает сложно, потому что заповедь, которая только одна, именно деятельность ради плотских и бесплотных имеет нужду в том и другом, в созерцании и в деятельности. Ибо единое есть сочетание созерцания и деятельности.

Дела, показывающие заботливость о чистоте, не подавляют чувства, возбуждаемого памятованием прошедших проступков, но печаль, ощущаемую при сем памятовании, заимствуют из разума. И с сего времени ход припамятования производится в уме с пользою. Ненасытимость души в приобретении добродетели обращает в свою пользу часть видимых вожеланий сопряженного с нею

тела. Всякую вещь красит мера. Без меры обращается во вред и почитаемое прекрасным.

Хочешь ли умом своим быть в общении с Богом, прирав в себя ощущение одного услаждения, не порабощенного чувствам? — Послужи милостыне. Когда внутри тебя обретается она, тогда изображается в тебе она святая красота, которую уподобляешься Богу. Всеобъемлемость дел милостыни производит в душе общение с Божеством без посредства какого-либо времени к единению со славою светлости.

Духовное единение есть незапечатлеваемое памятование; оно непрерывно пылает в сердце пламенной любовью, в неуклонении от заповедей заимствуя силу к пребыванию в союзе не с насилием природе и не по природе. Ибо там находит поддержку к тому, чтобы прочно утверждаться в единении душевным созерцанием. Посему сердце приходит в изумление при смежении двояких чувств его — плотских и душевных. К духовной любви, которая отпечатлевает невиди-

мый образ, нет иной стези, если человек не начнет прежде всего быть щедролюбивым в такой же мере, в какой совершен Отец, как сказал Господь наш; ибо так заповедал Он послушным Ему полагать основание сие*.

Инаково слово деятельности, и инаково слово прекрасное. И без опытного дознания чего-либо мудрость умеет украшать слова свои, говорить истину, не зная ее. Иной может толковать о добродетели, сам не изведав опытно дела ее. Но слово от деятельности — сокровищница надежды, а мудрость, не оправданная деятельностью, — залог стыда.

Что художник, который живописует на стенах воду и не может тою водою утолить своей жажды, и что человек, который видит прекрасные сны, то же и слово, не оправданное деятельностью.

* И именно когда говорит: *Будите милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6:36); и еще: *Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси; и гряди в след Мене* (Мф. 19:21); и: *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5:48).

Кто говорит о добродетели, что сам испытал на деле, тот так же передает сие слушающему его, как иной отдает другому деньги, добытые трудом своим. И кто из собственного стяжания посеваеет учение в слух внемлющих ему, тот с дерзновением отверзает уста свои, говоря с духовными своими чадами, как престарелый Иаков сказал целомудренному Иосифу: *Аз же даю ти единую часть свыше братии твоея, юже взях у Амореев мечем моим и луком моим* (Быт. 48:22).

Всякому человеку, который живет нечисто, вожделенна жизнь временная. Второй по нем, кто лишен ведения. Прекрасно сказал некто, что страх смертный печалит мужа, осуждаемого своею совестью. А кто имеет в себе доброе свидетельство, тот столько же желает смерти, как и жизни. Не признавай того истинным мудрецом, кто ради сей жизни порабощает ум свой боязни и страху. Все доброе и худое, что ни приключается с плотию, почитай за сновидение. Ибо не в смерти одной отретишься от сего, но

часто и прежде смерти оставляет это тебя и удаляется. А если что-либо из сего имеет некоторое общение с душою твоею, то почитай сие своим стяжанием в этом веке; оно пойдет с тобою и в век будущий. И ежели это есть нечто доброе, то веселись и благодари Бога в уме своем. Ежели же это есть нечто худое, то будь прискорбен и воздыхай, и старайся освободиться от сего, пока ты в теле.

Всякое благо, совершаемое в тебе мысленно, и сам ты содержи тщательно в тайне, потому что посредниками для тебя к оному были Крещение и вера; в них призван ты Господом нашим Иисусом Христом на дела Его благие. Со Отцом и Святым Духом Ему слава, и честь, и благодарение, и поклонение во веки веков! Аминь.



СЛОВО 2

О благодарности Богу,
с присовокуплением краткого изложения
первоначальных учений

Благодарность приемлющего побуждает дающего давать дары большие прежних. Кто неблагодарен за малое, тот и в большем лжив и несправедлив.

Кто болен и знает свою болезнь, тот должен искать врачевства. Кто объявляет другим болезнь свою, тот близок к уврачеванию своему и легко найдет оное. Жестокостию сердца умножаются болезни его; и если больной противится врачу, мучение его увеличивается. Нет греха непростительного кроме греха нераскаянного. И дар не остается без усугубления, разве только когда нет за него благодарности. Часть несмысленного мала в глазах его.

Содержи всегда в памяти превосходящих тебя добродетелию, чтобы непрестанно видеть в себе недостаток против их меры; содержи всегда в уме тягчайшие

скорби скорбящих и озлобленных, чтобы самому тебе воздавать должное благодарение за малые и ничего не значащие скорби, какие у себя находишь, и быть в состоянии переносить их с радостью.

Во время своего поражения, расслабления и лени, связуемый и содержимый врагом в мучительном томлении и в тяжком деле греха, представляй в сердце своем прежнее время рачительности своей, как был ты заботлив обо всем даже до малости, какой показал подвиг, как с ревностью противился желавшим воспрепятствовать твоему шествию. Сверх же сего, помысли о тех воздыханиях, с какими болезновал ты о недостатках, появившихся в тебе от нерадения твоего, и о том, как при всем этом получал ты победный венец. Ибо всеми таковыми воспоминаниями душа твоя пробуждается как бы от глубокого сна, облекается пламенем ревности, как бы из мертвых восстает из погружения своего, возносится — и горячим противоборством диаволу и греху возвращается в первобытный свой чин.

Вспоминай о падении сильных и смирайся в добродетелях своих. Припомни тяжкие падения падших в древности и покаявшихся, а также высоту и честь, каких сподобились они после сего, — и приимешь смелость в покаянии своем.

Преследуй сам себя, и враг твой прогнан будет приближением твоим. Умирись сам с собою, и умирятся с тобою небо и земля. Потщись войти во внутреннюю свою клеть, и узришь клеть небесную, потому что та и другая — одно и то же, и, входя в одну, видишь обе. Лествица оноу Царствия внутри тебя, сокровенна в душе твоей. В себе самом погрузись от греха, и найдешь там восхождения, по которым в состоянии будешь восходить.

Писание не истолковало нам, что такое блага будущего века. Но как ощущение наслаждения ими возможно получить нам здесь без естественного изменения и исшествия из мира сего, тому удобно научило нас; хотя, чтобы возбудить нас к вожделению их, представило

оньих под именами вещей вожделенных и славных для нас, приятных и драгоценных, когда говорит: *...их же око не виде, и ухо не слыша* (1 Кор. 2:9) и прочее. А сим возвестило нам и то, что будущие блага непостижимы и не имеют никакого сходства с благами здешними.

Духовное наслаждение не есть пользование чем-либо самостоятельно пребывающим вне души приемлющих. А иначе сказанное: *...Царствие Небесное внутри вас есть* (Лк. 17:21) и: *Да придет Царствие Твое* (Мф. 6:10) будет уже означать, что внутри себя прияли мы вещество чего-то чувственного, в залог заключающегося в сем наслаждения. Ибо необходимо, чтобы самое стяжание было подобно залому и целое — части. И сказанное: *как в зеркале* (ср.: 1 Кор. 13:12), хотя не показывает самостоятельно пребывающего, однако же означает приобретение подобия. А если истинно свидетельство истолковавших Писания, что самое ощущение сие есть умное действие Святого Духа, то и оно уже есть часть одного целого.

Не тот любитель добродетели, кто с борением делает добро, но тот, кто с радостию приемлет последующие за тем бедствия. Не великое дело терпеть человеку скорби за добродетель, как и не колебаться умом в избрании доброго своего изволения при обольстительном щекотании чувств.

Всякое раскаяние по отъятии свободы таково, что ни радости оно не источает, ни дает права на награду приобретшим оное.

Прикрой падающего, если нет тебе от сего вреда: и ему придашь благодушия, и тебя поддержит милость Владыки твоего. Немошных и огорченных сердцем подкрепляй словом и всем, сколько достает средств руке твоей, — и подкрепит тебя вседержительная Десница. С огорченными сердцем будь в общении и трудом молитвенным, и привязанностию сердечною — и прошениям твоим отвержется источник милости.

Постоянно утруждай себя молитвами пред Богом в сердце, носящем чистый помысл, исполненный умиления, — и Бог

сохранит ум твой от помыслов нечистых и скверных, да не укорится о тебе путь Божий.

Постоянно упражняй себя в размышлении, читая Божественные Писания с точным их разумением, чтобы, при праздности ума твоего, не осквернялось зрение твое чужими сквернами непотребства*.

Не решайся искушать ум свой непотребными помыслами или зрением вводящих тебя в искушение лиц, даже когда думаешь, что не будешь преодолен сим, потому что и мудрые таким образом омрачались и впадали в юродство. Не укроешь пламени в недре своем без сильных скорбей плоти своей.

Юности трудно без обучения отдаться под иго святыни. Начало помрачения ума (когда признак его начинает открываться в душе) прежде всего усматривается в лености к Божией службе и к молитве. Ибо если душа не отпадет сперва от этого, нет иного пути к душевному

* По древнему славянскому переводу: *чуждыми непотребными помыслами.*

обольщению; когда же лишается она Божией помощи, удобно впадает в руки противников своих. А также, как скоро душа делается беспечною к делам добродетели, непременно увлекается в противное тому. Ибо переход с какой бы то ни было стороны есть уже начало стороны противной. Если делаешь что для добродетели и для души, то не заботься о суетном. Непрестанно открывай немощь свою пред Богом, и не будешь искушаем чуждыми, как скоро останешься один без Заступника своего.

Деятельность крестная двояка: по двоякости естества и она разделяется на две части. Одна, состоя в терпении плотских скорбей, производимых действом раздражительной части души, и есть, и называется деятельность. А другая заключается в тонком делании ума и в Божественном размышлении, а также и в пребывании на молитве, и так далее; она совершается вожделевательною частию души и называется созерцанием. И одна, то есть деятельность, очищает, по силе ревности, страстную часть души, а вто-

рая — действительность душевной любви, то есть естественное вожделение, которое просветляет умную часть души. Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части переходит к сей второй, привлекаемый ее сладостию, не говорю уже своею леностию, постигает гнев за то, что не умертвил прежде *уды* свои, *яже на земли* (Кол. 3:5), то есть не уврачевал немощи помыслов терпеливым упражнением в делании крестного поношения, но дерзнул в уме своем возмечтать о славе крестной. Сие-то и значит сказанное древними святыми, что если ум вознамерится взойти на крест прежде, нежели чувствовалища его, исцелясь от немощи, придут в безмолвие, то постигает Божий гнев. Сие восхождение на крест, навлекающее гнев, бывает не в первой части претерпения скорбей, то есть распятия плоти, но когда человек входит в созерцание, — а это есть вторая часть, следующая за исцелением души. У кого ум осквернен постыдными страстями и кто поспешает наполнить ум свой мечтательными помыслами,

тому заграждаются уста запрещением за то, что не очистил прежде ума скорбями, не покорил плотских вожделений, но, положившись на то, что слышало ухо и что написано чернилами, устремился он прямо вперед, идти путем, исполненным мраков, когда сам слеп очами. Ибо и те, у кого зрение здорово, будучи исполнены света и приобрета себе вождей благодати, день и ночь бывают в опасности, между тем как очи у них полны слез, и они в молитве и в плаче продолжают служение свое целый день, даже и ночь, по причине ужасов, ожидающих их в пути и встречающихся им страшных стремнин и образов истины, оказывающихся перемешанными с обманчивыми призраками оной.

Говорят: «Что от Бога, то приходит само собою, а ты и не почувствуешь». Это правда, но только если место чисто, а не осквернено. Если же нечиста зеница душевного ока твоего, то не дерзай устремлять взор на солнечный шар, чтобы не утратить тебе и сего малого луча, то есть простой веры, и смирения, и сердеч-

ного исповедания, и малых посильных тебе дел, и не быть извергнутым в единую область духовных существ, которая есть тьма крошечная, то, что вне Бога и есть подобие ада, как извергнут был тот, кто не устыдился прийти на брак в нечистых одеждах.

Трудами и хранением себя источается чистота помыслов, а чистотою помыслов — свет мышления. Отсюда же благодатию ум руководится к тому, над чем чувства не имеют власти, чему и не учат и не научаются они.

Представь себе, что добродетель есть тело, созерцание — душа, а то и другое — один совершенный человек, соединяемый духом из двух частей: из чувственного и разумного. И как невозможно, чтобы душа пришла в бытие и была рождена без совершения образования тела с его членами, так душе прийти в созерцание второе, то есть в дух откровения, — в созерцание, образуемое в ложеснах, приемлющих в себя вещество духовного семени, невозможно без совершения дела добродетели; а это есть обитель рас-

познающей силы, приемлющей в себя откровения.

Созерцание есть ощущение Божественных тайн, сокровенных в вещах и в их причинах. Когда слышишь об удалении от мира, об оставлении мира, о чистоте от всего, что в мире, тогда нужно тебе сначала понять и узнать, по понятиям не простонародным, но чисто разумным, что значит самое наименование: *мир*, из каких различий составляется это имя, и ты в состоянии будешь узнать о душе своей, сколько далека она от мира и что примешано к ней от мира.

Слово *мир* есть имя собирательное, обнимающее собою то, что называется страстями. Если человек не узнал прежде, что такое мир, то не достигнет он до познания, какими членами далек от мира и какими связан с ним. Много есть таких, которые двумя или тремя членами отрешились от мира и отказались от общения ими с миром, и подумали о себе, что стали они чуждыми миру в житии своем, потому что не уразумели и не

усмотрели премудро, что двумя только членами умерли они миру, прочие же их члены в теле живут миру. Впрочем, не возмogli они сознать в себе и страстей своих; и как не сознали их, то не позаботились и об их врачевании.

По умозрительному исследованию миром называется и состав собирательного имени, объемлющего собою отдельно взятые страсти. И когда в совокупности хотим наименовать страсти, называем их миром; а когда хотим различать их по различию наименований их, называем их страстями. Страсти же суть части преемственного течения мира; и где прекращаются страсти, там мир стал в своей преемственности. И страсти суть следующие: приверженность к богатству, к тому, чтобы собирать какие-либо вещи; телесное наслаждение, от которого происходит страсть супружества; желание чести, от которого истекает зависть; желание распоряжаться начальственно; надмение благолепием власти; желание наряжаться и нравиться; искание человеческой славы, которая бывает причиною

злопамятства; страх за тело. Где страсти сии прекращают свое течение, там мир умер, и в какой мере недостает там некоторых из сих частей, в такой мере мир остается вне, не действуя теми частями состава своего; как и о святых сказал некто, что, будучи еще живы, стали они мертвы, потому что, живя во плоти, жили не по плоти. И ты смотри, какими из сих частей живешь: тогда узнаешь, какими частями ты живешь, и какими умер миру. Когда дознаешь, что такое мир, тогда из различия всего этого дознаешь и то, чем связан ты с миром и чем отрешился от него. И скажу короче: мир есть плотское житие и мудрование плоти. По тому самому, что человек исхитил себя из этого, познается, что исшел он из мира. И отчуждение от мира познается по сим двум признакам: по превосходнейшему житию и по отличию понятий самого ума. Из сего, наконец, возникают в мысли твоей понятия о вещах, над которыми парит мысль в своих понятиях. И ты достигаешь меры жития своего сообразно с тем, вожделевает ли чего естество

без насилия себе, есть ли в тебе какие прозябания неистребляемые или какие, производимые только случаем; пришел ли ум в сознание понятий совершенно нетелесных, или весь он движется в вещественном, и это вещественное страстно. Ибо печати овеществления дел, под какими ум невольно представляется во всем, что ни совершает, суть добродетели. В них-то без немощи заимствует для себя причину к горячности и собранности помыслов с доброю целию потрудиться телесно, для упражнения сей горячности, если только делается сие нестрастно. И смотри, не изнемогает ли ум, встречаясь с сими печатями тайных помыслов, по причине лучшего пламенения по Богу, которым обыкновенно отсекаются суетные памятования.

Сих немногих признаков, показанных в главе сей, взамен многих книг достаточно будет к тому, чтобы просветить человека, если он безмолвствует и живет в отшельничестве. Страх за тело бывает в людях столько силен, что вследствие одного нередко остаются они неспособны-

ми совершить что-либо достославное и досточестное. И когда на страх за тело приникнет страх за душу, тогда страх телесный изнемогает пред страхом душевным, как воск от силы пожигающего огня. Богу же нашему слава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 3

О том, что душа до познания Божией премудрости и Божиих тварей доходит без труда, если безмолвствует вдали от мира и житейских попечений; ибо тогда может познавать естество свое и те сокровища, какие имеет сокрытыми внутри себя.

Когда не вошли в душу отвне житейские попечения, но пребывает она в естественном своем состоянии, тогда непродолжителен бывает труд ее и доходит она до познания Божией премудрости; потому что удаление души от мира и безмолвие

ее естественно побуждают ее к познанию Божиих тварей, а от сего возносится она к Богу, в удивлении изумевает и пребывает с Богом. Ибо когда в душевный источник не входят воды отвне, тогда естественные, источающиеся в ней воды непрестанно порождают в душе помышления о чудесах Божиих. А как скоро душа оказывается неимеющею сих помышлений, это значит: или что подана к тому некая причина какими-либо чуждыми воспоминаниями, или что чувства от встречи с предметами произвели против нее мятеж. Когда же чувства заключены безмолвием, не позволяется им устремляться вне, и при помощи безмолвия устареют памятования, тогда увидишь, что такое естественные помыслы души, что такое самое естество души и какие сокровища имеет она скрытыми в себе. Сокровища же сии составляют познание бесплотных, возникающее в душе само собою, без предварительной мысли и без труда о нем. Человек даже не знает, что таковые помыслы возникают в природе человеческой. Ибо кто был ему учите-

лем? или как постиг он то, что и будучи умопредставлено, не может быть уяснено для других? или кто был путеводителем его в том, чему нисколько не учился он у другого?

Такова-то природа души. Следовательно, страсти суть нечто придаточное, и в них виновна сама душа. Ибо по природе душа бесстрастна. Когда же слышишь в Писании о страстях душевных и телесных, да будет тебе известно, что говорится сие относительно к причинам страстей. А душа по природе бесстрастна. Не принимают сего держащиеся внешнего любомудрия, а подобно им и их последователи. Напротив того, мы веруем так, что Бог созданного по образу сотворил бесстрастным. Созданным же по образу разумею относительно не к телу, но к душе, которая невидима. Ибо всякий образ снимается с подлежащего изображения. Невозможно же представить какой-либо образ без виденного прежде ему подобия. Посему должно увериться, что страсти, как сказали мы выше, не в природе души. Если же кто противоречит

сказанному, то мы предложим ему вопрос, и пусть отвечает он нам.

Вопрос. Что такое естество души? Бесстрастное ли нечто и исполненное света или страстное и омраченное?

Ответ. Если некогда естество души было просветлено и чисто по причине приятия им в себя блаженного света, а подобно сему таковым же оказывается, когда возвращается в первобытный чин, то несомненно уже, что душа бывает вне своего естества, как скоро приходит в страстное движение, как утверждают и кормители Церкви. Поэтому страсти привзошли в душу впоследствии, и несправедливо говорить, будто бы страсти — в естестве души, хотя она и приводится ими в движение. Итак, явно, что приводится она в движение внешним, не как своим собственным. И если страсти называются душевными*, потому что душа приводится ими в движение без участия тела, то и голод, и жажда, и сон будут

* В греческом тексте читается: φύσικᾶ (естественными), но согласно с древними славянскими рукописями лучше читать: ψυχικᾶ (душевными).

душевыми же, потому что и в них, а равно при отсечении членов, в горячке, в болезнях и в подобном тому, душа страждет и совоздыхает с телом. Ибо душа соболезнает телу по общению с ним, как и тело соболезнает душе; душа веселится при веселии тела, приемлет в себя и скорби его. Богу же нашему слава и держава во веки! Аминь.



СЛОВО 4

О ДУШЕ, О СТРАСТЯХ И О ЧИСТОТЕ УМА,
В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

Вопрос. Что такое стественное состояние души? что такое состояние противостественное? что такое состояние сверхестественное?

Ответ. Естественное состояние души есть ведение Божиих тварей, чувственных и мысленных. Сверхестественное состояние есть возбуждение к созер-

цанию пресущественного Божества. Противоестественное же состояние есть движение души в мятущихся страстях, как сказал божественный и великий Василий, что душа, когда оказывается сообразною с естеством, пребывает горе, а когда оказывается вне своего естества, является долу на земле; когда же бывает горе, оказывается бесстрастною, а когда естество низойдет от свойственного ему чина, тогда открываются в нем страсти. Итак, явствует, наконец, что страсти душевные не суть душевные по естеству. Если душа в охудаемых телесных страстях приходит в такое же движение, как и в голоде и в жажде, то, поелику в рассуждении сих последних не положено ей закона, не столько бывает она достойна порицания, как в прочих страстях, заслуживающих порицания. Случается, что иногда иному бывает попущено Богом сделать что-либо повидимому неуместное, и вместо порицания и укоризн воздается ему благим воздаянием. Так было с пророком Осиєю, который поял в жены блудницу, с пророком Илиєю, ко-

торый по ревности Божией совершил убийство, и с теми, которые, по повелению Моисееву, мечом убили своих родителей. Впрочем, говорится, что в душе и без телесного естества естественно есть вожделение и раздражительность, и это суть страсти души.

Вопрос. То ли сообразно с естеством, когда вожделение души воспламенено Божественным или когда обращено на земное и телесное? И для чего душевное естество обнаруживает ревность свою с раздражительностию? И в каком случае раздражение называется естественным? Тогда ли, как душа раздражается по какому-либо плотскому вожделению, или по зависти, или по тщеславию, или по чему подобному, или когда раздражает ее что-либо противное сему? Пусть отвечает у кого слово, и мы последуем ему.

Ответ. Божественное Писание многое говорит и часто употребляет именованья не в точном смысле. Иное свойственно телу, но сказуется о душе. И наоборот, свойственное душе сказуется о теле. И Писание не разделяет сего, но

разумные понимают это. Так и из свойственного Божеству Господа иное, не применимое к человеческой природе, сказано в Писании о всесвятом теле Его; и наоборот, уничижительное, свойственное Ему по человечеству, сказано о Божестве Его. И многие, не понимая цели Божественных словес, поползнулись в этом, погрешив неисправимо. Так в Писании не различается строго свойственное душе и свойственное телу. Посему, если добродетель естественным образом есть здравие души, то недугом души будут уже страсти, нечто случайное, пришедшее в естество души и выводящее ее из собственного здравия. А из сего явствует, что здравие предшествует в естестве случайному недугу. Если же это действительно так (что и справедливо), то значит уже, что добродетель естественным образом бывает в душе; случайное же вне естества души*.

Вопрос. Страсти телесные естественно ли приписываются телу или как нечто

* По древнему славянскому переводу: *страсти же вне естества души.*

случайное? И страсти душевные, принадлежащие душе, по связи ее с телом, естественно ли или в несобственном смысле ей приписываются?

Ответ. О страстях телесных никто не осмелится сказать, что принимаются в несобственном смысле. А о душевных страстях, как скоро дознано и всеми признается, что душе естественна чистота, должно смело сказать, что страсти нимало не естественны душе, потому что болезнь позднее здравия. А одному и тому же естеству невозможно быть вместе и добрым и лукавым. Посему необходимо одно предшествует другому; естественно же то, чем предварено другое, потому что о всем случайном говорится, что оно не от естества, но привзошло отвне; и за всем случайным и привзошедшим следует изменение, естество же не переиначивается и не изменяется.

Всякая страсть, служащая к пользе, дарована от Бога. И страсти телесные вложены в тело на пользу и возрастание ему; таковы же и страсти душевные. Но когда тело, лишением свойственного ему

принуждено стать вне своего благосостояния и последовать душе, тогда оно изнемогает и терпит вред. Когда и душа, оставив принадлежащее ей, последует телу, тогда и она терпит вред, по слову божественного Апостола, который говорит: *Плоть похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся* (Гал. 5:17). Посему никто да не хулит Бога, будто бы Он в естество наше вложил страсти и грех. Бог в каждое из естеств вложил то, что служит к его возрастанию. Но когда одно естество входит в согласие с другим, тогда оно <обретается> не в том, что ему свое, но в противоположном тому. А если бы страсти были в душе естественно, то почему душа терпела бы от них вред? Собственно принадлежащее естеству не вредит ему.

Вопрос. Почему телесные страсти, возвращающие и укрепляющие тело, вредят душе, если не принадлежат ей собственно? И почему добродетель утесняет тело, но возвращает душу?

Ответ. Не примечаешь ли, как то,

что вне естества, вредит ему? Ибо каждое естество исполняется веселия, приблизившись к тому, что ему принадлежит. Но ты желаешь знать, что есть собственного у каждого из сих естеств? Примечай: что вспомоществует естеству, то есть его собственное, а что вредит, то есть чуждое и отвне привзошедшее. Итак, поелику дознано, что страсти тела и души одни другим противоположны, то уже все сколько-нибудь вспомоществующее телу и доставляющее ему отдохновение есть его собственное*. Но когда сдружилась с тем душа, не говорится, что это ей естественно, ибо что составляет собственность души, то — смерть для тела. Впрочем, в несобственном смысле сказанное выше приписывается душе; и душа, по немощи тела, пока носит на себе оное, не может от сего освободиться, потому что естественно вступила в общение с скорбным для тела, по причине того единения, какое непостижимою Премудростию ус-

* Слов: *есть его собственное* в греческом издании нет, дополнены же они из древней славянской рукописи.

тановлено между движением души и движением тела. Но хотя и в таком они взаимном общении, однако же отличны и движение от движения, и воля от воли, а также и тело от духа. Впрочем, естество не переиначивается; напротив того, каждое из естеств, хотя и крайне уклоняется, в грех ли то или в добродетель, однако же приводится в движение собственною своею волею. И когда душа возвысится над попечением о теле, тогда вся всецело цветет духом в движениях своих и среди неба носится в непостижимом. Впрочем, и в этом состоянии не позволяет, чтобы тело не помнило своего собственного. И также, если тело оказывается во грехах, душевные помышления не престают источаться в уме.

Вопрос. Что такое чистота ума?

Ответ. Чист умом не тот, кто не знает зла (ибо такой будет скотоподобным), не тот, кто по естеству находится в состоянии младенческом, не тот, кто лицемерит. Но вот чистота ума — просветление Божественным, по деятельном упражнении в добродетелях. И не смеем

сказать, чтобы приобрел сие кто без искушения помыслов, как не облеченный телом. Ибо не отваживаемся говорить, чтобы наше естество до самой смерти не было боримо и не терпело вреда. Искушением же помыслов называю не то, чтобы подчиняться им, но чтобы положить начало борьбе с ними.

Перечисление движений в помыслах

Движение помыслов в человеке бывает от четырех причин: во-первых, от естественной плотской воли; во-вторых, от чувственного представления мирских предметов, о каких человек слышит и какие видит; в-третьих, от предзанятых понятий и от душевной склонности, какие человек имеет в уме; в-четвертых, от приражения бесов, которые воюют с нами, вовлекая во все страсти, по сказанным прежде причинам. Поэтому человек даже до смерти, пока он в жизни этой плоти, не может не иметь помыслов и брани. Ибо, рассуди сам, возможно ли, чтобы прежде исшествия человека из мира и

прежде смерти пришла в бездействие которая-либо одна из сих четырех причин? или возможно ли телу не помогать-ся необходимого и не быть вынужденным пожелать чего-либо мирского? Если же неуместно представлять себе что-либо подобное, потому что естество имеет нужду в таких вещах, то значит уже, что страсти действуют во всяком, кто носит на себе тело, хочет ли он того или не хочет. Поэтому всякому человеку, как носящему на себе тело, необходимо охранять себя не от одной какой-либо страсти, явно и непрестанно в нем действующей, и не от двух, но от многих страстей. Победившие в себе страсти добродетелями, хотя и бывают тревожимы помыслами и приражением четырех оных причин, однако же не уступают над собою победы, потому что имеют силу, и ум их восторгается к благим и Божественным памятованиям.

Вопрос. Чем разнствует чистота ума от чистоты сердца?

Ответ. Иное есть чистота ума, а иное — чистота сердца. Ибо ум есть одно

из душевных чувств, а сердце обнимает в себе и держит в своей власти внутренние чувства. Оно есть корень. Но если корень свят, то и ветви святы, то есть если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и все чувства. Если ум приложит старание к чтению Божественных Писаний или потрудится несколько в постах, в бдениях, в безмолвиях, то забудет прежнее свое житие и достигнет чистоты, как скоро удалится от скверного поведения; однако же не будет иметь постоянной чистоты, потому что скоро он очищается, но скоро и оскверняется. Сердце же достигает чистоты многими скорбями, лишениями, удалением от общения со всем, что в мире мирского, и умерщвлением себя для всего этого. Если же достигло оно чистоты, то чистота его не сквернится чем-либо малым, не боится великих, явных браней, — разумею брани страшные, — потому что приобрело себе крепкий желудок, который может скоро переварить всякую пищу, несваримую в людях немощных. Ибо врачи говорят, что всякая мясная пища неудо-

боварима, но много силы сообщает телам здоровым, когда приемлет ее крепкий желудок. Так, всякая чистота, приобретенная скоро, в короткое время и с малым трудом, скоро теряется и оскверняется. Чистота же, достигнутая многими скорбями и приобретенная продолжительным временем, не страшится какого-либо не превышающего меру приражения к которой-либо из частей души, потому что укрепляет душу Бог. Ему слава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 5

О ЧУВСТВАХ, А ВМЕСТЕ И ОБ ИСКУШЕНИЯХ

Чувства целомудренные и собранные во-едино порождают в душе мир и не попускают ей входить в испытание вещей. А когда душа не приемлет в себя ощущения вещей, тогда победа совершается без

борьбы. Если же человек вознерадит и дозволит, чтобы имели к нему доступ приражения, то принужден тогда бывает выдерживать брань. Возмущается же и первоначальная чистота, которая бывает весьма проста и ровна. Ибо по сему нерадению большая часть людей, или и целый мир, выходят из естественного и чистого состояния. Поэтому живущие в мире, в тесных связях с мирскими людьми, не могут очистить ума по той причине, что много познали порок. Немногие же в состоянии возвратиться к первоначальной чистоте ума. Потому всякому человеку надлежит с осторожностью соблюдать всегда чувства свои и ум от приражений. Ибо много потребно трезвости, неусыпности, предусмотрительности.

Великая простота бывает удобопревратна*. Человеческой природе, чтобы хранить пределы послушания Богу, потребен страх. Любовь к Богу возбуждает в

* Εὐτρεπής, согласно с древней славянской рукописью и с переводом Паисия, а не Εὐπρεπής, как в печатном греческом.

человеке любовь к деланию добродетелей, а сим увлекается в благотворение. Духовное ведение по природе своей позднее делания добродетелей. Тому же и другому предшествуют страх и любовь. И опять: любви предшествует страх. Всякий, кто не стыдясь говорит, что можно приобрести последние без делания первых*, несомненно, полагает первое основание гибели для души своей. Таков путь Господень, что последние рождаются от первых.

Любви к брату твоему не заменяй любовью к какой-либо вещи, потому что брат твой тайно приобрел внутри себя Того, Кто всего драгоценнее. Оставь малое, чтобы обрести великое. Презирай излишнее и малоценное, чтобы обрести многоценное. Будь мертв в жизни своей, чтобы жить по смерти. Предай себя на то, чтобы умирать в подвигах, а не жить в нерадении. Ибо не те только мученики, которые прияли смерть за веру во Христа, но и те, которые умирают за соблю-

* То есть ведение и делание добродетелей без любви и страха.

дение заповедей Христовых. Не будь несмыслен в прошениях своих, чтобы не оскорбить тебе Бога малостию своего ведения. Будь мудр в своих молитвах, чтобы сподобиться тебе славы. Проси досточестного у Дающего без зависти, чтобы за мудрое свое хотение приять от Него и почесть. Премудрости просил себе Соломон, и поелику у великого Царя просил премудро, то с премудростию приял и царство земное. Елисей просил в сугубой мере той благодати Духа, какую имел учитель, и прошение его не осталось неисполненным. Ибо кто у царя домогается маловажного, тот унижает его честь. Израиль просил маловажного, и постиг его гнев Божий. Оставил он то, чтобы в делах Божиих дивиться страшным чудесам Божиим, и домогался удовлетворить похотениям чрева своего. Но *еще брашну сушу во устех их, и гнев Божий взыде на ня* (Пс. 77:30—31). Приноси Богу прошения свои сообразно с Его славою, чтобы возвеличилось пред Ним достоинство твое и возрадовался Он о тебе. Если кто

попросит у царя несколько гноя*, то не только сам себя обесчестит маловажностью своей просьбы, как показавший тем великое невежество, но и царю своею просьбою нанесет оскорбление. Так поступает и тот, кто в молитвах своих у Бога просит земных благ. Ибо вот Ангелы и Архангелы, сии вельможи Царя, во время молитвы твоей устремляют на тебя внимание, с каким прощением обратишься к Владыке их; и изумляются и радуются, когда видят, что ты, земной, оставил плоть свою и просишь небесного; и, напротив того, огорчаются, смотря на того, кто оставил небесное и просит своего гноя.

Не проси у Бога того, что Сам Он без прошения дает нам по Своему промыслению, и дает не только Своим и возлюбленным, но и тем, которые чужды ведения о Нем. Ибо сказано: не будьте якоже язычницы, лишше глаголющими в молитвах своих (Мф. 6:7). Это есть телесное, и сих языцы ищут, сказал

* Гной — навоз. — Ред.

Господь. Вы же не пеццаете, что ясте, или что пиете... или во что облечетеся. ...Вестъ бо Отецъ ваш, что имеете в этом нужду (Мф. 6:25, 32). Сын у отца своего не просит уже хлеба, но домогается наибольшего и высшего в дому отца своего. Ибо по немощи только ума человеческого Господь заповедал просить ежедневного хлеба. Но смотри, что заповедано тем, которые совершенны ведением и здравы душою. Им сказано: не пекитесь о пище или одежде; потому что если Бог печется о бессловесных животных, о птицах и о тварях неодушевленных, то кольми паче попечется о вас: *Ищите же паче Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6:33).

Если просишь чего у Бога и Он медлит услышать тебя вскоре, не печалься, потому что ты не премудрее Бога. Бывает же сие с тобою или потому, что недостойн ты получить просимое, или потому, что пути сердца твоего не соответствуют, но противны прошениям твоим, или потому, что не пришел ты еще в

меру, чтобы приять дарование, которого просишь. Ибо не должно нам прежде времени касаться великих мер, чтобы дарование Божие, от скорости приятия оного, не сделалось бесполезным, потому что легко полученное скоро и утрачивается; все же, приобретенное с болезнию сердечною, и хранится с осторожностью.

Терпи жажду ради Христа, да упоит тебя Своею любовью. Смежи очи свои для житейских приятностей, да сподобит тебя Бог, чтобы мир Его царствовал в сердце твоём. Воздерживайся от того, что видят очи твои, да сподобишься духовной радости. Если неудобны будут Богу дела твои, не домогайся у Него прославления, чтобы не уподобиться человеку, искушающему Бога. Сообразна с житием твоим должна быть и молитва твоя. Ибо тому, кто привязан к земному, невозможно домогаться небесного, и тому, кто занят мирским, нет возможности просить божественного, потому что пожелание каждого человека показывается делами его: в чем показывает он свое рачение, о том подвизается в молитве. Кто

желает великого, тот не бывает занят маловажным.

Будь свободен, хотя и связан ты телом, и ради Христа докажи свободу своего послушания. Будь и благорассудителен в простоте твоей, чтобы не быть тебе скраденным. Возлюби смирение во всех делах своих, чтобы избавиться от неприметных сетей, какие всегда находятся вне пути смиренномудренных. Не отказывайся от скорбей, потому что ими входишь в познание истины, и не устрашайся искушений, потому что чрез них обретаешь досточестное. Молись, чтобы не впадать в искушения душевные, а к искушениям телесным приуговляйся со всею крепостию своею. Ибо вне их не можешь приблизиться к Богу, потому что среди них уготован божественный покой. Кто бежит от искушений, тот бежит от добродетели. Разумею же искушение не пожеланий, но скорбей.

Вопрос. Как согласуется между собою сказанное: ...*молитесь, да не внидите в напасть* (Мф. 26:41), а в другом месте: *Подвизайтесь внити сквозе*

тесная врата (Лк.13:24); и еще: ...не убойтесь от убивающих тело (Мф. 10:28); и: ...иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю (Мф. 10:39)? Почему Господь везде побуждает нас к перенесению искушений, а здесь повелел: молитесь, да не внидите в напасть? Ибо какая добродетель бывает без скорби и искушений? Или какое искушение больше сего — погубить человеку себя самого? Однако же Господь повелел подвергаться сему искушению ради Его. Ибо говорит: ...иже не примет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин (Мф. 10:38). Почему же во всем Своем учении повелевая подвергаться искушениям, здесь заповедал молиться о том, чтобы не внити? Ибо сказано: ...многими скорбьми подобает вам внити в Царствие Небесное (Деян. 14:22); и: ...в мире скорбни будете (Ин. 16:33); и: В терпении сие стяжите души ваша (Лк. 21:19).

О, какой тонкости ума требует путь учений Твоих, Господи! Всегда будет вне Его тот, кто не читает смысленно и с

ведением. Когда сыны Зеведеевы и мать их пожелали сидения с Тобою в Царствии, сказал Ты им следующее: ...можете ли пити чашу, юже Аз имам пити, или крещением, имже Аз крещаюся, креститися (Мф. 20:22)? Почему же здесь повелеваешь нам, Владыка, молиться о том, чтобы не *внити в напасть*? О каких искушениях повелеваешь нам молиться, чтобы не *внити* в них?

Ответ. Сказано: молись, чтобы не *внити* в искушения касательно веры. Молись, чтобы вместе с демоном хулы и гордыни не *внити* в искушения самомнением ума твоего. Молись, чтобы, по Божью попущению, не *внити* тебе в явное диавольское искушение, по причине худых мыслей, какие помыслил ты умом своим и за которые попускается на тебя искушение. Молись, чтобы не отступил от тебя Ангел целомудрия твоего, чтобы грех не воздвиг на тебя пламенеющей брани и не разлучил тебя с ним. Молись, чтобы не *внити* в искушение — раздражать одного против другого или в искушение двоедушия и сомнения, кото-

рыми душа вводится в великое борение. А искушения телесные приуготовляйся принимать от всей души, и преплывай их всеми своими членами, и очи свои наполняй слезами, чтобы не отступил от тебя Хранитель твой. Ибо вне искушений не усматривается Промысл Божий, невозможно приобрести дерзновения пред Богом, невозможно научиться премудрости Духа, нет также возможности, чтобы Божественная любовь утвердилась в душе твоей. Прежде искушений человек молится Богу как чужой кто. Когда же входит в искушения по любви к Богу и не допускает в себя изменения, тогда вменяется у Бога как бы имеющий Его должником своим и как искренний друг, потому что, во исполнение воли Божией, вел брань с врагом Божиим и победил его. Вот что значит сказанное: *молитесь, да не внидите в напасть*. И еще: молись, чтобы в страшное диавольское искушение *не внити* тебе за кичливость твою; но за любовь твою к Богу да содействует тебе сила Божия, и тобою победит врагов своих. Молись, чтобы в искушения

сии не внити тебе за порочность помыслов и дел твоих; но да искусится любовь твоя к Богу, и прославится сила Его в терпении твоём. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 6

О милосердии Владыки,
по которомъ с высоты величия Своего
снизошел к немощи человеческой,
и об искушенных

И еще Господь наш, промышляя сообразно со Своею милостию и по мере благодати Своей, если вникнешь смысленно, повелел молиться и о телесных искушениях. Ибо, зная, что естество наше, по причине перстного и бренного тела, немощно и, когда бывает в искушениях, не в состоянии противостать им, и потому отпадает от истины, обращает хребет и одолевается скорбями, повелел

молиться, чтобы не впадать нам в искушения внезапно, если и без них возможно благоугодить Богу. А если человек, стремясь к высокой добродетели, внезапно впадет в страшные искушения и не выдержит, то не может он в это время дойти до совершенства в добродетели.

Не надлежит нам иметь лицепрятия ни к себе самим, ни к другим, из страха оставлять дело благородное и честное, в котором сокрыта жизнь души, и выставлять предлоги и учения, потворствующие слабости, например, сие: ...молитесь, да не ввидете в напасть (Мф. 26:41). Ибо о таковых сказано, что они ради заповеди грешат втайне. Посему если приключится человеку, и постигнет его искушение, и понуждаем он будет нарушить одну из сих Моих заповедей, то есть оставить целомудрие или иноческое житие, или отречься от веры, или не подвизаться за Христа, или оставить без исполнения одну из заповедей, то, ежели он убоится и не противостанет искушениям мужественно, — отпадет от истины.

Отныне уже всеми силами будем пренебрегать телом, предадим душу Богу и о имени Господнем вступим в борьбу с искушениями. И Кто спас Иосифа в земле Египетской, показал в нем подобие и образец целомудрия, Кто сохранил невредимыми Даниила во рве львином и трех юношей в печи огненной, Кто избавил Иеремию из рва тинного и даровал ему милость в стане халдейском, Кто Петра извел из узилища при затворенных дверях и Павла спас от сонмища иудейского, — короче сказать, Кто всегда на всяком месте, во всякой стране соприсущ рабам Своим и являет в них силу и победу Свою, соблюдает их во многих необычайных обстоятельствах, показывает им спасение Свое во всех скорбях их, Тот и нас да укрепит и да спасет среди окружающих нас волн! Аминь.

Да будет в душах наших столько же ревности против диавола и его приставников, сколько имели Маккавеи, и святые пророки, и апостолы, и мученики, и преподобные, и праведные, которые ус-

становили Божественные законы и духовные заповеди в странах страшных, при искушениях самых трудных, и мир и тело повергли позади себя, и устояли в правде своей, не уступив над собою победы опасностям, которые вместе с их душами окружали и тела, но победив их мужественно. Имена их написаны в Книге жизни даже до пришествия Христова, и учение их, по Божию повелению, соблюдается для нашего наставления и укрепления, как свидетельствует Апостол (Рим. 15:4), чтобы мы стали мудрыми и познали пути Божии, и имели у себя пред очами сказания о них и жития их, как одушевленные и живые образы, их брали себе за образец, шествовали их путем и им уподоблялись. О, как сладостны Божественные слова душе благосмысленной! Они то же для души, что для тела пища, поддерживающая его. Сказания же о праведных так же вождественны слуху кротких, как и постоянное орошение недавно насажденному растению.

Итак, возлюбленный, как доброе некое врачество для слабых глаз, содержи

в уме Промысл Божий, которым охраняется все от начала и доныне; памятование о сем храни в себе на всякий час, о сем размышляй и заботься, из сего извлекай для себя наставления, чтобы навыкнуть тебе хранить в душе своей памятование о величии чести Божией и обрести душе своей вечную жизнь во Христе Иисусе Господе нашем, Который, как Бог и Человек, соделался Ходатаем Бога и человеков. К славе, окружающей Престол чести Его, не могут приближаться чины ангельские; но ради нас явился Он в уничиженном и смиренном образе, как говорит Исаия: *...видехом Его, и не имавше вида, ни доброты* (Ис. 53:2). Тот, Кто по естеству невидим всей твари, облекся в тело и совершил Домостроительство для спасения и жизни всех народов, в Нем обретших очищение. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 7

О грехах произвольных, непроизвольных
и совершаемых по какому-нибудь случаю

Есть грех, совершаемый по немощи, в который человек увлекается непроизвольно, и есть грех, совершаемый произвольно и по неведению. Бывает также, что иной сделает грех по какому-нибудь случаю и еще по долгому пребыванию и закоснению во зле. Вот все роды и виды грехов, и хотя все они достойны порицания, однако же по сравнении положенных за грехи наказаний оказывается, что один больше другого. На иного падает наибольшее осуждение и с трудом приемлется от него покаяние, а грех иного близок к прощению. И как Адам, Ева и змий, хотя все прияли от Бога воздаяние за грех, однако же весьма в различной мере подверглись проклятию, так бывает и с сынами их: каждому тяжесть наказания соразмеряется с намерением его и пристрастием ко греху. Если кто, не имея желанья служить греху, по нерадению о

добродетели увлекается в грех, потому что не упражнялся в добродетели, то тяжко таковому пребывать во грехе, да и наказание его тяжело. А если случится, что иной, радеющий о добродетели, искушен будет каким-либо прегрешением, то, без сомнения, близка к нему милость, чтобы загладить его грех.

Инаков есть грех, совершаемый, когда человек оказывается радеющим о добродетели и постоянным в делании, так что и ночью не спит, заботясь, чтобы не потерпеть ущерба в том, о чем у него попечение, и днем всюду носит с собою бремя свое, и вся забота его о добродетели, но при сих и подобных сим попечениях или по неведению какому, или от каких-либо препятствий на пути его, то есть на пути добродетели, и от волн, во всякое время воздымающихся в членах его, или вследствие уклонения, какое может быть в нем для испытания его свободы, весовая чаша у него склоняется несколько влево, и телесною немощию увлекается он в один из видов греха; и при этом скорбит, тужит, болезненно возды-

хает он о душе своей по причине бедствия, приключившегося ему от сопротивных.

Инаков же грех, когда человек оказывается слабым и нерадивым в делании добродетели, совершенно оставил путь ее, рабски стремится в послушание всякому греховному наслаждению, оказывает рвение изыскивать средства к полнейшему наслаждению, подобно какому-нибудь рабу, готов со тщанием выполнить волю врага своего и члены свои уготовить в оружие диаволу со всяким ему послушанием, нимало не намерен подумать о покаянии, приблизиться к добродетели, пресечь зло и положить конец пагубному пути своему.

Инаков грех от поползновений и падений, какие могут приключиться на пути добродетели и на стезе правды. Ибо, по словам отцов, на пути добродетели и на стезе правды встречаются падения, препятствия, принуждения и тому подобное.

Иное же дело — падение души, всецелая ее гибель, совершенное оставление. Кто явно принадлежит к числу тако-

вых, тот, когда падет, да не забывает любви Отца своего; но если приключится ему впасть и в многоразличные прегрешения, да не перестает радеть о добре; да не останавливается в своем течении, но и побеждаемый снова да восстает на борьбу со своими сопротивниками и ежедневно да начинает полагать основание разрушенному зданию, до самого исхода своего из мира сего имея в устах пророческое слово: *Не радуйся о мне, противник мой, яко падох; ибо снова встану... еще сяду во тме, Господь озарит мя* (Мих. 7:8); и нимало да не прекращает брани до самой смерти, и пока есть в нем дыхание, да не предает души своей на одоление, даже и во время самого поражения. Но если и каждый день разбивается ладия его и терпит крушение весь груз, да не перестает заботиться, запасаться, даже брать взаймы, переходить на другие корабли и плыть с упованием, пока Господь, призрев на подвиг его и умилосердившись над сокрушением его, не ниспошлет ему милость Свою и не даст ему сильных

побуждений встретить и вытерпеть раз-
жженные стрелы врага. Такова премуд-
рость, подаваемая от Бога; таков мудрый
больной, не теряющий надежды своей.
Лучше быть нам осужденными за неко-
торые дела, а не за оставление всего.
Посему-то авва Мартиниан увещевает
не изнемогать от множества подвигов, от
многообразных и частых браней на пути
правды, не возвращаться вспять и не
уступать врагу победы над собою каким-
либо постыдным для нас образом. Ибо
как некий чадолюбивый отец, в чинном и
стройном порядке, говорит следующее:
«Если вы, чада, действительно подвиж-
ники, стремящиеся к добродетели, и есть
в вас душевное рачение, то возжелайте
ум ваш представить Христу чистым и
делать дела, Ему благоугодные. Ибо не-
пременно должно вам выдержать за сие
всякую брань, воздвигаемую естествен-
ными страстями, противлением мира сего,
постоянною и непрекращающеюся зло-
бою демонов, с какою обыкновенно на-
падают на вас, и со всеми их злоухище-
ниями. Не бойтесь, что жестокость бра-

ни непрерывна и продолжительна; не приходите в колебание от долговременности борьбы; не ослабевайте и не трепещите от вражеских ополчений; не впадайте в бездну безнадежности, если, может быть, и приключится вам на время поползнуться и согрешить. Но если и потерпите что-нибудь в сей великой брани, будете поражены в лицо и уязвлены, сие нимало да не воспрепятствует вам стремиться к доброй вашей цели. Паче же пребывайте в избранном вами делании и достигайте сего вожделенного и похвального конца, то есть чтобы оказаться в брани твердыми, непобежденными, обогренными кровию язв своих, и никаким образом не прекращайте борьбы со своими противниками».

Таковы поучения великого старца. Не надобно вам ослабевать или изнемогать, по сказанному. Горе же тому монаху, который лжет обету своему и, попирая совесть свою, подает руку диаволу, чтобы тот похвалился вовлечением его в какой-либо род малых или великих грехов, и который не может снова стать

пред лицом врагов своих сокрушенною частию души своей. С каким лицом предстанет он Судии, когда, достигнув чистоты, друзья его сретят друг друга, — те самые, с которыми разлучившись в пути своем, пошел он стезею погибели, утратил и то дерзновение, какое имеют пред Богом преподобные, и ту молитву, которая исходит из чистого сердца, возносится горе превыше Ангельских сил и ничем не возбраняется, пока не получит просимого в ней и с радостью не возвратится в воссылавшие ее уста? И страшнее всего то, что как здесь он разлучился с ними в пути своем, так и его разлучит с ними Христос в тот день, когда светлый облак понесет на хребте своем тела, сияющие чистотою, и поставит во вратах небесных. Ибо по тому самому, что здесь уже осуждены дела их, *не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных, в воскресение Суда* (Пс. 1:5).



СЛОВО 8

О хранении и блюдении себя от людей
расслабленных и нерадивых; о том, что от
сближения с ними воцаряется в человеке
нерадение и расслабление, и он исполняется
всякой нечистой страсти; и о хранении себя
от близости с юными, чтобы ум не осквернился
непотребными помыслами

Кто возбраняет устам своим пересуж-
дать, тот хранит сердце свое от страстей.
А кто хранит сердце свое от страстей,
тот ежечасно зрит Господа. У кого по-
мышление всегда о Боге, тот прогоняет
от себя демонов и искореняет семя их
злобы. Кто ежечасно назирает за своею
душою, у того сердце возвеселяется от-
кровениями. Кто зрение ума своего со-
средоточивает внутри себя самого, тот
зрит в себе духовную зарю. Кто возгну-
шался всяким парением ума, тот зрит
Владыку своего внутри сердца своего.
Если любишь чистоту, при которой мо-
жет быть зрим Владыка всяческих, то
никого не осуждай и не слушай того, кто

осуждает брата своего. Если другие пре-
пираются при тебе, замкни уши свои и
беги оттуда, чтобы не услышать тебе
выражений гневных и не умерла душа
твоя, лишившись жизни. Сердце раздра-
женное не вмещает в себе тайн Божиих,
а кроткий и смиренномудрый есть источ-
ник тайн нового века.

Вот если будешь чист, то внутри тебя
небо, и в себе самом узришь Ангелов и
свет их, а с ними и в них и Владыку
Ангелов. Кого хвалят справедливо, тот
не терпит вреда. Но если усладительна
для него похвала, то безмездный он дела-
тель. Сокровище смиренномудрого внут-
ри его, и это — Господь. Наблюдающий
за языком своим вовек не будет им окра-
ден. Уста молчаливые истолковывают
тайны Божии, а скорый на слова удаля-
ется от Создателя своего. Душа доброго
сияет паче солнца и ежечасно вознесе-
ляется видением Божественных откро-
вений. Кто последует любящему Бога,
тот обогатится тайнами Божиими, а кто
последует неправедному и горделивому,
тот удалится от Бога и возненавиден

будет друзьями своими. Молчаливый языком во всей наружности своей приобретает смиренномудрую чинность, и он без труда возобладает над страстями. Страсти искореняются и обращаются в бегство непрерывным погружением мысли в Боге. Это — меч, умерщвляющий их. Как при безмолвной тишине чувственного моря носится и плавает дельфин, так и при безмолвии и утишении раздражительности и гнева в море сердечном, во всякое время, к веселию сердца, носятся в нем тайны и Божественные откровения.

Кто желает видеть Господа внутри себя, тот прилагает усилие очищать сердце свое непрерывным памятованием о Боге; и таким образом, при светлости очей ума своего, ежечасно будет он зреть Господа. Что бывает с рыбою, вышедшею из воды, то бывает и с умом, который выступил из памятования о Боге и парит в памятовании о мире. Сколько человек удаляется от собеседования с людьми, столько же удостоивается дерзновенного умом своим беседования с Бо-

гом, и в какой мере отсекает от себя утешение мира сего, в такой удостоивается радости Божией о Духе Святом. И как гибнут рыбы от недостатка воды, так умные движения, возникающие при помощи Божией, исчезают в сердце монаха, который часто обращается и проводит время с людьми мирскими.

Мирянин, бедствующий и злостраждущий в делах мирских и житейских, лучше злостраждущего и с мирянами проводящего время монаха. Кто с пламенной ревностью днем и ночью ищет Бога в сердце своем и искореняет в нем приращения, бывающие от врага, тот страшен демонам и вожделенен Богу и Ангелам Его. У чистого душою мысленная область внутри его; сияющее в нем солнце — свет Святыя Троицы; воздух, которым дышат обитатели области сея, — Утешительный и Всесильный Дух; совосседающие с ним — святые и бесплотные природы; а жизнь, и радость, и веселие их — Христос, Свет от Света — Отца. Таковый и видением души своей ежечасно увеселяется, и дивится красоте своей,

которая действительно во сто крат блистательнее светлости солнечной. Это — Иерусалим и Царство Божие, внутри нас сокровенное, по Господнему слову (Лк. 17:21). Область сия есть облако Божией славы, в которое только чистые сердцем внидут узреть лице своего Владыки и озарить умы свои лучами Владычного света.

А кто раздражителен, кто гневлив, кто славолубив, кто любостяжателен, кто чревоугодник, кто обращается с мирянами, кто хочет, чтобы исполняема была собственная его воля, кто вспыльчив и исполнен страстей, — все таковые пребывают в таком же смятении, как сражающиеся ночью, и осязают тьму, находясь вне области жизни и света. Ибо область сия составляет удел добрых, смиренно-мудрых, соделавших сердца свои чистыми. Человек не может узреть красоты, которая внутри его, пока не возгнушается всякою красотой вне его и не обесчестит ее. Он не может возвести взора прямо к Богу, пока не отречется совершенно от мира. Кто уничижает и умаляет

самого себя, того упремудрит Господь. А кто сам себя почитает премудрым, тот отпадает от Божией премудрости. В какой мере язык воздерживается от многоглаголания, в такой озаряется ум к различению помышлений; а многоглаголанием приводится в замешательство и самый рассудительный ум.

Кто обнищает в мирском, тот обогатится в Боге, а друг богатых обнищает Богом. Кто целомудрен, смиренномудр, гнушается вольностию в словах и изгнал из сердца раздражительность, тот (уверен я в этом), как скоро станет на молитву, видит в душе своей свет Святого Духа, и радуется в блистаниях озарения светом Его, и веселится видением славы сего озарения и изменением оно до уподобления с ним самим. Нет иного делания, которое бы могло низлагать так полки нечистых демонов, как видение в Боге.

Некто из отцов повествовал мне следующее: «В один день сидел я, и ум мой пленен был видением. А когда пришел я в себя, крепко воздохнул. Стоявший же против меня бес, как скоро услышал сие,

убоялся и, как бы пожираемый какою молниею, возопив от нужды и как бы гонимый кем, предался бегству».

Блажен, кто памятует о своем отшествии из этой жизни и воздерживается от привязанности к наслаждениям мира сего, потому что многократно усугубленное убажнение примет во время отшествия своего, и не оскудеет для него убажнение сие. Он есть рожденный от Бога, и Святой Дух Кормитель его; из лона Духа сосет он живоносную пищу и к веселию своему обоняет воню* Его. А кто привязан к мирским, к миру и к упокоению его, кто любит беседование с миром, тот лишается жизни, и мне нечего сказать о нем; остается только с воплем плакать неутешным плачем, который сокрушит сердца слышащих оный.

Пребывающие во тьме, воздвигните главы свои, да озарятся светом лица ваши. Изыдите из-под власти мирских страстей, да изыдет в сретение вам сущий от Отца Свет и служителям таин Своих да

* Воня — благоухание. — Ред.

повелит разрешить узы ваши, чтобы по следам Его шествовать вам ко Отцу. Увы! чем мы связаны, и что нам препятствует видеть славу Его? О, если бы расторглись узы наши и нам, взыскав, обрести Бога нашего! Если хочешь знать человеческие тайны и не достиг еще до того, чтобы узнавать по духу, познаешь по речам, образу жизни и распоряжениям каждого, если только ты мудрец. Кто чист в душе и непорочен в образе жизни, тот всегда с целомудрием произносит словеса Духа и сообразно с мерою своего разума рассуждает и о Божественном, и о том, что в нем самом. А у кого сердце сокрушено страстями, у того ими же и язык приводится в движение. Если станет он говорить и о духовном, то будет рассуждать под влиянием страсти, чтобы в неправде одержать победу. Мудрый замечает такого человека при первой встрече, и чистый обоняет его зловоние.

Кто душою и телом предан всегда суесловию и парениям ума, тот блудник; кто соглашается и разделяет с ним занятия, тот прелюбодей; и кто сообщается

с ним, тот идолослужитель. Дружба с юными есть блуд, которым гнушается Бог. К умягчению такого человека нет пластыря. А кто всех равно любит по состраданию и безразлично, тот достиг совершенства. Юный, следуя за юным, заставляет рассудительных плакать и рыдать о них; старец же, следуя за юным, приобретает страсть, которая смраднее страсти юных. Хотя бы и о добродетелях рассуждал он с юными, но сердце его уязвлено. Юный, если он смиренномудр и безмолвник, если чист сердцем от ревности и раздражительности, удаляется от всякого человека и внимателен к себе, то скоро уразумеваает страсти нерадивого старца. А если старец не одинаково расположен к старцу и к юному, то всеми силами старайся с таковым не иметь общения, но паче удаляйся от него.

Горе нерадивым, которые притворяются и под наружностью чистоты питают собственные свои страсти. Кто достиг седин в чистоте помыслов, в добром житии и в воздержании языка, тот здесь еще наслаждается сладостию плода веде-

ния, а при отшествии своем от тела приемлет Божию славу. Ничто не охлаждает так огня, вдыхаемого в сердце инока Святым Духом к освящению души, как обращение с людьми, многоглаголанье и всякая беседа, кроме беседы с чадами таин Божиих, способствующей к приращению ведения Божия и к сближению с Богом. Ибо таковая беседа сильнее всех добродетелей пробуждает душу к <духовной> жизни, искореняет страсти и усыпляет скверные помыслы. Не приобретай себе друзей и сотаинников, кроме таковых*, чтобы не положить преткновения душе своей и не уклониться тебе от пути Господня. Да возвеличится в сердце твоём любовь, соединяющая и сопрягающая тебя с Богом, чтобы не пленила тебя любовь мирская, которой причина и конец — тление. Пребывание и обращение с подвижниками тех и других обогащает тайнами Божиими. А любовь к нерадивым и ленивым делает, что, предавшись друг с другом парению ума,

* То есть тех, которые суть чада таин Божиих.

наполняют чрево до пресыщения и без меры. Таковому неприятными кажутся яства без друга его, и говорит он: «Горе вкушающему хлеб свой в одиночестве, потому что несладок ему будет». И они приглашают друг друга на пиры и платят сим один другому, как наемники. Прочь от нас с этою проклятою любовью, с этим неприличным и нечестивым препровождением времени! Бегай, брат, приобывших к подобным делам и никак не соглашайся есть вместе с ними, хотя бы приключилась тебе и нужда; потому что трапеза их проклята, при ней прислуживают бесы; друзья Жениха-Христа не вкушают ее.

Кто часто строит пиры, тот работник блудного демона и оскверняет душу смиренномудрого. Дешевый хлеб с трапезы непорочного очищает душу ядущего от всякой страсти. Воня от трапезы чревоугодника — обилие яств и печений. Безумный и несмысленный привлекается к ней, как пес к мясной лавке. Трапеза пребывающего всегда в молитве сладостнее всякого благоухания от мускуса и

благовония от мира^{*}; боголюбивый вожделевает оной, как бесценного сокровища.

С трапезы постящихся, пребывающих во бдении и трудящихся о Господе, заимствуй себе врачевство жизни и возбуди от омертвления душу свою. Ибо среди них, освящая их, возлежит Возлюбленный и горечь злострадания их превращает в неисповедимую Свою сладость; духовные же и небесные служители Его осеняют их и святые их яства. И я знаю одного из братии, который ясно видел это собственными своими глазами.

Блажен, кто заградил себе уста от всякого сластолюбия, отлучающего его от Создателя. Блажен, кому пищею Хлеб, сшедший с неба и даровавший жизнь миру. Блажен, кто на поле своем узрел Орошение жизни, по милосердию исходящее из недр Отчих, и к Нему возвел око. Ибо когда испиет оно, возвеселится и процветет сердце его и будет в веселии и радости. Кто в пище своей

^{*} *Миро* — благовонное масло, освященное для совершения таинства Миропомазания. — *Ред.*

узрел Господа своего, тот укрывается от всех и один причащается Его, не вступая в общение с недостойными, чтобы не стать их сопричастником и не остаться без озарения лучом Господним. А у кого в пищу примешан смертоносный яд, тот не может вкушать ее с приятностию без друзей своих. Тот — волк, пожирающий мертвечину, кто вступает в дружбу ради собственного своего чрева. Какая ненасытность у тебя, несмысленный, — хочешь наполнить чрево свое за трапезою нерадивых, где душа твоя исполняется всякой страсти! Сих предостережений достаточно для тех, которые могут обуздывать чрево.

Весьма сладостна воня постника, и встреча с ним веселит сердца рассудительных, а на чревоугодника от обращения с ним нападает страх, и он употребляет все меры не есть с постником.

Любезен Богу образ жизни воздержного, тогда как соседство его весьма тяжело для любостяжательного. Молчаливый много восхваляется у Христа, но не будет приятно приближение его тем,

которых бесы уловили пристрастием к забавам и парению ума. Кто не любит смиренномудрого и кроткого, кроме горделивых и злоречивых, которые чужды его делания?

Некто рассказывал мне из собственного своего опыта: «В которые дни имею я беседу с кем-нибудь, в те съедаю по три или по четыре сухаря на день; и если стану принуждать себя к молитве, то ум мой не имеет дерзновения к Богу и не могу устремить к Нему мысли. Когда же разлучусь с собеседниками на безмолвие, в первый день принуждаю себя съесть полтора сухаря, во второй — один, а как скоро утвердится ум мой в безмолвии, усиливаюсь съесть один целый сухарь — и не могу; ум же мой непрестанно с дерзновением беседует с Богом, хотя и не понуждаю его к тому, и светозарность Божества, не оскудевая, осиявает меня и влечет меня видеть красоту Божественного света и увеселяться ею. Если же во время безмолвия приключится кому прийти и говорить со мною хотя один час, невозможно мне тогда не прибавить пищи,

не оставить чего из правила, не расслабить умом к созерцанию одного света». Вот видите, братия мои, как прекрасны и полезны терпение и уединение, какую силу и какое удобство доставляют подвижникам. Блажен, кто ради Бога пребывает в безмолвии и один ест хлеб свой, потому что всегда он беседует с Богом. Ему слава и держава ныне, и всегда, и во веки! Аминь.



СЛОВО 9

О чине и уставе новоначальных
и о том, что прилично им

Вот целомудренный и Богу любезный чин — не обращать очей туда и сюда, но простирать всегда взор вперед; не празднословить, но говорить только необходимо нужное; довольствоваться убогими одеждами для удовлетворения телесной потребности, пользоваться яствами, под-

держивающими тело, а не для чревоугодия; вкушать всего понемногу, не презирать одного, а другое избирать и этим одним охотно наполнять чрево, прочее же отметать*. Выше всякой добродетели рассудительность. Вина же, когда нет с тобою друзей, или не имеешь болезни, или упадка сил, не вкушай. Не прерывай речи, когда говорит другой; и не отвечай, как невежда, но будь тверд, как мудрец. И где бы ни находился ты, почитай себя меньшим всех и служителем братии своих. Ни перед кем не обнажай ни одного члена своего; не приближайся ни к чьему телу без необходимой причины. Не позволяй, чтобы и к твоему телу приближался кто без важной, как сказано, причины. Уклоняйся от вольности в речах, как от смерти. И сну своему приобрести целомудренный чин, да не удалится от тебя охраняющая тебя сила. Где ты ни спишь, пусть никто, если только можно, не видит тебя. Ни пред кем не извергай слюны. Если, когда сидишь за

* Слова: прочее же отметать дополнены из древнего славянского перевода.

трапезой, найдет на тебя кашель, отвори лицо свое назад и так кашляй. Ешь и пей с целомудрием, как прилично чадам Божиим.

Не протягивай руки своей, чтобы с бесстыдством взять что-либо из предложенного друзьям твоим. А если сидит с тобою странник, раз и два пригласи его вкусить, и предлагай на трапезу благочинно, а не в беспорядке. Сиди чинно и скромно, не обнажая ни одного из членов своих. Когда зевнешь, закрой уста свои, чтобы не видели другие, ибо если удержишь дыхание свое, зевота пройдет. Если вступишь в келию настоятеля, или друга, или ученика, храни очи свои, чтобы не видеть, что там есть. Если же понуждает к тому помысл, будь внимателен к себе, не слушайся его и не делай этого. Ибо кто бесстыден в этом, тот чужд иноческого образа и самого Христа, даровавшего нам сей образ. Не обращай внимания на те места, в которых спрятана утварь в келии друга твоего. Тихо отворяй и затворяй дверь у себя и у товарища своего. Ни к кому не входи внезапно, но,

постучась отвне и испросив дозволения, потом уже войди благоговейно.

Не будь тороплив в походке своей без необходимой потребности, заставляющей поспешить. Всем будь послушен во всяком добром деле, только не следуй за любостязательными, или сребролюбцами, или миролюбцами, чтобы не сделалось дьявольское дело. Беседуй со всяким кротко, смотри на всякого целомудренно, ничьим лицом не насыщай очей своих. Идя дорогою, не опережай старших тебя. А если товарищ твой отстал, отойдя немного вперед, подожди его. Кто не так поступает, тот несмыслен и уподобляется свинье, которой нет закона. Если товарищ твой начнет речь с кем-либо встретившимся, подожди его и не торопи. Здоровый больному пусть заранее скажет: сделаем, что потребно.

Никого не обличай в каком бы то ни было проступке, но себя почитай во всем ответственным и виновным в прегрешении. Всякое низкое дело делать со смиренномудрием не отказывайся и не уклоняйся. Если вынужден засмеяться,

не выставляй наружу зубов своих. Если принужден говорить с женщинами, отведи лицо от зренья их и так беседуй с ними. А от монахинь, от встречи и разговоров с ними и от лицезренья их удаляйся, как от огня и как от сети дьявольской, чтобы в сердце своем не остудить тебе любви к Богу и не осквернить сердца своего тиною страстей. Если они и сестры тебе по плоти, блюдись от них, как от чужих. Остерегайся сближения со своими, чтобы сердце твое не охладело в любви Божией. Вольных речей и встреч с юными убегай, как дружбы с дьяволом. Одного имей собеседника и сотаинника — того, кто боится Бога и всегда внимателен к себе самому, беден в храмине своей, но богат тайнами Божиими. Утаивай от всякого свои тайны, деяния и брани. Ни перед кем, кроме крайней нужды, не сиди с открытою головою*. С целомудрием приступай к исполнению необходимой нужды, как благоговеющий к хранящему тебя Ан-

* Точнее: без накидки (ἀνευ ἐπιρριπίου).

гелу, и совершай дело со страхом Божиим, и принуждай себя до самой смерти, хотя бы и неприятно было это сердцу твоему.

Лучше тебе принять смертоносный яд, нежели есть вместе с женщиною, хотя это будет мать или сестра твоя. Лучше тебе жить вместе со змием, нежели спать и лежать под одним покровом вместе с юным, хотя будет это брат твой по плоти. Если идешь дорогой и скажет кто из старших тебя: «Иди, будем петь», послушайся его. А если не скажет сего, языком молчи, сердцем же славословь Бога. Никому ни в чем не противься, ни с кем не препирайся, не лги, не клянись именем Господа Бога твоего. Будучи пренебрегаем, сам не пренебрегай. Будешь обижаем, сам не обижай. Пусть лучше гибнет телесное вместе с телом, только бы не потерпело вреда что-либо душевное. Ни с кем не входи в суд, а осужденный, когда не должен ты быть судим, — терпи. Не возлюби душою своею чего-либо мирского, но покорствуй правителям и начальникам и удерживайся от

близких сношений с ними, потому что это — сеть, уловляющая нерадивых в погибель.

Тебе, чревоугодник, старающийся услужить чреву своему, лучше уголь огненный ввергнуть в утробу свою, нежели печения правителей и начальников. На всех изливай милость и во всем будь скромн. Соблюдай себя от многоглаголания. Ибо оно угашает в сердце мысленные движения, бывающие от Бога. Как мечущегося на всех льва, бегай охоты учить. Не сходишь для этого ни с питомцами Церкви, ни с чужими. Не проходи и стогнами гневливых и сварливых, чтобы сердце твое не исполнилось раздражительности и душою твоею не возобладала тьма прелести. Не живи вместе с горделивым, да не будет действенность Святого Духа отъята от души твоей и да не соделается она жилищем всякой лукавой страсти. Если соблюдешь ты, человек, сии предосторожности и будешь всегда заниматься богомыслием, то душа твоя действительно узрит в себе свет Христов и не омрачится

во веки. Христу слава и держава во веки!
Аминь.



СЛОВО 10

Сказание святых мужей,
их преподобные изречения и чудное житие

В один день ушел я в келию к одному святому брату и по болезни своей прилег у него на одном месте, чтобы походил он за мною ради Бога, потому что знакомых у меня там не было. И видел я, как этот брат встает ночью прежде времени, имеет обычай приходить на правило до братии. Довольно времени он стихословил, и вдруг на все то время, пока продолжалось это с ним, оставлял правило, падал на лице свое и до ста или более раз с горячностью, какую возжигала в сердце его благодать, ударял головою в землю. После сего вставал, лобызал крест Владычный, снова делал поклон, и лобызал

тот же крест, и опять повергался на лице свое. И такой обычай соблюдал он всю жизнь, так что невозможно изобразить мне числом множества его коленопреклонений. Да и кто был бы в состоянии исчислить поклоны этого брата, какие клал он каждую ночь? Раз двадцать со страхом и горячностью, с любовью, растворенною благоговением, лобызал он крест и опять начинал стихословие, а иной раз от великого возгорения помыслов, распалявших его горячностью своею, когда не в силах был выносить разжжения одного пламени, препобеждаемый радостью, потому что не мог удержаться, восклицал. Поэтому много дивился я благодати сего брата, и подвигу, и трезвенности его в деле Божиим. Поутру же, после первого часа, когда садился он за чтение, делался подобен человеку пленному, и в продолжение каждой читаемой им главы не раз падал на лице свое, и на многих стихах воздевал руки свои к небу, и славословил Бога. От рода же был ему сороковой год. Употреблял он и пищу в весьма малом количестве и со-

вершенно сухую. И поелику сверх меры и силы делал частые принуждения телу своему, то казался подобным тени, почему жалость возбуждало во мне изнеможение лица его, так исхудавшего от многого неядения, что в нем не было и двух перстов. И нередко говаривал я ему: «Пожалей и себя, брат, в подвиге своем, и этого доброго жития, какое приобрел ты; не спутай и не порви этого, подобного духовной цепи, упражнения твоего и из желания прибавить несколько труда не умаль и не останови совершенно течения пути своего. Ешь в меру, чтобы не лишиться возможности есть^{*}; не простирай ноги своей сверх силы, чтоб не сделаться вовсе неспособным к делу». Был же он милостив, весьма скромн и милость оказывал с благодушием. Чистый по врожденным качествам, покорный увещанию, мудрый по Богу, всеми любим был за чистоту свою и за благодушие. С братиею же, когда имели в нем нужду,

^{*} В греческом: ινα μη πάντοτε φάγῃς; но в сербском и древнем славянском переводах — *да всегда яси*, без отрицания.

нередко работал дня по три и по четыре; потом на все время, от вечера до вечера, уходил в свою келию, потому что искусен был и во всяком служении. Когда же приобретал что, хотя имел в том нужду, из великого уважения своего к большим и малым не мог сказать, что не имеет того. Всего же чаще, когда работал с братиею, делал это как бы стыдясь и принуждал себя, не находя для себя удовольствия в том, чтобы выходить из келии. Таково было житие и обращение одного подлинно дивного брата. Богу же нашему да будет слава во веки! Аминь.



ГЛАВО 11

О древнем старце

В другой еще раз пошел я к одному древнему, прекрасному и добродетельному старцу. Он весьма любил меня и был хотя невежда в слове, но просвещен ве-

дением и глубок сердцем, и говорил, что внушала ему благодать; не часто выходил он из своей келии, разве только к святым службам; был же внимателен к себе и жил в безмолвии. Некогда сказал я ему: «Пришел мне, отец, помысл пойти в воскресный день на церковную паперть, сесть там и рано утром есть, чтобы всякий входящий и выходящий, увидев меня, уничижил». На сие старец отвечал мне так: «Писано, что всякий, кто делает соблазн мирянам, не узрит света. А ты никому не известен в этой стороне, жития твоего не знают, будут же говорить, что монахи с утра едят; особливо же братия здесь новоначальные и немощны в своих помыслах; многие из них, имея веру к тебе и пользуясь от тебя, как скоро увидят, что сделал ты это, потерпят вред. Древние отцы делывали так по причине многих совершенных ими чудотворений и по причине оказываемой им чести и прославления их имени, и делали это, чтобы подвергнуть себя бесчестию, скрыть славу жития своего и удалить от себя причины к гордыне.

А тебя что заставляет поступить подобным сему образом? Не знаешь разве, что всякому житию свой чин и свое время? Ты не имеешь такого отличного жития и такого имени, а живешь как и прочие братия. Ты себе не принесешь пользы, а другому повредишь. Притом такое действие полезно не всем, но одним совершенным и великим, потому что в этом есть отрешение от чувств. Достигшим же только середины и новоначальным оно вредно, потому что имеют нужду в большей предосторожности и в подчинении чувств. Старцы уже пережили время осторожности и извлекают пользу из чего только захотят. Ибо неопытные купцы в больших оборотах великие причиняют себе убытки, а в маловажных оборотах скоро идут с успехом вперед. И опять, как сказал я, всякому делу свой порядок, и всякому роду жизни известное время. Кто прежде времени начинает что сверх его меры, тот ничего не приобретает, а усугубляет только себе вред. Если вожделенно тебе это, с радостью терпи то бесчестие, которое по

Божьему смотрению, а не по твоей воле постигнет тебя, и не смущайся, не питай ненависти к тому, кто бесчестит тебя».

Была у меня однажды еще беседа с сим благодаровитым мужем, вкусившим плода с древа жизни за труды, понесенные им с ранней юности до вечера старости своей. И, преподав мне много уроков добродетели, говорил он еще так: «Всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется за одно с недоношенным плодом чрева, потому что такая молитва не имеет в себе души». И еще говорил мне: «Человеку любопытному, который хочет поставить на своем слове, лукав умом и бесстыден в чувствах своих, ничего не давай и у него вовсе ничего не бери, чтобы тебе не удалить от себя чистоту, приобретенную с великим трудом, и не наполнить сердца своего тьмою и смущением».



ГЛАВО 12

О другом старце

Пошел я некогда в келию к одному из отцов. Святой же не часто кому отворял двери. Но как скоро увидел в окно, что иду я, сказал мне: «Хочешь ли войти?» — и я отвечал: «Да, честный отец». После же того, как вошел я, сотворил молитву, сел, и о многом мы побеседовали, напоследок спросил я его: «Что мне делать, отец? Иные приходят ко мне, и я ничего не приобретаю и никакой не извлекаю пользы из беседы с ними, но стыжусь сказать им: не ходите. Даже препятствуют они мне нередко исправлять обычное правило, и потому я скорблю».

На это отвечал мне блаженный оный старец: «Когда придут к тебе таковые любители праздности, как скоро посидят немного, подай им вид, что хочешь стать на молитву, и пришедшему скажи с поклоном: помолимся, брат, потому что наступило уже для меня время правила, и не могу нарушить оно, тяжело мне

делается, когда хочу выполнить оное в другой час, и это бывает для меня причиною смущения, и без крайней какой-либо нужды не могу оставлять правила. А теперь нет необходимости, чтобы отменена была моя молитва. И не отпускай его без того, чтобы не помолился с тобою. Если скажет: молись, а я пойду, — сделай ему поклон и скажи: любви ради сотвори со мною хотя эту одну молитву, чтобы мне была польза от молитвы твоей. И, когда станете, продли молитву твою даже сверх того, как обык ты делать. Если так будешь поступать с ними, как скоро придут к тебе, то, узнав, что не потекаешь им и не любишь праздности, не приблизятся и к месту тому, о котором услышат, что ты там.

Посему смотри, чтобы тебе из лицепрятия не разорить дела Божия. Если же встретится кто из отцов или утрудившийся странник, то побыть с таковым вменится тебе вместо самой длинной молитвы. Но если странник будет один из любителей суесловия, то успокой его по возможности и отпусти с миром».

Один из отцов сказал: «Дивлюсь, слыша, что некоторые в келиях своих занимаются рукоделием и могут без опущения совершать правило свое и не смущаться». Изрек же достойное удивления слово: «По правде сказать, если выхожу за водою, то чувствую замешательство в своем обычае и в порядке оногo и встречаю препятствие к усовершению своего рассудка».



ГЛАВОУ 13

О вопросе одного брата

Тот же старец вопрошен был однажды некоторым братом: «Что мне делать? Нередко бывает у меня какая-нибудь вещь, в которой имею надобность или по немощи, или по делу, или по другой какой причине; и без этой вещи не могу жить в безмолвии, но вижу, что кто-нибудь имеет в ней нужду, и, преодоле-

ваемый жалостию, отдаю ему эту вещь; а часто делаю это и потому, что бываю кем-либо упрощен. Ибо вынуждают меня к тому и любовь и заповедь, и уступаю, что самому мне нужно. А потом потребность для меня этой вещи делает, что впадаю в беспокойство и смущение помыслов; и это отвлекает мой ум от попечения о безмолвии, даже бываю принужден оставить безмолвие и идти искать той же вещи. Если же достает терпения не выходить из безмолвия, то бываю в великой скорби и в смятении помыслов. Поэтому не знаю, что избрать мне: или для успокоения брата своего делать то, что рассеивает и прекращает мое безмолвие, или презирать просьбу и пребывать в безмолвии?»

На это старец отвечал и сказал: «Если милостыня, или любовь, или сердоболие, или что-либо, почитаемое сделанным для Бога, препятствуют твоему безмолвию, обращают око твое на мир, ввергают тебя в беспокойство, помрачают в тебе памятование о Боге, прерывают молитвы твои, производят в тебе смятение

и неустройство помыслов, делают, что перестаешь заниматься божественным чтением, оставляешь это оружие, избавляющее от парения ума, истребляют осторожность твою, производят, что, быв дотоле связан, начинаешь ходить свободно и, вступив в уединение, возвращаешься в общество людей, пробуждают на тебя погребенные страсти, разрешают воздержание чувств твоих, воскрешают для мира тебя, умершего миру, от ангельского делания, о котором у тебя единственная забота, низводят тебя и поставляют на стороне мирян, — то да погибнет такая правда! Ибо выполнять обязанность любви, доставляя успокоение телесное, есть дело людей мирских, а если и монахов, то недостаточных, не пребывающих в безмолвии, или таких, у которых безмолвие соединено с единокдушным общежитием, которые непрестанно и входят, и выходят. Для таковых это есть дело прекрасное и достойное удивления.

А тем, которые действительно избрали для себя отшельничество от мира и

телом и умом, чтобы установить мысли свои в уединенной молитве, в омертвлении для всего преходящего, для зренья мирских вещей и для памятования о них, — таковым подобает не служить деланием чего-либо телесного и правды дел явных (чтобы ими оправдаться пред Христом), но, по слову Апостола, умерщвлением удов своих, *яже на земли* (Кол. 3:5), приносить Христу чистую и непорочную жертву помыслов в начаток воздelyвания самих себя, и телесную скорбь в терпении опасностей ради будущего упоования. Ибо житие иноческое равночестно ангельскому. И неприлично нам, оставив небесное делание, держаться житейского». Богу же нашему слава во веки! Аминь.



СЛОВО 14

ОБ ОДНОМ УКОРЕННОМ БРАТЕ

Однажды укорен был некий брат, что не подал милостыни; и он свободно и смело отвечал укорившему его: «Монахам не поставлено в обязанность подавать милостыню». Но укоривший возразил ему: «Виден и явен тот монах, которому не поставлено в обязанность подавать милостыню. Ибо не поставлено тому, кто с открытым лицом может сказать Христу, как написано: *...се мы оставихом вся, и в след Тебе идехом* (Мф. 19:27), то есть кто ничего не имеет на земле, не занимается телесным, не помышляет ни о чем видимом, не заботится о каком-либо приобретении, но, если кто и дает ему что, берет только нужное на потребу, а что сверх потребности, ставит то ни во что и живет точно как птица. Таковому не поставлено в обязанность подавать милостыню. Ибо как может давать другому, от чего свободен сам? Но кто развлекается делами житейскими, собственными сво-

ими руками работает и сам берет у других, тот тем паче обязан подавать милостыню. И если не радеть ему о милостыне, то немилосердие это есть противление Господней заповеди. Ибо если кто не приближается к Богу втайне и не умеет служить Ему духом, но не заботится и о делах явных, которые возможны для него, то какая еще будет у такового надежда приобрести себе жизнь? Таковой несмыслен».

Другой старец сказал: «Дивлюсь тем, которые смущают себя в деле безмолвия, чтобы других успокоить в телесном». И еще говорил: «Не надобно нам к делу безмолвия примешивать попечение о чем-либо другом: всякое же дело да будет чествуемо на своем месте, чтобы поведение наше не имело на себе пятен. Ибо кто имеет попечение о многих, тот раб многих. А кто оставил все и заботится о благоустройстве души своей, тот друг Божий. Смотри, подающих милостыню и в отношении к ближним выполняющих любовь удовлетворением нуждам телесным и в мире много; а делатели всеоб-

щего и прекрасного безмолвия, занятые богомыслием, едва обретаются и редки. Кто же из подающих в мире милостыню или соблюдающих правду в том, что касается до тела, мог достигнуть хотя одного из тех дарований, каких сподобляются от Бога пребывающие в безмолвии?» И еще сказал он: «Если ты мирянин, то занимайся мирскими благами. А если ты инок, то украшайся делами, какими отличаются иноки. Если же намерен ты заниматься тем и другим, то утратишь то и другое. Дела инока суть следующие: свобода от телесного, в молитвах телесный труд и непрестанное сердечное памятование о Боге. Суди же сам, можно ли тебе без сих дел удовольствоваться мирскими добродетелями!»

Вопрос. Не может ли инок, злостраждущий в безмолвии, приобрести два рода занятий, то есть помышлять о Боге и иметь в сердце другую заботу?

Ответ. Думаю, что намеревающийся проводить время в безмолвии, когда все оставит и будет заботиться о своей одной душе, не возможен без недостатка

управиться в деле безмолвия, даже если поставит себя вне житейского попечения, а тем паче, если будет заботиться и о другом. Господь оставил Себе в мире работающих Ему и радеющих о чadaх Его и избрал Себе таких, которые служили бы только пред Ним. Ибо не у земных только царей можно замечать различие чинов и видеть, что славнее те, которые всегда стоят пред лицом у царя и участвуют в его тайнах, нежели те, которые занимаются делами внешними, но можно видеть это же и в делах Царя Небесного, а именно: какое дерзновение приобрели те, которых всегдашнее пребывание в молитве соделало собеседниками и таинниками Его, какого сподобляются они богатства, и небесного и земного, и в какой мере обнаруживают они власть свою над всякою тварию, паче тех, которые служат Богу своим именем и житейскими благами и благоугождают Ему творением добрых дел, что также весьма важно и прекрасно. Поэтому должно нам брать в образец не последних, которые еще недостаточны в делах

Божиих, но тех подвижников и святых ратоборцев, которые прекрасно совершили житие свое, оставили все житейское и на земле возделали Царство Небесное, однажды навсегда отринули земное и простерли руки ко вратам небесным.

Чем благоугодили Богу древние святые, проложившие нам путь сего жития? Иже во святых Иоанн Фивейский, это сокровище добродетелей, этот источник пророчества, — тем ли благоугодил Богу, что в телесных нуждах упокоевал братий внутри затвора своего или молитвою и безмолвием? Не спору, что и первым многие также благоугодили Богу, но угодили менее угодивших молитвою и оставлением всего. Ибо от живущих в безмолвии и благоискусных в оном есть явная некая помощь братиям их. Разумею же, что во время нужды помогают они нам словом или приносят о нас молитвы. А что кроме этого (если памятование или попечение ради кого-либо о житейском и спит в сердце пребывающих на безмолвии), то сие не дело духовной мудрости. Ибо не безмолвствующим, но вне без-

молвия живущим сказано: ...воздадите кесарева кесареви, и Божия Богови (Мф. 22:21), то есть каждому свое, что ближнего, то ближнему, и что Божие, то Богу. Тем, которые живут в ангельском чине, то есть имеют попечение о душе, не заповедано благоугождать Богу чем-либо житейским, то есть заботиться о рукоделии или брать у одного и подавать другому. Поэтому иноку не должно иметь попечения ни о чем таком, что колеблет и низводит ум его от предстояния лицу Божию.

Если же кто, противореча сему, упомянет о божественном Павле Апостоле, что он работал собственными своими руками и подавал милостыню, то скажем ему, что Павел один и мог делать все; мы же не знаем, чтобы другой был Павел, подобно ему способный на все. Ибо покажи мне другого такого Павла, и поверю тебе. Притом, что бывает по Божию смотрению, того не выставляй на вид для дел общих. Ибо иное есть дело благовествования и иное — деятельность безмолвия. Ты же, если намерен держаться

безмолвия, будь подобен Херувимам, которые не заботятся ни о чем житейском. И не думай, что кроме тебя и Бога есть кто другой на земле, о ком бы заботиться тебе, — как научен ты прежде тебя бывшими отцами. Если не ожесточит кто собственного сердца своего, и не будет с усилием удерживать милосердия своего так, чтобы стать далеким от попечения о всем дольном, и ради Бога, и ради чего-либо житейского, и не станет пребывать в одной молитве в определенные на то времена, то не может он быть свободным от смущения и заботы и пребывать в безмолвии.

Посему когда придет тебе мысль позаботиться о чем-либо под предлогом добродетели и тем возмутить тишину, какая у тебя в сердце, тогда скажи той мысли: «Прекрасен путь любви, прекрасно дело милосердия ради Бога; но я ради же Бога не хочу этого». — «Остановись, отец, — сказал один монах, — ради Бога спешу за тобой». И тот отвечал: «И я ради Бога бегу от тебя». Авва Арсений ради Бога ни с кем не беседовал

ни о пользе душевной, ни о чем ином. Другой ради Бога весь день говорил и принимал всех приходящих странников, а он вместо сего избрал молчание и безмолвие, и по сей причине среди моря настоящей жизни разглагольствовал с Божественным Духом, и в величайшей тишине преплыл оное на корабле безмолвия, как ясно видели сие подвижники, допытывавшиеся о сем у Бога. И вот закон безмолвия: умолкнуть для всего. А если и в безмолвии окажешься исполненным смятения и будешь смущать тело рукоделиями, а душу заботою о ком-нибудь, то суди сам, какое проводишь тогда безмолвие, заботясь о многих, чтобы угодить тем Богу? — Ибо стыдно и сказать, что без оставления всего, без удаления себя от всякой заботы преуспеваем в безмолвном житии. Богу же нашему слава!



СЛОВО 15

О разных отличных безмолвнѣ, о власти Ѹма
и о том, сколько властен Ѹм возбуждать
собственные свои движения при разных видах
молитвы, какой предел дан молитве самим
естеством, до какого предела властен ты
молиться молитвою, по преступлении какого
предела молитва твоя уже не молитва, хотя
совершаемое тобою и называется молитвою

Слава Излиявшему обильно дары Свои
на людей! Он соделал, что и плотяные
служат Ему в чине естеств бесплотных, и
природу перстных сподобил глаголать о
таковых тайнах. Наипаче же, когда люди
грешные, подобные нам, недостойны и
слышать такие глаголы, Он, по благода-
ти Своей, отверз нам слепоту сердечную
к уразумению оных, из рассмотрения
Писания и учения великих отцов. Ибо
вследствие собственного своего подвига
не сподобился я дознать опытом и ты-
сячную часть того, что написал своими
руками, особенно же в этом сочинении,
которое предложу для возбуждения и

просвещения душ ваших и всех читающих оное, в той надежде, что, может быть, воспрянут и, вожделев сего, приступят к деланию.

Иное дело — молитвенное услаждение, а иное — молитвенное созерцание. Последнее в такой мере выше первого, в какой совершенный человек выше несовершенного отрока. Иногда стихи делаются сладостными в устах, и стихословие одного стиха в молитве неисчетно продолжается, не позволяя переходить к другому стиху; и молящийся не знает насыщения. Иногда же от молитвы рождается некое созерцание, и прерывает оно устную молитву, и молящийся в созерцании изумевает, цепenea телом. Такое состояние называем мы молитвенным созерцанием, а не видением и образом, или мечтательным призраком чего-либо, как говорят несмысленные. И опять, в сем молитвенном созерцании есть мера и различие дарований; и это еще молитва: потому что ум не преступил туда, где нет уже молитвы, в такое состояние, которое выше молитвы. Ибо движения языка и

сердца в молитве суть ключи; а что после сего, то уже есть вход в сокровенные клетки. Здесь да умолкнут всякие уста, всякий язык; да умолкнут и сердце — этот распорядитель помыслов, и ум — этот правитель чувств, и мысль — эта быстропарящая и бесстыдная птица, и да прекратится всякое их ухищрение. Здесь да остановятся ищущие, потому что пришел Домовладыка.



ГЛАВО 16

О чистой молитве

Как вся сила законов и заповедей, какие Богом даны людям, по слову отцов, имеет пределом чистоту сердца, так все роды и виды молитвы, какими только люди молятся Богу, имеют пределом чистую молитву. Ибо и воздыхания, и коленопреклонения, и сердечные прошения, и сладчайшие вопли, и все виды

молитвы, как сказал я, имеют пределом чистую молитву и до нее только имеют возможность простираться. А когда достигнута чистота молитвенная и даже внутренняя, тогда ум, как скоро преступит этот предел, не будет уже иметь ни дерзновения на молитву и молитвенное движение, ни плача, ни власти, ни свободы, ни прошения, ни вожделения, ни услаждения чем-либо из уповаемого в сей жизни или в будущем веке. И посему-то после чистой молитвы нет иной молитвы. До сего только предела всякое молитвенное движение и все виды молитвы доводят ум властью свободы. Потому и подвиг в сей молитве. А за сим пределом будет уже изумление, а не молитва, потому что все молитвенное прекращается, наступает же некое созерцание; и не молитвою молится ум. Всякая какого бы то ни было рода совершаемая молитва совершается посредством движений; но как скоро ум входит в духовные движения, не имеет там молитвы. Иное дело — молитва, а иное — созерцание в молитве, хотя молитва и

созерцание заимствуют себе начало друг в друге. Молитва есть сеяние, а созерцание — собирание рукоятей*, при котором жнущий приводится в изумление неизглаголаным видением, как из малых и голых посеянных им зерен вдруг произросли пред ним такие красивые класы. И он в собственном своем делании** пребывает без всякого движения, потому что всякая совершаемая молитва есть моление, заключающее в себе или прошение, или благодарение, или хваление. Рассмотрим же внимательнее, один ли из сих видов молитвы прошение ли чего-либо бывает, когда ум переступает сей предел и входит в оную область? Ибо спрашиваю о сем того, кто ведает истину. Но не у всех сия рассудительность, а только у тех, которые соделались зрителями и служителями дела сего или учились у таковых отцов, и из уст их познали истину, и в сих и подобных сим изысканиях провели жизнь свою.

* *Рукоять* — связка сжатого хлеба, сноп. — *Ред.*

** В древних сербском и славянском переводах вместо слов: *в своем делании* читается: *в своем видении*.

Как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и все законное с малым недостатком и достигший душевной чистоты, так из тысячи разве один найдется, при великой осторожности сподобившийся достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этот предел и приять оное таинство, потому что чистой молитвы никак не могли сподобиться многие, сподобились же весьма редкие; а достигший того таинства, которое уже за сею молитвою, едва, по благодати Божией, находится и из рода в род.

Молитва есть моление и попечение о чем-либо и вожделение чего-либо, как-то: избавления от здешних или будущих искушений, или вожделение наследия отцов, притом моление, которым человек приобретает себе помощь от Бога. Сими движениями и ограничиваются движения молитвенные. А чистота и нечистота молитвы зависят от следующего: как скоро в то самое время, как ум приуготовляется принести одно из сказанных нами движений своих, примешивается к нему какая-либо посторонняя мысль или бес-

покойство о чем-нибудь, тогда молитва сия не называется чистою, потому что не от чистых животных принес ум на жертвенник Господень, — то есть на сердце — этот духовный Божий жертвенник. А если бы кто упомянул об оной, у отцов называемой духовною, молитве и, не разумея силы отеческих изречений, сказал: «Сия молитва в пределах молитвы духовной», — то думаю, если точнее вникнуть в это понятие, хульно будет сказать какой-либо твари, будто бы вполне преклоняется духовная молитва. Ибо молитва преклоняющаяся ниже духовной. Всякая же духовная молитва свободна от движений. И ежели едва ли кто молится чистою молитвою, то можем ли что сказать о молитве духовной? У святых отцов было в обычае всем добрым движениям и духовным деланиям давать именование молитвы. И не только отцам, но и всем, которые просвещены ведением, обычно всякое прекрасное делание вменять почти заодно с молитвою. Явно же, что иное дело — молитва, а иное — совершаемые дела. Иногда сию, так на-

зываемую духовную молитву в одном месте называют путем, а в другом — ведением и инде — умным видением. Видишь, как отцы переменяют названия предметов духовных? Ибо точное значение именований устанавливается предметами здешними, а для предметов будущего века нет подлинного и истинного названия, есть же о них одно простое ведение, которое выше всякого наименования и всякого составного начала, образа, цвета, очертания и всех слагаемых имен. Поэтому когда душевное ведение возносится из видимого мира, тогда отцы в означение одного употребляют какие хотят названия, так как точных именований оному никто не знает. Но чтобы утвердить на сем ведении душевные помышления, употребляют они наименования и притчи, по изречению святого Дионисия, который говорит, что ради чувств употребляем притчи, слоги, приличные имена и речения. Когда же действием Духа душа подвигнута к Божественному, тогда излишни для нас и чувства, и их деятельность, равно как излишни силы

духовные душе, когда она, по непостижимому единству, соделывается подобною Божеству и в своих движениях озаряется лучом высшего света.

Наконец, поверь, брат, что ум имеет возможность различать свои движения только до предела чистой молитвы. Как же скоро достигает туда и не возвращается вспять или не оставляет молитвы, — молитва делается тогда как бы посредницею между молитвою душевною и духовною. И когда ум в движении, тогда он в душевной области, но как скоро вступает в оную область, прекращается и молитва. Ибо святые в будущем веке, когда ум их поглощен Духом, не молитвою молятся, но с изумлением водворяются в веселящей их славе. Так бывает и с нами. Как скоро ум сподобится ощутить будущее блаженство, забудет он и самого себя и все здешнее, и не будет уже иметь в себе движения к чему-либо. Посему некто с уверенностию осмеливается сказать, что свобода воли путеводит и приводит в движение посредством чувств всякую совершаемую добродетель

и всякий чин молитвы, в теле ли то или в мысли, и даже самый ум — этого царя страстей. Когда же управление и смотрение Духа возгосподствуют над умом — этим домостроителем чувств и помыслов, — тогда отъемлется у природы свобода и она путеводится, а не путеводит. И где тогда будет молитва, когда природа не в силах иметь над собою власти, но иною силою путеводится сама не знает куда и не может совершать движений мысли о чем бы ей хотелось, но овладевается в этот час пленившею ее силою и не чувствует, где путеводится ею? Тогда человек не будет иметь и хотения, даже, по свидетельству Писания, не знает, в теле он или кроме тела (2 Кор. 12:2). И будет ли уже молитва в том, кто столько пленен и не сознает сам себя? Посему никто да не глаголет хулы и да не дерзнет утверждать, что можно молиться духовною молитвою. Такой дерзости предаются те, которые молятся с кичливостию, невежды ведением, и лживо говорят о себе, будто бы когда хотят, молятся они духовною молитвою. А сми-

ренномудрые и понимающие дело соглашаются учиться у отцов и знать пределы естества, не дозволяют же себе предаваться таким дерзким мыслям.

Вопрос. Почему же сей неизглаголанной благодати, если она не есть молитва, дается наименование молитвы?

Ответ. Причина сему, как утверждаем, та, что благодать сия дается достойным во время молитвы и начало свое имеет в молитве, так как, по свидетельству отцов, кроме подобного времени нет и места посещению сей достославной благодати. Наименование молитвы дается сему, потому что от молитвы путевожится ум к оному блаженству и потому что молитва бывает причиною оногo; в иные же времена не имеет оно места, как показывают отеческие писания. Ибо знаем, что многие святые, как повествуется и в житиях их, став на молитву, были восхищаемы умом.

Но если кто спросит, почему же в сие только время бывают сии великие и неизреченные дарования, то ответствуем: потому что в сие время более, нежели во

всякое другое, человек бывает собран в себя и уготован внимать Богу, воздевает и ожидает от Него милости. Короче сказать, это есть время стояния при вратах царских, чтобы умолять царя и прилично исполниться прощению умоляющего и призывающего в это время. Ибо бывает ли другое какое время, в которое бы человек столько был приуготовлен и так наблюдал за собою, кроме времени, когда приступает он к молитве? Или, может быть, приличнее получить ему что-либо таковое в то время, когда спит или работает что, или когда ум его возмущен? Ибо вот и святые, хотя не имеют праздного времени, потому что всякий час заняты духовным, однако же и с ними бывает время, когда не готовы они к молитве. Ибо нередко занимаются или помышлением о чем-либо встречающемся в жизни, или рассматриванием тварей, или иным чем действительно полезным. Но во время молитвы созерцание ума устремлено к единому Богу и к Нему направляет все свои движения, Ему от сердца, с рачением и непрестанною го-

рячностью, приносит моления. И посему-то в это время, когда у души бывает одно-единственное попечение, прилично источаться Божественному благоволению. И вот видим, что когда священник приуготовится, станет на молитву, умиловляя Бога, молясь и собирая свой ум воедино, тогда Дух Святой нисходит на хлеб и на вино, предложенные на жертвеннике. И Захарии во время молитвы явился Ангел и предвозвестил рождение Иоанна. И Петру, когда во время шестого часа молился в горнице, явилось видение, путеводствовавшее его к призванию язычников снисшедшею с неба плащаницею и заключенными в ней животными. И Корнилию во время молитвы явился Ангел и сказал ему написанное о нем. И также Иисусу сыну Навину глагола Бог, когда в молитве преклонился он на лице свое. И с очитилища, бывшего над кивотом, откуда священник о всем, что должно было знать, в видениях был от Бога тайноводствуем в то самое время, когда архиерей единожды в год, в страшное время молитвы, при собрании всех

колен сынов Израилевых, стоявших на молитве во внешней скинии, входил во Святое святых и повергался на лице свое, — слышал он Божии глаголы в страшном и неизглаголанном видении. О, как страшно оное таинство, которому служил при сем архиерей! Так и все видения святым бывают во время молитвы. Ибо какое другое время так свято и по святине своей столько прилично приятию дарований, как время молитвы, в которое человек беседует с Богом? В это время, в которое совершаются молитвословия и моления пред Богом и беседование с Ним, человек с усилием отвсюду собирает воедино все свои движения и помышления и погружается мыслию в едином Боге, и сердце его наполнено бывает Богом, и оттого уразумевает он непостижимое. Ибо Дух Святой, по мере сил каждого, действует в нем, и действует, заимствуя повод к действию из того самого, о чем кто молится; так что внимательностию молитва лишается движения, и ум поражается и поглощается изумлением, и забывает о вожделении соб-

ственного своего прошения, и в глубокое упоение погружаются движения его, и бывает он не в мире сем. И тогда не будет там различия между душою и телом, ни памятования о чем-либо, как сказал божественный и великий Григорий: «Молитва есть чистота ума, которая одна, при изумлении человека, уделяется от света Святой Троицы». Видишь ли, как уделяется молитва приходящим в изумление при уразумении того, что рождается от нее в уме, по сказанному мною в начале сего писания и во многих других местах? И еще, тот же Григорий говорит: «Чистота ума есть парение мысленного. Она уподобляется небесному цвету, в ней во время молитвы просиявает свет Святой Троицы».

Вопрос. Когда же кто сподобляется всей этой благодати?

Ответ. Сказано: во время молитвы. Когда ум совлечется ветхого человека и облечется в человека нового, благодатного, тогда узрит чистоту свою, подобную небесному цвету, который старейшины сынов Израилевых наименовали местом

Божиим (Исх. 24:10), когда Бог явился им на горе. Посему, как говорил я, дар сей и благодать сию должно называть не духовною молитвою, но порождением молитвы чистой, ниспосылаемой Духом Святым. Тогда ум бывает там — выше молитвы, и с обретением лучшего молитва оставляется. И не молитвою тогда молится ум, но бывает в восхищении при созерцании непостижимого, — того, что за пределами мира смертных, и умолкает в неведении всего здешнего. Сие-то неведение называется высшим ведения. О сем-то неведении говорится: блажен постигший неведение, неразлучное с молитвою, которого да сподобимся и мы по благодати Единородного Сына Божия. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и всегда, и во веки веков! Аминь.



СЛОВО 17

О предположении души, ищущей глубокого созерцания, чтобы погрузиться в оное от плотских помыслов, возбуждаемых памятованием вещей

Все, что выше другого, сокрыто от того, чего оно выше; и это не потому, чтобы иное тело служило ему по природе некоею завесою, так что может и открывать его сокровенность. Всякая умопредставляемая сущность не вне себя заимствует то, что составляет собственное ее отличие; напротив того, внутри ее движений определено сие отличие, то есть может она непосредственно поступать к приятию первого света в большей ясности, или подобно другому чину, который, очевидно, разнствует не местом, но чистотою приятия и преимущества, или сообразно с умственной мерою в силе приятия горних манований и сил. Всякая умопредставляемая сущность сокрыта для сущности, которая ниже ее; одна же от другой сокрыты они не по природе, а по

движениям добродетелей; и говорю это о святых силах, о душевных чинах и о демонах. Первые от средних и средние от третьих сокрыты и по природе, и по месту, и по движениям. Сущности же каждого чина, и сами для себя, и одна для другой в том же чине, видимы ли они или невидимы, сокрыты по ведению; а от сущностей низшего чина — по естеству, потому что видение у существ бестелесных не вне их, как у существ телесных, но видеть им друг друга — значит и добродетелями и мерою движений быть им внутри движений существ, ими видимых. Поэтому если в равном уделе они досточестны, то хотя и отдалены друг от друга, однако же не мечтательно, но в нелживом видении, в истинном естестве видят друг друга, кроме Причины всяческих, Которая, как единая достопоклоняемая, превышает сего различия. Демоны, хотя и крайне нечисты, однако же в чинах своих не сокрыты друг от друга, но не видят двух чинов, которые выше их, потому что духовное видение есть свет движения, и он-то самый служит для них

и зеркалом и оком. И как скоро омрачатся движения, существа не видят высших чинов. В собственном своем чине видят друг друга, так как они дебелее духовных чинов. И это имеет место в рассуждении демонов.

Души же, пока осквернены и омрачены, не могут видеть ни друг друга, ни себя самих; а если очистятся и возвратятся в древнее состояние, в каком созданы, то ясно будут видеть сии три чина, то есть чин низший их, чин высший и друг друга в своем чине. И не потому, что изменятся в телесный вид, увидят тогда Ангелов ли то, или демонов, или друг друга; напротив того, узрят в самом естестве и в духовном чине. А если скажешь, что невозможно быть видиму демону или Ангелу, если не изменятся они, не примут на себя видимого образа, то сие будет значить, что видит уже не душа, а тело. Но в таком случае какая нужда в очищении? Ибо вот и нечистым людям по временам являются демоны, равно как и Ангелы; впрочем, когда видят они — видят телесными очами и

здесь нет нужды в очищении. Но не то бывает с душою, достигшею чистоты; напротив того: видит она духовно, оком естественным, то есть прозорливым, или разумичным. И не дивись тому, что души видят одна другую даже будучи в теле. Ибо представляю тебе доказательство ясное, по истинности свидетельствующего, разумею же блаженного Афанасия Великого, который в сочинении об Антонии Великом говорит: Великий Антоний, стоя однажды на молитве, увидел чью-то душу, возносимую с великою честью, и ублажил сподобившегося таковой славы; блаженный же сей был Аммуни из Нитрии, и та гора, на которой жил святой Антоний, отстояла от Нитрии на тринадцать дней пути. Сим примером о трех сказанных выше чинах доказано уже, что духовные природы видят одна другую, хотя и удалены одна от другой, и что не препятствуют им видеть друг друга расстояние и телесные чувства. А подобно и души, когда достигают чистоты, видят не телесно, но духовно; потому что телесное зрение совершается откры-

то, и видит <то>, что перед глазами, отдаленное же требует иного видения.

Многие горние чины в бытии неисчетны и именуются по отличию и чину. Ибо почему названы Началами, Властями, Силами? Господствами наименованы, может быть, как отличенные честью. И они малочисленнее подчиненных им, как сказал святой Дионисий, епископ Афинский, но больше по власти и ведению, и наиболее уделены по величию своих чинов. Ибо простираются от чина в чин, пока не достигнут к единству паче всех великого и могущественного — Главы и основания всей твари. Главою же называю не Творца, но предшествующего чудесам дел Божиих. Ибо многие — ниже промышленности премудрости Бога, их и нашего Творца, и столько ниже, сколько под ними состоящие — ниже их самих. Называю же низшими, разумея высоту и низость не в месте, но в силе и ведении, сообразно с тою мерою, какую приобретают в сравнении с последующим, большим или меньшим, ведением. Ибо все сии духовные сущности Боже-

ственное Писание наименовало девятью духовными именами и разделило их на три степени; и первую делит на великие, высокие и святейшие Престолы, многоочитых Херувимов и шестокрылатых Серафимов; вторую же степень — на Господства, Силы и Власти, и третью — на Начала, Архангелов и Ангелов. Чины же сии с еврейского толкуются: Серафимы — согревающие и сожигающие; Херувимы — обильные ведением и мудростью; Престолы — Божия опора и Божий покой; и сими именами названы чины сии по их действиям. Именуются же Престолы — как досточестные, Господства — как имеющие власть над всяким царством, Начала — как устрояющие эфир, Власти — как властвующие над народами и над каждым человеком, Силы — как крепкие силою и страшные в видении своем, Серафимы — как освящающие, Херувимы — как носящие, Архангелы — как бодрственные стражи, Ангелы — как посылаемые.

В первый день сотворено девять духовных природ в молчании и одна приро-

да — словом; и это — свет. Во второй день сотворена твердь. В третий день произвел Бог собрание вод и прозябение злаков; в четвертый — отделение света; в пятый — птиц, пресмыкающихся и рыб; в шестой — животных и человека. Устройство целого мира — долгота и широта; начало — восток; конец — запад; правая сторона — север; левая — юг. Целую землю поставил Бог как одр; высшее небо — как кожу и свод, и куб; второе небо, как колесо, примкнуто к первому небу, и то, чем примыкаются друг к другу небо и земля; океан — как пояс, окружающий небо и землю, а внутри его высокие горы, достигающие до неба, и позади гор солнце, чтобы проходило там в продолжение целой ночи, и среди сих гор великое море, которое занимает около половины и четверти всей суши.

Богу же нашему да будет слава!



СЛОВО 18

О ВИДЕНИИ ЕСТЕСТВА БЕСПЛОТНЫХ,
В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

Вопрос. Коликими образами и с какими разностями естество человеческое приемлет зрение бестелесных?

Ответ. Постигание всякого несложного и тонкого естества духовных тел* подпадает чувству естества человеческого в трех различных видах: или в дебелости ипостаси (представляемого предмета) — всууществленно, или в тонкости ипостаси — бессуущественно, или в истинном созерцании, которое есть существенное созерцание. В первом случае власть имеют чувства; во втором душа краечастно зрит, в третьем (действует) сила естества разумения. Во всех же сих случаях воля и разумение имеют власть. И что касается до воли и душевного услаждения, на что воля соглашается, того она,

* Духовными телами называются здесь самые бесплотные и неведущественные сущности, которые наименованы естеством несложным.

во-первых, и бывает причиною. И это суть порождения произволения; хотя во время потребности произволение и воля бывают в покое, пока действо (видения) имеет место и там продолжается и поколику оно представляет только и остается без приемлющей воли и истинного ведения, потому что чувства способны принимать все случайности без участия воли. Сими тремя образами служат святые Силы: в общении с нами, к научению нас и к устроению нашей жизни.

Нечистые же демоны, когда приближаются к нам на погибель, а не на пользу нашу, могут в нас приводить в действие два только способа; не могут же приступить к нам, для обольщения нашего, третьим способом, потому что демоны вовсе не имеют силы приводить в нас в движение естественные помыслы ума. Ибо сынам тьмы невозможно приближаться к свету. Но святые Ангелы обладают сим, то есть могут и приводить в движение, и просвещать помыслы; тогда как демоны суть властители и творцы ложных мыслей — исчадий тьмы, потому что от

светоносных приемлется свет, а от потемненных — тьма.

Вопрос. Какая причина, что тем дано, а сим нет?

Ответ. Всякий учитель то сведение, которому учит, сперва сам в себе рассматривает, изучает, приемлет, вкушает и тогда уже может предлагать оное на-учаемым. Первые учителя точное познание о вещах передают из собственного здравого ведения; и это суть те, которые в самом начале могут все обнимать в быстром представлении самого пронизательного и чистого ума. Демоны же обладают скоростию, но не светом. Иное же дело — пронизательность, а иное — свет. Первая без второго ведет к гибели обладающего ею. Второй показывает истину, а первая — призрак истины, потому что свет показывает действительность вещей и умножается, и умаляется соразмерно с образом жизни.

Святые Ангелы из собственного ведения вливают в нас познание о движении вещей; что сами прежде вкусили и что представили умом, то передают по-

том и нам. И вторые также учителя, по мере своего ведения, возбуждают в нас представления о движении вещей; потому что иначе о том, в чем сами не пребывали, будет им необходимо в нас возбуждать правые помыслы. Впрочем, будь уверен, как уже сказал я, что если бы мы и могли принять, то они не в состоянии научить нас истинному созерцанию, хотя вначале и имели оное. И опять: каждый из них возбуждает обучаемых к тому или к противоположному, согласно с Божиим смотрением, которое управляет им. А я признаю за истину то, что ум наш, и без посредства святых Ангелов, может сам собою и не учась, возбуждаться к доброму, хотя познания о зле без посредства демонов не приемлют чувства, и не приводятся злом в движение, и ум не может сам собою сделать зла. Ибо доброе насаждено в природе, а злое — нет. Все же чуждое и отвне привходящее для того, чтобы получить познание о сем, имеет нужду в каком-либо посреднике. Между тем как все, что произрастает внутри, проникает сколько-нибудь в природу и

без научения. И если таково свойство естества, что само собою возбуждается оно к добру, то возрастание его и светозарность возможны и без созерцания Ангелов. Впрочем, они наши учителя, равно как учителя и взаимно друг другу. Низшие учатся у тех, которые приникают на них и имеют более света; и таким образом учатся одни у других, восходя постепенно до той единицы, которая имеет учителем Святую Троицу. И самый опять первый чин утвердительно говорит, что не сам собою учится он, но имеет учителем посредника Иисуса, от Которого приемлет и передает низшим.

Рассуждаю так, что ум наш имеет естественную силу стремиться к Божественному созерцанию, и одним желанием* равны мы всем небесным естествам, поколику в нас и в них действует благодать. Но по естеству и человеческому и ангельскому уму созерцание Божества необычайно, потому что созерцание сие не сопричисляется к прочим

* Вместо *υφεσσει* лучше читать *εφεσσει*, согласно с древним славянским переводом.

созерцаниям. Во всех же разумных, и первых и средних, существах не по естеству бывает, но благодатию совершается созерцание всего сущего, и небесного и земного; и не естество постигло сие, как прочие вещи.

Умное созерцание, в каком пребывает чин существ небесных, и видение до пришествия Христа во плоти, не были для них столько доступны, чтобы проникать им в сии тайны. Но когда воплотилось Слово, *отверзлась им дверь* в Иисусе, как говорит Апостол (2 Кор. 2:12). А если бы мы соделались непорочными и чистыми, то рассуждаю (а сие и действительно так), что у нас, человеков, мысли наши без посредства существ небесных не могли бы приблизиться к откровениям и познаниям, возводящим к оному вечному созерцанию, которое подлинно есть откровение таин, потому что уму нашему недостает такой силы, какая есть у горних сущностей, которые приемлют откровения и созерцания непосредственно от Вечного. Ибо и они приемлют в образе, а не без прикровения;

а подобно им приемлет и наш ум. Ибо каждый чин приемлет чрез передавание от другого чина, с соблюдением строгого порядка и различения в сообщении от первого чина второму, пока тайна перейдет таким образом ко всем чинам. Но многие из таин останавливаются на первом чине и не простираются на другие чины, потому что, кроме сего первого чина, все прочие не могут вместить в себя величия тайны. А некоторые из таин, исходя от первого чина, открываются одному второму чину и им сохраняются в молчании, другие же чины не постигли оных; и некоторые тайны доходят до третьего и до четвертого чина. И еще в откровениях, видимых святыми Ангелами, бывает приращение и умаление. А если так бывает у них, то кольми паче можем ли мы приять таковые тайны без них и без их посредства? Напротив того, от них бывает сие, что в уме святых является ощущение откровения какой-либо тайны. И как скоро попущено Богом, чтобы откровение передавалось от чина высшего и потом низшего другому

чину, то таким образом, как скоро Божиим мановением попущено доходить чему-либо до естества человеческого, доходит сие к людям, по всему того достойным. Ибо чрез горние чины приемлют святые свет созерцания даже до славного Присносущия — сей неизучаемой тайны, сами же они приемлют друг от друга, потому что суть *служебнии дуси посылаеми* к тем, которые готовы соделаться наследниками жизни (ср.: Евр. 1:14). Но в будущем веке упразднится такой порядок, потому что не один от другого будет принимать тогда откровение славы Божией к прославлению и веселию души своей; но каждому, по мере доблестей его, непосредственно, что следует ему, дано будет Владыкою по достоинству, и не от другого, как здесь, примет он дар. Ибо там нет ни учащего, ни поучаемого, ни имеющего нужду, чтобы другой восполнил недостаток его. Там один Даятель, непосредственно дарствующий способным приять, и от Него приобретают приобретающие небесное веселие. Там прекратятся чины учащихся и

учащихся, и все желания сосредоточатся в Едином.

Говорю же, что мучимые в геенне поражаются бичом любви. И как горько и жестоко это мучение любви! Ибо ощутившие, что погрешили они против любви, терпят мучение, вящее всякого приводящего в страх мучения; печаль, поражающая сердце за грех против любви, язвительнее всякого возможного наказания. Неуместна человеку такая мысль, что грешники в геенне лишаются любви Божией. Любовь есть порождение ведения истины, которое (в чем всякий согласен) дается всем вообще. Но любовь силою своею действует двояко: она мучит грешников, как и здесь случается другу терпеть от друга, и веселит собою соблюдавших долг свой. И вот, по моему рассуждению, таково гееннское мучение, — оно есть раскаяние. Души же горних сынов любовь упоявает своими утехами.

Вопрос. Некто был спрошен: когда человек узнает, что получил отпущение грехов своих?

Ответ. И спрошенный отвечал: ког-

да ощутит в душе своей, что совершенно, от всего сердца возненавидел грехи, и когда явно даст себе направление, противоположное прежнему. Таковой уповает, что получил от Бога оставление грехопадений, как возненавидевший уже грех по свидетельству совести, какое приобрел в себе по апостольскому слову (см.: Рим. 2:15): неосужденная совесть сама себе свидетель.

Да сподобимся и мы получить отпущение грехов наших по благодати и человеколюбию Безначального Отца с Единородным Сыном и Святым Духом. Ему слава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 19

Образец воззрения о дне воскресном
и о субботе; приточное их значение

День воскресный есть неприемлемая нами, пока мы с плотию и кровию, тайна

ведения истины, и она превосходит мышления. В сем веке нет дня осьмого, ни субботы в подлинном смысле. Ибо сказавший: *...почи Бог в день седьмый* (Быт. 2:2) — означил отдохновение по совершении течения жизни сей, потому что гроб есть тело, и оно от мира. Шесть дней совершаются в делании жизни хранением заповедей; седьмой день весь проводится во гробе и осьмой — в исшествии из гроба. Как устаиваемые в притче приемлют здесь тайны воскресного дня, а не самый день в существе его, так и подвижники в притче приемлют тайны субботы, но не в действительности самую субботу, которая есть отдохновение от всего скорбного и совершенное упокоевание от беспокойств. Ибо таинство, а не истинную действительность устроить дал нам здесь Бог. Истинная и несравненная суббота есть гроб, показующий и знаменующий совершенное упокоевание от скорбей, от страстей и от противного покою делания. Там субботствует человечество, и душа и тело. Бог в шесть дней привел в порядок весь состав

мира сего, устроил стихии, состав их предал приснодвижному движению для служения, и не остановятся они в течении до своего разорения. Их-то силою, то есть силою первобытных стихий, составил Он и наши тела. Но и стихиям не дал покоя в движении их, ни телам нашим, из стихий происшедшим, отдохновения от делания. Предел же отдохновения от делания положил в нас, тогда как тела наши последуют первому своему сродству, и это есть разрешение от жизни сей. Так и Адаму сказал: *В поте лица твоего снеси хлеб твой. И долго ли будет сие?* — ..*Дондеже возвратишия в землю, от неяже взят еси, и которая возрастит тебе терния и волчцы* (ср.: Быт. 3:18—19). Вот тайны делания жизни сей, пока ты живешь! Но с той ночи, в которую Господь изливал пот, пременил Он пот, изведший терния и волчцы, на пот, проливаемый в молитве и вместе в делании правды. Пять тысяч и пятьсот с лишком лет Бог оставлял Адама трудиться на земле, потому что дотоле не у явися святых путь, как

говорит божественный Апостол (Евр. 9:8). В последок же дней пришел и заповедал свободе один пот заменить другим потом, дозволил не отдохновение от всего, но пременение всего; потому что за продолжительность злострадания нашего на земле оказал нам Свое человеколюбие. Посему если престанем проливать на земле пот, то по необходимости пожнем терния. Ибо по той же необходимости оставление молитвы есть делание отелесения земли, которая естественно произращает терния. Действительно же страсти суть терния, и произрастают в нас от сеяния в тело (см.: Гал. 6:8). Пока *носим* на себе образ Адамов, необходимо носим в себе и страсти Адамовы. Ибо невозможно земле не произращать прозябений, свойственных природе ее. Порождение же ее естества есть земля тел наших, как гласит Божие свидетельство: *земля, от неяже взят еси* (Быт. 3:19). Та земля произращает терния, а сия разумная — страсти.

Если Господь по всему был для нас образом, в таинстве, во всех различных

действиях Домостроительства Своего, и даже до девятого часа пятка не представлял от дела и труда (а это есть тайна делания нашего на целую жизнь), в субботу же почил во гробе, то где утверждающие, что в жизни еще есть суббота, то есть отдохновение от страстей? О дне же воскресном высоко для нас и говорить. Наша суббота есть день погребения. Там действительно субботствует естество наше. Ежедневно же, пока стоит земля, надлежит нам нужда исторгать из нее терния. За продолжительность только нашего делания оскудевают сии терния, потому что не всецело очищается от них земля. И если это так, и при временном обленении или при малом нерадении умножаются терния и покрывают лице земли, подавляют посеянное тобою, и труд твой обращают в ничто, то каждый уже день должно очищать землю, потому что прекращение очищения увеличивает множество терний, от которого да очистимся по благодати Единосущного и Единородного Сына Божия! Ему слава со

Безначальным Отцом и Животворящим
Духом во веки! Аминь.



СЛОВО 20

ЕЖЕДНЕВНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ О ТОМ,
ЧТО ВСЕГО НУЖНЕЕ И ЧТО ВЕСЬМА ПОЛЕЗНО
ПРЕБЫВАЮЩЕМУ В КЕЛИИ СВОЕЙ И РЕШИВШЕМУСЯ
БЫТЬ ВНИМАТЕЛЬНЫМ К ОДНОМУ ТОЛЬКО СЕБЕ

Некто из братии написал и всегда полагал пред собою, напоминал себе и говорил: «Неблагодарно изжил ты жизнь свою, человек посрамленный и достойный всякого зла; остерегись же хотя этот день, оставшийся от дней твоих, прошедших напрасно без дел добрых и обогатившихся делами худыми. Не спрашивай ни о мире, ни о поведении его, ни о монахах, ни о делах их, ни о том, как они живут, как велико их делание, не заботься ни о чем подобном. Таинственно исшел ты из мира и как мертвец вменен о Христе; не

живи более миру и тому, что в мире, да предварит тебя упокоевание и будешь жив во Христе. Будь готов и вооружен терпением против всякого поношения, всякой обиды, осмеяния и порицания от всех. И все это принимай с радостью, как действительно того достойный, переноси с благодарением всякий труд, и всякую скорбь, и всякую беду от демонов, которых волю исполнял ты, мужественно сноси всякую нужду, и что приключится естественно, и все горести. В уповании на Бога терпи лишение того, что необходимо для тела и вскоре обращается в гной. Желай все сие принимать в надежде на Бога, не ожидая ниоткуда более ни избавления, ни чьего-либо утешения. *Возверзи на Господа печаль твою* (Пс. 54:23) и во всех искушениях своих осуждай сам себя, как виновного во всем этом. Ничем не соблазняйся и не укоряй никого из оскорбляющих тебя, потому что и ты вкусил с запрещенного дерева, и ты приобрел разные страсти. С радостью принимай горести, пусть приведут они тебя в содрогание; зато впоследствии

почувствуешь услаждение. Горе тебе и смрадной славе твоей! Душу свою, которая исполнена всякого греха, оставил ты, как неосужденную, а других осуждал словом и мыслию. Достаточно, достаточно для тебя этой свиньям приличной пищи, какую доныне питаешься ты. Что общего с людьми у тебя, скверный, и не стыдишься оставаться в их обществе, проводя жизнь так неразумно? Если обратишь на сие внимание и сохранишь все это, может быть, и спасешься при содействии Божиим. В противном же случае отойдешь в страну темную и в селение демонов, которых волю исполнял ты с бесстыдным лицом. Вот засвидетельствовал я тебе обо всем этом. Если Бог праведно подвигнет на тебя людей воздать тебе за обиды и порицания, какие держал ты в мысли и изрекал на них во все время своей жизни, то целый мир от тебя не будет иметь покоя. Перестань, наконец, хотя отныне, и терпи все, чем будет тебе воздаваемо». Все это напоминал себе брат каждый день, чтобы, когда придут на него искушения или скорбь,

быть ему в состоянии претерпевать это с благодарностию и с пользою для себя. О, если б и нам с благодарением претерпевать постигающие нас бедствия и извлекать из них для себя пользу по благодати Человеколюбца Бога! Ему слава и держава во веки! Аминь.



СЛОВО 21

О разных предметах; в вопросах и ответах

Вопрос. Какими узами связывается сердце человеческое, чтобы не стремиться ему к злу?

Ответ. Теми, чтобы постоянно последовать премудрости и избыточествовать учением жизни. Ибо нет иных уз столько крепких, чтобы сдерживать ими бесчинные мысли.

Вопрос. Где предел стремлений у последователя премудрости и чем свершается обучение оной?

Ответ. Подлинно невозможно в шествии своем достигнуть сего предела; потому что и святые не дошли в этом до совершенства. Пути премудрости нет конца; она шествует выше и выше, пока не соединит последователя своего с Богом. То и составляет ее признак, что постижение ее беспредельно, потому что Премудрость есть Сам Бог.

Вопрос. Какая первая стезя, приближающая нас к премудрости, и в чем ее начало?

Ответ. В том, чтобы всею силою стремиться вослед премудрости Божией и в сем стремлении от всей души ревностно трудиться до самого конца жизни, даже из любви к Богу не вознерадеть и о том, чтобы, если это нужно, совлечься самой жизни и отринуть ее от себя.

Вопрос. Кто достойно именуется смысленным?

Ответ. Тот, кто действительно понял, что есть предел сей жизни. Он может положить предел и своим прегрешениям. Ибо какое ведение или какое разумение выше сего — умудриться

человеку выйти из жизни сей в нерастлении, не имея ни одной части, оскверненной зловонием вожделения, и никакой в душе скверны, оставляемой сладостию вожделения. Ибо если какой человек утончает мысли свои, чтобы проникнуть ему в тайны всех естеств, и обогащается открытиями и познаниями во всяком ведении, но душа его осквернена греховною скверною и не приобрел он свидетельства о надежде души своей, однако же думает, что счастливо вошел в пристань упования, — то нет в мире человека неразумнее его, потому что дела его, в непрерывном стремлении его к миру, довели его только до мирской надежды.

Вопрос. Кто по самой истине крепче всех?

Ответ. Тот, кто благодушествует в скорбях временных, в которых сокрыты жизнь и слава победы его, и не вожделел широты, в которой скрывается зловоние стыда и которая обретающего ее во всякое время напоевает из чаши воздыхания.

Вопрос. Какой бывает вред в шествии к Богу, если кто, по причине искушений, уклоняется от добрых дел?

Ответ. Невозможно приблизиться к Богу без скорби; без нее и праведность человеческая не сохраняется неизменною. И если человек прерывает дела, приумножающие праведность, то прерывает и дела, охраняющие ее. И делается он подобен неохраняемому сокровищу и борцу, с которого совлечены его оружия, когда окружили его полки врагов его, и кораблю, не имеющему снастей своих, и саду, который не орошается более источником водным.

Вопрос. Кто просвещен в своих понятиях?

Ответ. Тот, кто умел отыскать горечь, сокровенную в сладости мира, воспретил устам своим пить из этой чаши, доискивается всегда, как спасти душу свою, не останавливается в своем стремлении, пока не отрешится от мира сего, и запирает двери чувств своих, чтобы не вошла в него приверженность к сей жизни и не похитила у него тайных сокровищ его.

Вопрос. Что такое мир? Как познаем его, и сколько вредит он любителям своим?

Ответ. Мир есть блудница, которая взирающих на нее с вожделением красоты ее привлекает в любовь к себе. И кем, хотя отчасти, возобладала любовь к миру, кто опутан им, тот не может выйти из рук его, пока мир не лишит его жизни. И когда мир совлечет с человека все и в день смерти вынесет его из дома его, тогда узнает человек, что мир подлинно льстец и обманщик. Когда же будет кто усиливаться выйти из тьмы мира сего, пока еще сокрыт в нем, не возможет видеть пут его. И таким образом мир удерживает в себе не только учеников и чад своих и тех, которые связаны им, но и нестяжательных, подвижников, тех, которые сокрушили узы его и, одним словом, стали выше его. Вот и их различными способами начинает уловлять в дела свои, повергает к ногам своим и попирает.

Вопрос. Что делать нам с телом, когда окружают его болезнь и тяжесть, а с ним вместе изнеможет и воля в пожелании доброго и в первой крепости своей?

Ответ. Нередко бывает с иными, что одна половина их пошла вослед Господа, а другая половина осталась в мире, и сердце их не отрешилось от здешнего, но разделились они сами в себе и иногда смотрят вперед, а иногда назад. И думаю, сим разделившимся в себе самих и приближающимся к пути Божию Премудрый дает совет, говоря: *...не приступи к Нему сердцем раздвоенным (Сир. 1:28), но приступай как сеющий, и как жнущий. И Господь, зная, что сии не совершенно отрекающиеся от мира, но разделенные в себе самих, под предлогом страха и скорбей, умом, или, вернее сказать, помыслом, обращаются вспять, потому что не отвергли еще от себя плотской похоти, и желая свергнуть с них это расслабление ума, изрек им определенное слово: ...кто хочет по Мне идти, прежде да отвержется себе и т. д. (Мф. 16:24).*

Вопрос. Что значит отвергнуться себя самого?

Ответ. Как приготовившийся взойти на крест одну мысль о смерти имеет в

уме своем и таким образом восходит на крест, как человек не помышляющий, что снова будет иметь часть в жизни настоящего века, так и желающий исполнить сказанное. Ибо крест есть воля, готовая на всякую скорбь. И Господь, когда хотел научить почему это так, сказал: кто хочет жить в мире сем, тот погубит себя для жизни истинной; а кто погубит себя здесь *Мене ради*, тот обрящет себя там (Мф. 10:39), то есть обретет себя шествующий путем крестным и на нем утвердивший стопы свои. Если же кто снова печется о жизни сей, то лишил он себя упования, ради которого вышел на скорби. Ибо попечение сие не попускает ему приблизиться к скорби ради Бога и тем самым, что предается он сему попечению, увлекает его постепенно и уводит из среды подвига ради блаженной жизни, и возрастает в нем помысл этот, пока не победит его. *А иже в уме своем погубит душу свою Мене ради*, из любви ко Мне, тот неукоризненным и невредимым сохранится в жизнь вечную. Сие-то значит сказанное: *...иже погубит душу*

свою *Мене ради, обрящет ю* (Мф. 10:39). Здесь еще сам уготовь душу свою к совершенному уничтожению для этой жизни. И если погубишь себя для этой жизни, то Господь скажет в том же смысле: ...дам тебе *живот вечный*, как обещал Я тебе (Ин. 10:28). Если же и в сей жизни пребудешь, то здесь еще самым делом покажу тебе обетование Мое и удостоверение в будущих благах. И тогда обретешь вечную жизнь, когда будешь пренебрегать этою жизнью. И когда в этом вооружении выступишь на подвиг, тогда сделается в очах твоих достойным пренебрежения все, почитаемое трудным и скорбным. Ибо когда ум вооружен таким образом, тогда нет для него ни борьбы, ни скорби во время смертной опасности. Посему должно в точности знать, что если человек не возненавидит жизни своей в мире, по причине вожделения жизни будущей и блаженной, то не может вполне перенести всякого рода скорбей и трудов, постигающих его каждый час.

Вопрос. Каким образом человек ос-

тавляет прежнюю свою привычку и приучается в жизни к недостаткам и к подвигам?

Ответ. Тело не соглашается жить без удовлетворения нужд его, пока окружено тем, что служит к роскоши и расслаблению; и ум не может удержать его от этого, пока оное тело не будет устранено от всего производящего расслабление. Ибо когда открыто пред ним зрелище роскоши и сует и каждый почти час видит служащее к расслаблению, тогда пробуждается в нем пламенное пожелание сего и, как бы разжигая его, раздражает. Посему-то Искупитель Господь обязавшемуся идти вослед Его весьма хорошо заповедал обнажиться и выйти из мира (см.: Мф. 19:21), потому что человек должен сперва отринуть все, служащее к расслаблению, и потом приступать к делу. И Сам Господь, когда начал брань с диаволом, вел оную в самой сухой пустыне. И Павел приемлющим на себя крест Христов советует выйти из града. *Да исходим к Нему, говорит, вне града, и примем поношение Его*

(см.: Евр. 13:13), потому что пострадал Он вне града. Ибо как скоро отлучит себя человек от мира и от всего, что в мире, немедленно забывает прежнюю свою привычку и прежний образ жизни и долгое время не занимается этим. А от приближения его к миру и к вещам мирским скоро расслабевает сила ума его. Посему должно знать, что особенно споспешествует и ведет к преспеянию в сей спасительной и подвижнической борьбе. Итак, пригодно и споспешествует в сей борьбе, чтобы монашеская келія была в скудном и недостаточном состоянии, чтобы келія у монаха была пуста и не содержала в себе ничего возбуждающего в нем вожделение покоя. Ибо когда удалены от человека причины расслабляющие, нет ему опасности в двоякой брани — внутренней и внешней. И таким образом человек, который вдали от себя имеет служащее к удовольствию, без труда одерживает победу в сравнении с тем, у которого вблизи возбуждающее его к вожделению. Ибо здесь сугубый подвиг.

Когда у человека недостает нужного к устройству жилища его, тогда и потребности его делаются удобопренебрегаемыми, и даже в необходимое время умеренного удовлетворения потребностям своим взирает он на сие не с вожделением и малым чем-нибудь не угождает телу, но смотрит на это, как на нечто удобопренебрегаемое, и приближается к пище не по сладости ее, но чтобы помочь естеству и подкрепить оное. Такие побуждения скоро доводят человека до того, что приступает он к подвигу с нескорбным и беспечальным помыслом. Итак, рачительному иноку прилично скорою ногою, не обращаясь вспять, бежать от всего воюющего с иноком, не входить в общение с теми, которые ведут с ним брань, но воздерживаться даже от единого воззрения на них и, сколько возможно, удаляться от их приближения. И говорю это не только о чреве, но и о всем, что вводит в искушение и брань, чем искушается и испытывается свобода инока. Ибо человек, когда приходит к Богу, делает с Богом завет воздержи-

ваться от всего этого, именно же: не засматриваться на лице женское, не смотреть на красивые лица, не питать ни к чему вожделения, не роскошествовать, не смотреть на нарядные одежды, не смотреть на всякий порядок, заведенный у мирян, не слушать слов их и не любопытствовать о них, потому что страсти приобретают большую силу от сближения со всем подобным сему, как расслабляющим подвижника и изменяющим мысли его и намерения. И если воззрение на что-либо хорошее возбуждает произволение истинного ревнителя и склоняет к совершению добра, то явно, что и противоположное сему имеет силу поработать себе ум. И если с безмолвствующим умом не случается чего-либо большего, а только ввергает он себя в бранный подвиг, то и это великая уже утрата — самому себя из мирного состояния произвольно ввергнуть в смутное.

И если один из старцев-подвижников, искусившихся в борьбе, увидев юношу, не имевшего бороды и походившего на жен, почел это вредным для помысла

и гибельным для своего подвига, то может ли кто вознерадеть в другом чем, когда этот святой не решился войти и облобызать брата? Мудрый старец рассуждал: «Если подумаю только в эту ночь, что есть здесь нечто подобное, то и сие будет для меня великим вредом». Посему-то не вошел он и сказал им: «Не боюсь я, чада; впрочем, для чего же и желать мне напрасно воздвигать на себя брань? Воспоминание о чем-либо подобном производит в уме бесполезное смущение. В каждом члене этого тела скрывается приманка, человеку предстоит от сего великая брань, и должно ему охранять себя и облегчать для себя угрожающую в этом брань, спасаясь от нее бегством; а как скоро приближается что-либо такое, человек, хотя и принуждает себя к добру, однако же бывает в опасности, всегда видя это и вожделевая этого».

В земле видим многие сокровенные врачевства, и летом по причине жара никто не знает их; когда же увлажнены будут и ощутят силу прохлажденного воздуха, тогда оказывается, где было

погребено в земле каждое врачевство. Так и человек, когда он в благодати безмолвия и в теплоте воздержания, тогда действительно бывает в покое от многих страстей; если же входит в мирские дела, то видит тогда, как восстает каждая страсть, подымлет главу свою, особливо если ощутит воню покоя. Сказал же я это для того, чтобы никто не предавался самонадеянности, пока живет в сем теле и пока не умрет; хотелось мне также показать, что убегать и удаляться от всего, что ведет к порочной жизни, много помогает человеку в подвижническом борении. Всегда должно нам бояться того, о чем одно воспоминаение причиняет нам стыд, и также не попираť совести и не пренебрегать ею. Наконец, попытаемся удалить тело на время в пустыню и заставим его приобрести терпение. А что всего важнее, пусть каждый (хотя бы это и прискорбно было для него, но зато нечего уже будет ему бояться) старается, где бы он ни был, удаляться от того, что бывает причиною брани, чтобы, когда придет потребность,

не пасть ему от близости удовлетворяющего потребности.

Вопрос. Кто отринул от себя всякое развлечение и вступил в подвиг, какое у него начало брани со грехом и чем начинается он борьбу?

Ответ. Всем известно, что всякой борьбе с грехом и вожделением служит началом труд бдения и поста, особливо же если кто борется с грехом, внутрь нас пребывающим. В этом усматривается признак ненависти ко греху и вожделению его в ведущих сию невидимую брань; начинают они постом, а после него содействует подвигу ночное бдение.

О ПОСТЕ И БДЕНИИ

Кто в течение целой своей жизни любит беседу с этою четою, тот бывает другом целомудрия. Как началом всему худому служат упокоение чрева и расслабление себя сном, возжигающее блудную похоть, так святой путь Божий и основание всех добродетелей — пост, бдение, бодрствование в службе Божией, в распинании тела целый день и целую ночь, в

противоположность сладости сна. Пост — ограждение всякой добродетели, начало борьбы, венец воздержанных, красота девства и святыни, светлость целомудрия, начало христианского пути, мать молитвы, источник целомудрия и благоразумия, учитель безмолвия, предшественник всех добрых дел. Как здоровым глазам свойственно вождение света, так посту, соблюдаемому с рассудительностью, свойственно вождение молитвы.

Как скоро начнет кто поститься, воделеваает уже с этого времени умом своим прийти в вождение собеседования с Богом. Ибо тело постящееся не терпит того, чтобы целую ночь проспать на постели своей. Когда на уста человеку налагается печать постов, тогда помысл его поучается в умилении, сердце его источает молитву, на лице у него грусть, и срамные помыслы далеки от него, не видно веселости в очах его, враг он похотений и суетных бесед. Никто никогда не видал, чтобы рассудительный постник стал рабом худого вождения. Пост с

рассудительностию — обширная обитель для всякого добра. А кто нерадит о посте, тот приводит в колебание все доброе; потому что пост был заповедию, вначале данною нашему естеству в остережение при вкушении пищи, и нарушением поста пало начало нашего создания. Но в чем состояло первое уничтожение, с того начинают подвижники преспевать в страхе Божием, как скоро начнут хранить закон Божий.

С сего начал и Спаситель, когда явился миру на Иордане. Ибо по Крещении Дух извел Его в пустыню, и постился Он там сорок дней и сорок ночей. Подобно и все исходящие вослед Спасителя на сем основании утверждают начало своего подвига, потому что пост есть оружие, уготованное Богом. И кто, если нерадит о нем, не будет укорен за сие? Если постится сам Законоположник, то как не поститься кому-либо из соблюдающих закон? Посему-то до поста род человеческий не знал победы, и диавол никогда не испытывал поражения своего от нашего естества, но от сего оружия

изнемог в самом начале. И Господь наш был вождем и первенцем сей победы, чтобы на главу естества нашего возложить первый победный венец. И как скоро диавол видит сие оружие на ком-нибудь из людей, тотчас приходит в страх сей противник и мучитель, немедленно помышляет и воспоминает о поражении своем в пустыне Спасителем, и сила его сокрушается, и воззрение на оружие, данное нам Началовождем нашим, посылает его. Какое оружие сильнее этого? И что придает столько смелости сердцу в борьбе с духами злобы, как алчба ради Христа? Ибо в какой мере утруждается и злостраждет тело в то время, как окружает человека полк демонский, в такой мере сердце исполняется упованием. Облеченный в оружие поста во всякое время распаляется ревностию. Ибо и ревнитель Илия, когда возревновал о законе Божиим, пребывал в сем деле — в посте. Пост стяжавшему его напоминает заповеди Духа. Он есть посредник ветхого закона и благодати, данной нам Христом. Кто нерадит о посте, тот и в других

подвигах расслаблен, нерадив, немощен, показывает тем начало и худой признак расслабления души своей и воюющему с ним дает случай к победе, потому что нагим и безоружным исходит на подвиг, а посему явно, что выйдет из борьбы без победы, потому что члены его не облакались в теплоту алчбы в посте. Таков пост. Кто пребывает в нем, у того ум непоколебим и готов сретить и отразить все лютые страсти.

О многих мучениках сказывают, что на тот день, в который ожидали они приять венец мученичества, если предузнавали о сем или по откровению, или по извещению от кого-либо из друзей своих, ничего не вкушали всю ночь, но с вечера до утра стояли бодрственно на молитве, славя Бога в псалмах, пениях и песнях духовных, с веселием и радованием ожидали того часа, как иные уготовившиеся на брак, чтобы в посте сретить меч. Посему и мы, призванные к невидимому мученичеству, чтобы приять венцы святыни, будем трезвиться, и врагам нашим да не будет дано знака отречения

ни одним членом, ни одною частию нашего тела.

Вопрос. Почему нередко иные, и даже многие, имея, может быть, и дела сии, не чувствуют тишины, и успокоения страстей, и мира помыслов?

Ответ. Страсти, сокровенные в душе, не исправляются, брат, телесными только трудами; они не удерживают и помыслов о том, что пробуждается всегда чувствами. Труды сии охраняют человека от пожеланий, чтобы не был ими преобладаем и от демонского обольщения, но не доставляют душе мира и тишины. Ибо дела и труды тогда доставляют душе бесстрастие, умерщвляют *уды*, *яже на земли* (Кол. 3:5), и даруют упокоевание помыслов, когда приобщимся безмолвия, когда во внешних чувствах прекратится смятение и несколько времени пребудут они в делании премудрости. А пока человек не лишится возможности быть в сообществе с людьми и членов своих и себя самого от расслабления помыслов не соберет сам в себя, — до тех пор не возможно узнать страсти своей. Безмолвие,

как сказал святой Василий, есть начало очищения души. Ибо когда во внешних членах прекратятся внешний мятеж и развлечение по внешности, тогда ум от внешних развлечений и парения возвращается в себя и упокоевается в себе, а сердце пробуждается к исследованию внутренних душевных мыслей. И если человек хорошо устоит в этом, то приходит он понемногу в состояние шествовать к душевной чистоте.

Вопрос. Не может ли душа очиститься и во время пребывания вне двери?*

Ответ. Если дерево ежедневно поливается, то засыхает ли когда корень его? Убывает ли когда в сосуде, в который ежедневно прибавляют? И если чистота не иное что есть, как незнание вольного обращения с людьми и оставление этой привычки, то как же пожелать, чтобы очистилась когда душа его, тому, кто деятельно сам собою или другими, посредством чувств, обновляет в себе памятование старой привычки, то есть познания порока? Воз-

* Т. е. вне келлии.

можно ли, чтобы очистилась когда душа его от этого или освободился он когда от внешних противодействий и мог увидеть себя? Если сердце ежедневно оскверняется, то очистится ли человек от скверны? Не в силах он противостать действию внешней силы, не тем ли паче не может очистить сердца, когда стоит среди воинского стана и ежедневно ждет слышать частые вести о брани? И как осмелится он провозгласить мир в душе своей? Если же удалится от сего, то может понемногу прекращать сперва внутренние волнения. Пока река не преграждена вверху, не иссякают воды ее внизу. Когда же придет человек в безмолвие, тогда душа может различать страсти и разумно изведывать свою мудрость. Тогда и внутренний человек пробуждается на духовное дело и день ото дня более ощущает сокровенную мудрость, цветущую в душе его.

Вопрос. Какие точные указания и близкие признаки, по которым человек ощущает, что начал он видеть в себе плод, сокрытый в душе?

Ответ. Когда сподобится кто благо-

дати многих слез, проливаемых без принуждения; потому что слезы положены уму как бы неким пределом между телесным и духовным, между состоянием страстным и чистотою. Пока не примет человек сего дарования, совершается дело его еще во внешнем только человеке, и еще вовсе не ощутил он действительности того, что сокрыто в духовном человеке. Ибо когда человек начнет оставлять телесное настоящего века и оказывается переступившим сей предел того, что в естестве действительно есть внутреннее, тогда скоро достигает сей благодати слез. И слезы сии начинаются в первой обители сокровенного жития и возводят человека к совершенству любви Божией. И чем далее поступает он, тем более обогащается сею благодатию, пока от продолжительного излияния слез не начнет пить их и в пище своей, и в питии своем.

И это точный признак, что ум исшел из мира сего и ощутил оный духовный мир. Но в какой мере человек умом своим приближается к сему миру, в такой же мере умяются слезы сии. И

когда ум совершенно бывает в сем мире, тогда совершенно лишается он сих слез. И это есть признак, что человек погребен в страстях.

О различии слез

Бывают слезы сожигающие, и бывают слезы утучняющие. Посему все те слезы, которые исходят из сущности сердца от сокрушения о грехах, иссушают и сожигают тело; а нередко и самое владычественное в душе, во время излияния слез, ощущает от них вред. И сперва человек по необходимости вступает на эту степень слез, но ими отверзается ему дверь войти на вторую ступень, лучшую первой; и это есть страна радости, в которой человек приемлет милость. Это уже слезы, проливаемые по благоразумию: они и украшают, и утучняют тело, и исходят непринужденно сами собою; и не только, как сказано, утучняют тело человеческое, но и вид человека изменяется. Ибо сказано: *Сердцу веселящемуся, лице цветет: в печалех же сущу, сетует* (Притч. 15:13).

Вопрос. Что значит воскресение души, о котором говорит Апостол: *Аще убо воскреснете со Христом (Кол. 3:1)?*

Ответ. Апостол, сказав: *Бог, рекый из тмы свету возсияти, иже возсия в сердцах наших (2 Кор. 4:6)*, показал, что воскресением души должно называть исшествие из ветхости, именно чтобы произошел новый человек, в котором нет ничего от ветхого человека, по сказанному: *И дам им сердце ново и дух нов (Иез. 36:26)*. Ибо тогда воображается в нас Христос Духом премудрости и откровения познания Его.

Вопрос. В чем состоит (говоря кратко) сила деятельности безмолвия?

Ответ. Безмолвие умерщвляет внешние чувства и возбуждает внутренние движения. А занятие внешним производит противное тому: возбуждает внешние чувства и умерщвляет внутренние движения.

Вопрос. Что бывает причиною видений и откровений; ибо иные имеют видения, а иные трудятся больше их, однако же видение не действует в них столько?

Ответ. Причин сему много. Одни из них — домостроительственные, имеют целию общую пользу, другие же — утешение, ободрение и научение немощных. И во-первых, все сие устрояется по милости Божией к людям; большею же частию устрояется сие ради троякого рода людей: или ради людей простых и крайне незлобных, или ради некоторых совершенных и святых, или ради тех, которые имеют пламенную ревность Божию, отреклись и совершенно отрешились от мира, удалились от сожителства с людьми, оставив все, не ожидая никакой помощи от видимого, пошли вослед Богу. На них-то нападает боязнь по исключительности их состояния или окружает их опасность смертная от голода, от болезни или от какого-нибудь обстоятельства, и от скорби, так что приближаются они к отчаянию. Посему если таковым бывают утешения, а тем, которые превосходят их трудами, не бывают, то первая сему причина — непорочность и порочность, и именно совести. Вторая причина непременно есть следующая: как скоро имеет

кто человеческое утешение или утешение чем-либо видимым, то не бывает ему подобных утешений, разве по некоему Домостроительству ради общей пользы. У нас же слово об отшельниках; и свидетель сказанному один из отцов, который молился об утешении и услышал: «Достаточно для тебя утешения человеческого и беседы с людьми».

И другой некто, подобно сему, когда был в отшельничестве и вел жизнь отшельническую, ежечасно услаждался благодатным утешением; а когда сблизился с миром, искал по обычаю утешения и не находил, и стал просить Бога открыть ему причину, говоря: «Не ради ли епископства, Господи, отступила от меня благодать?» И ему сказано: «Нет, не поэтому, но потому, что Бог промышляет о живущих в пустыне и их удостаивает таких утешений». Ибо невозможно, чтобы кто-либо из людей имел видимое утешение, а вместе приял и благодатное, разве по какому-нибудь упомянутому выше, сокровенному Домостроительству, которое известно в

подобных случаях одному Домостроителствующему.

Вопрос. Одно ли и то же — видение и откровение или нет?

Ответ. Нет. Напротив того, в них есть разность. Откровением часто называется то и другое. Поелику в видении обнаруживается сокровенное, то всякое видение называется откровением. Откровение же видением не называется. Слово *откровение* большею частию употребляется о познаваемом, о том, что умом испытывается и умопредставляется. Видение же бывает всякими способами, например, в изображениях и преобразованиях, как бывало древле ветхозаветным, в глубоком сне или бодрственном состоянии, и иногда со всею точностию, а иногда как бы в призраке и несколько неявленно; почему и сам имеющий видение часто не знает: в бодрственном ли состоянии видит он или в сонном. Можно и глас слышать о вспомоществовании и иногда видеть какое-либо прообраование, иногда же яснее лицом к лицу и видеть, и беседовать, и вопрошать, и на

вопросы получать ответы. Видимы бывают достойными и дают им откровение — святые силы. И таковые видения бывают в местах наиболее пустынных и удаленных от людей, где человек необходимо имеет в них нужду, потому что нет у него иной помощи и утешения от самого места. Откровения же, ощущаемые умом, при чистоте удобоприемлемы и бывают только совершенным и ведущим.

Вопрос. Если достиг кто сердечной чистоты, что служит ее признаком? И познает ли когда человек, что сердце его достигло чистоты?

Ответ. Когда всех людей видит кто хорошими и никто не представляется ему нечистым и оскверненным, тогда подлинно чист он сердцем. Ибо как исполниться слову апостольскому, по которому должны мы всех равно от искреннего сердца честию больших себе творить (ср.: Флп. 2:3), если не будет сказанного, что доброе око не узрит зла (см.: Авв. 1:13)?

Вопрос. Что такое чистота? И где предел ее?

Ответ. Чистота есть забвение противоестественных способов ведения, изобретенных естеством в мире. А чтобы освободиться от них и стать вне их, вот сему предел: прийти человеку в первоначальную простоту и первоначальное незлобие естества своего и сделаться как бы младенцем, только без младенческих недостатков.

Вопрос. Может ли кто взойти на эту степень?

Ответ. Да. Ибо вот иные приходили в меру сию, как и авва Сисой пришел в сию меру так, что спрашивал ученика: «Ел я или не ел?» И другой некто из отцов пришел в таковую простоту и почти в младенческую невинность, почему совершенно забывал все здешнее, так что стал бы и есть до Приобщения, если бы не препятствовали ему в этом ученики, и, как младенца, приводили его ученики к Приобщению. Но для мира был он младенец, для Бога же совершен душою.

Вопрос. Какие помыслы и размышления должно иметь подвижнику, пребы-

вающему на безмолвии, в безмолвной своей келье? и что надлежит ему непрестанно делать, чтобы ум его не имел досуга для суетных помыслов?

Ответ. Спрашиваешь о занятии и размышлении, как человеку стать мертвым в келье своей? Разве человек рачительный и трезвенный душою имеет нужду спрашивать, как ему вести себя, когда бывает он один сам с собою? Какое иное занятие у монаха в келье его, кроме плача? Разве бывает у него время от плача обратиться к другому помыслу? И какое занятие лучше этого? Самое пребывание монаха и одиночество его, уподобляясь пребыванию во гробе, далекому от радости человеческой, учат его, что деятельность его — плач. И самое значение имени его к тому же призывает и убеждает, потому что называется он сующим, то есть исполненным горести в сердце. И все святые в плаче переселялись из сей жизни. Если же святые плакали, и, пока не переселились из жизни сей, очи их всегда были наполнены слезами, то кто же не будет плакать?

Утешение монаху порождается плачем его. И если совершенные и победоносные здесь плакали, то как стерпит исполненный язв, чтобы перестать ему плакать? Кто имеет лежащего пред собою мертвеца и видит, что сам он умерщвлен грехами, того нужно ли учить, с какою мыслию пользоваться ему слезами? Душа твоя, которая для тебя дороже целого мира, умерщвлена грехами и лежит пред тобою, ужели же не требует она плача? Поэтому если пойдем на безмолвие и с терпением будем пребывать в нем, то, конечно, в состоянии будем пребывать в плаче. Посему будем часто в уме своем молить Господа, чтобы даровал нам плач. Ибо если приобретем сию благодать, лучшую и превосходнейшую прочих дарований, то, при помощи ее, достигнем чистоты. А как скоро достигнем ее, не отнимется уже у нас чистота до самого исхода нашего из жизни сей.

Посему блаженны чистые сердцем, потому что нет времени, когда бы не услаждались они сей сладостию слез, и в ней всегда зрят они Господа. Пока еще

слезы у них на глазах, они сподобляются зрения откровений Его на высоте молитвы своей; и нет у них молитвы без слез. Сие-то и значит сказанное Господом: *Блажени плачушии, яко тии утешатся* (Мф. 5:4). Ибо от плача приходит человек к душевной чистоте. Посему Господь, сказав: ...яко тии утешатся, не объяснил, каким утешением. Ибо когда монах сподобился с помощью слез прейти область страстей и вступить на равнину душевной чистоты, тогда сретае его таковое утешение. Посему если кто из искавших утешения здесь прострется на сию равнину и на ней встретит утешение, необретаемое здесь, то уразумевае тогда, какого ожидает себе наконец утешения за плач и какое утешение плачущим дает Бог за чистоту их, потому что непрестанно плачущий не может быть тревожим страстями. Пролить слезы и плакать — это дарование бесстрастных. И если слезы плачущего и сетующего временно могут не только путеводить его к бесстрастию, но и совершенно очистить и освободить ум его от памятования

страстей, что скажем о тех, которые с ведением день и ночь упражняются в сем делании? Посему никто не знает помощи, бывающей от плача, кроме тех одних, которые предали души свои делу сему. Все святые стремятся к сему входу, потому что слезами отверзается пред ними дверь для вшествия в страну утешения; и в этой стране в откровениях изображаются преблагие и спасительные следы Божии.

Вопрос. Поелику иные, по немощи тела, не в состоянии непрестанно плакать, что должно иметь им к охранению ума, чтобы против него, когда он ничем не занят, не восставали страсти?

Ответ. Страсти не могут восстать на душу и смутить подвижника, если в отшельничестве его, удаленном от всякого рассеяния, сердце его не занимается житейским, разве только будет он ленив и нерадив к своему долгу. А преимущественно, если будет он упражняться в изучении Божественных Писаний, то, занимаясь изысканием их смысла, пребывает нисколько не тревожим страстями.

Ибо при возрастающем и укореняющемся в нем разумении Божественных Писаний бегут от него суетные помыслы, и ум его не может отстать от желания читать Писания или размышлять о читанном, и не обращает он ни малого внимания на жизнь настоящую, по причине весьма великого наслаждения своим занятием, восхищаемый Писаниями в глубоком пустынном безмолвии. Почему забывает себя и естество свое и делается как бы человеком, который пришел в исступление, вовсе не памятует о сем веке, преимущественно занят мыслию о величии Божиим и, погружаясь в это умом, говорит: «Слава Божеству Его!» и еще: «Слава чудесам Его! Дивны и необычайны все дела Его! На какую высоту возвел Он мое убожество! Чему сподобил меня поучаться, на какие отваживаться помыслы, чем услаждать душу мою!» Обращаясь мыслию к чудесам сим и всегда ими изумляемый, пребывает он в непрестанном упоении и как бы уже вкушает жизнь по воскресении, потому что безмолвие весьма много содействует

сей благодати. Ибо ум его находит возможность пребывать в себе самом с миром, какой приобретен им в безмолвии. А вместе с тем возбуждается сим к памятованию того, что сообразно с порядком жизни его; ибо мысленно представляя славу будущего века и блага, по упованию уготованные праведным, пребывающим в оной духовной жизни и в Боге, и новое оное восстановление, не содержит ни в мысли, ни в памяти того, что есть в мире сем. И когда будет сим упоен, снова переносится оттуда созерцанием к веку сему, в котором еще живет, и в изумлении говорит: *О, глубина богатства, премудрости, ведения, разумения, благомыслия и Домостроительства неисследимого Бога, яко неиспытани судовы Его, и неизследовани путия Его (Рим. 11:33)!* Ибо когда Он уготовал иной столько чудный век, чтобы ввести в него все разумные существа и сохранить их в нескончаемой жизни, какая была причина сотворить Ему этот первый мир, расширить его и столько обогатить его

столплением* и множеством видов и естеств, и дать в нем место причинам многих страстей и тому, что их питает и что им противоборствует? И почему сначала поставил нас в этом мире, водрузил в нас любовь к долголетней в нем жизни, и внезапно исхищает нас из него смертью, немалое время хранит нас в бесчувственности и неподвижности, уничтожает образ наш, разливает растворение наше, смешивает его с землею, попускает, чтобы состав наш разрушился, истлел и исчез, и вовсе не оставалось ничего от состава человеческого; а потом, во время, какое определил достопоклоняемою премудростию Своею, когда восхощет, воздвигнет нас в ином образе, какой Ему только известен, и введет нас в другое состояние, чего не мы только, человеки, надеемся, но и самые святые Ангелы, не имеющие нужды в этом мире, по необычайности естества своего малым чем не достигшие совершенства, ожидают нашего восстания из тления, когда восста-

* Столпление — полнота, собрание. — Ред.

нет род наш из персти и обновится тление его? Ибо ради нас и им возбранен вход, и они ждут единократного отверстия двери нового века. И сия тварь (Ангелы) с нами успокоится от тяжести тела, обременяющей нас, как говорит Апостол: *Яко и сама тварь откровения сынов Божиих чае, да свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих* (ср.: Рим. 8:19, 21), по совершенном разорении века сего в целом его устройстве и по восстановлении естества нашего в первоначальное состояние.

И отсюда уже возносится умом своим к тому, что предшествовало сложению мира сего, когда не было никакой твари, ни неба, ни земли, ни Ангелов, ничего из приведенного в бытие, и к тому, как Бог, по единому благоволению Своему, внезапно привел все из небытия в бытие и всякая вещь предстала пред Ним в совершенстве. И снова нисходит умом своим ко всем созданиям Божиим, обращает внимание на чудесность тварей Божиих и на премудрость произведений, в изумлении рассуждая сам с собою:

«Какое чудо! Сколько Домостроительство и Промысл Его превышают всякое понятие, сколько чудная сила Его крепче всех произведений Его! Как из небытия привел Он в бытие тварь сию — это неисчислимое множество различных вещей? И как опять разорит ее, уничтожив это чудное благоустройство, эту лепоту естеств, это стройное течение тварей, часы и годы, это сочетание ночи и дня, воздушные перемены, содействующие году, эти разнообразные прозябающие из земли цветы, эти прекрасные здания городов и в них приукрашенные чертоги, это быстрое движение людей, это существование их, обремененное трудами от вшества своего в мир до самого исшествия? И как внезапно прекратится чудный этот порядок, и наступит другой век, и воспоминание о первой этой твари вовсе не взойдет никому на сердце, и будут иное видоизменение, иные помышления, иные попечения! И естество человеческое также не вспомянет вовсе о сем мире и о первом образе жизни своей; потому что ум человеческий прилепится

к созерцанию одного состояния, и уму людей не будет досуга возвратиться снова к брани с плотию и кровию. Ибо с разорением сего века немедленно примет начало век будущий. И всякий человек скажет тогда следующее: «О мать, забытая своими чадами, которых родила, воспитала и умудрила, и которые во мгновение ока собраны на чужое лоно и соделались истинными чадами неплодной, никогда не рождавшей! *Возвеселися неплоды нераждающая* (Ис. 54:1) о чадах, которых родила тебе земля».

И тогда как бы в исступлении размышляет и говорит: «Сколько еще времени будет стоять век этот? И когда восприимет начало век будущий? Сколько еще времени храминам этим спать в этом виде и телам быть смешанными с перстию? Какова будет она жизнь? В каком образе восстанет и составится естество это? Как прейдет оно в новую тварь?» И когда размышляет он о сем и подобном сему, приходит он в восторг, изумление и безмолвное молчание, и восстает он в этот час, и преклоняет колена,

и с обильными слезами воссылает благодарения и славословия единому премудрому Богу, всегда славимому во всепремудрых делах Его. Блажен, кто сподобился чего-либо такового! Блажен, у кого такое занятие и день и ночь! Блажен, кто о сем и подобном тому размышляет все дни жизни своей! И если человек в начале своего безмолвия не ощущает силы таковых созерцаний по причине парения ума своего, и не может еще возноситься к силам сказанных выше чудес Божиих, то да не приходит в уныние и да не оставляет тишины безмолвной жизни своей. Ибо и земледелец, когда сеет, не тотчас с посевом семени видит и колос; но за сеянием следуют у него уныние, труд, изнеможение собственных членов, удаление товарищей, разлука с домашними. А когда претерпит это, приходит иное время, в которое услаждается делатель, и скачет, и радуется, и веселится.

Какое же это время? Когда вкусит он хлеба, добытого потом своим, и в безмолвии соблюдено будет размышление его. Ибо великое и нескончаемое удо-

вольствие возбуждают в сердце и в неизреченное удивление приводят ум безмолвие и это, сказанное выше, терпеливое в безмолвии размышление. И блажен, кто терпеливо пребывает в оном; потому что отверзся пред ним сей боготочный источник, и пил он из него, и насладился, и не перестанет пить из него всегда, во всякое время, во всякий час дня и ночи, до скончания и последнего предела целой своей временной этой жизни.

Вопрос. Что главное во всех трудах дела сего, то есть безмолвия, чтобы человеку, который дошел и до сего, можно было знать, что достиг уже он совершенства в житии?

Ответ. То, когда сподобится человек непрестанного пребывания в молитве. Ибо как скоро достиг он сего, взошел на высоту всех добродетелей и соделался уже обителю Святого Духа. А если кто не приял несомненно сей благодати Утешителя, то не может свободно совершать пребывания в сей молитве, потому что, как сказано, когда вселится в ком из людей Дух, тогда не прекратит он молит-

вы, но Сам Дух молится всегда (см.: Рим. 8:26). Тогда и в сонном, и в бодрственном состоянии человека молитва не пресекается в душе его, но ест ли, пьет ли, спит ли, делает ли что, даже и в глубоком сне, без труда издаются сердцем его благоухания и испарения молитвы. Тогда молитва не отлучается от него, но всякий час, хотя и безмолвствует во внешности его, однако же в то же время совершает в нем службу Божию втайне. Ибо молчание чистых один из христовых мужей называет молитвою, потому что помыслы их суть Божественные движения, а движения чистого сердца и ума суть кроткие гласы, которыми сокровенно воспевают Сокровенного.

Вопрос. Что такое духовная молитва? И как подвижнику сподобиться ее?

Ответ. Душевные движения, за строгую непорочность и чистоту, делаются причастными действенности Святого Духа. И ее сподобляется один из многих тысяч людей, потому что это — тайна будущего состояния и жития. Естество возносится и пребывает недей-

ственным, без всякого движения и памятования о здешнем. Не молитвою молится душа, но чувством ощущает духовные вещи он^ого века, превышающие понятие человеческое, уразумение которых возможно только силою Святого Духа. А это есть умное созерцание, но не движение и не взыскание^{*} молитвы, хотя от молитвы заимствовало себе начало. Ибо чрез это некоторые из подобных сим людей достигали уже совершенства чистоты. И нет часа, в который бы внутреннее их движение было не в молитве, как сказали мы выше. И когда приникает Дух Святой, всегда обретает таковых в молитве; и от этой молитвы возносит их к созерцанию, которое называется духовным видением. Ибо не имеют они нужды в образе продолжительной молитвы, ни в стоянии и в чине продолжительной службы. Для них достаточно вспомнить о Боге, и тотчас пленяются любовью Его. Впрочем, не нерадят совершенно и о стоянии на молитве, когда воздают честь

* В греческом тексте речь без отрицания; но здесь предпочтены переводы древний славянский и сербский.

молитве, и, кроме непрестанной молитвы, в назначенные часы стоят на ногах.

Ибо видим святого Антония стоящим на молитве девятого часа и ощутившим возношение ума своего. И другой из отцов, с воздетыми руками стоя на молитве, приходил в восхищение на четыре дня. И другие многие во время таковой молитвы пленяемы были сильным памятованием о Боге и великою любовью к Нему и приходили в восхищение. Сподобляется же ее человек, когда хранением заповедей Господних, противящихся греху, и внутренне и наружно совлечется греха. Кто возлюбит сии заповеди и воспользуется ими по чину, для того необходимым сделается освободиться от многих человеческих дел, то есть совлечься тела и быть вне его, так сказать, не по естеству, но по потребности. Кто ведет жизнь по образу Законоположника и руководствуется заповедями Его, в том невозможно оставаться греху. Посему Господь обетовал в Евангелии сохранившему заповеди сотворить у него обитель (см.: Ин. 14:23).

Вопрос. В чем совершенство многих плодов духа?

Ответ. В том, когда сподобится кто совершенной любви Божией.

Вопрос. И почему узнает человек, что достиг ее?

Ответ. Когда памятование о Боге возбудилось в душе его, тогда сердце его немедленно возбуждается любовью к Богу и очи его обильно изводят слезы. Ибо любви обычно воспоминанием о любимых возбуждать слезы. И пребывающий в любви Божией никогда не лишается слез, потому что никогда не имеет недостатка в том, что питает в нем памятование о Боге; почему и во сне своем беседует с Богом. Ибо любви обычно производить что-либо подобное, и она есть совершенство людей в сей их жизни.

Вопрос. Если после многого труда, изнурения, борения, какие приобрел человек, помысл гордыни не стыдится приразиться к нему, потому что заимствует себе пищу в лепоте добродетелей его и рассчитывает на великость понесенного

им труда, то чем одолеть человеку помысл свой и приобрести в душе своей такую твердость, чтобы не покорилась она помыслу?

Ответ. Когда познает кто, что отпадает он от Бога, как сухой лист падает с дерева, тогда уразумевает силу души своей: то есть своею ли силою приобрел он добродетели сии и перенес ради них все борения, между тем как Господь удерживал помощь Свою, и попускал ему одному вступать в борьбу с диаволом, и не ходил с ним вместе, как обыкновенно участвует Он в борьбе с подвижающимися и содействует им, — тогда обнаруживается сила его; лучше же сказать, ясным делается поражение и затруднение его. Ибо со святыми всегда бывает Промысл Божий, охраняющий и укрепляющий их. Им побеждает всякий чин людей, если бывает человек в подвиге и в страданиях мученических и в прочих бедствиях, постигающих за Бога и ради Его претерпеваемых. И это ясно, очевидно и несомненно. Ибо как естество может победить силу щекотаний, непре-

станно возбуждающихся в членах у людей, причиняющих им скорбь и очень сильных для того, чтобы преодолеть их? И почему другие желают победы и любят ее, но не могут одерживать оной при сильном противоборстве своем; напротив же того, каждый день терпят поражение от телесных щекотаний и пребывают в труде, в плаче и в изнеможении, трудясь о душах своих; а ты удобно можешь понести притязания тела, которые столько трудны, и не приходится от того в большее замешательство? И как тело, в других случаях чувствительное к страданиям и не терпящее уязвления тернием, уколовшим его ноготь, может пребороть резание железом, переносить сокрушение членов и всякого рода муки, и не препобеждаться страданиями, не ощущая, как обычно естеству, сих разнообразных мучений, если кроме естественной силы не приходит отынуду другая сила, отражающая от него лютость мучений? И поелику заговорили мы о Божием Промысле, то не поленимся привести на память одну душеполез-

ную повесть, возвышающую человека в борениях его.

Один юноша по имени Феодор, у которого все тело подвергнуто было мучениям, спрошенный кем-то: «Чувствовал ли ты мучения?» — отвечал: «Вначале чувствовал, а впоследствии увидел некоего юношу, который отирал пот моего борения, укреплял меня и доставлял мне прохладу во время подвига». О, как велики Божии щедроты! Сколько близка бывает благодать Божия к подвижающимся за имя Божие, чтобы им с радостью претерпевать за Него страдания!

Поэтому не будь непризнателен, человек, к Божиию о тебе промыслению. Если, наконец, явно, что ты не победитель, а только как бы орудие, побеждает же в тебе Господь, и ты туне получаешь победное имя, — кто возбраняет тебе и во всякое время просить той же силы, и побеждать, и принимать похвалу, и исповедоваться Богу? Разве не слышал ты, человек, сколь многие подвижники от сложения мира, быв непризнательными к сей благодати, пали с высоты жизни и с

высоты подвигов своих? Сколько многочисленны и различны дары Божии роду человеческому сами в себе, столько же бывает различия в приемлемых дарах и соответственно степени приемлющих оные. Бывает умаление и величие в дарах Божиих; хотя все они высоки и чудны, но один превосходит пред другим славою и честью, и степень степени выше. И также: посвятить себя Богу и жить добродетельно есть одно из великих дарований Христовых. Ибо многие, забыв, что по сей благодати сподобились они стать отлученными от людей и посвященными Богу, причастниками и преемниками дарований Его, избранными и удостоенными служения и священнодействия Богу, вместо того чтобы непрестанно устами своими благодарить за сие Бога, уклонились в гордыню и высокомерие и думают о себе не как приявшие благодать священнодействия, чтобы священнодействовать Богу чистым житием и духовным деланием, но как оказывающие милость Богу; когда бы надлежало им рассудить, что Бог изъял их из среды людей и

соделал присными Своими для познания таин Его. И не трепещут они всею душою своею, рассуждая таким образом, наипаче же когда видят, как у рассуждавших подобно сему прежде них внезапно отъято было достоинство и как Господь в мгновение ока свергнул их с той высокой славы и чести, какую имели они; и уклонились они в нечистоту, непотребство и студодеяние, подобно скотам. Поелику не познали они силы своей и не содержали непрестанно в памяти Давшего им благодать — совершать пред Ним служение, стать включенными в Царство Его, быть сожителями Ангелов и приближаться к Нему ангельским житием, то Бог отстранил их от делания их и тем, что оставили безмолвие и изменили образ жизни своей, показал им, что не их была сила, если соблюдали они благочиние в житии и не тревожили их понуждения естества, демонов и иных прочих сопротивностей, напротив же того, была это сила благодати Божией, производившая в них то, чего мир, по трудности этого, не может вместить или слышать и

в чем они пребывали долгое время и не были побеждаемы; почему, конечно, была в них некая сопутствующая им сила, достаточная к тому, чтобы во всем помогать им и охранять их. Но поелику забыли они о силе этой, то исполнилось на них слово, сказанное Апостолом: *Якоже не искусиша имети в разуме Бога, Владыку своего, совокупившего персть для духовного служения, предаде их... в неискусен ум* (Рим. 1:28), и, как надлежало, восприяли они бесчестие за свое заблуждение.

Вопрос. Бывает ли когда, чтобы тот, кто отважится вдруг совершенно отречься от сожителства с людьми и по благой ревности внезапно уйти в необитаемую и страшную пустыню, умер от сего с голода по неимению у себя покрова и прочих потребностей?

Ответ. Кто бессловесным животным, прежде сотворения их, уготовал жилище и печется об их потребностях, Тот не презрит создания Своего, преимущественно же боящихся Его, и в простоте, без пытливости последовав-

ших Ему. Кто волю свою во всем преда-ет Богу, тот не печется уже о нуждах тела своего, о бедствии и злострадании его, но желает пребывать в житии сокровенном и вести жизнь уничиженную, не боится скорбей, но почитает приятным и сладостным отчуждение от целого мира за чистоту жития, изнуряя себя среди холмов и гор, живет как скиталец в кругу бессловесных животных, не соглашается упокоеваться телесно и проводить жизнь, исполненную скверн. И когда предает себя на смерть, ежечасно плачет и молится, чтобы не лишиться ему чистого Божия жития; тогда приемлет от Бога помощь. Ему слава и честь! Он да сохранит нас в чистоте Своей и да освятит нас святынею благодати Святого Духа, в честь имени Своего, чтобы святое имя Его в чистоте прославлялось во веки веков! Аминь.



СЛОВО 22

О том, что тело, которое боится искушений,
делается другом греха

Некто из святых сказал, что другом греха делается тело, которое боится искушений, чтобы не дойти ему до крайности и не лишиться жизни своей. Посему Дух Святой понуждает его умереть. Ибо знает, что, если не умрет, не победит греха. Если кто хочет, чтобы вселился в нем Господь, то принуждает он тело свое служить Господу, работает в заповедях Духа, написанных у Апостола, и хранит душу свою от дел плотских, описанных Апостолом (см.: Гал.5:19). Тело же, общившееся греху, упокоевается в делах плотских, и Дух Божий не упокоевается в плодах его. Ибо когда тело изнемогает в посте и смирении, тогда душа укрепляется молитвою. Телу, когда много угнетается скорбями безмолвия, терпит лишения и недостатки и приближается к тому, чтобы лишиться жизни своей, обычно умолять тебя и говорить: «Дай мне не-

много свободы пожить прилично; хожу я теперь право, потому что испытано великими злостраданиями». И как скоро, из сострадания к нему, успокоишь его от скорбей и доставишь ему несколько отдохновения, и хотя ненадолго успокоится оно, мало-помалу станет с ласкательством нашептывать тебе (а ласкательства его весьма сильны), пока не заставит тебя уйти из пустыни, и скажет тебе: «Можем и близ мира жить хорошо; потому что испытаны во многом; поэтому можем и там жить по тем же правилам, какими водимся теперь. Испусти меня только, и если не буду таким, как тебе угодно, можем возвратиться. Вот пустыня не бежит от нас». Не верь ему, хотя и сильно будет умолять и даст много обещаний. Оно не исполнит того, что говорит. Когда склонишься на просьбу его, ввергнет тебя в великие падения, из которых не будешь в состоянии восстать и выйти.

Когда придешь от искушений в уныние и пресытишься ими, скажи сам себе: «Снова вожделеваешь ты нечистоты и

срамной жизни». И если тело скажет тебе: «Великий грех самому себя убивать», то отвечай ему: «Сам себя убиваю, потому что не могу жить нечисто. Умру здесь и не увижу еще истинной смерти души моей, смерти для Бога. Лучше мне умереть здесь ради непорочности и не жить худою жизнью в мире. Произвольно избрал я смерть сию за грехи свои. Сам себя умерщвляю, потому что согрешил я Господу; не буду более прогневлять Его. Что мне в жизни, далекой от Бога? Буду терпеть озлобления сии, чтобы не быть отчужденным от небесной надежды. Что Богу в жизни моей в этом мире, если живу в нем худо и прогневляю Бога?»



СЛОВО 23

Послание, писанное к одному брату,
любившему безмолвие

Поелику знаю, что любишь ты безмолвие и что диавол, зная волю твоего ума, под предлогами добра опутывает тебя во многом, пока не привел в рассеянность и не препнул тебя в добродетели, заключающей в себе многие виды доброго, чтобы мне, как члену, тесно связанному с тобою, добрый брат, помочь благу твоему желанию полезным словом, позаботился я написать, что сам приобрел у мужей, мудрых добродетелию, в Писаниях, у отцов и собственным опытом. Ибо если человек не будет пренебрегать и почестями и бесчестиями и ради безмолвия терпеть поношение, поругание, вред, даже побои, не сделается посмешищем и видящие его не станут почитать его юродивым и глупцом, то не возможен он пребыть в благом намерении безмолвия, потому что если человек однажды отворит дверь каким-либо по-

буждениям, то диавол не престанет выставлять ему на вид некоторые из сих побуждений под многими предлогами, в частых и бесчисленных встречах с людьми. Поэтому если ты, брат, в точности любишь добродетели такого безмолвия, которое не терпит в себе ни рассеяния, ни отторжения, ни отделения, и каким побеждали древние, то найдешь в таком случае возможность совершить похвальное свое желание, как скоро уподобишься отцам своим и примешь намерение в себе показать житие их. А они возлюбили совершенное безмолвие, не заботились поддерживать любовь близких своих, не старались употреблять силы свои на их успокоение и не стыдились избегать встречи с теми, которые почитаются людьми почтенными.

Так они шествовали, и не были осуждаемы людьми мудрыми и ведущими, как пренебрегающие братьями, презрители, или нерадивые, или лишенные рассудка, что в оправдание их и сказано одним почитающим безмолвие и отшельничество паче сообщества с людьми.

«Человек, — говорит он, — который опытно дознает сладость безмолвия в келье своей, не как пренебрегающий ближним убегает с ним встречи, но ради того плода, какой пожинает от безмолвия». «Для чего, — спрашивает он, — авва Арсений предавался бегству и не оставался, встречая кого-либо?» Авва же Феодор, если встречал кого, то встреча его была как меч. Никому не говорил он приветствия, когда находился вне своей келии. А святой Арсений не приветствовал даже и приходящего к нему с приветствием. Ибо в одно время некто из отцов пришел видеть авву Арсения, и старец отворил дверь, думая, что это служитель его; но когда увидел, кто был пришедший, повергся на лице свое и, долго умоляемый встать, после уверения пришедшего, что примет благословение и уйдет, святой отрекся, говоря: «Не встану, пока не уйдешь». И не встал, пока тот не ушел. И делал блаженный это для того, чтобы, если однажды подаст им руку, снова не возвратились к нему.

Посмотри же на продолжение слова, и тогда не скажешь, что, может быть, Арсений пренебрег сим отцом или кем другим по малозначительности его, а ино-му ради чести его оказал лицепрятие и беседовал с ним. Напротив того, Арсений равно бегал от всех, и от малых и от великих. Одно было у него пред очами — ради безмолвия пренебрегать сообщением с людьми, будет ли то человек великий или малый, и ради чести безмолвия и молчания от всех понести на себе укоризну. И мы знаем, что приходил к нему архиепископ, блаженный Феофил, а с ним был и судия той страны, имевший желание видеть святого и оказать ему честь. Но Арсений, когда сидел пред ними, даже малым словом не почтил их высокого сана, хотя и очень желали они слышать слово его. И когда архиепископ стал просить его о том, добрый старец помолчал немного и потом говорит: «Сохраните ли слово мое, если скажу вам?» Они изъявили согласие, сказав: «Да». Старец же сказал им: «Если услышите, что тут Арсений, не приближайтесь туда».

Видишь ли чудный нрав старца? Видишь ли пренебрежение его к человеческой беседе? Вот человек, пожавший плод безмолвия. Блаженный не рассуждал, что пришел учитель вселенский и глава Церкви, но представлял в мысли следующее: «Единожды навсегда умер я для мира, какая же польза от мертвеца живым?» И авва Макарий укорил его исполненной любви укоризною, сказав: «Что ты бегаешь от нас?» Старец же представил ему чудное и достойное похвалы оправдание, ответив: «Богу известно, что люблю вас; но не могу быть вместе и с Богом, и с людьми». И сему чудному ведению научен он не иным кем, но Божиим гласом. Ибо сказано было ему: «Бегай, Арсений, людей, и спасешься».

Ни один праздный и любящий беседы человек да не будет столько бесстыден, чтобы опровергать это, извращая слова Арсениевы, и да не говорит вопреки сему: «Это изобретение человеческое, и изобретено в пользу безмолвия». Напротив того, это — учение небесное. И чтобы не подумали мы, будто бы сказано

сие было Арсению в смысле бежать и удаляться ему от мира, а не в смысле бегать ему также и от братии, после того как оставил он мир, пошел и поселился в лавре, снова молился он Богу, вопрошая, как можно жить ему добродетельно, и говорил: «Укажи мне путь, Господи, как спастись», и думал, что услышит что-либо иное; но и во второй раз услышал опять тот же Владычный глас: «Бегай, Арсений, молчи и безмолвствуй. И хотя много пользы (сказано ему) в свидании и в беседе с братьями, однако же не столько полезно для тебя беседовать с ними, сколько бегать от них». И когда приял сие блаженный Арсений в Божественном откровении, и как был еще в мире, повелено ему бегать, и потом, когда был с братиею, изречено то же самое, — тогда уверился он и познал, что к приобретению доброй жизни недостаточно ему бегать только мирских, должно же убегать от всех равно. Ибо может ли кто противиться и прекословить Божественному гласу? Да и божественному Антонию сказано было в откровении:

«Если желаешь безмолвствовать, иди не только в Фиваиду, но даже во внутреннюю пустыню». Посему если Бог повелевает нам бегать от всех и столько любит безмолвие, когда пребывают в нем любящие Его, кто станет выставлять на вид какие-либо предлоги к тому, чтобы пребывать в собеседовании и сближении с людьми? Если Арсению и Антонию полезны были бегство и осторожность, то кольми паче полезны они немощным? И если тех, и в слове, и в лицезрении, и в помощи которых имел нужду целый мир, Бог почтил больше за их безмолвие, нежели за вспомоществование всему братству, лучше же сказать всему человечеству, то кольми паче безмолвие нужно тому, кто не в состоянии хорошо охранять себя?

Знаем и о другом некоем святом, что брат его сделался болен и заключен был в другой келии. А поелику святой во все время болезни его превозмогал свою сострадательность и не приходил повидаться с ним, то больной, приближаясь к исшествию своему из жизни, послал ска-

зять ему: «Если ты не приходил ко мне доныне, то приди теперь, чтобы видеть мне тебя прежде отшествия моего из мира, или приди хотя ночью, и я поцелую тебя и почию». Но блаженный не согласился даже и в этот час, когда природа обыкновенно требует нашего сострадания друг к другу и преступает определение воли, но сказал: «Если выйду, то не буду чист сердцем моим пред Богом, потому что нерадел посещать духовных братий, естество же предпочел Христу». И брат умер, а он не видал его.

Поэтому никто по лености помыслов да не представляет на вид, что сие невозможно, да не опровергает сего и да не обращает в ничто своего безмолвия, отвергнув Божий о нем Промысл. Если святые победили самое естество, как оно ни крепко, и если Христос любит, когда чувствуют безмолвие, между тем как остаются в пренебрежении чада Его, то какая может быть у тебя иная необходимость, которой ты не мог бы пренебречь, когда подпадешь ей? Она же заповедь, в которой сказано: *...возлюбиши Господа*

Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим (Мф. 22:37) более целого мира и естества и всего, что в естестве, вполне исполняется, когда пребываешь в безмолвии своем. И заповедь о любви ближнего заключена в нем же. Хочешь ли, по евангельской заповеди, приобрести в душе своей любовь к ближнему? Удались от него; и тогда возгорится в тебе пламень любви к нему, и радоваться будешь при лицезрении его, как при видении светлого Ангела. Хочешь ли также, чтобы жаждали твоего лицезрения любящие тебя? В определенные только дни имей свидание с ними. Опыт — действительно учитель для всех. Будь здоров. Богу же нашему благодарение и слава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 24

Послание к некоему брату естественному
и духовному, который, живя в мире и желая
видеться с Исааком, убеждал и умолял
в письмах своих прийти к нему

Не так мы сильны, как думаешь ты, блаженный; и, может быть, не знаешь ты немощи моей и того, что нетрудна для тебя погибель моя, а потому, как бы распаляемый естеством по обычаю его, непрестанно просишь меня о том, о чем и нам заботиться, чего и тебе желать — не должно. Не проси у меня, брат, сего одного, упокоивающего плоть и ее мудрование, но попекись о спасении души моей. Немного еще времени, и прейдем мы из века сего. Сколько лиц встречу, когда пойду к тебе! Сколько увижу людских нравов и мест, пока не возвращусь на свое место! Сколько причин к помыслам примет душа моя при встрече с людьми! Сколько смущения потерпит от пробудившихся в ней страстей, от которых успокоилась несколько! Это и тебе

не неизвестно. Что монаху видеть вредно мирское, сам ты это знаешь. И смотри, какое изменение происходит в уме долгое время безмолвствовавшего с самим собою, когда он вдруг снова впадает в это, и видит, и слышит, что для него непривычно. Если тому, кто в подвиге и ведет еще брань с противником своим, вредит и встреча с монахами, когда они неблизки к его состоянию, то рассуди, в какой кладезь падем мы, особливо долгим опытом приобретшие познание! О, если бы избавиться нам от жала врага нашего! Поэтому не требуй от меня, чтобы я без нужды сделал это. Да не обольщают нас утверждающие, будто бы никакого вреда нет для нас оттого, что слышим и видим нечто, будто бы одинаковы мы по мыслям своим и в пустыне и в мире, будто бы и в келии и вне ее не возмущается скромность наша, не происходит с нею худой перемены, при встрече с лицами и вещами не чувствуем тревоги страстей. Утверждающие это, если и раны приемлют, не знают этого; но мы не достигли еще сего душевного здоровья,

имеем на себе смердящие язвы, и они вскипят червями, если и один день не будет о них попечения и останутся они не перевязанными, не будут обложены пластырем и стянуты перевязками.



СЛОВО 25

О трех способах ведения, о разности их делания и понятий, о вере души, о таинственном богатстве, в ней сокровенном, и о том, сколько ведение мира сего разнствует в способах своих с простотою веры

Душа, проходящая стезями жития и путем веры и нередко преуспевшая в сем последнем, если обращается снова к способам ведения, начинает вскоре хромать в вере, и утрачивается в ней духовная ее сила, обнаруживавшаяся в чистой душе взаимностию вспоможений и по простоте не входившая в исследование всего того, что в ней и к ней относится. Ибо душа,

однажды с верою предавшая себя Богу и многократным опытом изведавшая Его содействие, не заботится уже о себе, но связуется изумлением и молчанием, и не имеет возможности снова возвратиться к способам своего ведения и употребить их в дело, чтобы иначе, при их противлении, не лишиться Божия промысления, которое втайне неусыпно назирает над душою, печется о ней и непрестанно преследует ее всеми способами, — не лишится же потому, что душа обезумела, возмечтав, будто бы сама достаточно может промыслять о себе, по силе своего ведения. Ибо те, в коих воссиявает свет веры, не доходят уже до такого бесстыдства, чтобы снова им испрашивать у Бога в молитвах: «Дай нам это», или: «Возьми у нас это», и нимало не заботятся они о себе самих, потому что духовными очами веры ежечасно видят Отеческий Промысл, каким приосеняет их тот истинный Отец, Который безмерно великою любовью Своею превосходит всякую отеческую любовь, паче всех может и имеет силу содействовать нам до

преизбытка, в большей мере, нежели как мы просим, помышляем и представляем себе.

Ведение противно вере. Вера во всем, что к ней относится, есть разрешение законов ведения, впрочем, ведения не духовного. Определение ведения то, что оно не имеет власти что-либо делать без разыскания и исследования, а напротив того, разыскивает, возможно ли тому быть, о чем помышляет и чего хочет. Что же делает вера? Она не соглашается пребывать в том, кто приближается к ней неправо.

Ведение без разыскания и без своих способов действия не может быть познано. И это есть признак колебания в истине. А вера требует единого чистого и простого образа мыслей, далекого от всякого ухищрения и изыскания способов. Смотри, как они противятся друг другу. Дом веры есть младенческое понятие и простое сердце. Ибо сказано: *в простоте сердца своего прославили Бога; и: ...аще не обратитесь, и будете яко дети, не увидите в Царство Не-*

бесное (Мф. 18:3). Ведение же ставит сети простоте сердца и понятий и противится ей.

Ведение есть устав естества, охраняющий его во всех стезях его. А вера совершает шествие свое выше естества. Ведение не покушается допустить до себя что-либо разрушительное для естества, но удаляется от этого, а вера без труда позволяет и говорит: *На аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия* (Пс. 90:13). Ведение сопровождается страхом, вера — надеждою. В какой мере человек водится способами ведения, в такой же мере связуется он страхом и не может сподобиться освобождения от него. А кто последует вере, тот вскоре делается свободен и самовластен, и как сын Божий всем пользуется свободно самовластно. Возлюбивший веру сию, как Бог, распоряжается всяким тварным естеством, потому что вере дана возможность созидать новую тварь по подобию Божью, как сказано: *восхоте, и все явилось пред тобою* (Иов. 23:13). Нередко она может все производить и из

несущего. А ведение не может что-либо произвести без вещества. У ведения нет столько самонадеянности, чтобы производить то, чего не дано естеством. Да и как ему произвести это? Текущее естество воды на хребет свой не приемлет телесных стоп, и приближающийся к огню сожигает себя, а если у него достанет на то смелости, то последует беда.

Ведение с осторожностью охраняет себя от этого и никак не соглашается преступить в этом предел. Вера же самовластно преступает все и говорит: *...аще сквозе огонь пройдеши, не сожжешися... и реки не покрывают тебе* (ср.: Ис. 43:2). И вера нередко производила сие пред целою тварию. А если бы ведению открывался здесь случай искусить себя в этом, то, без сомнения, оно не решилось бы на то. Ибо многие по вере входили в пламень, обуздывали сожигающую силу огня, и невредимо проходили посреди его, и по хребту моря шествовали, как по суше. А все это выше естества, противно способам ведения и показало, что суетно оно во всех способах и законах своих.

Видишь ли, как ведение сохраняет пределы естества? Видишь ли, как вера поступает выше естества и там пролагает стези своему шествию? Сии способы ведения пять тысяч лет, или несколько меньше, или и свыше сего, управляли миром, и человек нисколько не мог подъять головы своей от земли и сознать силу Творца своего, пока не воссияла вера наша и не освободила нас от тьмы земного делания и суетного подчинения при бесплодном парении ума. Да и теперь, когда нашли мы невозмутимое море и неоскудевающее сокровище, снова вожде-леваем уклониться к скудным источникам. Нет ведения, которое бы не было в скудости, как бы много ни обогатилось оно. А сокровищ веры не вмещают ни земля, ни небо. Ничего никогда не утрачивает тот, у кого сердце подкрепляется упованием веры. И когда ничего не имеет, все содержит он верою (см.: 2 Кор. 6:10), как написано: *Вся, елика восприте в молитве, верою примите* (Мф. 21:22); и еще: *Господь близ. Ни о чемже пецуетеся* (Флп. 4:5—6).

Ведение всегда ищет способов к охранению приобретающих оное. А вера говорит: *...Аще не Господь созиждет дом... и сохранит град, всуе бде стрегий... всуе трудися зиждущий* (ср.: Пс. 126:1). Кто молится с верою, тот никогда не пользуется способами самоохранения и не прибегает к ним. Ибо ведение на всяком месте хвалит страх, как сказал Премудрый: *Боящемуся <Господа> блаженна душа* (Сир. 34:15). Что же вера? Сказано: *...убояся, и начен утопати* (Мф. 14:30); и еще сказано: *Не приясте духа работы паки в боязнь: но приясте Духа сыноположения в свободу веры и надежды на Бога* (Рим. 8:15); и еще: не убойся их и не беги от лица их. Страху всегда сопутствует сомнение, а сомнение сопровождается разысканием, а разыскание — принятыми способами, а принятые способы — ведением. И в самом исследовании и разыскании всегда познаются страх и сомнение, потому что не во всякое время во всем успевает ведение, как показали мы прежде сего. Ибо нередко

встречаются душе затруднительные стечения и столкновения обстоятельств и многие исполненные опасностей случаи, в которых вовсе не могут здесь сколько-нибудь помочь ведение и способы мудрости. Но, с другой стороны, в затруднениях, не отвратимых всеми силами и крайним пределом человеческого ведения, вера нимало не преодолевается ни одним из сих затруднений. Ибо достаточно ли человеческого ведения, чтобы помочь сколько-нибудь в явных бранях с невидимыми природами и с силами телесными, а равно и со многим другим? Видишь ли немощь силы ведения и крепость силы веры? Ведение ученикам своим воспрещает приближаться ко всему чуждому для естества. Но заметь в этом силу веры: что предлагает она учащимся у нее? Сказано: *...именем Моим бесы ижденете; змия возмете; аще и что смертно испиете, не вредит вы* (Мк. 16:17,18). Ведение, по законам своим, всем шествующим путем его предлагает во всяком деле до начала его разыскать конец, и потом начинать, чтобы, если

окажется, что конец дела с трудом обрывается в пределах человеческой силы, не потрудиться им напрасно, и чтобы не открылось, что делу трудно и невозможно совершиться. Что же говорит вера? ...*Вся возможна верующему* (Мк. 9:23), потому что для Бога нет ничего невозможного. Какое неизреченное богатство! Какое море богатства в волнах веры и в чудных сокровищах, преизливаемых силою ее! Какого благодушия, удовольствия и упования исполнено шествие с нею! Как легки бремена ее! И сколько сладости в делании ее!

Вопрос. Кому уподобляется в деле своем тот, кто сподобился вкусить сладости веры и снова обратился к ведению душевному?

Ответ. Тому, кто нашел многоценную жемчужину и обменял ее на медный обол; тому, кто оставил полновластную свободу и возвратился в состояние нищеты, исполненное страха и рабства.

Неукоризненно ведение, но выше его вера. Если и укорим, то не самое ведение укорим. Да не будет сего! Но чем разли-

чить разные способы, в которых идет оно вопреки естеству*? Как приближается оно к чинам демонским (что явственно различим впоследствии)? Сколько ступеней, на которые восходит сими способами ведение? Какая разность открывается на каждой ступени? Какими понятиями пробуждается ведение при каждом способе, когда держится оных? В котором из сих способов, когда следует им, противится вере и выходит из естества? и какая бывает в нем разность? и на какой степени, когда возвращается к первоначальной своей цели, приходит в естество свое и устанавливается на одной ступени с верою в добром житии? и до чего иногда дает простираться разности на одной и той же степени? и как переходит от сего к высшему? и какие способы оной иной, или первоначальной, степени? И когда ведение сопрягается с верою, делается с нею едино, облекается ею в огненные понятия, возгорается духом, приобретает крыла бесстрастия и от слу-

* Так читается в греческом и в древнем славянском переводах; хотя у Паисия читаем: *сопротив вере*.

жения земному, употребив иные способы, возносится в область Создателя своего? Впрочем, до времени довольно нам знать, что вера и восхождения ее, и делание оных — выше ведения.

Самое ведение усовершенствуется верою и приобретает силу восходить горе, ощущать то, что выше всякого ощущения, видеть оный луч, не уловимый умом и ведением тварей. Ведение есть ступень, по которой человек восходит на высоту веры, и как скоро достигает оной, более уже не пользуется им. Ибо сказано: ныне *отчасти разумеваем, отчасти понимаем. Егда же приидет совершенное, тогда, еже от части, упразднится* (1 Кор. 13:9—10). Теперь уже вера как бы предочи представляет нам действительность совершенства, и верою нашею изучаем оное непостижимое, а не разысканием и силою ведения.

Вот дела правды: пост, милостыня, бдение, святыня и все прочее, совершаемое с помощью тела; любовь к ближнему, смиренномудрие сердца, прощение проступков, помышление о добром, ис-

следование действительных таин, прикровенных в святых Писаниях, упражнение ума в делах совершеннейших, в хранении пределов душевных страстей и прочие добродетели, совершаемые в душе. Все это имеет нужду в ведении, потому что ведение охраняет это и учит порядку в этом. И все это только ступени, по которым душа восходит на горную высоту веры — и сие называется добродетелями. Но жизнь веры выше добродетели, и делание ее — не дела, но совершенный покой, и утешение, и словеса в сердце, и оно совершается в понятиях души. Ее также делание — все чудные способы духовного жития, которых делание есть чувство в духовной жизни, и наслаждение, и душевный покой, и вожделение, и радость о Боге, и все прочее, что в оном житии дается душе, достойной благодати тамошнего блаженства, и что, как бы по указанию веры в Божественных Писаниях, совершается здесь Богом, богатым в Своих дарованиях.

Недоумение. Кто-нибудь скажет: если все сии блага, и исчисленные пред сим

дела добродетели, и удаление от худого, и различение тонких возникающих в душе помыслов, и борьба с помыслами, и противоборство страстям раздражительным, и все прочее, без чего самая вера не может показать силы своей в душевном делании, — если все это совершается ведением, то почему же ведение почитается противным вере?

Решение сомнения. Ответствуем: три суть мысленных способа, по которым ведение восходит и нисходит; и бывает изменение как в способах, какими водится ведение, так и в самом ведении; и чрез это оно вредит и помогает. Три же способа суть: тело, душа, дух. И если ведение в естестве своем одно, то, относительно к сим областям мысленного и чувственного, оно утончается, изменяет свои способы и делания понятий своих. Выслушай, наконец, какой порядок сего делания и какие причины, по которым оно вредит и помогает. Ведение есть Божие даяние естеству разумных тварей, данное вначале при их создании, и оно по природе своей просто и неде-

лимо, как свет солнечный, но сообразно с деланием своим приобретает изменения и деления.



СЛОВО 26

О первой степени веденна

Когда ведение следует плотскому вождению, тогда сводит воедино следующие способы: богатство, тщеславие, убранство, телесный покой, рачение о словесной мудрости, годной к управлению в мире сем и источающей обновление в изобретениях, и искусствах, и науках, и все прочее, чем увенчивается тело в этом видимом мире. А по сим отличительным чертам, как сказали и распределили мы, ведение делается противным вере. И оно именуется голым ведением, потому что исключает всякое Божественное попечение, и по причине преобладания тела вносит в ум неразумное бессилие, и все

попечение его совершенно о сем только мире. Вот понятие о себе этого ведения: оно, без всякого сомнения, есть мысленная сила, тайно правящая человеком, Божественная попечительность, назирающая над ним и совершенно о нем пекущаяся. Посему не Божию Промыслу приписывает оно управление миром, но все доброе в человеке, спасение его от вредоносного для него и естественное его остережение от затруднительного и от многих противностей, тайно и явно сопровождающих естество наше, кажутся ему следствием собственной его рачительности и собственных его способов. Таково понятие о себе глумящегося* ведения. Оно мечтает, что все бывает по его промыслению; и в этом согласно с утверждающими, что нет управления сим видимым миром. Впрочем, не может оно пребыть без непрестанного попечения и без страха за тело, а потому овладевают им малодушие, печаль, отчаяние, страх от бесов, боязнь от людей, молва о разбой-

* Глумящийся — размышляющий, философствующий. — Ред.

никах, слухи о смертях, заботливость в болезни, попечительность в скудости и недостатке потребного, страх смерти, страх страданий и злых зверей и все прочее, сходное с сим и уподобляющееся морю, в котором ежечасно день и ночь мнутя и устремляются на пловцов волны, так как ведение сие не умеет попечения о себе возвергать на Бога в уповании веры в Него. А потому во всем, что касается до него самого, бывает занято придумыванием средств и ухищрениями. Когда же способы его изобретения в одном каком-либо случае останутся недействительными, а не усмотрит оно и таинственного Промысла, тогда препирается с людьми, которые препятствуют и противятся ему.

В сем-то ведении насаждено древо познания доброго и лукавого, искоряющее любовь. И оно разыскивает малые проступки других людей, вины их и немощи, и настраивает человека учительствовать, прекословить на словах, употреблять лукавые изобретения и хитрости; прибегает оно и к прочим способам,

оскорбительным для человека. В нем надмение и гордыня, потому что всякое доброе дело присвоает себе, а не Богу приписывает.

Вера же дела свои вменяет благодати, потому и не может превозноситься, как написано: *Вся могу о укрепляющем мя Христе* (Флп. 4:13); и еще: *Не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. 15:10). А что сказал блаженный Апостол: *разум кичит* (1 Кор. 8:1), то изрек сие о сем ведении, не растворенном верою в Бога и надеждою на Него, а не о ведении истины. Да не будет сего!

Ведение истины душу приобретших оное усвершенствует в смирении, как усвершило Моисея, Давида, Исаию, Петра, Павла и прочих святых, сподобившихся сего, по мере естества человеческого, совершенного ведения. И в подобных сим святым ведение их всегда поглощается чрезвычайными созерцаниями, Божественными откровениями, высоким созерцанием духовного, неизреченными тайнами; и душа их в очах их почитается пеплом и перстию. Другое же ведение,

как и прилично ему, кичится, потому что ходит во тьме, ценит достояние свое по сравнению с тем, что на земле, и не знает, что есть нечто лучшее его. В превозношение же вовлекаются все, потому что они на земле, житие свое взвешивают плотию, опираются на дела свои, не помышляют же в уме своем о непостижимом. И подвергаются этому, пока плавают в волнах сих. Но святые преуспевают в славной Божественной добродетели; и делание их горе, и мысль их не уклоняется в попечение об изобретениях и о суетном, потому что они ходят во свете и не могут заблуждаться. Посему-то все удалившиеся от света познания Сына Божия и уклонившиеся от истины ходят по сим стезям. Вот первая степень ведения, на которой человек последует плотской похоти! И мы осуждаем сие ведение и признаем оное противным не только вере, но и всякому деланию добродетели.



СЛОВО 27

О ВТОРОЙ СТЕПЕНИ ВЕДЕНИЯ

Когда человек, оставив первую степень, бывает занят душевными помышлениями и пожеланиями, тогда во свете естества души как телесными чувствами, так и душевными умопредставлениями, совершает следующие предначертанные превосходные дела, а именно: пост, молитву, милостыню, чтение Божественных Писаний, добродетельную жизнь, борьбу со страстями и прочее. Ибо все добрые дела, все прекрасные отличия, усматриваемые в душе, и чудные способы, употребляемые на служение во дворе Христовом, на сей второй степени ведения, в делании силы его, совершает Дух Святой. И оно-то указывает сердцу стези, ведущие нас к вере, в нем собираем напутствие к истинному веку. Но и здесь еще ведение телесно и сложно. В нем только путь, ведущий и препровождающий нас к вере. Напротив того, есть высшая степень ведения. И если

кто преуспеет, то найдет возможность при помощи Христовой возведенным быть и на оную, когда основание своего делания положит в безмолвном удалении от людей, в чтении Писаний, в молитве и в прочих добрых делах, которыми совершается все относящееся ко второму ведению. И им-то производится все прекрасное; оно и называется ведением дел, потому что чувственными делами, при посредстве телесных чувств, совершает дело свое на внешней степени. Аминь.



СЛОВО 28

О ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ ВЕДЕНИЯ,
КОТОРАЯ ЕСТЬ СТЕПЕНЬ СОВЕРШЕНСТВА

Послушай же, как человек утончается, приобретает духовное и уподобляется в житии невидимым Силам, которые служение свое отправляют не чувственно

производимыми делами, но совершаемыми заботливостию ума. Когда ведение вознесется над земным и над попечением о делании земного и начнет испытывать свои помышления в том, что сокрыто от очей внутри, и некоторым образом станет пренебрегать тем, от чего бывает непотребство страстей, и прострется горе, и последует вере в попечении о будущем веке, и в вожделении обетованного нам, и в изыскании сокровенных таин, — тогда сама вера поглощает сие ведение, и обращается, и рождает оное снова, так что всецело делается оно духом.

Тогда может воспарять оно на крылах в области бесплотных, касаться глубин неосязаемого моря, представляя в уме Божественные и чудные действия правления в естествах существ мысленных и чувственных, и разыскивает духовные тайны, постигаемые умом простым и тонким. Тогда внутренние чувства пробуждаются для духовного делания по тому чину, какой будет в оной жизни бессмертия и нетления, потому что еще в здеш-

нем, как бы в тайне, приняло мысленное воскресение, в истинное свидетельство о всеобщем обновлении.

Вот три способа ведения, с которыми сопряжено все течение человека в теле, в душе, в духе. С того времени как начинает человек отличать зло от добра, и пока не изыдет он из мира сего, ведение души его пребывает в сих трех мерах. И полноту всякой неправды и нечестия, и полноту правды, и то, чтобы коснуться глубины всех таин духа, производит единое ведение в сказанных трех мерах, и в нем заключено всякое движение ума, когда восходит или нисходит он в добре, или в зле, или в среднем между добром и злом. Сии же меры у отцов называются: естественное, противоестественное и сверхъестественное. И это суть три направления, по которым возводится и низводится памятование разумной души, когда по сказанному или по естеству делает кто правду, или превышает естества восхищается ее памятованием в созерцании Бога вне естества, или исходит пасти свиней, как расточивший богатство своей рассу-

дительности, который работал со множеством демонов.

Перечень сказанного о трех ведениих

Первая степень ведения охлаждает душу для дел шествия по Богу. Вторая согревает душу для скорого течения к тому, что на степени веры. Третья же есть упокоевание от делания (что есть образ будущего) в едином упражнении ума, наслаждающееся тайнами будущего. Но как естество не может еще совершенно возвыситься над состоянием омертвения и тяготою плоти и усовершиться в оном духовном ведении, которое выше другого уклоняющегося ведения, то и ведение сие не в состоянии и послужить к совершенству, не имеющему недостатка, и быть в мире мертвости, и совершенно оставить естество плоти. Но пока человек живет во плоти, остается он в переходном состоянии от одного к другому. То вдруг душа его, как убогий и нищий, начинает совершать служение на второй, средней степени добродетели, какая вложена в естестве и может быть произведена при

помощи естества телесного; то при времени, подобно приявшим Духа сыноположения, в таинстве свободы наслаждается духовною благодатию, по достоинству Дающего оную, и снова возвращается к смирению дел своих, и это суть дела, совершаемые с помощью тела. И душа сохраняет их, чтобы враг не пленил ее приманками, обретаемыми в этом лукавом веке, также смущенными и отклоненными помышлениями; потому что человек, пока заключен под завесою дверей плоти, не имеет упования. Ибо в веке несовершенном нет совершенной свободы. Всякое делание ведения состоит в делании и продолжительном упражнении; делание же веры не делами производится, но исполняется духовными умопредставлениями, в чисто душевном делании; и оно превышает чувств. Ибо вера утонченнее ведения, как ведение утонченнее вещей чувственных. Все святые, сподобившиеся обрести житие сие (а это есть восторжение к Богу), по силе веры пребывают в услаждении оным превышесущественным житием.

Веру же разумеем не ту, какую человек имеет в рассуждении разнствия достопоклоняемых и Божественных Ипостасей все превосходящего и особенного естества в Самом Божестве, чудного Домостроительства в воплощении восприятием нашего естества (хотя и сия вера крайне высока), но веру, воссиявающую в душе от света благодати, свидетельством ума подкрепляющую сердце, чтобы не колебалось оно в несомненности надежды, далекой от всякого сомнения. И вера сия обнаруживается не в приращении слуха ушей, но в духовных очах, которые видят сокрытые в душе тайны, невидимое и Божественное богатство, сокровенное для очей сынов плоти и открываемое Духом питающимся с трапезы Христовой, в поучении законам Христовым, как сказал Господь: если заповеди Мои соблюдете, пошлю вам Утешителя, Духа истины, *Егоже мир не может прияти... и Той вы научит* всякой истине (Ин. 14:17, 26). Он указывает человеку сию святую силу, обитающую в нем во всякое время, сей покров,

сию мысленную крепость, всегда покрывающую человека, отражающую от него все вредное, чтобы не приближалось это к душе или к телу его. Сию-то силу ум светлый и духовный невидимо ощущает очами веры. Она-то познается святыми паче в опытном приобщении оной.

Но оная сила есть Сам Утешитель, крепостию веры, как огнем, сжигающий душевные члены. И душа устремляется, пренебрегает всякою опасностью в надежде на Бога, на крылах веры возносится над видимою тварию и бывает всегда как бы упоенною, в изумлении пред Божественною попечительностью, в несложном созерцании и невидимом рассматривании Божественного естества, приобучая ум быть внимательным к изучению сокровенностей Его. Ибо, пока не придет Тот, Кто есть совершение таинств, и пока явно не сподобимся откровения оных, вера между Богом и святыми священнодействует неизреченные таинства, которых, по благодати Самого Христа, и мы да сподобимся здесь, как в залог, а в самой действительной

истине — там, во Царствии Небесном с любящими Его! Аминь.



СЛОВО 29

ОБ ИНЫХ СПОСОБАХ ВЕДЕНИЯ
И ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ЕГО РАЗЛИЧИИ

Ведение, которое занимается видимым или чувствами приемлет, что передается от видимого, называется естественным. Ведение же, которое занимается силою мысленного и внутри себя природами существ бесплотных, именуется духовным; потому что ощущение приемлется духом, а не чувствами, и сими двумя рожденьями*, при наблюдении их, бывает в душе отвне. А ведение, подаваемое Божественною силою, именуется сверхъестественным; и оно паче неведомо, и выше ведения. И созерцание сего веде-

* В сем речении с печатным греческим текстом согласен Древний славянский перевод.

ния душа приемлет не от вещества, которое вне ее, как в первых двух ведениях; но внутри ее самой невещественно, туне, скоро и сверх чаяния обнаруживается и открывается оное из самой внутренности; потому что, по слову Христову, *Царствие Небесное внутрь вас есть* (Лк. 17:21), не преобразованием питает надежду, не с соблюдением приходит, но внутри образа, запечатленного в сокровенном уме, открывается само собою, без помышления о нем, потому что ум не находит в нем вещества.

Первое ведение бывает следствием непрестанного занятия и рачительного обучения; второе же — следствием доброго жития и разумной веры, а третье дано в жребий одной вере; потому что ею упраздняется ведение, дела приемлют конец и чувства делаются излишними для употребления. Посему ведение чествуется, в какой мере нисходит от сего предела; и чем более нисходит, тем паче чествуется. И когда достигает земли и земного, тогда всем владычествует ведение; и без него всякое дело хромо и

несовершенно. Когда же душа созерцание свое возводит горе, и понятия свои расширяет в пренебесном, и помышляет о том, что не видимо телесными очами и что не во власти плоти, — тогда все составляется верою, которую и нам да дарует Господь Иисус Христос, Сый благословен во веки, аминь (Рим. 9:5).



СЛОВО 30

ОБ ОБРАЗЕ МОЛИТВЫ И О ПРОЧЕМ, НЕОБХОДИМО
ПОТРЕБНОМ ДЛЯ ВСЕГДАШНЕГО ПАМЯТОВАНИЯ
И ВО МНОГИХ ОТНОШЕНИЯХ ПОЛЕЗНОМ,
ЕСЛИ СОХРАНИТ ЭТО ЧИТАЮЩИЙ С РАССУЖДЕНИЕМ

Человеку во время молитвенного прошения своего утвердиться в уповании на Бога есть лучшая часть благодати веры. Утверждение же веры в Бога не то, что здоровое исповедание, хотя оно и мать веры; напротив того, душа видит истину Божию по силе жития. Когда в святых

Писаниях находишь веру, соединенную с делами, тогда рассуждения о ней не принимай за рассуждения о правом исповедании, потому что вера, доводящая до несомненности в уповании, никогда не достигается людьми некрещеными или у которых ум растлен для истины. Ибо несомненность веры в людях, высоких душою, открывается по мере того как нравы их внимательны к житию по заповедям Господним.

Непрестанное изучение Писания — свет для души, потому что оно указывает душе полезные напоминания о том, чтобы остерегаться страстей, пребывать в любви к Богу и в чистоте молитвы, и также начертывает пред нами мирный путь по следам святых. Впрочем, не сомневайся в силе молитв нашего стихословия, когда во время молитв или ежечасного чтения не последует за ними сильного возбуждения и непрестанного сокрушения.

Сказанное из опыта слово необходимо принимай, хотя изрекший оное и не книжный человек, потому что царские

сокровища больше всех на земле, но не пренебрегают тем, чтобы принять вдобавок себе обол, взятый у нищего; и из малых потоков наводняются реки и делаются великими в течении своем.

О хранении памятований

Если памятование доброго, когда приводим это себе на мысль, обновляет в нас добродетель, то явно, что и памятование непотребства, когда припоминаем о нем, обновляет в уме нашем срамное пожелание, потому что памятование того и другого показывает и начертывает в помышлениях наших разность самых воспоминаемых вещей, как бы перстом указывает нам или на срамоту наших помыслов, или на высоту нашего жития и укрепляет в нас помыслы и движения и десных и шуих. Мы бываем заняты ими в тайне ума нашего, и в этом мысленном занятии изображается удел жития нашего, так что по необходимости непрестанно видим самих себя. Наконец, не одно сие занятие вредит тому, кто имеет оное, но с ним вместе вредит и видение, а также и

восполняющее это собою памятование. И не одно делание добродетели сильно вспомоществует тому, кто упражняется в сем делании, но и мысленное представление, образуемое припоминанием о лицах, подвизавшихся в добродетели.

А сие делает понятным, почему весьма многие, достигшие степени чистоты, сподобляются лицезрения некоторых святых всегда в ночном видении; и днем ежечасно в мысленном упражнении ума бывает для них источником радости видение сих святых, напечатлевшихся в душах их. И потому с горячностью приступают к деланию добродетелей, и в избытке западает в них пламень к вожделению оных. И говорят, что святые Ангелы принимают на себя подобия некоторых досточтимых и благих святых и в сонном мечтании показывают душе сии подобия, во время парения ее мыслей, к ее радости, обогащению и восхищению, а днем постоянно приводят их в движение, когда рассматривает душа свои помыслы; и делание ее облегчается радостью святых, и от сего преуспевают они

в течении своем. Так бывает и при продолжительности браней. Кто имеет привычку занимать свои мысли худым, тому, при содействии демонов, представляется это в подобии. Демоны принимают на себя подобие и показывают душе мечтания, приводящие ее в ужас, а более посредствующие к тому дневным памятованием. И иногда страшным сим видением, приводящим душу в ужас, скоро доводят ее до изнеможения, а иногда представляют ей также трудность жития в безмолвии и уединении и иное что-либо.

Поэтому и мы, братия, что касается до внимательности к нашим памятованиям и заключения по оным о состоянии души нашей, начнем отныне постоянно различать в рассуждении занимающих нас памятований, какие из них останавливают на себе наше внимание и какие тотчас отгоняем мы от себя, как скоро приближаются к мысли нашей: те ли, которые в нас по предумышлению бесов, повергающих эту пищу страстям, или те, которые от вожделения и раздражитель-

ности, или те, которые от святых Ангелов, подающих нам мановение радости и ведения, то есть памятования, пробуждающие нас помыслами во время приближения к нам святых Ангелов, или те, которые в нас от впечатлений, предварительно принятых чувством, и которыми в душе возбуждаются помыслы, увлекающие к чему-нибудь одному. Чрез познание же сего различия приобретем опытность в двух вещах: в усмотрении памятований и в делании напоминаемых ими дел, и постараемся, чтобы за тем и другим следовала определенная молитва.

О разных степенях любви

Любовь, возбуждаемая чем-нибудь, есть как малый светильник, питаемый елеем, которым и поддерживается свет его, или как наводняемый дождем поток, которого течение прекращается с оскудением составляющей его дождевой воды. Но любовь, которая имеет виновником Бога, есть то же, что бьющий из земли источник: потоки ее никогда не пресекаются (потому что один Бог есть источник

любви), и питающее сию любовь не оскудевает.

О том, как должно тебе молиться
без кружения мыслей

Хочешь ли насладиться стихословием во время службы своей и постигнуть смысл произносимых тобою словес Духа? Отложи совершенно в сторону количество стихословий, не принимай в расчет знания меры в стихах, произноси их как молитву, оставь обычное громогласие и уразумей, что говорю тебе и что сказано повествовательным, как написанное одним из мужей, руководимых Богом. Да углубляется ум твой в изучение словес Духа, пока душа твоя удивлением к домостроительству не возбудится к высоким их разумениям и чрез это не подвигнется к славословию или к полезной печали. И ежели есть что для молитвы, усвой это себе; и когда ум твой утвердится в этом, тогда смущение уступит свое место и удалится. Ибо в рабском делании нет мира уму, и в свободе чад нет мятежного смущения. А смущение отни-

мает обыкновенно вкус у смысла и понятливости и расхищает мысли подобно пиявке, высасывающей жизнь из тел с кровию их членов. И смущение, если только возможно, прилично будет назвать колесницею диавола, потому что сатана имеет всегда обычай, подобно ездоку, восседать на ум, брать с собою кучу страстей, с ними входить в несчастную душу и погружать ее в смущение. Но пойми рассудительно и это. При стихословии псалмопения твоего не будь как бы заимствующим слова у другого, чтобы не подать мысли, будто бы дело поучения умножаешь непрерывно, и совершенно не стать далеким от почерпаемых в стихах умиления и радости; но как сам от себя произноси слова прощения твоего с умилением и рассудительным разумением, как истинно понимающий дело свое.

От чего рождается Уныние
и от чего — парение Ума;

Уныние — от парения ума, а парение ума — от праздности, чтения и суетных бесед или от пресыщения чрева.

О том, что должно не прекословить
лукавым* помыслам, но повергать себя
пред Богом

Если кто не прекословит помыслам, всеваемым в нас врагом, но молитвою к Богу прерывает беседу с ними, то это служит признаком, что ум его обрел по благодати премудрость, что от многих дел освободило его истинное его ведение и что обретением краткой стези, которой достиг, пресек он долговременное парение на длинном пути, потому что не во всякое время имеем мы силу так воспрекословить всем сопротивным помыслам, чтобы прекратить их; напротив же того, нередко получаем от них язву, долгое время неуврачуемую. И ты выходишь дать урок тем, кому уже шесть тысяч лет. А это служит для них оружием, которым возмогут они поразить тебя, несмотря на всю твою мудрость и на все твое благоразумие. Но когда и победишь ты их, и тогда нечистота помыслов осквернит ум твой и зловоние

* Слово *лукавым* дополнено из древнего славянского перевода.

смрада их на долгое время останется в обонянии твоём. Употребив же первый способ, будешь свободен от всего этого и от страха, потому что нет иной помощи, кроме Бога.

О слезах

Слезы во время молитвы — признак Божией милости, которой сподобилась душа в покаянии своем, — признак того, что молитва принята и слезами начала всходить на поле чистоты. Ибо если не будут отъяты в людях помыслы о преходящем, и не отринут они от себя мирской надежды, и не возбудится в них пренебрежение к миру, и не начнут они уготовлять доброго напутствия к исшествию своему, не начнут в душе восставать помыслы о том, что будет там, то глаза не могут проливать слез, потому что слезы суть следствие беспримесного и невысокопарного размышления, многих частых и неуклонно пребывающих помыслов, памятования о чем-то тонком, совершающемся в уме, и памятованием сим приводящем сердце в печаль. От

сего-то слезы умножаются и наиболее увеличиваются.

О рукоделии и о сребролюбии

Когда во время пребывания твоего на безмолвии обращаешься к рукоделию, не обращай отеческой заповеди в покрывало своему сребролюбию. Во избежание уныния пусть будет у тебя небольшое дело, не возмущающее ума. Если же для милостыни пожелаешь больше заняться делом, то знай, что молитва в чине своем выше милостыни. А если ради телесных потребностей, то, если ты ненасытим, к удовлетворению нужд твоих достаточно с тебя и того, чем наделяет тебя Бог. Ибо Он никогда не оставляет делателей Своих, чтобы терпели они недостаток в проходящем. Господь сказал: *Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам (Мф. 6:33)*, прежде прошения вашего.

Некто из святых сказал: «Не тот чин жития твоего, чтобы насыщать алчущих и чтобы келия твоя сделалась странноприимницею для пришлых. Это дело ми-

рян: им оно паче прилично, как дело прекрасное, а не отшельникам, свободным от видимых попечений и хранящим ум своей в молитве».



СЛОВО 31

ОБ ОТШЕЛЬНИЧЕСТВЕ И О ТОМ, ЧТО ДОЛЖНО НАМ
НЕ В БОЛЗНЬ ПРИХОДИТЬ И УСТРАШАТЬСЯ,
НО ПОДКРЕПЛЯТЬ СЕРДЦЕ УПОВАНИЕМ НА БОГА
И БЛАГОУЩЕСТВОВАТЬ С НЕСОМНЕННОЮ ВЕРОЮ,
ПОТОМУ ЧТО СТРАЖЕМ И ХРАНИТЕЛЕМ ИМЕЕМ БОГА

Если когда окажешься достойным отшельничества, которое в царстве свободы его имеет бремена легкие, то помысл страха да не понуждает тебя, по обычаю своему, многообразно изменять помыслы и заниматься ими. Но будь паче уверен, что Хранитель твой с тобою, и мудрость твоя во всей точности да удостоверит тебя, что вместе со всеми тварями и ты состоишь под единым Владыкою, Кото-

рый единым мановением приводит все в движение, и колеблет, и укрощает, и устрояет. Ни один раб не может сделать вреда кому-либо из подобных ему рабов без дозволения о всех Промышляющего и всем Управляющего. И ты немедленно восстань и благодумствуй. Если и дана иным свобода, то не во всяком деле. Ибо ни демоны, ни губительные звери, ни порочные люди не могут исполнить воли своей на вред и пагубу, если не попустит сего изволение Правящего и не даст сему места в определенной мере. Он и свободе не попускает приводить все в действие. А если бы не было того, не осталась бы в живых никакая плоть. Господь не позволяет, чтобы к твари Его приближалась власть демонов и людей и исполняла на ней волю их. Поэтому говори всегда душе своей: «Есть у меня оберегающий меня Хранитель; и ни одна из тварей не может явиться предо мною, разве только будет повеление свыше». Будь же уверен, что не осмелятся показаться на глаза тебе и заставить тебя выслушать ушами своими угрозы их. Ибо если бы дозволе-

но было свыше от Пренебесного, то не было бы нужды в слове и в словах, но за волею их последовало бы и дело.

Скажи также сам себе: «Ежели есть на то воля Владыки моего, чтобы лукавые возобладали над созданием, то принимаю сие не огорчаясь, как не желающий, чтобы воля Господа его осталась без исполнения». Таким образом в искушениях твоих будешь исполнен радости, как уведавший и в точности сознавший, что управляет и распоряжает тобою Владычное манование. Наконец, подкрепляй сердце свое упованием на Господа; и *не убоиши-ся от страха нощнаго, от стрелы летящая во дни* (Ис. 90:5). Ибо сказано, что праведного вера в Бога и диких зверей делает кроткими, подобно овцам.

Скажешь: «Я не праведник, чтобы уповать мне на Господа». Но ты действительно для делания правды вышел в пустыню, исполненную скорбей, и для этого соделался послушным Божией воле. Всеу и трудишься, когда несешь труды сии не потому, что Богу тогда только желателен труд человеческий, когда приносишь ты

Ему скорбь свою в жертву любви. Сию рассудительность показывают все любящие Бога, подвергающие себя скорбям из любви к Нему. Ибо благоизволяющие жить о Христе Иисусе в страхе Божиим избирают для себя скорбь, терпят гонение. И Он делает их обладателями втайне хранимых Своих сокровищ.

О выгодах, доставляемых искушениями тем,
которые терпят их и с благодарностию,
и мужественно

Некто из святых говорил: «Был один отшельник, старец почтенный, и я пришел к нему однажды, а сам был в печали от искушений. Он лежал больной; и когда приветствовал я его, сел подле него и сказал ему: «Помолись о мне, отец, потому что весьма печалят меня демонские искушения». Тогда он, открыв глаза свои, внимательно посмотрел на меня и сказал: «Молод ты, чадо, и Бог не оставляет посылать на тебя искушения». Я отвечал ему: «Да, очень я молод, терплю же искушения мужей, крепких силами». И он продолжал: «Бог хочет уже умудрить

тебя». Я возразил: «Как же умудрить меня? Ежедневно вкушаю смерть». И он сказал на это: «Любит тебя Бог; молчи: Он дает тебе благодать Свою». Потом присовокупил: «Знай, чадо, тридцать лет вел я брань с демонами, и по истечении двадцатого года вовсе не видел себе помощи. Когда же прожил я и пятый из последних десяти, тогда начал находить упокоение. И с течением времени оно возрастало. И когда прошел седьмой год, а за ним наступил осьмой, упокоение простерлось до большей гораздо меры. В течение же тридцатого года, и когда оный приходил уже к концу, так сильно стало упокоение, что не знаю и меры, до какой оно увеличилось». И еще присовокупил: «Когда захочу встать для совершения службы Божией, могу еще совершить одну славу^{*}; а что до остального, если буду стоять три дня, в изумлении пребываю с Богом и нимало не чувствую труда». Вот какое ненасыщаемое упокоение порождено многотрудным и долговременным делом!»

* Одну третью часть кафизмы.

О том, что хранение языка не только
заставляет ум воспрянуть к Богу,
но и содействует воздержанию

Был один старец, вкушавший пищу два раза в неделю, и сказывал нам: «В тот день, в который поговорю с кем-нибудь, невозможно для меня сохранить правило поста по обычаю моему; но принужден бываю разрешить пост». И мы поняли, что хранение языка не только заставляет ум воспрянуть к Богу, но и делам явным, совершаемым с помощью тела, втайне доставляет великую силу к их совершению, а также просвещает и в тайном делании, как говаривали отцы, потому что хранение уст заставляет совесть воспрянуть к Богу, если только соблюдает кто молчание с ведением. Этот святой имел большее обыкновение проводить ночь в бдении. Ибо говорил: «В ту ночь, которую стою до утра, засыпаю с псалмопением, а по пробуждении от сна в день этот бываю как бы человеком, не принадлежащим к этому миру; никакие земные помыслы не приходят мне на сердце, и не имею нужды в определен-

ных правилах, но целый этот день бываю в изумлении. Так в один день хотел я принять пищу, по прошествии перед тем четырех дней, в которые ничего не вкушал. И когда стал я на вечернюю службу, чтобы после оной вкусить, и стоял на дворе келии моей, между тем как солнце было еще высоко, начав службу, только в продолжение первой славы совершал оную с сознанием, а после того пребывал в ней, не зная, где я, и оставался в сем положении, пока не взошло опять солнце в следующий день и не согрело лица моего. И тогда уже, как солнце начало сильно беспокоить меня и жечь мне лицо, возвратился ко мне ум мой, и вот увидел я, что настал уже другой день, и возблагодарил Бога, размышляя, сколько благодать Его преизливается на человека и какого величия сподобляет Он идущих вослед Его». После этого Ему единому подобает слава и велелепие во веки веков! Аминь.



СЛОВО 32

О том, чем сохраняется тайное внутреннее в душе трезвение и откуда приходят сонливость и холодность в ум, угашают в душе святую горючность и умерщвляют стремление к Богу, лишив души горючности к духовному и небесному

Кто имеет добрые желанія, тому противление не может воспрепятствовать исполнить оныя, разве только лукавый найдет место худому предлогу в желающих добраго. Бывает же это по следующей причине. За всякою мыслию добраго желанія, в начале его движения, последует некая ревность, горячностью своею уподобляющаяся огненным углям; и она обыкновенно ограждает сию мысль и не допускает, чтобы приблизились к ней какое-либо сопротивление, препятствие и преграда, потому что ревность сия приобретает великую крепость и несказанную силу ограждать душу от расслабления или от боязни при устремлениях на нее всякаго рода стеснительных обстоятельств. И как самая первая мысль есть

сила святого желания, от природы насажденная в естестве души, так ревность сия есть мысль, движимая раздражительною в душе силою, данная нам Богом на пользу, для соблюдения естественного предела, для выражения понятия о своей свободе исполнением естественного желания, находящегося в душе. Это есть добродетель, без которой не производится доброе, и она называется ревностию, потому что от времени до времени движет, возбуждает, распаляет и укрепляет человека — пренебрегать плотию в скорбях и в страшных сдвигающих его искушениях, непрестанно предавать душу свою на смерть и идти во сретение отступнической силе ради совершения того дела, которого сильно возжелала душа.

Ибо некто, облеченный во Христа, ревность сию в словах своих называл псом и стражем закона Божия, то есть добродетели, потому что законом Божиим называется добродетель. Эта сила ревности двумя способами укрепляется, пробуждается и воспаляется на хранение

дома, и также двумя способами приводится в изнеможение, дремоту и лень. И именно: пробуждение и воспламенение бывает, когда человеку приходит на мысль какой-нибудь страх, заставляющий его бояться за то благо, которое он приобрел или имеет в виду приобрести, чтобы не было оно украдено или уничтожено каким-либо случаем или последствием оно. И сие возбуждается в человеке по Божественному промыслу; разумею же страх во всех истинных делателях добродетели, пребывающий в душе для ее пробуждения и ревнования, чтобы не предавалась она дремоте.

Когда же возбужден в естестве этот страх, тогда ревность, названная у нас псом, день и ночь разгорается, как пылающая печь, и пробуждает естество. И, подобно Херувимам, человек пробуждается и ежечасно внимает тому, что окрест его, и, как говорит упомянутый выше некто, если проходит птица около него, приходит в движение и летает с самою быстрою и несказанною стремительностью. И когда этот страх бывает о теле,

тогда делается сатанинским^{*}, потому что человек поколебался в вере своей в Промысл Божий и позабыл, как печется и промышляет Бог о подвижающихся ради добродетели, ежечасно назирая над ними, о чем и Дух Святой говорит устами Пророка: *Очи Господни на праведныя и прочее* (Пс. 33:16); и еще: *Держава Господь боящихся Его* (Пс. 24:14). И Сам Господь как бы от Своего лица сказал боящимся Его: *Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему* (Пс. 90:10).

Но когда страх бывает о душе по причине того, что приключается добродетели и что сопровождает ее, и именно страх, чтобы она не была окрадена и по каким-нибудь причинам не потерпела ущерба, тогда помысл сей божествен, попечение благо, скорбь и томление бывают по Божию промышлению. И еще другой есть способ, то есть крепость и воспламенение пса обнаруживаются, когда наиболее возрастает в душе вожде-

^{*} Слова: о теле, тогда делается сатанинским дополнены из древнего славянского перевода.

ние добродетели. Ибо в какой мере возрастает в душе вожделение, в такой же воспламеняется и этот пес, то есть естественная ревность к добродетели. Первый же повод к охлаждению его, когда самое вожделение уменьшится и прекратится в душе. А второй повод, когда войдет в душу какой-то помысл уверенности и отважности, и утвердится в ней, и человек станет надеяться, думать и держаться той мысли, что нет ему причины бояться потерпеть вред от какой-нибудь силы; и потому слагает он с себя оружие ревности и бывает как дом без стражи; пес засыпает и надолго оставляет стражу.

Весьма многие мысленные дома бывают окражены сим помыслом. И это бывает, когда померкнет в душе чистота одного осияния святым ведением. Отчего же она меркнет? Конечно, оттого, что вошел в душу какой-либо самый тонкий помысл гордыни и возгнездился там; или человек стал более предаваться попечению о преходящем или частому обольстительному для него сообщению с миром.

Или бывает сие от чрева — этой госпожи всего худого. Всякий же раз, когда подвижник вступает в общение с миром, душа его тотчас изнемогает. То же бывает, когда сходится он со многими, которые по тщеславию необходимо сокрушают душу его. Короче сказать, ум предающегося бегству подвижника, когда входит он в общение с миром, уподобляется кормчему, который спокойно идет по морю и внезапно попадает в средину подводных камней и терпит крушение. Богу же нашему слава, держава, честь и велелепие во веки! Аминь.



СЛОВО 33

О многих измененных, последующих в уме
и искъшаемых молитвою

Предпочитать доброе изволение — дело желающего; довершать же выбор доброго изволения — дело Божие. Для сего

человек имеет нужду в Божией помощи. А посему сделаем, чтобы за появляющимся в нас добрым желанием следовали частые молитвы, и будем просить не только оказать нам помощь, но и показать, благоугодно ли желание сие воле Божией или нет. Ибо не всякое доброе желание входит в сердце от Бога, но только то, которое полезно. Иногда человек желает доброго, но Бог не помогает ему, потому что какое-нибудь подобное сему желание входит и от диавола и почитается служащим в помощь; а нередко бывает не по мере человеку. Сам диавол умышляет сделать человеку вред и понуждает его взыскать желаемого, когда не достиг еще он соответствующего тому жития. Или желание чуждо принятому на себя человеком образу. Или не пришло еще время, когда можно исполнить оное или начать его исполнение. Или человек не имеет достаточных к делу и ведения и телесных сил. Или не способствуют нам в том обстоятельства времени. И диавол всяким способом, как бы под личиною этого доброго дела, или

смущает человека, или наносит вред его телу, или скрывает сети в уме его. Впрочем, как сказал я, рачительно будем совершать частые молитвы, при появляющемся в нас добром желании, и каждый из нас пусть скажет сам в себе: «Да будет воля Твоя, пока не совершу доброго дела сего, которое возжелал я сделать, если угодно воле Твоей. Ибо в деле этом восхотеть — для меня удобно, а сделать этого без дарования, Тобою ниспосылаемого, не могу; хотя от Тебя и то и другое, *и еже хотети, и еже деяти* (Флп. 2:13), потому что без благодати Твоей не решился бы я приять и этого возбудившегося во мне желания или убоялся бы его». Ибо таков обычай у того, кто вожделевает доброго, — по рассудительности ума молитву употреблять в пособие к деланию и к приобретению мудрости, для различения истины от подложного. А доброму отдается предпочтение при многих молитвах, делании, хранении, непрестанной приверженности, при частых слезах, смирении и небесной помощи, особливо когда в

человеке есть сопротивные помыслы гордыни. Ибо они не допускают до нас Божию помощь, — приводим же их в бездействие молитвою.



СЛОВО 34

О тех, которые живут в приближении к Богу
и проводят дни свои в жизни ведении

Один старец на стенах келии своей писал слова и разные мысли и, когда спросили его: «Что это значит?» — отвечал: «Это — помыслы правды, приходящие ко мне от Ангела, пребывающего со мною, и возникающие во мне естественные правые размышления; записываю же их во время появления их, чтобы, при омрачении своем, заниматься мне ими и они избавляли меня от заблуждения».

Другой старец убажам был помыслами своими, что вместо преходящего мира сподобился он негибнущей надеж-

ды, и старец отвечал <им>: «Пока еще я в пути, напрасно хвалите меня; не совершил еще я пути».

Если будешь трудиться в прекрасной добродетели и не почувствуешь, что вкушаешь от нее наслаждение, то не дивись. Ибо пока не смирится человек, не получает награды за свое делание. Награда дается не за делание, но за смирение. Кто оскорбляет последнее, тот теряет первое. Кто предварил и приял уже награду за добрые дела, тот преимуществует перед имеющим делание добродетели. Добродетель есть мать печали, а от печали рождается смирение, и смирению дается благодать. Воздаяние же бывает уже не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно утрачено, то первые будут напрасны.

Делание добродетели есть хранение заповедей Господних. Обилие делания — вот доброе приуготовление ума. Оно состоит в смиренномудрии и хранении. Когда оскудеет сила первых, вместо них приемлется это. Христос же требует не делания заповедей, но исправления души,

для которого узаконил заповеди подзаконным. Тело равно действует и десными и шуими, а ум, как хочет: или оправдывается, или погрешает. Иной и делами шуими соделывает жизнь в премудрости Божией, а иной продает грех как бы под личиною божественного.

В иных, охраняющих себя, и недостатки бывают хранителями правды. Дарование без искушений — гибель для приемлющих оное. Если делаешь доброе пред Богом и даст тебе дарование, умоли Его дать тебе познание, сколько прилично для тебя смириться, или приставить к тебе стража над дарованием, или взять у тебя оное, чтобы оно не было для тебя причиною гибели. Ибо не для всех безвредно хранить богатство.

Душа, приявшая на себя попечение о добродетели и живущая в строгости и страхе Божиим, не может быть без печали каждый день, потому что добродетели сопряжены с печалью. Кто уходит от скорбей, тот, конечно, разлучается, несомненно, и с добродетелию. Если возделываешь добродетели, то предай себя

на всякую скорбь. Ибо скорби рождают смирение. Бог не хочет, чтобы душа была без попечения. Кто желает не иметь попечения, тот мудрованием своим вне воли Божией. Попечение же разумеем не о телесном, но о том, что утруждает последующих добрым делам. Пока не достигнем истинного ведения, то есть откровения таин, посредством искушений приближаемся к смирению. Кто без скорби пребывает в добродетели своей, тому отверста дверь гордости.

И кто уже пожелает быть без печали в мыслях своих? Без оскорблений ум не может пребыть в смирении, а без смиренномудрия не может чисто заняться молитвою к Богу. Сперва человек мыслями своими удаляется от должного попечения, а после сего приближается к нему дух гордыни. Когда же человек пребывает в гордости, тогда удаляется от него промыслительный Ангел, который близ него и возбуждает в нем попечение о праведности. И когда человек оскорбит сего Ангела и он удалится, тогда приближается к человеку чуждый, и с того

времени нет уже у него никакого попечения о праведности.

Прежде сокрушения — гордыня, говорит Премудрый (Притч. 16:18; 18:12), и прежде дарования — смирение. По мере гордыни, видимой в душе, и мера сокрушения, каким вразумляет душу Бог. Гордыню же разумею не ту, когда помысл ее появляется в уме или когда человек на время побеждается ею, но гордыню, постоянно пребывающую в человеке. За первым горделивым помыслом последует сокрушение, а когда человек возлюбил гордыню, не знает уже сокрушения. Богу нашему слава и велелепие во веки! Аминь.



СЛОВО 35

О приверженности к миру

Истинно слово, сказанное Господом, что человеку невозможно с приверженностью к миру приобрести любви к Богу и

нет возможности при общении с миром вступить в общение с Богом и с попечением о мире иметь попечение о Боге (см.: Мф. 6:24). Как скоро оставим Божие потщеславию или нередко по недостатку потребного для тела, многие уклонятся от нас в иные стороны. Иные изъявили согласие трудиться для Царства Небесного и не помнят обетования, какое изрек Господь: «Если все попечение ваше приложите о Царстве Небесном, не лишу вас удовлетворяющего потребностям естества видимого, но все придет к вам вместе с прочим. Ибо не оставляю вас иметь попечение о себе самих» (см.: Мф. 6:25—34). О вещах неодушевленных, о птицах, ради нас созданных, печется Господь; ужели же не попечется о нас? Сие невозможно. Кто печется о духовном или о чем-нибудь служащем духовному, тому телесное, без попечения о том, доставляется соразмерно с настоятельною нуждою и со временем. А кто печется о телесном сверх потребности, тот невольно отпадает от Бога. Если же мы постараемся иметь попечение о том, что нуж-

но, ради имени Господня, то Господь попечется о том и о другом по мере подвига нашего.

Впрочем, не будем стараться искушать Бога в телесном взамен душевных наших дел, но все дела свои направим к надежде будущих благ. Кто из любви к душе своей единожды предал себя добродетели и возжелал совершить делание ее, тот не печется после сего о телесном, есть ли это у него или нет. В рассуждении этого Бог нередко попускает, чтобы добродетельные искушаемы были чем-либо таковым, дозволяет, чтобы отовсюду восставали против них искушения, поражает их в теле их, как Иова, ввергает их в нищету, делает, что отступается от них человечество, поражает их в том, что приобретено ими; только к душам их не приближается вред. Ибо невозможно, чтобы, когда идем путем правды, не встретилась с нами печаль, тело не изнемогало в болезнях и трудах и пребывало неизменным, если только возлюбим жить в добродетели. Если же человек проводит жизнь по воле своей, или предаваясь

зависти, или губя душу свою, или делая что-либо иное вредное для него, то подлежит он осуждению. А когда пойдет он путем правды, и совершает уже шествие свое к Богу, и приобретает многих подобных себе, и встречается с ним что-либо подобное, — тогда неприлично ему уклоняться от стези своей, но должен он с радостию, без пытливости принимать это и благодарить Бога, что послал ему благодать сию и сподобился он ради Бога впасть в искушение и соделаться сообщником в страданиях с пророками, апостолами и прочими святыми, ради пути сего претерпевшими скорби. От людей ли, от демонов ли, от тела ли придут на него искушения (невозможно же, чтобы пришли и были попущены без Божия мановения), да будет сие для него поводом к правде. Ибо невозможно, чтобы Бог возжелавшему пребывать с Ним оказал благодетяние как иначе, а не послав на него искушения за истину; как и человеку соделаться достойным того, чтобы сподобиться сего величия, то есть за божественные сии труды войти в искушение и

возрадоваться — невозможно без благодати Христовой. О сем свидетельствует святой Павел. Ибо столько велико дело сие, что Апостол явно называет дарованием, когда человек уготовляется пострадать ради надежды на Бога. Павел говорит: от Бога даровася нам сие, *не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати* (Флп. 1:29). Так и святой Петр написал в послании своем: когда *страждете правды ради, блажени есте* (1 Пет. 3:14), потому что соделались общниками страстей Христовых (см.: Флп. 3:10). Наконец, не надлежит тогда тебе радоваться, когда живешь пространно, в скорбях же посуплять лице и почитать их чуждыми пути Божию. Ибо стезя его от века и от родов крестом и смертью пролагается. А у тебя откуда такая мысль? Дознай из этого, что ты вне пути Божия и удаляешься от него, не хочешь идти по следам святых или намереваешься устроить себе иной особенный путь и по нем ходить, не страдая.

Путь Божий есть ежедневный крест. Никто не восходил на небо, живя прох-

ладно. О пути же прохладном знаем, где он оканчивается. Богу неуютно, чтобы беспечным был тот, кто Ему предал себя всем сердцем. Попечение же его должно быть об истине. А из сего познается, что под Божиим он Промыслом, когда Бог непрестанно посылает ему печали.

Промысл никогда не попускает, чтобы живущие в искушениях впадали в руки демонские, особливо если они лобзуют ноги у братии, прикрывают и таят их вины, как бы свои собственные. Кто хочет в мире сем не иметь попечений и вожделевает сего, но желает и в добродетели упражняться, тот не на ее пути. Ибо праведные не только по воле своей подвизаются в добрых делах, но и невольно выдерживают сильное борение с искушениями во испытание своего терпения. Душа, имеющая в себе страх Божий, не боится чего-либо такого, что вредит ей телесно, потому что на Бога уповает отныне и во веки веков. Аминь.



СЛОВО 36

О том, что не должно желать или домогаться
без нужды иметь у себя в руках какие-либо
лавные знамена

Господь не во всякое время, когда Он близок к святым Своим, в помощь им без нужды явно показывает силу Свою в каком-либо деле и чувственном знаменнии, чтобы оказываемая им помощь не сделалась бесполезною и не послужила к какому вреду. И делает сие, промышляя о святых и желая показать им, что и на час не прекращает тайного Своего о них попечения, но во всяком деле предоставляет им, по мере сил, показать свой подвиг и потрудиться в молитве. Если же дело препобеждает их трудностию, когда изнемогут они и не в силах будут совершить дела, потому что недостаточна к тому природа их, Сам совершает по величию державы Своей; и, как Сам знает, получают они надлежащую помощь, и сколько можно, укрепляет их втайне, пока с силою не противостанут скорби своей.

Ибо делает, что ведением, какое дарует им, разрешаются все путы скорби их, и созерцанием оного пробуждает их к славословию, полезному в том и другом случае. Если же дело требует обнаружения, то, по необходимости, делает и это; и способы Его бывают самые премудрые, достаточные в скудости и в нужде, а не какие-либо случайно избранные.

Кто без нужды осмеливается на сие или молит Бога и желает, чтобы в руках его были чудеса и силы, тот искушается в уме своим ругателем демоном и оказывается хвастливым и немощным в своей совести. Ибо в скорби должно просить нам Божией помощи. Без нужды же искушать Бога опасно. И кто желает сего, тот не действительно праведен. Обретается же многими святыми и то, что Господь сотворил не благоволя*. Но кто хочет и вожделевает сего по воле своей без нужды, тот падает, лишаясь охранения, и поползается в ведении истины. Ибо если

* В издании 1911 г. здесь читается: *А то, что Господь сотворил благоволя, обретается у многих святых. — Ред.*

просящий услышан будет в сем, как отважился просить о том у Бога, то находит в нем место лукавый и ведет его еще к большему испрошенного. А истинные праведники не только не вожделевают сего, но и отказываются, когда дается им то; и не только пред очами людей, но и втайне сами для себя не желают сего.

Ибо вот один из святых отцов за чистоту свою, по благодати, получил дарование предузнавать идущих к нему и молил Бога (а с ним молились и другие святые, упрошенные на сие старцем), чтобы взято было у него дарование. Если же некоторые из них принимали дарования, то принимали по нужде или по простоте своей; а прочих побуждало* принять Божие мановение, и, конечно, не без особенных к тому причин.

Когда святой блаженный Аммуn шел приветствовать святого Антония Великого и заблудился в пути, тогда смотри, что говорил он Богу и также что соделал

* В греческом тексте читается: οὐκ ἐκίνεи (не побуждало), но в древнем славянском тексте без отрицания: *бе подвижая*.

с ним Бог*. Припомни об авве Макарии и о прочих. Истинные праведники всегда помышляют сами в себе, что недостойны они Бога. А что истинные они праведники, дознается сие из того, что признают себя окаянными и недостойными попечения Божия, и исповедуют сие тайно и явно, и умудряются на сие Святым Духом, чтобы не оказаться не имеющими подобающей им заботливости и трудиться, пока они в этой жизни. Время же упокоения Бог соблюл им в будущем веке. И имеющие в себе живущего Господа по сему самому не желают быть в покое и освободиться от скорбей, хотя по временам и дается им таинственно утешение в духовном.

Не добродетель уже человеку, когда достигнет ее, не иметь попечения и труда в ней; но вот селение Духа — непрестанно принуждать себя быть в повиновении, хотя и есть способ сделать дело в покое, потому что такова воля Духа: в ком

* См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Аммуне Нитрийском.

обитает Он — не приучать тех к лени. Напротив того, Дух побуждает их не покоя искать, но предаваться паче деланию и наибольшим скорбям. Испытаниями Дух укрепляет их и делает, что приближаются они к мудрости. Такова воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали в трудах.

Не Дух Божий живет в тех, которые пребывают в покое, но дух диаволов, как сказал некто из любящих Бога: «Клялся я, что умираю всякий день». Тем и отличаются сыны Божии от прочих, что живут они в скорбях, а мир гордится роскошью и покоем. Ибо не благоволил Бог, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они в теле, но паче восхотел, чтобы они, пока в мире, пребывали в скорби, в тяготе, в трудах, в скудости, в наготе, в одиночестве, нужде, болезни, унижении, в оскорблениях, в сердечном сокрушении, в утружденном теле, в отречении от сродников, в печальных мыслях, имели иной взгляд на всю тварь, место жительства, непохожее на обыкновенное человеческое, жилище иноческое, которое

безмолвно, невидно по человеческому взгляду, не заключает в себе ничего такого, что веселит здесь человека. Иноки плачут, а мир смеется. Они воздыхают, а мир веселится. Они постятся, а мир роскошествует. Трудятся они днем и ночью, предаются подвигам в тесноте и трудах. Некоторые из них пребывают в добровольных скорбях, другие — в трудах, борясь со страстями своими, иные гонимы людьми, а иные бедствуют от страстей, от демонов и от прочего. И одни были изгнаны, другие умерщвлены, иные *проидоша в милотех* (Евр. 11:37) и прочее. И исполнилось на них слово Господа: *...в мире скорбни будете*, но о Мне возрадуетесь (Ин. 16:33). Господь знает, что живущим в телесном покое невозможно пребывать в любви Его, и потому воспретил им покой и услаждение оным. Христос Спаситель наш, любовь Которого превозмогает телесные смерти, да явит нам крепость любви Своей!



СЛОВО 37

О том, по какой причине Бог попускает
искушения на любящих Его

По любви, какую святые показали к Богу, потому что страждут за имя Его, когда содержит их в тесноте и не отступает от возлюбленных Им, сердце святых приобретает дерзновение взирать на Бога непокровенным лицом и просить Его с упованием. Велика сила дерзновенной молитвы. Потому попускает Бог, чтобы святые Его искушаемы были всякою печалию и также опытно изведывали помощь Его и то, сколько промышляет о них Бог, потому что вследствие искушений приобретают мудрость. Попускает, чтобы, оставаясь невеждами, не лишились они обучения в том и другом, но из опыта приобрели ведение о всем и не потерпели осмеяния от демонов; потому что если бы упражнял их в одном добром, то недоставало бы им обучения в другой части и во бранях были бы они слепы.

И если скажем, что Бог обучает их без их о том познания, то это значит уже сказать, что Бог хочет соделать их подобными волам и ослам и не имеющими ни в чем свободы. И потому что человек, если не бывает искушен сперва испытанием худого, не имеет вкуса в добром, чтобы, когда встретится в худом доброе, с ведением и свободно воспользоваться тем, как своею собственностью. Как приятно знание, заимствованное самим делом из опыта и из упражнения, и какую силу доставляет тому, кто долговременным опытом своим обрел оное в себе самом, познается сие теми, которые изведали содействие знания, равно как немощь естества и помощь Божеской силы, и уверились в этом. Ибо тогда только познают, когда Бог, удержав сперва силу Свою от содействия им, приводит их в сознание немощи естества, трудности искушений, лукавства вражеского и того, с кем у них борьба, каким облечены они естеством и как были охраняемы Божескою силою, сколько совершили пути, сколько возвысила их Божия сила и

сколько бывают немощны в борьбе со всякою страстию, если удаляется от них эта сила, так что из всего этого приобретают смирение, приближаются к Богу, начинают ожидать Его помощи и пребывать в молитве. И откуда бы заняли все это, если бы не приобрели опыта о многом худом, впад в сие худое по Божію попушению, как говорил Апостол: *...за премногия откровения, да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти, ангел сатанин* (2 Кор. 12:7)? Но в искушениях многократно испытывая Божію помощь, человек приобретает и твердую веру, отчего делается небоязненным, приобретает и благодушие в искушениях от самого упражнения, какое имел он.

Искушение полезно всякому человеку. Ибо если полезно было искушение Павлу, то да всяка уста заграждаются, и повинен будет весь мир Богу (Рим. 3:19). Подвижники бывают искушаемы, чтобы присовокупить им к богатству своему; расслабленные, чтобы охранять им себя от вредного; погруженные в сон, чтобы приуготовиться им к пробужде-

нию; далеко отстоящие, чтобы приблизиться им к Богу; свои Богу, чтобы веселиться им с дерзновением. Всякий необученный сын приемлет богатство из дома отца своего не в помощь себе. Поэтому-то Бог сперва искушает и томит, а потом показывает дарование. Слава Владыке, Который горькими врачевствами приводит нас в возможность насладиться здоровьем!

Нет человека, который бы не скорбел во время обучения; и нет человека, которому бы не казалось горьким время, когда испивает он яд искушений. Без них невозможно приобрести крепкого сложения. Но выдержать искушения не в наших силах. Ибо как выдержать течение воды сосуду из брения, если не укрепит его Божественный огонь? Если, во смирении прося с непрестанным желанием, покоримся Богу в терпении, то все примем о Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.



СЛОВО 38

О том, как по возбуждающимся в человеке помыслам ^узнавать, на какой степени стоит он

Человек, пока в нерадении, боится часа смертного, а когда приблизится к Богу, боится сретения Суда; когда же всецело продвинется вперед, тогда любовью поглощается тот и другой страх. Почему же это? Потому что когда остается кто в ведении и житии телесном, ужасается он смерти; когда же бывает в ведении духовном и в житии добром, тогда ум его всякий час занят памятованием будущего Суда, так как право стоит он по самому естеству, движется в душевном чине, занимается своим ведением и житием и благоустроен для того, чтобы приближаться к Богу. Но когда достигнет оногo ведения истины, по возбуждении в нем ощущения таин Божиих и по утверждении надежды будущего, тогда любовью поглощается и оный телесный человек, подобно животному боящийся заклания, и человек разумный, боящийся Суда

Божия; соделавшийся же сыном украшается любовью, а не устрашающим вразумляется жезлом. ... *Аз же и дом отца моего служити будем Господеви* (Нав. 24:15).

Кто достиг в любовь Божию, тот не желает уже снова пребывать здесь, потому что любовь уничтожает страх. И я, возлюбленные, поелику вдался в юродство, то не могу сохранить тайну в молчании, но делаюсь несмысленным для пользы братии, потому что такова истинная любовь: она не может содержать что-либо в тайне от возлюбленных своих. Когда писал я это, персты мои неоднократно не успевали следовать по хартии, и не мог я сохранять терпения от удовольствия, вторгавшегося в сердце мое и заставлявшего умолкнуть чувства. Впрочем, блажен, у кого помышление всегда о Боге, кто удержался от всего мирского и с Ним одним пребывал в беседе ведения своего. И если достанет у него терпения, то не долго замедлит увидеть плод.

Радость о Боге крепче здешней жизни; и кто обрел ее, тот не только не

посмотрит на страдания, но даже не обратит взора на жизнь свою, и не будет там иного чувства, если действительно была сия радость. Любовь сладостнее жизни, и разумение по Богу, от которого рождается любовь, еще сладостнее, паче меда и сота. Любви не печаль принять тяжкую смерть за любящих. Любовь есть порождение ведения, а ведение есть порождение душевного здравия; здравие же душевное есть сила, происшедшая от продолжительного терпения.

Вопрос. Что такое ведение?

Ответ. Ощущение бессмертной жизни.

Вопрос. Что такое бессмертная жизнь?

Ответ. Ощущение в Боге; потому что любовь от разумения, а ведение по Богу есть царь всех пожеланий, и сердцу, приемлющему оное, всякая сладость на земле излишня. Ибо нет ничего подобного сладости Богопознания.

Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной!

Жизнь вечная есть утешение в Боге; и кто обрел утешение в Боге, тот почитает излишним утешение мирское.

Вопрос. Откуда человек дознает, что приял он мудрость от Духа?

Ответ. От самой мудрости, которая в сокровенности его и в чувствах учит его смиренным нравам; и в уме его открывается ему, как приемлется смирение.

Вопрос. Из чего дознает человек, что достиг смирения?

Ответ. Из того, что находит для себя гнусным угождать миру своим общением с ним или словом; и в глазах его ненавистна слава мира сего.

Вопрос. Что такое страсти?

Ответ. Приражения, которые производятся вещами мира сего, побуждая тело удовлетворять самой необходимой его потребности; и приражения сии не прекращаются, пока стоит сей мир. Но человек, который сподобился Божественной благодати, вкусил и ощутил нечто высшее сего, не попускает приражениям сим входить в сердце его, потому что вместо них возобладало в нем другое, лучшее их вожделение, и к сердцу его не приближаются ни самые сии приражения, ни порождаемое ими, но остаются

они вне бездейственными, не потому, что нет уже страстных приражений, но потому, что приемлющее их сердце мертво для них и живет чем-то иным; не потому, что человек успокоился вследствие хранения рассудительности и дел, но потому, что в уме его нет ни от чего тревоги, сознание его насыщено, насладившись чем-то иным.

Сердце, которое в полноте прияло в себя ощущение духовного и созерцание будущего века, таково же бывает в сознании своем к памятованию страстей, каков человек, насытившийся дорогою пищею, к иной, не сходной с тою и предложенной ему пище, то есть вовсе не обращает на нее внимания, не желает ее, а паче гнушается ею и отвращается от нее не потому только, что она сама в себе гнусна и ненавистна, но и потому, что человек насытился первою, лучшею пищею, которою он питался не как расточивший часть свою и возжелавший потом рождев, когда наперед уже расточил отцовское богатство, какое имел. И еще, кому вверено сокровище, тот не спит.

Если будем хранить закон трезвения и дело рассудительности в ведении, плодом чего бывает жизнь, то борьба со страстными приражениями совершенно не приблизится к уму. Воспящается* же войти им в сердце вследствие не борьбы, но пресыщения сознания и ведения, каким наполнена душа, и желания чудных, находимых в душе созерцаний. Вот что воспрепятствовало приражениям приближаться к сердцу; не потому что, как сказал я, удалились вследствие хранения и дел рассудительности, которые охраняют ведение истины и свет душевный, но потому, что ум, по сказанным выше причинам, не имеет борьбы. Ибо снесь нищих гнусна богатым, а подобно и снесь больных — здоровым; богатство же и здравие составляются при трезвенности и попечительности. Пока человек живет — имеет нужду в трезвенности, попечительности и бодрственности, чтобы охранять свое сокровище. Но если оставить назначенный ему предел, то сдела-

* *Воспящать* — препятствовать. — Ред.

ется болен и будет ограден. Не до того только времени трудиться должно, пока увидишь плод, но надобно подвизаться до самого исхода. Ибо нередко и созревший плод побивает внезапно град. Кто вмещивается в житейские дела и пускается в беседы, о том невозможно еще быть уверенным, что здоровье его сохранится в нем.

Когда молишься, произноси такую молитву: «Сподоби меня, Господи, действительно быть мертвым для собеседования с веком^{*} сим». И знай, что совместил ты в этом все прошения; старайся же исполнить в себе дело это. Ибо если за молитвою последует дело, то действительно стоишь ты в свободе Христовой. А умерщвление себя для мира состоит не только в удалении человека от общения в собеседовании с тем, что есть в мире, но и в том, чтобы в беседе ума своего не вожделевать мирских благ.

Если приобучим себя к доброму размышлению, то будем стыдиться страс-

^{*} В издании 1911 г. читается: *с миром*. — *Ред.*

тей, как скоро встретимся с ними. И это знают изведавшие опытом на себе самих. Но будем стыдиться приближения к страстям и по причине их виновности. Когда из любви к Богу желаешь совершить какое дело, пределом желания сего поставь смерть; и таким образом на самом деле сподобишься взойти на степень мученичества в борьбе с каждою страстию и не понесешь никакого вреда от того, что встретится с тобою внутри одного предела, если претерпишь до конца и не расслабеешь. Помышление немощного рассудка немощною делает силу терпения, а твердый ум и тому, кто следует помышлению его, сообщает силу, какой не имеет природа.

Сподоби меня, Господи, возненавидеть жизнь свою ради жизни в Тебе!

Житие мира сего подобно выводящим некоторые только буквы из начертанных на таблице; и когда кто захочет и пожелает, прибавляет к ним и убавляет и делает перемену в буквах. А жизнь будущая подобна рукописаниям, начертанным на чистых свитках, запечатанных

царскою печатию, в которых нет ни дополнения, ни пропуска. Поэтому пока мы среди изменения, будем внимательны к себе, и пока имеем власть над рукописанием жизни твоей, какое пишем своими руками, постараемся делать в нем дополнения добрым житием, станем изглаждать в нем недостатки прежнего жития. Ибо пока мы в этом мире, Бог не прилагает печати ни к доброму, ни к худому до самого часа исшествия, в который оканчивается дело в отечестве нашем и отходим в страну чуждую. И как сказал святой Ефрем: «Подобает нам размыслить, что душа наша подобна готовому кораблю, не знающему, когда подует на него ветер, и воинству, не ведущему, когда протрубит бранная труба. И если, — говорит, — так бывает сие для малого приобретения, в таких случаях, которые, может быть, снова возвратятся, то как должно нам приуготовляться и снаряжаться пред оным грозным днем, пред этим мостом и пред этою дверью нового века?» Готовность утвердиться в оном изъявлении чаяния да дарует нам

Ходатай жизни нашей Христос. Ему слава, поклонение и благодарение во веки веков! Аминь.



СЛОВО 39

О том, почему люди душевные прозирают ведением в иное, духовное, соразмерно с телесною дебелистию, как ѿм может возноситься над оною, какаа причина томѹ, что не освобождается от нее, когда и в какой мере можно ѿмѹ пребывать без мечтання в час молення

Благословенна честь Господа, отверзающего пред нами дверь, чтобы не было у нас иного прошения, кроме желания к Нему устремляться. Ибо в таком случае оставляем мы все и душа устремляется вослед Его единого, так что нет у ней попечения, которое бы воспрепятствовало ей в оном созерцании Господа. В какой мере, возлюбленные, оставляет ум попечение о сем видимом и озабочивает-

ся упованием будущего, соответственно возвышению своему над попечением о теле и над помышлением о сем попечении, в такой же утончается он и просветляется в молитве. И в какой мере тело освобождается от вещественных уз, в такой же освобождается и ум. И в какой мере ум освобождается от уз попечений, в такой просветляется он, а в какой просветляется, в такой же утончается и возвышается над понятиями века сего, носящего на себе образы дебелости. И тогда ум научается созерцать в Боге, подобно Ему, а не как видим мы. Если человек не соделается сперва достойным откровения, то не может видеть оно́го. И если не достигнет чистоты, понятия его не могут стать просветленными, чтобы видеть ему сокровенное. И пока не освободится от всего видимого, усматриваемого в видимой твари, не освободится и от понятий о видимом и не соделается чистым от потемненных помыслов. А где тьма и спутанность помыслов, там и страсти. Если человек не освободится, как сказали мы, от сего и от причин к тому, то ум не

прозрит в сокровенное. Посему Господь прежде всего повелел взяться за нестяжательность, удалиться от мирского мятежа и отрешиться от попечения, общего всем людям, сказав: всяк, иже не отречется от всего человечества и от всего своего и не отвергнется сам от себя, *не может быти Мой ученик* (Лк. 14:33).

Чтобы ум не терпел вреда от всего: от зрения, от слуха, от попечения о вещах, от их истребления, от их умножения, от человека, и чтобы связать его единым упованием на Бога, Господь отклонил от нас всякое иное попечение, чтобы вследствие сего возжелали мы собеседования с единым Богом. Но молитва имеет еще нужду в упражнении, чтобы ум умудрился долговременным пребыванием в оной. После нестяжательности, разрешающей наши мысли от уз, молитва требует пребывания в оной, потому что с продолжением времени ум снискивает навык к упражнению, познает, как отражать от себя помысл, и долгим опытом научается тому, чего заимствовать не может из иного источника. Ибо всякое настоящее

житие заимствует возрастание от жития предшествовавшего, и предыдущее требуется к снисканию последующего. Молитву предваряет отшельничество, и самое отшельничество нужно ради молитвы, а самая молитва — для того, чтобы приобрести нам любовь Божию, потому что вследствие молитвы сыскиваются причины любить нам Бога.

Надлежит же знать нам, возлюбленные, и то, что всякая беседа, совершаемая втайне, всякое попечение доброго ума о Боге, всякое размышление о духовном устанавливается молитвою, и нарицается именем молитвы, и под сим именем сводится воедино, будешь ли разуметь различные чтения, или глас уст в славословии Богу, или заботливую печаль о Господе, или телесные поклоны, или псалмопение в стихословии, или все прочее, из чего составляется весь чин подлинной молитвы, от которой рождается любовь Божия; потому что любовь — от молитвы, а молитва — от пребывания в отшельничестве. В отшельничестве же имеем мы нужду для того, чтобы нам

была возможность наедине беседовать с Богом. Но отшельничеству предшествует отречение от мира. Ибо если человек не отречется сперва от мира и не удосужится от всего мирского, то не может уединиться. И также отречению от мира предшествует еще терпение, а терпению — ненависть к миру, и ненависти к миру — страх и любовь. Ибо если не устрасит сердца страх геенны и любовь не приведет к желанию блаженств, то не возбудится в сердце ненависть к миру сему. А если не возненавидит мира, то не потерпит быть вне его покоя. И если не предварит в уме терпение, то человек не возможет избрать места, исполненного суровости и никем не обитаемого. Если не изберет себе отшельнической жизни, не возможет пребывать в молитве. Если не будет беседовать с Богом, не пребудет в сих с молитвою соединенных размышлениях и во всех видах сказанного нами молитвенного чина, то не ощутит любви.

Наконец, любовь к Богу — от собеседования с Ним, а молитвенное размыш-

ление и поучение достигается безмолвием, безмолвие — нестяжательностью, нестяжательность — терпением и ненавистью к похотениям, а ненависть к похотениям — страхом геенны и чаянием блаженств. Ненавидит же похотения тот, кто знает плод их, и что уготовляется ими человеку, и до какого блаженства не допускается он похотениями. Так, всякое житие связано с предшествующим, и у него заимствует себе приращение, и переходит в другое высшее. И если одно будет ниже самого себя, то и последующее за ним не может устоять и быть видимым, потому что все разрушается и гибнет. Что паче сего, то есть мера словам. Богу нашему слава и велелепие во веки! Аминь.



СЛОВО 40

О поклонах и о прочем

Не называй праздностию продолжительность молитвы невысокопарной, собранной и долгой, потому что оставил ты при этом псалмы. Но паче упражнения в стихословии возлюби на молитве поклоны. Молитва, когда подает тебе руку, заменяет собою Божию службу. И когда во время самой службы дано тебе будет дарование слез, услаждение ими не называй праздностию в молитве, потому что благодать слез есть полнота молитвы.

В то время как ум твой рассеян, паче молитвы занимайся чтением. Но, как сказано, не всякое писание полезно. Возлюби безмолвие гораздо паче дел. Если можно, чтение предпочитай стоянию. Ибо чтение — источник чистой молитвы. Ни под каким видом не предавайся нерадению, трезвись же от парения ума. Ибо псалмопение — корень жития. Впрочем, знай и то, что дела телесные много полезнее стихословия, совершаемого с па-

рением ума. А печаль умная превосходит и телесный труд. Во время нерадения трезвись и возбуждай в себе понемногу ревность, потому что она сильно пробуждает сердце и согревает душевные мысли. Против похоти, во время нерадения, помогает природе раздражительность. Ибо прекращает холодность души. По сим-то причинам нерадение обыкновенно приходит на нас или от обременения чрева, или от множества дел.

Благочиние в делании есть свет в образе мыслей. Это не иное что, как ведение. Всякая молитва, которую совершаем ночью, да будет в очах твоих досточестнее всех дневных деяний. Не обременяй чрева своего, чтобы не помутился ум твой и не быть тебе в смятении от парения мысли, когда встанешь ночью, и не расслабли члены твои, и тебе самому не оказаться исполненным женского расслабления, а сверх сего, чтобы душа твоя не омрачилась, и не стали потемненными понятия твои, и чтобы, по причине омрачения, не прийти тебе в совершенное бессилие собрать их воеди-

но для стихословия, и чтобы не попортился в тебе вкус ко всему, и не перестало услаждать тебя стихословие псалмопения, тогда как ум, при легкости и светлости мысли, с удовольствием обыкновенно вкушает его разнообразие. Ибо когда возмущено ночное благочиние, тогда и в дневном делании ум бывает смущен, и ходит в омрачении, и не услаждается, по обыкновению, чтением, потому что, обратился ли ум к молитве или к какому занятию, на мысли находит как бы буря. Удовольствие, подаваемое подвижникам днем, истекает в чистом уме из света ночного делания. Всякий человек, который опытом не изведal продолжительного безмолвия, пусть не ожидает сам собою узнать что-либо большее о благах подвижничества, хотя он и велик, и мудр, и учителен, и имеет много заслуг.

Остерегайся, чтобы не изнемогло слишком тело твое, и оттого не усилилось против тебя нерадение и не охладило душу твою вкушением его делания. Всякому надлежит как бы на весах взвешивать житие свое. В то время когда

насыщаешься, остерегайся давать себе и в малом свободу. Да будет целомудренно сидение твое во время удовлетворения потребностей. Наипаче же во время сна своего будь целомудрен и чист и строго наблюдай не только за помыслами, но и за членами своими. Храни себя от самомнения во время добрых в тебе изменений. Немоощь свою и невежество свое в рассуждении тонкости сего самомнения рачительно открывай Господу в молитве, чтобы не быть тебе оставленным и не искувиться в чем-либо срамном; потому что за гордостью следует блуд, а за самомнением — обольщение.

Рукоделием занимайся по мере нужд своих, лучше же сказать, для того, чтобы оно служило для тебя узами в безмолвии твоём. Не изнемогай в уповании на Промыслителя своего, потому что дивно Домостроительство Его в присных Ему. Ибо в необитаемой пустыне не человеческими руками устрояет Он дела живущих упованием на Него. Если Господь посетит тебя в телесном без твоего труда, когда подвизаешься в попечении о душе

своей, то по ухищрению убийцы-диавола возникает тогда в тебе помысл, что причина всего этого промысления, без сомнения, в тебе самом. И тогда вместе с сим помыслом прекращается промысление о тебе Божие, и в тот самый час устремляются на тебя весьма многие искушения или от прекращения попечения о тебе Промыслителя, или от возобновления трудов и болезней, восстающих в теле твоём. Бог прекращает попечение Свое не за одно возникновение помысла, но за то, что ум останавливается на сем помысле. Ибо не наказует и не судит Бог человека за невольное движение, если и согласимся на время с помыслом. Ежели в тот же час прободем* в себе страсть и явится в нас сокрушение, то Господь не взыскивает с нас за такое нерадение, взыскивает же за нерадение, которому действительно предается ум так, что взирает на это бесчувственно и признает это чем-то должным и полезным, а не почитает сего опасною для себя заботою.

* Отвергнем

Будем же всегда молиться Господу так: «Да воссияет в сердцах наших истина Твоя, Христе, полнота истины, и да познаем, как по воле Твоей ходить путем Твоим!»

Когда посевається в тебе лукавый некий помысл или из числа сих издалека приходящих, или из числа предзанятых тобою прежде, и часто появляется в уме твоём, тогда за верное признай, что скрывает он тебе сеть. Но ты пробудись и отрезвись вовремя. А если помысл из части десных и добрых, то знай, что Бог хочет дать тебе некоторый образ жизни, и потому помысл сей, сверх обычая, возбуждается в тебе. Если же помысл омрачен, и ты сомневаешься в нем, и не можешь ясно постигнуть, свой он или тать, помощник или наветник, скрывающийся под доброю личиною, то вооружимся на него усиленною и самою скорою молитвою со многим бдением и день и ночь. Ты и не отдаляй его от себя, и не соглашайся с ним, но со тщанием и горячностью сотвори о нем молитву и не умолкай, призывая Господа. Он покажет тебе, откуда сей помысл.

ГЛОВО 41

О молчании

Паче всего возлюби молчание, потому что приближает тебя к плоду; язык же немощен изобразить оное. Сперва будем принуждать себя к молчанию, и тогда от молчания родится для нас нечто, приводящее к самому молчанию. Да подаст тебе Бог ощутить что-либо рождаемое молчанием. Если же начнешь сим жити-ем, то не умею и сказать, сколько света воссияет тебе отсюда. Не думай, брат, что, как рассказывают о чудном Арсении, когда посещали его отцы и братия, приходившие видеть его, а он сидел с ними молча и в молчании отпускал их от себя, все сие делал он совершенно по воле и что вначале не принуждал себя к этому. От упражнения в сем делании со временем рождается какое-то удовольствие и насильно ведет тело к тому, чтобы пребывать в безмолвии. И множество слез рождается у нас в сем житии, и в чудном созерцании сердце отдельно

ощущает в них что-то, в иное время с трудом, а в иное с удивлением; потому что сердце умяется, делается подобно младенцу; и как скоро начнет молитву, льются слезы. Велик тот человек, который терпением членов своих приобрел внутренно в душе своей чудный сей навык. Когда на одну сторону положишь все дела жития сего, а на другую молчание, тогда найдешь, что оно перевешивает на весах. Много советов у людей, но когда сблизится кто с молчанием, излишним для него будет делание хранения их, и излишними окажутся прежние дела, и сам он окажется превзошедшим сии делания, потому что приблизился к совершенству. Молчание помогает безмолвию. Как же это? Живя во многолюдной обители, невозможно не встречаться нам с кем-нибудь. И равноангельный Арсений, который больше всех любил безмолвие, не мог избежать сего. Ибо невозможно не встречаться с отцами и братьями, живущими с нами, и встреча эта бывает неожиданно: человеку необходимо идти в церковь или в другое место.

Все это видел достоблаженный оный муж, и именно что невозможно ему избежать сего, пока живет близ человеческой обители. И когда часто бывал в невозможности по месту жительства своего удалиться от сближения с людьми и монахами, живущими в тех местах, тогда научен был благодатию сему способу — непрестанному молчанию. И если когда по необходимости некоторым из них отворял дверь свою, то увеселялись они только лицезрением его, а словесная беседа и потребность в ней стали у них излишними.

Многие из отцов лицезрением сим приведены были в состояние охранять себя самих и умножать духовное богатство, воспользовавшись уроком, каким служило для них лицезрение блаженного. И некоторые из них привязывали себя к камню, или связывали веревкою, или томили себя голодом, в то время как рождалось в них желание идти к людям, потому что голод много способствует к укрощению чувств.

Находил я, брат, многих отцов, великих и чудных, которые более, нежели о

делах, прилагали попечение о благочинии чувств и о телесном навыке, потому что отсюда происходит благочиние помыслов. Много причин встречается человеку вне его воли, которые заставляют его выходить из пределов свободы своей. И если не будет он охраняем в чувствах своих предварительно снисканным неослабным навыком, то может сделаться, что долгое время не войдет он сам в себя и не обретет первоначального мирного своего состояния.

Преспеяние сердца — помышление о своем уповании. Преспеяние жития — отрешение от всего. Памятование о смерти — добрые узы для внешних членов. Приманка для души — радость, производимая надеждою, процветающею в сердце. Приращение ведения — непрестанные испытания, каким ум ежедневно подвергается внутренно вследствие двояких изменений. Ибо если от уединения рождается в нас иногда и уныние (и сие, может быть, попускается по Божию усмотрению), то имеем превосходное утешение надежды — слово веры, кото-

рое в сердцах у нас. И хорошо сказал один из мужей богоносных, что для верующего любовь к Богу — достаточное утешение даже и при гибели души его. Ибо, говорит он, какой ущерб причинят скорби тому, кто ради будущих благ пренебрегает наслаждением и упокоением?

Даю же тебе, брат, и сию заповедь: пусть у тебя всегда берет перевес милостыня, пока на самом себе не ощутишь той милости, какую имеешь ты* к миру. Наше милосердие пусть будет зеркалом, чтобы видеть в себе самих то подобие и тот истинный образ, какой есть в Божием естестве и в сущности Божией. Сим и подобным сему будем просвещаться для того, чтобы нам с просветленным произволением подвигнуться к житию по Богу. Сердце жестокое и немилосердное никогда не очистится. Человек милостивый — врач своей души, потому что как бы сильным ветром из внутренности своей

* Древним славянским переводом подтверждается греческое чтение: *εχεις*, а не перевод Паисиев: *Бог имеет*.

разгоняет он омрачение страстей. Это, по евангельскому слову жизни, добрый долг, данный нами в заем Богу.

Когда приближаешься к постеле своей, скажи ей: «В эту ночь, может быть, ты будешь мне гробом, постеля, и не знаю, не придет ли на меня в эту ночь вместо сна временного вечный, будущий сон». Поэтому пока есть у тебя ноги, иди вослед делания, прежде нежели связан ты <будешь> узами, которых невозможно уже будет разрешить. Пока есть у тебя персты, распни себя в молитве, прежде нежели пришла смерть. Пока есть у тебя глаза, наполняй их слезами, прежде нежели покрыты <будут> они прахом. Как роза, едва подует на нее ветер, увядает, так, если внутри тебя дохнуть на одну из стихий, входящих в состав твой, ты умрешь. Положи, человек, на сердце своем, что предстоит тебе отшествие, и непрестанно говори себе: «Вот у дверей уже пришедший за мною посланник. Что же я сижу? Преселение мое вечно, возврата уже не будет».

Кто любит собеседование со Христом, тот любит быть уединенным. А кто любит оставаться со многими, тот друг мира сего. Если любишь покаяние, возлюби и безмолвие. Ибо вне безмолвия покаяние не достигает совершенства. И если кто будет противоречить сему, не входи с ним в состязание. Если любишь безмолвие — мать покаяния, то с удовольствием возлюби и малый телесный вред, и укоризны, и обиды, какие полются на тебя за безмолвие. Без этого предуготовления не можешь жить в безмолвии свободно и невозмутимо. Если же будешь пренебрегать сказанным, то соделаешься причастником безмолвия по воле Божией и пребудешь на безмолвии, сколько благоугодно будет Богу. Приверженность к безмолвию есть непрестанное ожидание смерти. Кто без сего помышления вступает в безмолвие, тот не может понести того, что всеми мерами должны мы терпеть и сносить.

Знай и то, рассудительный, что избираем уединенное жительство с душами своими, безмолвие и затворничество не

для дел, простирающихся сверх правил, не для того, чтобы их сделать. Ибо известно, что к этому, по причине телесного рвения, способствует более общение с многими. И если бы необходимо было сие, то некоторые из отцов не оставили бы сопребывания и общения с людьми, а другие не стали бы жить в гробах, и иные не избрали бы себе затвора в уединенном доме, где, всего более расслабив тело и оставив его в несостоянии исполнять наложенные ими на себя правила, при всевозможной немощи и телесном истомлении, с удовольствием целую жизнь свою переносили еще тяжкие постигшие их болезни, от которых не могли стоять на ногах своих, или произнести обычную молитву, или славословить устами своими, но даже не совершали псалма или иного чего, совершаемого телом; и вместо всех правил достаточно для них было одной телесной немощи и безмолвия. Так вели они себя все дни жизни своей. И при всей этой мнимой праздности никто из них не пожелал оставить своей келии и, по причине неисполнения ими правил

своих, идти куда-нибудь вон или в церк-
вах возвеселить себя гласами и службами
других.

Восчувствовавший грехи свои выше
того, кто молитвою своею воскрешает
мертвых, когда обитель его будет среди
многолюдства. Кто один час провел воз-
дыхая о душе своей, тот выше доставля-
ющего пользу целому миру своим лицез-
рением. Кто сподобился увидеть самого
себя, тот выше сподобившегося видеть
Ангелов. Ибо последний входит в обще-
ние очами телесными, а первый очами
душевыми. Кто последует Христу в
уединенном плаче, тот лучше похваляю-
щегося собою в собраниях. Никто да не
выставляет на среду сказанного Апосто-
лом: *Молил бых ся бо сам аз отлучен
быти от Христа* (Рим. 9:3). Кто при-
ял силу Павлову, тому и повелевается
это делать. А Павел для пользы мира
попал был пребывающим в нем Духом,
как сам засвидетельствовал, что делал
сие не по своей воле. Ибо говорит он:
*...нужда бо ми належит, горе же мне
есть, аще не благовествую* (1 Кор. 9:16).

И избрание Павла было не для того, чтобы показать ему образ своего покаяния, но чтобы благовествовать человечеству: для сего приял он и преизбыточествующую силу.

Впрочем, будем мы, братия, любить безмолвие, пока мир не умерщвлен в сердцах наших. Будем всегда памятовать о смерти, и в сем помышлении приближаться к Богу сердцем своим, и пренебрегать суеты мира, и презренными соделаются в глазах наших мирские удовольствия, с приятностию в болезненном теле претерпим всегдашнюю праздность безмолвия, чтобы сподобиться наслаждения с теми, которые *в вертепах и пропастях земных* (Евр. 11:38) чают славного откровения Господа нашего с Небеси. Ему и Отцу Его и Святому Его Духу слава, и честь, и держава, и велелепие во веки веков! Аминь.



СЛОВО 42

Послание к одному из возлюбленных Исааком,
в котором предлагает он:

- а) Учение о тайнах безмолвия и о том, что многие,
по незнанию сих таин, не радят о сем чудном
делании, большая же часть держится пребывания в
келлах по преданию, ходящему у иноков,
и б) краткое собрание относящегося к сказанию
о безмолвии

Поелику вынужден я обязанностию необходимо писать к тебе, брат, о должном, то письмом моим, по нашему данному тебе обещанию, извещаю любовь твою, что нашел я тебя строгостию жития своего приуготовившим себя к тому, чтобы идти на пребывание в безмолвии. Поэтому все, что слышал я о сем делании от мужей рассудительных, после того как собрание их изречений сообразил в уме своем с ближайшим, какой имел на самом деле, опытом, кратким словом напечатлеваю в твоей памяти; только и сам ты, по внимательном прочтении сего послания, содействуй себе обычным тебе

тщанием; потому что с мудрым разумением, не наряду с обычным чтением, должен ты приступить к чтению словес, собранных в сем нашем послании, и, по причине великой сокровенной в нем силы, при прочем чтении принять оное как бы некий свет; и тогда дознаешь, что значит пребывание на безмолвии, в чем состоит делание оного, какие тайны сокрыты в сем делании и почему некоторые умаляют цену правды в общественной жизни и предпочитают ей скорби и подвиги безмолвнического пребывания и иноческого жития. Если желаешь, брат, в краткие дни свои обрести жизнь нетленную, то с рассудительностью да будет вступление твое на безмолвие. Войди в исследование его делания, и не по имени только вступай на сей путь, но вникни, углубись, подвижайся и потщись со всеми святыми постигнуть, что такое глубина и высота сего жития. Ибо во всяком человеческом деле, в начале его делания и до конца, предполагаются какой-либо способ и надежда совершения; а сие и побуждает ум положить основание делу. И эта цель

укрепляет ум к понесению трудности дела, и в воззрении на сию цель заимствует ум для себя некоторое утешение в деле. И как иной неослабно напрягает ум свой до окончания своего дела, так и досточестное дело безмолвия делается пристанию таин при обдуманной цели, на которую внимательно смотрит ум во всех продолжительных и тяжких трудах своих до окончания здания. Как глаза кормчего устремлены на звезды, так живущий в уединении, во все продолжение своего шествия, внутреннее воззрение устремляет на ту цель, к какой положил идти в уме своем с того первого дня, в который решился совершать путь грозным морем безмолвия, пока не найдет той жемчужины, для которой пустился он в неосязаемую бездну моря безмолвия: и исполненное надежды внимание облегчает его в тягости делания и в жестокости опасностей, встречающихся с ним в шествии его. А кто в начале своего безмолвия не предполагает сам в себе этой цели в предстоящем ему делании, тот поступает нерассудительно, как и сражающийся с

воздухом. Таковой во всю свою жизнь никогда не избавляется от духа уныния; и с ним бывает одно из двух: или не выносит он нестерпимой тяготы, побеждается ею и совершенно оставляет безмолвие, или терпеливо пребывает в безмолвии, и келія делается для него домом темным, и испекается он в ней, потому что не знает надежды на утешение, порождаемое деланием безмолвия. Посему-то желая сего утешения, не может просить с сердечною болезнию и плакать во время молитвы. Всему этому на потребу жизни нашей оставили нам признаки в писаниях своих отцы наши, исполненные жалости и любящие сынов своих.

Один из них сказал: «Для меня та польза от безмолвия, что, когда удалюсь из дома, в котором живу, ум мой отдыхает от бранного уготовления и обращается к лучшему деланию».

Подобным образом и другой говорил: «Я подвизаюсь в безмолвии для того, чтобы услаждались для меня стихи при чтении и молитве. И когда от удовольствия при уразумении их умолкнет

язык мой, тогда, как бы во сне каком, прихожу в состояние сжатия чувств и мыслей моих. И также когда при продолжительности сего безмолвия утихнет сердце мое от мятежа воспоминаний, тогда посылаются мне непрестанно волны радости внутренними помышлениями, свечения внезапно приходящими к услаждению сердца моего. И когда приближаются волны сии к кораблю души моей, тогда от вещаний мира и от плотской жизни погружают ее в истинные чудеса, в безмолвие, пребывающее в Боге».

А другой, напротив того, говорил: «Безмолвие отсекает предлоги и причины к новым помыслам и внутри стен своих доводит до обветшания и увядания воспоминания о предзанятом нами. И когда обветшают в мысли старые вещества, тогда ум, исправляя их, возвращается в свой чин».

И еще другой сказал: «Меру сокровенного в тебе уразумеешь из различия мыслей твоих, говорю же о мыслях постоянных, а не случайно возбуждаемых и в один час проходящих. Нет никого,

носящего на себе тело, кто пришел бы в свой дом, не отлучившись от двух, добрых или худых, изменений: и если он рачителен, то — от изменений маловажных, и при помощи естества (потому что отцы суть отцы рождаемых); а если он нерадив, то — от изменений высоких, и при помощи закваски оной благодати, бывшей в естестве нашем».

И иной говорил: «Избери себе делание усладительное, непрестанное бдение по ночам, во время которого все отцы совлекались ветхого человека и сподобились обновления ума. В сии часы душа ощущает оную бессмертную жизнь, и ощущением ее совлекается одеяния тьмы, и приемлет в себя Духа Святого».

И другой еще сказал: «Когда видит кто различные лица, и слышит разнообразные голоса, несогласные с духовным его занятием, и вступает в собеседование и в общение с таковыми, тогда не может он найти свободного времени для ума, чтобы видеть себя втайне, привести себе на память грехи свои, очистить свои помыслы, быть внимательным к тому, что

представляется ему, и сокровенно беседовать в молитве».

И еще: «Чувства сии подчинить власти души невозможно без безмолвия и отчуждения от людей, потому что разумная душа, быв существенно соединена и сопряжена с сими чувствами, и своими помыслами невольно увлекается, если человек не будет бодрствен в сокровенной молитве».

И еще: «Сколько доставляет услаждения, как веселит, радует бодрствование и очищает душу своим пробуждением, а вместе молитвою и чтением, наипаче знают сие те, которые во всякое время жизни своей в этом бывают занятия и живут в самом строгом подвижничестве».

Посему и ты, человек, любящий безмолвие, сии указательные мановения отеческих словес положи пред собою, как некоторую цель, и к сближению с ними направляй течение своего делания. А прежде всего ухитрись дознаться, что наипаче надлежит согласить с целию твоего делания. Ибо без этого не можешь приобрести ведения истины; и в

сем потщись с преизбытком показать свое терпение».

Молчание есть тайна будущего века, а слова суть орудие этого мира. Человек-постник пытается душу свою молчанием и непрестанным постом уподобить естеству духовному. Когда человек в божественном своем делании отлучает себя на то, чтобы пребывать в своем сокровенном, тогда посвящается он в сии тайны; и служение его бывает исполнено Божественных таинств, а чрез оные и невидимых Сил, и святыни господствующей над тварями Власти. И если некоторые отлучали себя на время, чтобы войти им в Божественные тайны, то были означены сею печатью. И некоторым из них вверяемо было, к обновлению стоящих на средней степени, обнаружение таин, сокрытых в неведомом Господнем молчании, потому что послужить таковым тайнам было бы неприлично человеку, у которого наполнено чрево и ум возмущен невоздержанием.

Но и святые не дерзали на беседование с Богом и не возносились до сокро-

венности таин, разве только при немощи членов, при бледном цвете лица от любви к алчбе и от безмолвного ума и при отречении от всех земных помыслов. Ибо когда по долгом времени в келии твоей, среди дел труда и хранения того, что сокровенно, и при воздержании чувств от всякой встречи, осенит тебя сила безмолвия, тогда сретитъ сперва радость, без причины овладевающую по временам душою твоею, и потом отверзнутся очи твои, чтобы, по мере чистоты твоей, видеть крепость твари Божией и красоту созданий. И когда ум путеводится чудом сего видения, тогда и ночь, и день будут для него едино в славных чудесах созданий Божиих. И с сего времени в самой душе похищается чувство страстей приятностию сего видения; и в оном-то, в следующем за ним порядке, начиная с чистоты и выше, восходит ум еще на две степени мысленных откровений. Сего да сподобит Бог и нас! Аминь.



СЛОВО 43

О разных предположениях и о том,
какая нужда в каждом из них

Чувство духовное такого качества, что принимает в себя созерцательную силу, подобно зенице телесных очей, имеющих в себе чувственный свет. Мысленное созерцание есть естественное ведение, присоединенное к естественному состоянию; и оно называется естественным светом. Святая сила есть дарование солнца рассудительности, поставленного между светом и созерцанием. Природы суть нечто среднее, созерцаемое рассудительными при свете. Страсти суть как бы твердая какая сущность; они занимают средину между светом и созерцанием и препятствуют при созерцании различать разнообразие вещей. Чистота есть прозрачность мысленного воздуха, в недрах которого воспаряет внутреннее наше естество. Если ум нездрав в естестве своем, то недействительно в нем ведение, как и телесное чувство, когда от

каких-нибудь причин повреждено, теряет зрение. Если же ум здоров, но нет в нем ведения, то без него не различает ум духовного, как и глаз, здоровый в целом своем составе, бывает нередко слаб относительно к чувственному зрению. А если во всем этом сохранено, что чему свойственно, но не близка благодать, то в деле различения остается все сие недейственным; как и в часы ночи, поелику нет тогда солнца, глаза бывают неспособны разбирать предметы. И когда все (то есть и глаз, и зрение) здорово и само в себе совершенно, но некоторые вещи не различены или не различаются, то сим исполняется сказанное: *...во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35:10). Если же благодать мысленного Солнца бывает близка, возбуждает к желанию, поощряет и делает бодрственным, но нет в уме чистоты, то он подобен пустому воздуху, который непрозрачен* от густоты облаков и темных

* В древнем сербском переводе читается: *иже не озарен*, хотя в греческом сказано без отрицания: *οστις διαυγης*.

веществ, удобно возносящихся к солнечному свету, веселящему нас приятностью сего видения.

Когда зрение нетвердо в различении, тогда и естество слабо в деятельности. Душе ощущать приятность воссиявающего над всем второго Солнца препятствует наложенное на нее телесное, которое закрывает собою озарения истины, так что они не доходят до нас. Впрочем, с нуждою сыскивается все это нами сказанное, — и потому, что трудно в одном человеке найти все это в целой совокупности, без недостатка и укоризны, и потому, что не могут многие достигать совершенства в одном каком-либо духовном ведении. Недостаток же сей бывает по следующим причинам: по недостаточности разума, по беспорядочности воли, по несоответствующему цели положению, по оскудению чистоты, по неимению учителя и руководителя, по удержанию благодати (сказано: *Мужу скупому не лепо есть богатство* и обладание великим, Сир.14:3), по препятствиям от обстоятельств, от места и от нравов.

Истина есть ощущение по Богу, какое только вкушает в себе человек ощущением чувств духовного ума. Любовь есть плод молитвы; и от созерцания своего возводит ум к ненасытному ее вожделению, когда ум пребывает в ней без уныния, и человек умом только в молчаливых помышлениях разумения молится пламенно и с горячностью. Молитва есть умерщвление понятий, свойственных воле плотской жизни. Ибо молящийся прилежно есть то же, что умерший для мира; и терпеливо пребывать в молитве значит отречься человеку от себя самого. В самоотвержении души обретается, наконец, любовь Божия.

Как от семени пота постов произрастает колос целомудрия, так от сытости — распутство и от пресыщения — нечистота. При алчущем и смиренном чреве никак не проникают в душу срамные помыслы. Всякая поглощаемая снедь прибавляет собою влаг и делается естественною в нас крепостию. И когда орудные члены от происшедшего в них напряжения целого тела делаются полными, и при

этом случится увидеть что-либо телесное, или в сердце невольно возбудится что-либо вместе с помыслом, тогда от помысла внезапно приходит в движение что-то приятное и распространяется по всему телу. Хотя ум целомудренного и непорочного в своих помыслах крепок, однако же оным ощущением, происшедшим в членах, тотчас возмущается рассудок его, и как бы с высокого какого места нисходит он со своего места, на котором стоит; и святость помыслов его колеблется, и светлое целомудрие оскверняется мятежом страстей, вошедших в сердце при распадении членов. Тогда половина силы его изнемогает, почему можно сказать, что забывает он и первую цель надежды своей, и прежде нежели вступит в борьбу, без борьбы оказывается пленником, без усилия врагов своих делается подчиненным воле немогущей плоти. Ко всему этому понуждает волю доброго человека сильное произволение непрестанного насыщения. Хотя бы и твердо пребывал он в пристани целомудрия, однако же пресыщение скло-

няет его предаться тому, чего никогда не хотел бы он допустить в сердце свое. И как скоро уснет один помысл, окружает его сборище помыслов, заключающих в себе пустые и срамные мечты; и это чистое ложе его делает виталищем блуда и позорищем видений. Когда же в упоении помыслов приобщится беседе с ними, то осквернит преподобные свои члены без приближения жены, тогда волнуется ли и кипит ли так от бури какое море, как мятется ум, подвергшийся силе волн, от пресыщения чрева возбуждаемых на него морем плоти его?

Как просветляется красота твоя, целомудрие, возлежанием на голой земле, трудом алкания отъемлющего у тебя сон, злостраданием плоти, которая, при воздержании от яств, между ребрами и чревом делается подобною глубокому рву! Всякая снедь, приемлемая нами внутрь, и всякое упокоение образуют в нас срамные подобию и безобразные призраки; и они рождаются, выходят наружу, делаются видимыми в сокровенной области ума нашего и раздражают нас к тайному

сообщению в делах срамных. А пустота чрева и мысли наши делает страну пустынною, не тревожимою помыслами и безмолвствующею от всех мятежных помыслов. Чрево же, наполненное от пресыщения, есть область привидений; и пресыщение делает его четырехвратным для нелепых мечтаний, хотя будем и одни в пустыне. Ибо говорят, что пресыщение вожделевает многого.

Когда сподобишься Божественной благодати и душевного бесстрастия, тогда разумеи, что не вследствие непоявления в тебе безобразных помыслов или невозбуждения помыслов плотских (без них никому пробыть невозможно), также не вследствие помыслов, удобно тобою побеждаемых (потому что ими, конечно, не оскверняется и не возмущается мысль, как бы ни была она крайне высока), но вследствие помыслов лучшей мысленной деятельности не оставляется ум в необходимости вести с ними брань и губить их. Но как скоро приникнет помысл, хищнически похищается от сближения с ними некоею силою, вне воли

состоящею, которая по навыку и по благодати удерживает закваску внутри сердца, которое есть обитель ума.

Иное — ум подвижника, а иное — чин священства: ум, по милости небесной умерший для мира, имеет голые помыслы о некоторых только предметах без борьбы и подвига. Совершенство, сопряженное с плотию и кровию, владычественно царствует над помыслами, проистекающими от плоти и крови, но не доводит до совершенного бездействия и их, и других свойственных естеству помыслов, пока еще стихийною жизнью бьется животворная мысль человека и основание ума его во всяком движении и склонении заимствует изменение от четырех влаг. Богу же нашему да будет слава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 44

О том, как рассудительному
должно пребывать на безмолвии

Послушай, возлюбленный: если желаешь, чтобы дела твои были не напрасны и дни твои не праздны и не лишены пользы, какой рассудительные надеются от безмолвия, то вступление твое в оное пусть будет с рассуждением, а не в уповании чего-нибудь, чтобы не стать тебе похожим на многих. Напротив того, пусть будет в мысли твоей положена цель, к которой бы направлять тебе дела жизни своей. Выспрашивай о сем более знающих, и притом знающих из опыта, а не по одному умозрению. И не переставай сего делать, пока не покажешь опытов на всех стезях дел безмолвия. При каждом сделанном тобою шаге разыскивай, путем ли ты идешь или уклонился с него и идешь какою-нибудь стезею вне настоящей дороги. И по одним делам явным не уверяйся в том, что в точности совершается тобою житие безмолвническое.

Если желаешь обрести что-нибудь и постигнуть это опытом своим, то на каждом сделанном тобою шаге да будут в душе твоей сокровенно положены знаки и приметы, и по оным будешь узнавать истину отцов и прелесть врага. А пока не умудришься на пути своем — пусть послужит для тебя сие немногое. Когда во время безмолвия примечаешь в уме своем, что мысль твоя может свободно действовать помыслами десными и во власти ее над которым либо из них нет ей принуждения, — тогда знай, что безмолвие твое правильно.

И еще: когда совершаешь службу, если во время разных служб бываешь, по возможности, далеким от парения ума, и внезапно пресекается стих на языке твоём, и на душу твою налагает оковы молчания, без участия твоей свободы, и последует сие за долговременным пребыванием на безмолвии, то знай, что ты в безмолвии своем простираешься вперед и что кротость начала в тебе усугубляться. Ибо простое безмолвие вправду достойно охудения. Простое житие у

любомудрых и рассудительных признается как бы единственным членом, отлученным от вспомоществования других членов.

И еще: если примечаешь в душе своей, что при каждом возникающем в ней помысле, при каждом припамятовании и во время созерцаний, какие бывают в безмолвии твоём, глаза твои наполняются слезами, и слезы без принуждения текут по ланитам твоим, — то знай, что начало совершаться пред тобою отверстие преграды на разорение сопротивных.

И если находишь в себе, что по временам мысль твоя, без предварительного о том промысления, вне обычного порядка, погружается внутри тебя и пребывает в этом состоянии около часа или сколько-нибудь времени, а потом примечаешь, что члены твои как бы в великом изнеможении и мир царствует в помыслах твоих, и то же самое повторяется с тобою всегда, — то знай, что облако начало приосенять скинию твою.

Если же, когда довольно времени проведешь на безмолвии, находишь в душе

своей помыслы, которые делят ее на разные части и овладевают ею, и как бы насильно она ежечасно объемлется сими помыслами, и мысль ее во всякое время возводится к тому, что сделано было ею, или желает пускаться в напрасные разыскания, — то знай, что напрасно трудишься в безмолвии, и в парении ума проводит время душа твоя, и причины тому бывают внешние или внутреннее нерадение о должном, а паче о бдении и чтении. И ты немедленно устрой дело свое.

Если же, когда вступишь в дни сии, не обретаешь мира от тревожащих тебя страстей, то не дивись. Если недро мира, по удалении от него лучей солнечных, надолго остается теплым, и также запах врачевств и дым мира, разливающийся в воздухе, пребывают немалое время, прежде нежели рассеются и исчезнут, — то тем паче страсти, подобно псам, привыкшим лизать кровь в мясной лавке, когда не дают им обычной им пищи, стоят при дверях и лают, пока не сокрушена будет сила прежнего их навыка.

Когда нерадение начнет татски входить в душу твою, и в омрачении возвращается она вспять, и дом близок к тому, чтобы наполниться омрачением, — тогда приближаются следующие признаки. Почувствуешь в себе тайно, что изнемогаешь в вере своей, преимуществуешь в видимом, но упование твое умалается, терпишь утрату в близком тебе, вся душа твоя исполняется укоризны в устах и в сердце на всякого человека и на всякую вещь, с чем ни встречаешься помыслами и чувствами, и на Самого Всевышнего, и боишься вреда телесного, ради чего малодушие овладевает тобою каждый час, и по временам душа твоя возбуждается таким страхом, что пугаешься и бегаешь тени своей, потому что неверием затмил ты веру; под верою же разумеем не основание общего всех исповедания, но оную мысленную силу, которая светом ума подкрепляет сердце и свидетельством совести возбуждает в душе великое упование на Бога, чтобы не заботилась она о себе самой, но попечение свое во всем беззаботно возвергла на Бога.

Когда же простираешься ты вперед, следующие явственные признаки найдешь близкими в душе своей: будешь укрепляться во всем надеждою и обогащаться молитвою, не оскудеет когда-либо в уме твоём служащее к пользе всякий раз, как встречаешься с людьми и ощущаешь немощь естества человеческого, и каждый таковой случай будет охранять тебя от гордыни. А с другой стороны — недостатки ближнего сделаются недостойными внимания в очах твоих. С таким же желанием вожделеешь выйти из этого тела, с каким стал бы пребывать в будущем веке. О всяком скорбном для нас приключении, встречающемся с тобою явно и тайно, со всею осторожностью, далекою от самомнения, найдешь, что по справедливости и по суду приблизилось к тебе все сие. И за все принесешь исповедание и благодарение. Вот признаки трезвенных, осторожных, пребывающих в безмолвии и желающих достигнуть строгости жития.

Расслабленные же не имеют нужды в сих тонких приметах угрожающих им

падений, потому что далеки они от сокровенных добродетелей. Когда одна из них начнет проникать в душу твою, догадывайся в этот час, на которую сторону начал ты склоняться. Ибо вскоре узнаешь, какого ты сообщества. Да подаст нам Бог истинное познание! Аминь.



СЛОВО 45

О степени тонкой рассудительности

Будь всегда внимателен к себе самому, возлюбленный; и в ряду дел своих рассмотри и встречающиеся тебе скорби, и пустынность местопребывания твоего, и тонкость ума твоего вместе с грубостию твоего ведения, и большую продолжительность безмолвия твоего вместе со многими врачевствами, то есть искушениями, какие наводит истинный Врач к здравью оногo внутреннего человека (а в иное время наводят и бесы), иногда бо-

лезнями и телесными трудами, а иногда боязливými помышлениями души твоей, страшными воспоминаниями о том, что будет напоследок, иногда же привитием и обязанием благодати сердечной теплоты, и сладостных слез, и духовной радости, и всего прочего, скажу так, не умножая слов. Совершенно ли во всем этом примечаешь, что язва твоя начала заживать и закрываться? То есть начали ли изнемогать страсти? Положи примету, и входи непрестанно сам в себя, и смотри: какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли перед тобою, какие из них пропали и совершенно отступили от тебя, и какие из них начали умолкать вследствие душевного твоего здравия, а не вследствие удаления того, что приводило тебя в боязнь, и какие научился ты одолевать умом, а не лишением себя того, что служит для них поводом? Обрати также внимание на то, точно ли видишь, что среди загноения язвы твоей начала нарастать живая плоть, то есть душевный мир? Какие страсти постепенно и <какие> стремительно понуждают, и чрез

какие промежутки времени? Суть ли это страсти телесные, или душевные, или сложные и смешанные? И возбуждаются ли в памяти темно, как немощные, или с силою восстают на душу? и притом vlastительски или татским образом? И как обращает на них внимание владеющий чувствами царь — ум? И когда они напрягут силы и вступят в брань, сражается ли с ними и приводит ли их в бессилие своею крепостию или не обращает даже на них взора и не ставит их ни во что? И какие из них изгладились после борьбы, и какие вновь изобразились? Страсти приводятся в движение или какими-нибудь образами, или чувством без образов и памятию без страстных движений и помышлений, и не производят раздражения. По всему этому можно также узнавать меру, на какой стоит душа.

Первые не пришли в устройство, потому что душе предстоит еще подвиг, хотя и обнаруживает против них крепость свою, а вторые зависят от употребления, как сказало Писание, говоря: *...сиде Давид в дому своем, и упокоил*

его Бог от всех его окрестных (2 Цар. 7:1). Разумей сие не об одной страсти, но вместе со страстями естественными, пожеланием и раздражительностию, и о страсти славолюбия, которое воображает и мысленно представляет лица и возбуждает к похоти и желанию, и также о страсти сребролюбия, когда душа входит в общение с нею тайно, хотя и не соглашается вступить самым делом, но изображает в уме подобие того, чем питается сребролюбие при собирании богатства и чем заставляет душу помышлять об этом, и производит в ней желание — вместе с прочим обладать и сим.

Не все страсти ведут брань наступательно. Ибо есть страсти, которые душе показывают только скорби. Нерадение, уныние, печаль не нападают наступательно и смело, но только налагают на душу тяжесть. Крепость же души изведывается в победе над страстями, ведущими брань наступательную. И человеку надлежит иметь тонкое сведение обо всем этом и знать приметы, чтобы при каждом сделанном шаге сознавать,

куда достигла и какую страну начала по-
пирать стопами своими душа его: в земле
ли она Ханаанской или за Иорданом.

Но обрати внимание и на сие. Достаточно ли, по душевному свету, ведение к различению сего, или различает это во тьме, или совершенно лишено такой способности? Точно ли находишь, что помысл начал очищаться? Парение мыслей в уме проходит ли в час молитвы? Какая страсть смущает ум во время приближения к молитве? Ощущаешь ли в себе, что сила безмолвия приосенила душу кротостию, тишиною и миром, какой сверхобычая рождается обыкновенно в уме? Восхищается ли непрестанно ум без участия воли к понятиям о бесплотном, в объяснение чего не дозволено входить чувствам? Возгорается ли в тебе внезапно радость, ни с чем не сравнимым наслаждением своим заставляющая умолкнуть язык? Источается ли непрестанно из сердца некое удовольствие и влечет ли всецело ум?

По временам неощутительно во все тело входит какое-то услаждение и радо-

вание, и плотский язык не может выразить этого, пока все земное не будет при сем памятовании почитать прахом и тщетою. Ибо оное первое, из сердца истекающее услаждение, иногда в час молитвы, иногда во время чтения, а иногда также вследствие непрестанного занятия и продолжительности мысли согревает ум. А сие последнее всего чаще бывает без всего этого, и многократно во время поделия, а таким же образом часто и по ночам, когда находишься между сном и пробуждением, как бы спя и не спя, бодрствуя и не бодрствуя. Но когда найдет на человека это услаждение, биющееся в целом теле его, тогда думает он в этот час, что и Царство Небесное не иное что есть, как это же самое.

Смотри также, приобрела ли душа силу, которая чувственные памятования потребляет силою овладевающей сердцем надежды и внутренние чувства укрепляет неизъяснимым убеждением в несомненности? И сердце без попечения о том, чтобы не было пленено оно земным, пробуждено ли непрестанным

поведением и непрерывным сердечным деланием, совершаемым со Спасителем нашим?

Прибрати ведение о разности призвания к деланию и поведания, когда услышишь о сем. Возможность же скоро вкусить сего доставляет душе непрерывное безмолвие непрестанным и постоянным своим деланием. Ибо, по нерадению приемлющих и по обретении сие снова утрачивается и долгое уже время вновь не приобретается. И осмелится ли кто, положившись на свидетельство совести своей, сказать о сем то же, что сказал блаженный Павел: *Известихся, яко ни смерть, ни живот... ни настоящая, ни грядущая, ни все прочее возможет меня разлучити от любви Христовой* (Рим. 8:38,39), то есть не разлучат ни телесные, ни душевные скорби, ни голод, ни гонение, ни нагота, ни одиночество, ни затвор, ни беда, ни меч, ни аггелы и силы сатанины с их злобными ухищрениями, ни упраздняемая слава приражением своим к человеку, ни клеветы, ни укоризны,

ни заушения, наносимые без причины и напрасно.

Если же не начал ты усматривать в душе своей, брат, что все это некоторым образом избыточествует или оскудевает, то труды твои, и скорби, и все безмолвие твое — бесполезное утомление себя. И если чудеса совершаются руками твоими и мертвых воскрешают они, не идет то и в сравнение с этим, и немедленно подвигни душу свою и со слезами умоляй Спасающего всех отъять праг* от двери сердца твоего, омрачение бури страстей уничтожить на внутренней тверди, сподобить тебя увидеть луч дневной, чтобы не походить тебе на мертвеца, вечно пребывающего в омрачении.

Всегдашнее бдение вместе с чтением и вслед за оным частые поклоны не замедлят рачительным подать блага сии. И кто обрел их, тот обрел сими именно средствами. Желаящие снова обрести их имеют нужду пребывать в безмолвии, а вместе и в делании сказанного нами,

* Праг — порог, завеса. — Ред.

прежде же сего ни к чему, кроме души своей, даже ни к одному человеку не привязываться мыслию своею, упражняться же во внутреннем делании добродетели, да и в рассуждении самих дел — упражняться в тех именно, в которых особенно находим близким к себе определенное ощущение, утверждающее нас и в рассуждении прочего.

Кто пребывает на безмолвии и опытом изведal благодать Божию, тот не имеет нужды в большой убедительности; напротив того, душа его нимало не болезнует неверием, подобно колеблющимся в истине, потому что свидетельства ума его достаточно для него к уверению себя самого паче бесчисленного множества слов, не оправданных опытом. Богу же нашему слава и велелепие во веки! Аминь.



СЛОВО 46

ОБ ИСТИННОМ ВЕДЕНИИ, ОБ ИСКУШЕНИЯХ И О
НЕОБХОДИМОСТИ ТОЧНО ЗНАТЬ, ЧТО НЕ ТОЛЬКО ЛЮДИ
НЕВЫСОКИЕ, НЕМОЩНЫЕ И НЕОБУЧИВШИЕСЯ, НО И
СПОДОБИВШИЕСЯ НА ВРЕМЯ БЕССТРАСТИЯ, ДОСТИГШИЕ
СОВЕРШЕНСТВА В ОБРАЗЕ МЫСЛЕЙ, ПРИБЛИЗИВШИЕСЯ
ОТЧАСТИ К ЧИСТОТЕ, СОПРЯЖЕННОЙ С ОМЕРТВЕНЕНИЕМ,
[СТАВШИЕ ВЫШЕ СТРАСТЕЙ, ПОКА ОНИ В МИРЕ СЕМ, ПО
БОЖИЮ ПОПУЩЕНИЮ ОТ СОПРЯЖЕНИЯ ЖИЗНИ ИХ СО
СТРАСТНОЮ ПЛОТЮ, ПРЕБЫВАЮТ В БОРЕНИИ И ПО
ПРИЧИНЕ ПЛОТИ ТЕРПЯТ БЕСПОКОЙСТВО ОТ СТРАСТЕЙ,
ПОТОМУ ЧТО]* ПО МИЛОСТИ ПОПУСКАЕТСЯ НА НИХ СЯ
ЗА ПАДЕНИЕ ИХ В ГОРДИНЮ

Многократно иные день за день преступают закон и покаянием врачуют души свои, и благодать приемлет их, потому что во всяком разумном естестве без числа бывают перемены и с каждым человеком ежечасно происходят изменения. И рассудительный находит много случаев уразуметь это. Но испытания, каждый день производимые им над со-

* Слова, заключенные в скобки, заимствованы из древнего сербского перевода.

бою, особливо могут умудрить его в этом, если будет трезвиться, чтобы наблюдать за собою в уме своем и дознавать, какое изменение в кротости и скромности принимает мысль с каждым днем, как внезапно из мирного своего состояния приходит в смущение, когда не будет отклонена какая-либо к тому причина, и как человек бывает в великой и несказанной опасности.

И сие-то святой Макарий с великою предусмотрительностью и рачительностью явственно написал на память и в наставление братьям, чтобы во время изменения в противное не впадали в отчаяние, потому что и со стоящими на степени чистоты, как с воздухом охлаждение, приключаются всегда падения, между тем как нет в них нерадения или послабления себе; напротив же того, даже когда соблюдают они чин свой, случаются с ними падения, противные намерению собственной их воли. Да и блаженный Марк, как изведавший точным опытом, свидетельствует о сем и в превосходном порядке излагает сие в писаниях

своих, чтобы не подумал кто, будто бы святой Макарий сказал это в своем послании случайно, а не по действительному опыту, и чтобы от таковых двоих свидетелей ум со всею несомненностью принял для себя утешение во время нужды. Посему что же теперь? «Изменения, — говорит, — в каждом бывают, как в воздухе». Выразумей же это слово: *в каждом*; потому что естество одно, и чтобы не подумал ты, будто бы сказал это о низших и худших, совершенные же свободны от изменения и неуклонно стоят на одной степени без страстных помыслов, как утверждают евхиты*, сказал он поэтому: *в каждом*.

Как же это, блаженный? Впрочем, говоришь ты, бывает же холод и вскоре потом зной, также град и немного спустя ведро. Так бывает и в нашем упражнении: то брань, то помощь от благодати; иногда душа бывает в обуревании,

* *Евхиты* (греч.; или *мессалиане*) — «молящиеся», еретики IV в., практиковавшие непрерывную молитву в ущерб церковной дисциплине и вероучительной догматике. — *Ред.*

и восстают на нее жестокие волны; и снова происходит изменение, потому что посещает благодать и наполняет сердце человека радостью и миром от Бога, целомудренными и мирными помыслами. Он указывает здесь на сии помыслы целомудрия, давая тем разуместь, что прежде них были помыслы скотские и нечистые, и дает совет, говоря: если за сими целомудренными и скромными помыслами последует порыв, не будем печалиться и отчаиваться, не будем также хвалиться и во время упокоения благодати, но во время радости станем ожидать скорби. Советует же не печалиться нам, когда последуют болезненные припадки, показывая тем, что ум должен не навлекать их на нас, но с радостью принимать, как естественное и свойственное нам. Не предадимся отчаянию, подобно человеку, который за подвиг ожидает чего-то, даже совершенного и неизменяемого упокоения, и вместе не допускает подвигов, и печалей, и того, чтобы в нем произошло движение чего-либо сопротивного, что и Господь Бог

наш не нашел приличным дать сему естеству в этом мире.

Макарий дает совет сей, чтобы мы не сделались совершенно праздными, оставшись без дела, и с этою мыслию не расслабели в отчаянии и не пребыли неподвижными в течении своем. Знай, говорит он, что все святые пребывали в сем деле. Пока мы в мире сем, после трудов сих бывает нам втайне и избыточествующее утешение, потому что каждый день и каждый час требуется от нас опыт любви нашей к Богу в борьбе и в подвиге против искушений. И это значит — не печалиться и не унывать нам в подвиге. И таким образом благоуспешен делается путь наш. А кто хочет отбыть или уклониться от этого, тот бывает добычею волков. Достойно, подлинно, удивления в этом святом, что таким кратким словом подтвердил мысль сию и доказал, что она исполнена разума, и в уме читающего совершенно уничтожил сомнение. Он же говорит: кто уклоняется от сего и делается добычею волков, тот хочет идти не путем, и положил в уме своем домо-

гаться сего, и намеревается ходить своею собственною стезею, которой не пролагали отцы. Но учит он и тому, чтобы во время радости ожидать скорбей. Когда по действию благодати внезапно бывают в нас великие помыслы и, как сказал святой Марк, бываем в изумлении при мысленном созерцании Высшего Естества, когда приближаются к нам Ангелы, исполняют нас созерцания, — тогда все противное удаляется и во все то время, в которое человек бывает в подобном состоянии, продолжают мир и несказанная тишина. Но когда приосенит тебя благодать, и приблизятся к тебе святые Ангелы, ограждающие тебя, и при сем приближении отступят все искушающие, ты не превозносись и не помышляй в душе своей, что достиг необуреваемой пристани и неизменяемого воздуха, и совершенно изшел из этого недра противных дуновений, и нет уже более врага и злой встречи, потому что многие возмечтали это и впали в опасности, как сказал блаженный Нил. Или не думай также, что ты выше многих и тебе при-

лично быть в таком состоянии, а другим нimalo не прилично, по недостаточности жития их; или, поелику не имеют они довольного ведения, то и лишаются подобных дарований, а ты имеешь на это право, потому что достиг совершенства святости, и духовной степени, и неизменяемой радости. Напротив того: рассмотри лучше в себе нечистые помыслы и те неблагоприличные образы, какие утвердились в уме твоём во время обуревания, в час смятения и беспорядочности помыслов, незадолго до сего восставших против тебя в слепом омрачении; подумай, с какой скоростью и уклонился ты в страсти, и беседовал с ними в омрачении ума, не устыдился и не ужаснулся Божественного видения, дарований и даров, какие приял ты. И знай, что все это к смирению нашему навел на нас Божий Промысл, который о каждом из нас промышляет и устрояет что кому полезно. А если превознесёшься дарованиями его, оставит тебя и совершенно падёшь в том, в чем будёшь искушаем одними помыслами.

Наконец, знай, что устоять — не твое и не добродетели твоей дело, совершит же это благодать, которая носит тебя в дланях руки своей, чтобы ты не приходил в боязнь. Сие вложи себе в мысль во время радости, чтобы не превознесся помысл, как сказал отец наш святой; и плачь, и проливай слезы, и припадай при воспоминании о своих грехопадениях во время пощущения, чтобы избавиться тебе этим и приобрести чрез то смирение. Впрочем, не отчаивайся и в помыслах смирения умилоствлением содейлай простительными грехи свои.

Смирение и без дел многие прегрешения делает простительными. Напротив того, без смирения и дела бесполезны, даже уготовляют нам много худого. Смирением, как сказал я, содейлай беззакония твои простительными. Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели: оно может сокрушить крепость многих грехов. Для приобретения его потребно непрестанно печалиться мыслию с уничижением и рассудительною печалию. И если приобретем оное, соде-

лает нас сынами Божиими и без добрых дел представит Богу, потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание.

Наконец, Бог хочет изменения в мысли. Мысль делает нас и лучшими и непотребными. Ее одной достаточно, чтобы безмощными поставить нас пред Богом, и она же говорит за нас. Благодарим и в молчании исповедуйся Богу в том, что столько немощное и способное к уклонению получил ты естество, и — при содействии благодати, до чего иногда возвышаешься, — каких сподобляешься дарований, и в какой мере бываешь превыше естества; когда же бывает попущено, — до чего снисходишь и приобретаешь ум скотский! Содержи в памяти бедность естества своего и скорость, с какою последуют в тебе изменения, как сказал некто из святых старцев. «Когда, — говорит он, — приходит к тебе помысл гордыни, говоря тебе: «Вспомни свои добродетели», — ты скажи: «Посмотри, старик, на свой блуд». Разумел же тот блуд, каким во время попущения иску-

шаем бываешь в помыслах, что с каждым устрояет благодать, или вводя нас в брань, или являя нам помощь, когда что для нас полезно.

Смотри же, как легко чудный сей старец выразил эту мысль. Когда, говорит, приходит к тебе помысл гордыни о высоте жития твоего, скажи: посмотри, старик, на свой блуд. Из сего явствует, что старец сказал это человеку высокой жизни. Ибо невозможно, чтобы таким помыслом тревожимы были люди, кроме стоящих на высшей степени, в житии, достойном похвалы. Явно же и то, что страсть сия возрастает в душе после сделанной добродетели, чтобы лишить душу делания оной. А если угодно, и из одного послания того же святого Макария можешь научиться, на какой степени стоят святые и что попускается на них для искушения их в этом. Послание же сие есть следующее.

Авва Макарий пишет ко всем своим чадам возлюбленным и ясно научает, какое о них Божие Домостроительство во время браней и благодатной помощи, по-

тому что Божией премудрости благо-
угодно сим обучать святых, пока они в
жизни сей, в борении* с грехом за добро-
детель, чтобы взор их во всякое время
возводим был к Богу и при непрестанном
устремлении взора к Богу возрастала в
них святая любовь Его, когда непрестан-
но будут они стремиться к Богу от сму-
щения и страха уклонения, и утвердятся
в вере, надежде и любви Его.

И сие действительно сказано теперь
не тем, которые пребывают с людьми,
ходят по всяким местам и всегда преданы
делам и помыслам срамным и нечистым,
также не тем, которые вне безмолвия
соблюдают правду в делах, и ежечасно
уловляются чувствами своими, во всякое
время бывают в опасности падения (по-
тому что необходимость, встречающаяся
с ними вовсе не по их воле, ставит их в
непроизвольные положения), не могут
охранять совершенно не только помыс-
лов, но и чувств своих, но тем, которые в
состоянии соблюдать тела свои и помыс-

* Древний славянский перевод показывает, что
вместо: εν τω αἰωνι надобно читать: εν τω αὔρωνι.

лы, вовсе далеки от мятежа и сообщения с людьми, в отречении от всего и от душ своих нашли удобство охранять ум свой молитвою, изменения благодатных смот-рений приемлют, не оставляя безмолвни-ческого жития, и живут под мышцею Господня ведения, втайне умудряются ду-хом на безмолвие, удалением от мирских вещей и даже от воззрения на некоторые из них, и приобрели мертвенность мысли для мира, потому что не умирают в них страсти, но умирает в них мысль при удалении от мирских вещей и при содей-ствии благодати. И нас благодать сия да сохранит на этом пределе! Аминь.



СЛОВО 47

О самом значении этой главы и о молитве

Кратко выраженная мысль этой главы есть следующая: ежечасно надлежит нам знать, что в сии двадцать четыре часа дня

и ночи имеем мы нужду в покаянии. Значение же слова *покаяние*, как узнали мы из действительного свойства вещей, таково: оно есть с исполненною сокрушения молитвою приближающееся к Богу неослабное прошение об оставлении прошедшего и болезнование о хранении будущего. Посему и Господь наш опору нашей немощи указал в молитве, говоря: пробудитесь, *бдите и молитесь, да не внидете в напасть* (Мф. 26:41). Молитесь, и будьте неленивы, во всякое время *бодрствующе и молящися* (Кол. 4:2,3). *Просите, и примете: ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется* (Мф. 7:7,8). Особенно же подтвердил слово Свое и к большей рачительности подвиг нас притчею о друге, который в полночь пришел к другу своему и просил у него хлеба. Господь говорит: *аминь глаголю вам, аще и не даст ему... зане друг ему есть, но за безочство его, встав даст ему, елика требует* (Лк. 11:8). И вы молитесь и не будьте нерадивыми. Какое несказанное

побуждение к дерзновению! Податель побуждает нас просить у Него, чтобы дать нам Божественные Свои дарования. И если Сам, как знает Он, домостроительствует все, что благотельно для нас, то сии слова Его исполнены великой силы для возбуждения в нас дерзновения и упования. Поелику Господь знает, что прежде смерти не отъемлет Он у нас возможности к уклонению, что весьма близко к нам это изменение, а именно переход от добродетели к пороку, что человек и естество его удобно приемлют в себя противное, то повелел быть тщательными и подвизаться во всегдашней молитве. Если бы в этом мире была страна удостоверения, то, как скоро человек достиг бы оной, естество его стало бы тогда выше потребности и делание его выше страха, и не повелел бы нам Бог подвизаться в молитве, совершая сие Своим промыслением, потому что в будущем веке не приносят Богу молитв с прошениями о чем-либо. В оном отечестве свободы естество наше не приемлет изменения и уклонения под страхом сопротивления,

потому что во всем совершенно. Поэтому повелел не ради только молитвы и хранения себя самих, но и по причине тонкости и непостижимости того, что всегда с нами встречается и не объемлется ведением ума нашего в тех состояниях, в каких нередко находимся непроизвольно во всякое время. Ибо хотя мысли наши и весьма тверды и прилеплены к добру, однако же Промысл Его неоднократно оставлял нас на пределе искушений и ввергал в оные, как сказал блаженный Павел, *за премногая откровения, да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти, ангел сатанин, да ми пакости деет... И о сем трикраты Господа молих, да отступит от мене. И рече ми: довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12:7—9).

Если уже это — Твоя воля, Господи, и младенчество наше требует всего этого для руководства и пробуждения своего Тобою, и даже когда человек любовью Твоею упоен, подобно мне, и влечется вслед доброго, так что вовсе не взирает на мир по причине упоения, в каком он

находится, даже когда мне сверх этого дал Ты достигнуть откровений и созерцаний, которых невозможно объяснить плотским языком, дал видеть и слышать глас духовного служения и сподобиться исполненного святости созерцания Твоего, но и при всем этом я, человек совершенный о Христе, недостаточен для того, чтобы охранять себя самого, потому что есть нечто такое, что по тонкости своей не может быть постигнуто моею силою, хотя и приобрел я ум Христов, — то радуюсь уже посему, Господи, в немощах, в скорбях, в темницах, в узах, в нуждах. От естества ли это, от сынов ли естества или от врагов его; только радуясь терплю ныне немощи мои, то есть немощи в искушениях моих, да вселится в меня сила Божия. Если после всего этого имею нужду в жезле искушений, чтобы им расширялось во мне селение Твое и я сохраняем был в приближении к Тебе, то знаю, что никто не возлюблен Тобою паче меня, и потому возвеличил Ты меня над многими. И как мне дал познать чудные и славные силы Твои, так не дал

ни одному из сотрудников моих, апостолов. И наименовал меня сосудом избранным (Деян. 9:15); потому что верно сохраню чин любви Твоей. По всему этому, и особливо для того, чтобы преуспевало и простиралось вперед дело проповеди, Ты, сколько знаю, даровал бы мне свободу, если бы сие было полезно для меня. Но Ты благоволил, чтобы не был я без скорби и попечения в мире сем, так как для Тебя не столько важно то, чтобы множилось наипаче дело проповеди Евангелия Твоего в мире, сколько то, чтобы мне была польза от искушений моих, когда душа моя сохранится у Тебя здоровою.

Наконец, если все это, рассудительный, есть великий дар искушений, потому что чем более превознесен человек и, по подобию Павлову, вступил в духовное, тем паче имеет еще нужду в страхе и осторожности и пожинает пользу от встречающихся с ним искушений; кто есть сей достигший в страну удостоверения, исполненную хищников, и приял то, чтобы стать ему неуклонным, чего не дано было и святым Ангелам,

да не без нас совершенство примут (Евр. 11:40), — приял то, что противно всему духовному и телесному, и хочет быть всецело неизменяемым, хочет, чтобы не приближалось к нему искушение и в помыслах? Порядок же мира сего есть сия мысль, выраженная как бы во всех Писаниях: если каждый день постоянно приемлем тысячи ударов, то да не малодушествуем и да не останавливаемся в течении на поприще, потому что в одном маловажном случае можно нам восхитить победу и получить венец.

Мир этот есть состязание и поприще для состязаний. Время это есть время борьбы. А в стране борьбы и во время состязания закона не полагается, то есть царь не полагает воинам своим предела, пока не будет кончено состязание, и всякий человек приведен к дверям Царя царствующих, и там испытан бывший в состязании, кто не допустил одержать над ним победу и кто обратил хребет свой. Ибо много раз случается, что человек, ни к чему не годный по неискусству своему, непрестанно бывает поражаем и

низлагаем, и во всякое время оставаясь в бессилии, когда вдруг похищает знамя из рук у воинства сынов исполиновых, превозносится имя его, и восхваляется он гораздо более подвизавшихся и соделавшихся известными в победах, и получает венец и дорогие дары паче товарищей своих. Поэтому ни один человек да не останется в отчаянии. Не будем только нерадеть о молитве и не поленимся просить помощи у Господа.

Твердо положим в мысли своей и то, что, пока мы в мире сем и оставлены во плоти, хотя бы вознеслись до небесного свода, не можем оставаться без дел и труда и быть без попечения. Это (прости меня в том) есть совершенство: а что паче сего, то глумление без разума*. Богу же нашему да будет слава, и держава, и велелепие во веки! Аминь.



* *Глумление без разума* — неразумное размышление. — Ред.

СЛОВО 48

О различии добродетелей
и о совершенстве всего поприща

Совершенство всего поприща заключается в следующем: в покаянии, в чистоте и в усовершеннии себя. Что такое покаяние? Оставление прежнего и печаль о нем. Что такое чистота? Кратко сказать: сердце, милующее всякую тварную природу. Что такое усовершенние себя? Глубина смирения, то есть оставление всего видимого и невидимого (видимого, то есть всего чувственного, и невидимого, то есть мысленного) и попечения о том.

В другое время был опять спрошен: что такое покаяние? — и сказал: сердце сокрушенное и смиренное. — Что такое смирение? — и сказал*: сугубое, добровольно принятое на себя омертвление для всего. — И что такое сердце милующее? — и сказал: возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о

* Слова: *Что такое смирение?* — и сказал дополнены из древнего славянского перевода.

птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы. От великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и от великого терпения умягается сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварию. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и были они помилованы; а также и об естестве пресмыкающихся молится с великою жалостию, какая без меры возбуждается в сердце его до уподобления в сем Богу.

И еще был спрошен: что такое молитва? — и сказал: свобода и упразднение ума от всего здешнего, — сердце, совершенно обратившее взор свой к вожделению уповаемого в будущем. А кто далек от сего, тот на ниве своей сеет смешанное семя и подобен впрягающему в ярмо вместе вола и осла (см.: Втор. 22:10).

И еще был спрошен: как может человек приобрести смирение? — и сказал: непрестанным памятованием прегрешений, надеждою, приближающеюся к смерти, бедным одеянием, тем, чтобы во всякое время предпочитать последнее место и во всяком случае принимать охотно на себя дела самые последние и уничиженные, не быть непослушным, сохранять непрестанное молчание, не любить ходить в собрания, желать оставаться неизвестным и ни во что не избираемым, не удерживать никакой вещи в полном собственном распоряжении, ненавидеть беседы со многими лицами, не любить прибытков и, сверх сего, умом своим быть выше того, чтобы как ни есть порицать и обвинять всякого человека, и выше зависти, не быть таким человеком, которого руки были бы на всех и на котором были бы руки всех, но одному в уединении заниматься своим делом и не брать на себя попечения о чем-либо в мире, кроме себя самого. Короче сказать: странническая жизнь, нищета и пребывание в уединении — вот

от чего рождается смирение и очищается сердце.

Достигших же совершенства признак таков: если десятикратно в день преданы будут на сожжение за любовь к людям, не удовлетворяются сим, как Моисей сказал Богу: *...аще убо оставиши им грех, остави; аще же ни, изгладя мя из книги Твоея, в нюже вписал еси* (Исх. 32:32); и как говорит блаженный Павел: *Молилбыхся... отлучен быти от Христа по братии моей*, и так далее (Рим. 9:3); и еще: *Ныне радуюся в скорбех о вас, язычниках* (Кол. 1:24). И прочие апостолы за любовь к жизни человеков прияли смерть во всяких ее видах.

Конец же всего этого вкупе — Бог и Господь. По любви к твари Сына Своего предал Он на крестную смерть. *Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть за него на смерть* (Ин. 3:16) — не потому, что не мог искупить нас иным образом, но чтобы научить нас тем преизобилующей любви Своей и смертью Единородного Своего

Сына приблизить нас к Себе. А если бы у Него было что более драгоценное, и то дал бы нам, чтобы сим приобрести Себе род наш. И по великой любви Своей не благоволил стеснить свободу нашу, хотя силен Он сделать это, но благоволил, чтобы любовью собственного нашего сердца приблизились мы к Нему. И Сам Христос, по любви Своей к нам, послушен был Отцу Своему в том, чтобы с радостию принять на Себя поругание и печаль, как говорит Писание: *...вместо подлежащая Ему радости, претерпе крест, о срамоте нерадив* (Евр. 12:2). Посему-то Господь в ту ночь, в которую был предан, сказал: *Сие есть тело Мое, еже за мир даемо в жизнь* (Лк. 22:19); и: *Сия есть кровь Моя... яже за многия изливаема во оставление грехов* (Мф. 26:28); и еще говорит: *За них Аз свящу Себе* (Ин. 17:19). Так достигают сего совершенства и все святые, когда соделаются совершенными и уподобятся Богу изливанием любви своей и человеколюбия ко всем. И домогаются святые сего признака — уподобиться Богу со-

вершенством в любви к ближнему. Так поступали и отцы наши, иноки, когда для одного совершенства всегда принимали в себя уподобление, исполненное жизни Господа нашего Иисуса Христа.

Говорят, что блаженный Антоний никогда не решался сделать что-либо полезное более для него самого, нежели для ближнего, в том уповании, что выгода его ближнего наилучшее для него делание. Рассказывают также об авве Агафоне, будто бы сказал он: «Желал бы я найти прокаженного и взять у него тело его, а ему дать свое». Видишь ли совершенную любовь? И также, пока имел он что-либо вне себя, не мог утерпеть, чтобы не упокоить тем ближнего своего. И еще: был у него ножичек; брат, пришедши к нему, пожелал его иметь, и авва не дал ему выйти из келии своей без этого ножичка. Таково и прочее написанное о подобных мужах. Но к чему говорить это? Многие из них ради ближнего предавали тела свои зверям, мечу и огню. Никто не может взойти на степень этой любви, если не восчувствует он втайне

надежды своей. И не могут приобрести любви к человекам те, которые любят мир сей. Когда приобретет кто любовь, вместе с любовью облачается в Самого Бога. А тому, кто стяжал Бога, необходимо не только не соглашаться на приобретение с Ним чего-либо иного, но и совлечься тела своего. Если же любовью к миру облечется кто в этот мир и в эту жизнь, то не облечется он в Бога, пока не оставит сего. Ибо Сам Бог засвидетельствовал сие, говоря: *...аще кто не оставит всего, и не возненавидит... душу свою, не может Мой быти ученик* (Лк. 14:26). Должно не только оставить, но и возненавидеть это. А если кто не может быть учеником Господним, то как Господь вселится в нем?

Вопрос. Почему так сладостна надежда, и житие ее и дела ее легки, и скоро совершаются дела ее в душе?

Ответ. Потому что в этот час пробуждается в душе святых естественное пожелание, и дает им пить из этой чаши, и упоевает их. Посему-то не чувствуют уже они труда, но делаются нечувстви-

тельными к скорбям, и во все продолжение своего шествия думают, что шествие их совершается по воздуху, а не человеческими идут они стопами; потому что невидима ими трудность пути, пред ними нет холмов и потоков, *и будут им острая... в пути гладки и прочее (Ис. 40:4)*; и потому что ежечасно обращено внимание их на лоно Отца их; и самая надежда, как бы перстом, в каждое мгновение указывает им отдаленное и невидимое, как бы гадательно взирающим на сие сокровенным оком веры; и потому что желанием отдаленного, как бы огнем, разжжены все части души, и отсутствующее вменяется ими за присущее. Туда простирается все протяжение их помыслов, и всегда поспешают достигнуть туда; и когда приближаются к совершению какой-либо добродетели, не над нею одною трудятся, но вдруг и всецело совершают в совокупности все добродетели, потому что исполины сии шествие свое не царским совершают путем, как все прочие, но избирают для себя стези краткие, по которым иные

благоименитые скоро приходят в обители. Самая надежда разжигает их как бы огнем, и не могут дать себе отдыха в стремительном и непрестанном течении, совершаемом с радостью. С ними бывает сказанное Иеремиею; ибо говорит: *Рекх: не вспомяну имене Его, ниже возглаголю ктому во имя Его. И бысть в сердцах моих яко огонь горящ, и проникающий в кости мои* (Иер. 20:9). Так памятование о Боге действует в сердцах их, упоеваемых надеждою обетований Божиих.

Сокращенные стези добродетелей суть добродетели родовые, потому что не имеют они большого расстояния между многими стезями жития от одной стези до другой: не выжидают ни места, ни времени, не допускают расточения, но тотчас принимаются за дело и исполняют это.

Вопрос. Что такое бесстрастие человеческое?

Ответ. Бесстрастие не в том одном состоит, чтобы не ощущать страстей, но и в том, чтобы не принимать их в себя. Вследствие многих и различных добро-

детелей, явных и сокровенных, приобретенных святыми, страсти изнемогли в них и нелегко могут восстать на душу: и ум не имеет нужды непрестанно быть в рассуждении их внимательным, потому что во всякое время исполнен мыслями, какие с сознанием возбуждаются в разуме помышлением и беседою о превосходнейших нравах. И как скоро начинают возбуждаться страсти, ум внезапно восхищается от сближения с ними каким-то уразумением, проникшим в ум; и страсти, как сказал блаженный Марк, остаются в нем как бы праздными.

Ум, по благодати Божией, исполняя добродетельные деяния и приблизившись к ведению, мало ощущает того, что составляет худую и неразумную часть души. Ибо ведение восхищает в высоту его и отчуждает его от всего, что в мире. И по причине непорочности святых и тонкости, удобоподвижности и остроте ума их, а также по причине их подвига очищается ум их и оказывается просветленным по сухости их плоти. И, вследствие обучения их безмолвию и продолжительного

пребывания в оном, легко и скоро дается каждому внутреннее созерцание и в изумление приводит их созерцаемым. При сем обыкновенно изобилуют они созерцаниями, и ум их никогда не имеет недостатка в предметах разумения, и никогда не бывают они без того, что производит в них плод духа. Долговременным навыком изглаждаются в сердце их воспоминания, которыми возбуждаются в душе страсти, и ослабляется сила дьявольской власти. Ибо когда душа не сдружится со страстями помышлением о них, тогда, поелику непрестанно занята она иною заботою, сила страстей не может в когтях своих удержать духовных чувств ее.

Вопрос. Какие преимущества смирения?

Ответ. Как самомнение есть распятие души в мечтании ее, которое уносит ее выспрь и не препятствует ей парить в облаках своих помыслов, так что кружится она по всей твари, так смирение собирает душу воедино безмолвием, и сосредоточивается она в себе самой. Как душа непознаваема и невидима телесны-

ми очами, так и смиренномудрый не познается среди людей. И как душа внутри тела сокрыта от зрения и от общения со всеми людьми, так и истинно смиренномудрый человек, по своему отлучению от всех и по недостатку во всем, не только не желает быть видим и знаем людьми, но даже такова его воля: если можно, от самого себя погрузиться внутри себя, войти в безмолвие и вселиться в нем, всецело оставить все свои прежние мысли и чувствования, соделаться чем-то как бы несуществующим в твари, не пришедшим еще в бытие, вовсе неизвестным даже самой душе своей. И пока таковой человек бывает сокровен, заключен в себе и отлучен от мира, всецело пребывает он у своего Владыки.

Смиренномудрый никогда не останавливается посмотреть на собрания, народное стечение, волнение, шум, разгул, хлопоты и наслаждение, следствием которого бывает невоздержность; не обращает внимания на слова, беседы, клики и рассеяние чувств, но всему предпочитает разобшаться со всеми в безмолвии, уеди-

нившись и отлучившись от всей твари, заботясь о себе самом в стране безмолвной. Во всем умаление, нестяжательность, нужда, нищета для него вожделенны. Ему желательно не то, чтобы иметь у себя многое и быть в непрерывных делах, но чтобы во всякое время оставаться на свободе, не иметь забот, не возмущаться здешним, так, чтобы помыслы его не исходили вне его. Ибо уверен он, что, если вдастся во многое, не возможет пребыть без смущения помыслов, потому что при многих делах бывает много забот и сборище помыслов многосложных. И человек перестает уже в мире помыслов своих быть выше всех земных попечений, за исключением малых, самых необходимых потребностей, и отлагает мысль, озабоченную единственно лучшими ее помыслами. Если же потребности не перестают удерживать его от лучших помыслов, то доходит он до состояния, в котором и терпит и делает вред, — и с этого времени отверзается дверь страстям, удаляется тишина рассудительности, бежит смирение и заключается дверь мира. По

всему этому смиренномудрый непрестанно охраняет себя от всего многого; и тогда оказывается, что во всякое время он в тишине, в покое, в мире, в скромности, в благоговении.

В смиренномудром никогда не бывает поспешности, торопливости, смущения, горячих и легких мыслей, но во всякое время пребывает он в покое. Если бы небо прильпнуло к земле, смиренномудрый не ужаснется. Не всякий безмолвник смиренномудр, но всякий смиренномудрый — безмолвник. Кто несмиренномудр, тот не сдерживает себя; но сдерживающих себя несмиренномудрых найдешь многих. Сие и значит, что сказано кротким и смиренным Господом: *...научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11:29). Смиренномудрый во всякое время пребывает в покое, потому что нечему привести ум его в движение или в ужас. Как никто не может устрашить гору, так небоязнен и ум его. И, если можно так выразиться (а может быть, и не неуместно сказать это),

смирennemудрый несть *от мира сего* (Ин. 8:23), потому что и в печалях не ужасается и не изменяется, и в веселии не приходит в удивление и не ширится. Но все веселие его и истинное радование о том, что угодно Владыке его. За смирennemудрием следует скромность и собранность в себя, то есть целомудрие чувств, соразмерность голоса, немногословие, небрежение о себе, бедная одежда, ненадменная походка, наклонение очей долу, превосходство в милосердии, скорое излияние слез, уединенная душа, сердце сокрушенное, неподвижность к раздражению, нерасточенные чувства, малость имущества, умаление во всякой потребности, перенесение всего, терпение, небоязненность, твердость сердца, происходящая от возненавидения временной жизни, терпение в искушениях, веские, а не легкие мысли, угашение помыслов, хранение тайн целомудрия, стыдливость, благоговение, а сверх всего этого непрестанное безмолвствование и всегдашнее обвинение себя в неведении.

Смирennemудрому никогда не встре-

чается такая нужда, которая приводила бы его в смятение или смущение. Смирennemудрый иногда, будучи один, стыдится себя самого. Дивлюсь же тому, что истинно смиренномудрый не осмелится и помолиться Богу или сподобиться молитвы, когда приступает к молитве, или просить чего-либо иного, и не знает, о чем молиться, но только молчит всеми своими помышлениями, ожидая одной милости и того изволения, какое изыдет о нем от лица достопоклоняемого Величия, когда преклоняет он лице свое на землю и внутреннее зрение сердца его вознесено к превознесенным вратам во Святое Святых, где Тот, Коего селение — мрак, пред Кем смежаются очи Серафимов, Чья добродетель побуждает легионы к ликостоянию их, на все чины их изливая молчание. И осмеливается только так говорить и молиться: «По воле Твоей, Господи, да будет со мною». То же и мы будем говорить о себе. Аминь.



СЛОВО 49

О вере и о смирении и о дарии

Желаешь ли ты, человек малый, обрести жизнь? Сохрани в себе веру и смирение, потому что ими приобретаешь милость, и помощь, и словеса, изрекаемые в сердце Богом, а также Хранителя, сокровенно и явно с тобою пребывающего. Желаешь ли приобрести сие, то есть общение жизни? Ходи пред Богом в простоте, а не в знании. За простотою следует вера, а за утонченностию и извращением помыслов — самомнение, за самомнением же — удаление от Бога.

Когда предстанешь в молитве пред Богом, сделайся в помысле своем как бы муравьем, как бы пресмыкающимся по земле, как бы пиявицею и как бы лепечущим ребенком. Не говори пред Богом чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему и ходи пред Ним, чтобы сподобиться тебе того отеческого промышления, какое отцы имеют о детях своих, младенцах. Сказано:

Храняй младенцы Господь (Пс. 114:5). Младенец подходит к змее, берет ее за шею, и она не делает ему вреда. Нагим ходит младенец целую зиму, когда другие одеты и укрыты, и холод входит во все члены его; нагой сидит он в день холода, зимней стужи и изморози, и не болеет. Ибо тело простоты его иным невидимым одеянием покрывает сокровенный Промысл, соблюдающий нежные члены его, чтобы не приблизился к ним от чего-либо вред.

Веришь ли теперь, что есть некий сокровенный Промысл, Которым нежное тело, по своей нежности и немощному житию готовое тотчас принять в себя всякий вред, охраняется среди сопротивного ему и не преодолевается тем. Сказано: *Храняй младенцы Господь*, и не только сих малых телом, но и тех мудрых в мире, которые оставили ведение свое, оперлись на оную вседовлеющую Премудрость, волею своею уподобились младенцам и потом уже стали учиться оной мудрости, не ощущаемой в трудах обучения. И прекрасно сказал богомудрый

Павел: ...кто мнится мудр быти в мире сем, буй да бывает, яко да премудр будет (1 Кор. 3:18). Впрочем, проси у Бога, чтобы дал тебе прийти в меру веры. И если ощутишь в душе своей наслаждение сие, то не трудно сказать мне при сем, что нечему уже отвратить тебя от Христа. И не трудно тебе каждый час быть отводимым в плен далеко от земного и укрыться от этого немощного мира и от воспоминаний о том, что в мире. О сем молись неленостно, сего испрашивай с горячностью, об этом умоляй с великим рачением, пока не получишь. И еще молись, чтобы не ослабеть. Сподобишься же этого, если прежде с верою понудишь себя попечение свое возвергнуть на Бога и свою попечительность заменишь Его промыслением. И когда Бог усмотрит в тебе сию волю, что со всею чистотою мыслей доверился ты самому Богу более, нежели себе самому, и понудил себя уповать на Бога более, нежели на душу свою, — тогда вселится в тебе оная неведомая сила и ощутительно почувствуешь, что с тобою несом-

ненно сила, — та сила, которую ощутив в себе, многие идут в огонь, и не боятся, и, ходя по водам, не колеблются в помысле своем опасением потонуть, потому что вера укрепляет душевные чувства, и человек ощущает в себе, что как будто нечто невидимое убеждает его не вникать видению вещей страшных и не взирать на видение, невыносимое для чувств.

Конечно, думается тебе, что сим душевным ведением иной приемлет оное духовное ведение? Не только невозможно сим душевным ведением приять оное духовное, но даже нет возможности ощутить его и чувством или сподобиться его кому-либо из ревностно упражняющихся в ведении душевном. И если некоторые из них желают приблизиться к оному духовному ведению, то, пока не отрекутся от сего душевного, и от всяких изворотов его тонкости, и многосложных его способов, и не поставят себя в младенческий образ мыслей, дотоле не возмогут приблизиться, хотя мало, к ведению духовному. Напротив того, великим препятствием бывают для них навик и поня-

тия душевного ведения, пока не изгладят сего мало-помалу. Оное духовное ведение просто и не просиявает в помыслах душевных. Пока разум не освободится от помыслов многих и не придет в единую простоту чистоты, дотоле не возможен ощутить духовного ведения.

Вот порядок сего ведения — ощутить наслаждение оною жизнью оного века: почему охудает оно помыслы многие. Сие же душевное ведение, кроме множества помыслов, не может познавать что-либо другое, приемлемое в простоте ума, по слову Изрекшего: *Аще не обратитесь, и будете яко дети*, не можете войти в Царствие Божие (Мф. 18:3). Но вот многие не приходят в простоту сию, а по добрым делам их уповаем, что соблюдается им часть в Царствии Небесном, как из уразумения евангельских блаженств, которые Господь изобразил различно, может быть нами дознано, что сими блаженствами показал нам многие изменения, в разных родах жития, потому что каждый человек, на всяком пути, каким шествует к Богу, сам всеми мерами от-

верзает пред собою дверь Небесного Царствия.

Но оного духовного ведения никто не может приять, если не обратится и не будет как дитя. Ибо с сего только времени ощущается оное услаждение Небесным Царствием. О Царствии Небесном говорят, что оно есть духовное созерцание. И не делами помыслов обретается оно, но может быть вкушаемо по благодати. И пока не очистит себя человек, не имеет он достаточных сил и слышать о нем, потому что никто не может приобрести оного изучением. Если ты, чадо, достигнешь чистоты сердца, производимой верою в безмолвии от людей, и позабудешь знание мира сего, так что не будешь и ощущать его, то внезапно обретется пред тобою духовное ведение без разыскания о нем. Поставь, говорят, столп, и возливай на него елей — и найдешь сокровище в недре своем. Если же удерживаешься вервию* душевного знания, то не неуместно мне сказать, что

* *Вервь, вервие* — веревка, сеть. — Ред.

удобнее тебе освободиться от железных уз, нежели от этого вервия; и всегда будешь недалек от сетей прелести, и никогда не уразумеешь, как возыметь дерзновение пред Господом и упование на Него, на всякий же час будешь ходить по острию меча и никоим образом не можешь быть без печали. В немощи и простоте молись, чтобы хорошо жить тебе пред Богом и быть без попечения. Ибо как тень следует за телом, так и милость — за смиренномудрием. Наконец, если желаешь заняться этим, то никак не подавай руки немощным помыслам. Если всякий вред, всякая злоба и все опасности окружают и будут устрашать тебя, не заботься о сем и не ставь сего ни во что.

Если однажды вверил ты себя Господу, вседовлеющему для охранения твоего и смотрения о тебе, и если пойдешь вослед Его, то не заботься опять о чем-либо таковом, но скажи душе своей: «На всякое дело довлеет для меня Того, Кому единожды предал я душу свою. Меня здесь нет; Он это знает». Тогда на деле

увидишь чудеса Божии: увидишь, как во всякое время Бог близок, чтобы избавлять боящихся Его, и как Его Промысл окружает их, хотя и невидим. Но потому, что невидим телесными очами Хранитель, пребывающий с тобою, не должен ты сомневаться о Нем, будто бы Его нет, ибо нередко открывается Он и телесным очам, чтобы тебе благодушествовать.

Как скоро человек отринет от себя всякую видимую помощь и человеческую надежду и с верою и чистым сердцем пойдет вослед Богу, тотчас последует за ним благодать и открывает ему силу свою в различных вспоможениях. Сперва открывает — в этом явном, касающемся до тела, и оказывает ему помощь промышлением о нем, чтобы в этом всего более мог он восчувствовать силу о нем Божия Промысла. И уразумением явного уверяется и в сокровенном, как и свойственно младенчеству его мыслей и житию его. Ибо как уготовляется потребное для него, когда о том и не заботился? Многие удары, приближающиеся к нему, часто исполненные опасностей, проходят мимо,

когда человек о них и не помышлял; между тем благодать неошутимо и весьма чудесно отражает от него это и хранит его, как питающая чад своих птица, которая распростирает над ними крылья свои, чтобы не приблизился к ним от чего-либо вред. Благодать дает ему видеть очами своими, как близка была к нему погибель его и как остался он невредимым. Так обучает его и в рассуждении сокровенного, открывает пред ним хитросплетение мыслей и помыслов трудных, непостижимых. И легко сыскивается человеком значение их, взаимная между ними связь, и прелесть их, и к которому из сих помыслов прилеплен человек, как они рождаются один от другого и губят душу. И благодать посрамляет пред очами его всю злокозненность демонов и убежище помыслов их, влагает в него смысл уразумевать будущее; в простоте его воссиявает сокровенный свет, чтобы вполне ощущать силу понятий в тонких помыслах, и как бы перстом указывает ему, что потерпел бы он, если бы не дознал сего. И тогда рождается у него отсюда та

мысль, что всякую вещь, малую и великую, должно ему в молитве испрашивать себе у Создателя своего. Когда Божественная благодать утвердит мысли его, чтобы во всем этом уповал он на Бога, тогда мало-помалу начинает он входить в искушения. И благодать попускает, чтобы насылаемы были на него искушения, соответственные его мере, чтобы понести человеку силу их. И в сих искушениях ощутительно приближается к нему помощь, чтобы благодушествовал он, пока обучится постепенно, и приобретет мудрость, и в уповании на Бога станет презирать врагов своих. Ибо умудриться человеку в духовных бранях познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и сокровенно утвердиться в вере в Него невозможно иначе, как только по силе выдержанного им испытания.

Благодать, как скоро усмотрит, что в помысле человека начало появляться несколько самомнения и стал он высоко о себе думать, тотчас попускает, чтобы усилились и укрепились против него искушения, пока не познает свою немощь, не

прибегнет к Богу и не прилепится к Нему со смирением. Сим приходит человек в меру мужа совершенного верою и упованием на Сына Божия и возвышается до любви. Ибо чудная любовь Божия к человеку познается, когда бывает он в обстоятельствах, разрушающих надежду его. Здесь Бог силу Свою показывает в спасении его. Ибо никогда человек не познает силы Божией в покое и свободе, и нигде Бог не являл ощутительно действенности Своей, как только в стране безмолвия и в пустыне, в местах, лишенных сходбищ и молвы, бывающей в обитании с людьми.

Не дивись, что, когда приступаешь к добродетели, отовсюду источаются на тебя жестокие и сильные скорби, потому что и добродетелию не почитается та, совершение которой не сопровождается трудностью дела. Ибо по сему самому, как сказал святой Иоанн, она и наименована добродетелию: добродетели, говорит, обычно встречать затруднения; она достойна порицания, когда привязана к покою. Блаженный монах Марк сказал: «Всякая совершенная добродетель име-

нуется крестом, когда исполняет заповедь Духа». Посему-то *все хотящие жити в страхе Господнем и о Христе Иисусе, гоними будут* (2 Тим. 3:12). Ибо говорит Он: *аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8:34). Кто не хочет жить в покое, тот, погубив душу свою *Мене ради, обрящет ю* (Мф. 16:25). Для того предварил Он тебя и предложил тебе крест, чтобы ты определил себе смерть и потом уже послал душу свою идти вослед Его.

Ничто так не сильно, как отчаяние: оно не знает, чтобы кто победил его, десными ли то или шуими. Когда человек в мысли своей лишит свою жизнь надежды, тогда нет ничего дерзостнее его. Никто из врагов не может противостать ему, и нет скорби, слух о которой привел бы в изнеможение мудрование его, потому что всякая приключающаяся скорбь легче смерти, а он подклонил главу, чтобы принять на себя смерть. Если во всяком месте, во всяком деле, во всякое время <во всем>, что ни захотел бы ты совер-

шить, будешь в мыслях своих предполагать цель и дел и печали, то не только во всякое время окажешься благодушным и неленивым, чтобы противостать всякому представляющемуся тебе неудобству, но от сих помыслов твоих побегут от тебя устрашающие и ужасающие тебя мысли, обыкновенно порождаемые оными к покою устремленными помыслами. И все, что встречается тебе трудного и неудобного, покажется тебе удобным и легким. Нередко будет встречаться с тобою противное тому, чего ты ожидал; а быть может, никогда не встретится с тобою ничего подобного.

Знаешь, что надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое, благое и добродетели. Но и те, которые в мире сем живут для тела, не могут вполне достигать исполнения желаний своих, если не решаются в уме своем терпеть неприятное. И поелику свидетельствует о сем опыт, то не нужно убеждать в этом словами; потому-то и прежде нас и доныне, не от иного чего, но от сего именно люди изнемогают и не

только не одерживают победы, но даже лишаются наилучшего. Посему скажем короче, что если человек небрежет о Царстве Небесном, то разве по надежде малого здешнего утешения. И не это одно бывает с ним, но часто сильные удары и страшные искушения уготовляются всякому человеку, внимательному к своей воле, и к этому идут помыслы его, потому что правит ими похоть.

Кто не знает, что и птицы приближаются к сети, имея в виду покой? В уподоблении знанию птиц немногого, может быть, недостает и нашему знанию о том, что сокровенно или бывает прикрито обстоятельствами, местом или чем иным, в чем только диавол изначала уловляет нас обещанием покоя и мыслями о нем.

Но имея в мыслях то, чтобы речь текла по желанию, уклонился я от цели, какую предположил слову своему вначале, а именно: что во всякое время должно нам в мыслях своих предполагать цель скорби во всяком деле, с какою хотим начать путь ко Господу, и конец совершения пути тщательно утверждать на этом

начале. Как часто человек, когда хочет начать что-либо ради Господа, спрашивает так: есть ли в этом покой? Нет ли возможности удобно пройти сим путем без труда? Или, может быть, есть на нем скорби, причиняющие томление телу? Вот как везде всеми мерами домогаемся мы покоя. Что говоришь ты, человек? Желаете взойти на небо, приять тамошнее Царство, общение с Богом, упокоение в тамошнем блаженстве, общение с Ангелами, жизнь бессмертную — и спрашиваете: есть ли на пути этом труд? Чуждое дело! Желаящие того, что есть в этом преходящем веке, переплывают страшные волны морские, отваживаются проходить путями неудобопроходимыми и вовсе не говорят, что есть труд или печаль в том, что хотят сделать. А мы на всяком месте допытываемся о покое. Но если во всякое время будем представлять в уме путь крестный, то размыслим, какая печаль не легче этого пути?

Или, может быть, найдется человек, вовсе неубедившийся в том, что никто никогда не одержал победы на брани, не

получал даже тленного венца, не достиг исполнения своего желания, хотя оно было и похвально, не послужил ничем в делах Божиих, не преуспел ни в одной из достохвальных добродетелей, если не оказался сперва пренебрегшим трудами скорбей и не допустил до сближения с собою мысли, побуждающей к покою, которая порождает нерадение, леность и боязнь, а чрез них во всем расслабление.

Когда ум возревнует о добродетели, тогда и внешние чувства, как то: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание — не уступают над собою победы таким трудностям, которые для них чужды, необычайны, выходят из предела сил естественных. А если вовремя обнаружит свою деятельность естественная раздражительность, то телесная жизнь бывает пренебрегаема паче уметов*. Ибо когда сердце возревнует духом, тело не печалится о скорбях, не приходит в боязнь и не сжимается от страха, но ум, как адамант, своею твердостью противостоит в

* Умет — помет, сор. — Ред.

нем всем искушениям. Поревнуем и мы духовною ревностию о воле Иисусовой, и отгнано будет от нас всякое нерадение, порождающее в мыслях наших леность, потому что ревность рождает отважность, душевную силу и телесную рачительность. Какая сила бывает в демонах, когда душа подвигнет против них свою природную сильную ревность? А также и усердие называется порождением ревности. И когда оно приводит в действие свою силу, придает в душе крепость всякой силе, соделавшейся небоязненною (а и самые венцы исповедничества, какие приемлют подвижники и мученики терпением своим, приобретаются сими двумя деланиями ревности и усердия, порождаемых силою естественной раздражительности), тогда люди в лютой скорби мучений делаются бесстрашными. Да даст Бог и нам такое усердие благоугождать Ему! Аминь.



СЛОВО 50

О пользе бегства от мира

Подлинно упорна, трудна и неудобна борьба, предстоящая нам в делах житейских. Сколько бы ни мог человек соделаться непобедимым и крепким, как скоро приближается к нему <то>, что служит причиною приражения браней и подвигов, не оставляет его страх и угрожает ему скорым падением, даже более, нежели при явной брани с диаволом. Поэтому пока человек не удаляется от того, чего боится сердце его, врагу всегда есть удобство напасть на него. И если немного задремлет он, враг легко погубит его. Ибо когда душа связана вредными сношениями с миром, самые сношения сии делаются для него острыми рожнами; и как скоро встречает их, как бы естественным образом уступает над собою победу. И потому древние отцы наши, проходившие сими стезями, зная, что ум наш не во всякое время возможен и в состоянии будет неуклонно стоять на од-

ном месте и блюсти стражбу свою, в иное же время не может и усмотреть того, что вредит ему, премудро рассуждали и, как в оружие, облекались в нестяжательность, которая, как написано, свободна от многих борений (чтобы таким образом своею скудостью человек мог избавиться от многих грехопадений), и уходили в пустыню, где нет житейских занятий, служащих причиною страстей, чтобы, когда случится им изнемочь, не встречать причин к падениям — разумею же раздражение, пожелание, злопамятность, славу, но чтобы все это и прочее соделала легким пустыня. Ибо ею укрепляли и ограждали они себя, как непреодолимым столпом. И тогда каждый из них мог совершать подвиг свой в безмолвии, где чувства не находили себе помощи для содействия нашему противоборнику в встрече с чем-либо вредным. Лучше нам встретить смерть в подвиге, нежели жить в падении.



СЛОВО 51

О том, посредством чего можно человекъ с
изменением внешнего образа жизни приобрести
изменение в сокровенных мыслях

Пока человек пребывает в нестяжательности, непрестанно приходит ему на мысль преселение из жизни; и прилагает он всегда попечение свое о жизни по воскресении, во всякое время промышляет о всяком там уготовании и приобретает терпение, бегают всякой чести и телесного покоя, посеваемого в помысле его; и помысл о пренебрежении мира ежечасно животрепещет в уме его; и благодушен он в уме своем, и приобретает во всякое время крепкое сердце, чтобы встретить всякую опасность и всякий страх, причиняющий смерть; даже не боится и смерти, потому что ежечасно устремляет на нее взор, как на нечто приближающееся, и ожидает ее, попечение же его с несомненным вполне упованием возвергнуто на Бога. И если встретятся ему скорби, то он как бы уверен и точно знает, что

скорби доставят ему венец; и терпит их со всякою радостью, принимает их с веселием и радованием. Ибо знает, что Сам Бог по причинам полезным предназначает ему оные в Своем неявном для нас Домостроительстве.

Если же случится ему, по действию и ухищрению одного мудреца на всякое зло, по какой-либо причине приобрести что-либо преходящее, то в сей же час в душе его начинает пробуждаться любовь к телу; помышляет он о долгой жизни; ежечасно в нем возникают и приходят в силу помыслы о плотском покое, превозмогает над ним телесное, и изыскивает сам в себе, не возможно ли ему, как бы то ни было, иметь у себя все, что составляет для него этот покой, и выходит он из этой свободы неподчинения помыслам страха, а оттого при всяком случае останавливается на мыслях, приводящих в боязнь, и придумывает причины к страху, потому что отнята у него эта твердость сердца, какую приобрел он, когда в своей нестяжательности был выше мира, и какою обогащался в душе своей, как

наследник мира, по мере того, что приобретал он. Подвергается же он страху по закону и Домостроительству, определенному Богом. На служение чему уготованы бывают члены наши, тому и порабощемся и, по слову Апостола, повинны бываем работать со всяким страхом (см.: Рим. 6:16; Евр. 2:15).

Прежде всех страстей — самолюбие; прежде всех добродетелей — пренебрежение покоем. Кто тело свое предает покою, тот в стране мира причиняет ему скорбь. Кто наслаждается в юности своей, тот делается рабом в старости и воздыхает в последние дни свои. Как тому, у кого голова в воде, невозможно вдыхать в себя тонкого воздуха, разливающегося в этом пустом недре^{*}, так и тому, кто погружает мысль свою в здешние заботы, невозможно вдыхать в себя ощущения оною нового мира. Как воня смерти расстраивает телесный состав, так и непристойное зрелище — мир ума. Как

* По сербскому переводу: *надливаемаго в недре поем сем*; откуда видно, что вместо: τῷ κενῷ сербский переводчик читал: τῷ καίῳ.

невозможно, чтобы в одном теле были здоровье и болезнь, и одно не расстраивалось другим, так невозможно, чтобы в одном доме были множество денег и любовь, и одно не вредило другому. Как стекло не может оставаться целым при столкновении с находящимся поблизости камнем, так и святой, когда бывает вместе, надолго остается и беседует с женою, не может пребыть в чистоте своей и не оскверниться. Как с корнем вырываются деревья сильным и постоянным притоком вод, так искореняется и любовь к миру в сердце притоком искушений, устремленных на тело.

Как лекарства истребляют нечистоту худых соков в теле, так и жестокость скорбей очищает сердце от лукавых страстей. Как мертвец не может издавать запаха, ощущаемого от живых, так и душа инока, погребенного в безмолвии, как в гробе, лишена того веяния, какое обыкновенно, наподобие дыма, появляется при ощущении чего бы то ни было, находящегося в употреблении у людей. Как невозможно остаться невредимым

тому, кто щадит своего врага на поле битвы, так невозможно и подвижнику душу свою избавить от гибели, если щадит он тело свое. Как юная дева поражается страшными зрелищами и, предаваясь бегству, держится за края одежды своих родителей, призывая их на помощь, так и душа, в какой мере утесняется и сокрушается страхом искушений, спешит прилепиться к Богу, призывая Его в непрестанной молитве. И пока искушения продолжают одно за другим нападать на нее, умножает моление, а как скоро получает опять освобождение, предается парению мыслей.

Как предаваемым в руки судьям для наказания за злодеяние, если они, как скоро приближаются к пыткам, смиряются и немедленно сознаются в неправде своей, наказание уменьшается, и вскоре по малых скорбях избавляются они от суда; если же какие преступники бывают упорны и не сознаются, то подвергают их новым пыткам и напоследок, после многих истязаний, когда тело их покрыто бывает ранами, хотя и сознаются они

невольны, но не получают от того никакой пользы, — так и мы, когда за прегрешения наши, неосмотрительно нами сделанные, милосердие предает нас в руки праведного всех Судии и повелевает распротереть нас под жезлом искушений, чтобы облегчить тамошнее наказание наше, если как скоро приблизится к нам жезл Судии, смиримся, вспомним свои неправды и принесем в них исповедание Карающему нас, по кратковременных искушениях вскоре избавимся; а если ожесточимся в скорбях своих и не исповедуем, что действительно виновны в таковых грехах и достойны потерпеть еще и большие сих скорби, напротив того, станем обвинять людей, а иногда бесов, в иное же время и Божию правду, и утверждать, что мы невиновны в таких делах, и это будем помышлять и говорить, а не подумаем, что Бог лучше нас самих знает и ведает нас, что суды Его по всей земле и без Его повеления не наказывается человек, — то все случающееся с нами будет причинять нам непрестанную печаль, скорби наши увеличатся, и одна после другой

будут они, подобно веревке, связывать нас, пока не познаем себя, не смиримся и не почувствуем беззаконий своих (ибо, не почувствовав их, невозможно нам дойти до исправления); и напоследок, обремененные множеством скорбей, без пользы для себя будем приносить исповедание, когда, обыкновенно, уже не бывает утешения. Но сие — восчувствовать грехи свои — есть дарование, которое подается нам Богом, когда Бог видит, что утомлены мы многообразными искушениями; и тогда входит нам на мысль, чтобы, при всех несчастиях и скорбях наших, не отойти нам из мира сего, не получив для себя никакой пользы. И то, что не уразумеваем грехов своих, бывает не по трудности искушений, но по неведению. Нередко иные, находясь в подобных сему обстоятельствах, отходят из мира сего виновными и не исповедавшимися в своих грехах, но отрицающимися от них и обвиняющими других; милосердый же Бог того ожидал, чтобы простить их и сделать им облегчение, если бы только смирились; и не только сделал бы облегчение их иску-

шений, но простил бы им и прегрешения, умиловившись и малым сердечным исповеданием.

Как иной, принеся великий дар царю, награждается от него ласковым взором, так и тому, кто имеет в молитве своей слезы, великий Царь веков, Бог, прощает всякую меру грехопадений и награждает его благоволительным взором. Как овца, выходя из ограды и скитаясь по пастбищу, останавливается у логовища волков, так и монах, отлучающийся от собрания друзей своих под предлогом пребывания в безмолвии, встречает постоянно зрелища, уходит от них, и приближается к ним, и проходит в городах по позорищам*.

Как человек, который на рамена своих несет многоценную жемчужину и идет путем, на котором есть разбойники и о котором носится худая молва, ежечасно бывает в страхе, чтобы не подвергнуться нападению, так и тот, кто несет бисер целомудрия и шествует в мире, на этом вражеском пути не имеет надежды изба-

* Позорище — театральное представление. — Ред.

виться от разбойников, пока не придет в обитель гроба, то есть в страну упования. И может ли не страшиться тот, кто несет с собою драгоценную жемчужину? Так и этот не знает, в каком месте, откуда и в какой час подсматривают за ним, и лишат его внезапно надежды его, и в дверях дома своего, то есть во время старости своей, будет он ограблен.

Как человек, который пьет вино в день плача, упившись, забывает всякую печаль о своем трудном положении, так и упоенный любовью Божией в сем мире, то есть в доме рыдания, забывает все свои труды и печали и по причине своего упоения делается бесчувственным ко всем греховным страстям. Сердце его подкрепляется надеждою на Бога; душа его легка, как пернатая птица; ум его ежечасно возносится от земли, превыше всего человеческого парит своими помыслами и наслаждается бессмертием у Всевышнего. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 52

О НОЧНОМ БДЕНИИ
И О РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБАХ ЕГО ДЕЛАНИЯ

Когда пожелаешь стать на служение бдения, тогда, при содействии Божиим, поступи, как скажу тебе. Преклони по обычаю колена твои и восстань; и не тотчас начинай службу твою, но, когда помолишься сперва, и совершишь молитву, и запечатлеешь сердце свое и члены свои животворящим знамением креста, стой несколько времени молча, пока успокоятся чувства твои и утихнут помыслы твои. После сего возведи внутренний взор свой ко Господу и с печалию умоляй Его укрепить немощь твою, чтобы стихословие твое и мысли сердца твоего соделались благоугодными святой Его воле. И безмолвно молись в сердце твоём, говоря так:

«Ты, Господи Иисусе, Боже мой, призирающий на тварь Свою, Ты, Которому явны страсти мои, и немощь естества нашего, и сила супостата нашего, Ты

Сам укрой меня от злобы его, потому что сила его могущественна, а естество наше бедственно, и сила наша немощна. Посему Ты, Благий, Который знаешь немощь нашу и понес на Себе трудности нашего бессилия, сохрани меня от мятежа помыслов и от потопа страстей и соделай меня достойным сей святой службы, чтобы мне страстями своими не растлить ее сладости и не оказаться пред Тобою бесстыдным и дерзким».

Должно же нам со всею свободою вести себя во время службы нашей без всякой детской и смущенной мысли. А если увидим, что времени немного и до окончания службы застигнет нас утро, то по доброй воле с ведением оставим из обычного правила одну или две славы, чтобы не было места смятению, отчего утратился бы вкус к службе нашей и не в должном порядке стали бы мы читать псалмы первого часа.

Если, когда отправляешь службу, помысл заговорит в тебе и станет тебе нашептывать: «Поспеси несколько, ибо дело у тебя умножается, скорее освобо-

дишься», ты не приобщайся к сему помыслу. А если сильнее будет беспокоить тебя этим, то воротись тотчас назад на одну славу или на сколько хочешь, и каждый стих, заключающий в себе вид молитвы, с размышлением повторяй многократно. И если опять будет смущать и стеснять тебя помысл, оставь стихословие и скажи: «Желаю не слова вычислять, но обителей достигнуть, ибо всякою стезею, какою ни поведешь меня, пойду скоро». Оный народ, сливший тельца в пустыне, сорок лет ходил по ней, переходя горы и холмы, восходя на них и нисходя с них, а землю обетования не видел даже издалека.

Если же, когда пребываешь во бдении, продолжительное стояние одолевает тебя своею долговременностью, и изнеможешь от бессилия, и скажет тебе помысл, вернее же сказать, злохитренный проговорит в помысле, как в змии: «Окончи, потому что не можешь стоять», то отвечай ему: «Нет, но посижу одну кафизму; это лучше сна. И если язык мой молчит и не выговаривает псалма, ум же

поучается с Богом в молитве и в собеседовании с Ним, то бодрствование полезнее всякого сна». Ни стояние, ни стихословие одних псалмов не есть всецелое бдение. Напротив того, иной всю ночь проводит во псалмах, другой в покаянии, молитвах умиленных и земных поклонах, а иной в слезах и рыдании о своих грехопадениях. Об одном из наших отцов говорят, что сорок лет молитву его составляла одна речь: «Согрешил я, как человек; Ты прости, как Бог». И отцы слышали, как он с печалию твердил этот стих, а между тем плакал и не умолкал; и сия одна молитва заменяла у него службу днем и ночью. И еще, иной малую часть вечера стихословит, остаток же ночи проводит в пении тропарей, а другой — в славословии и чтении. Некто же поставил себе правилом не преклонять колен, подобно тому, на кого нападал блудный помысл. Богу же нашему слава и держава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 53

О том, какъи честь приобретает смиренномудрие
и как высока степень его

Хочу отверзть уста мои, братия, и говорить о высоком предмете, о смиренномудрии; но исполняюсь страхом, как и тот, кто знает, что намеревается рассуждать о Боге по своим помыслам. Смиренномудрие есть риза Божества. В него облеклось вочеловечившееся Слово и чрез него беседовало с нами в теле нашем. И всякий, облеченный в оное, истинно уподобился Нисшедшему с высоты Своей, сокрывшему доблесть величия Своего и славу Свою прикрывшему смиренномудрием, чтобы тварь не была попалена воззрением на Него. Ибо тварь не могла бы взирать на Него, если бы не восприял Он части от нее и таким образом стал беседовать с нею. Не могла бы услышать словес из уст Его лицом к лицу, потому что и сыны Израилевы не могли слышать гласа Его, когда глагола к ним из облака, и сказали Моисею: с тобою пусть

глаголет Бог, и ты возвести нам словеса Его, и да не глаголет к нам Бог, да не когда умрем (Исх. 20:19).

Посему — как тварь могла открыто приять лицезрение Его? Видение Божие так страшно, что и ходатай* сказал: ...пристрашен есмь и трепетен (Евр. 12:21); потому что на горе Синайской явилась самая доблесть славы; гора дымилась и колебалась от страха бывшего на ней откровения; почему и звери, приближавшиеся к дольным частям горы, умирали, а сыны Израилевы, очистив себя, по повелению Моисееву, три дня уготовлялись и снаряжались, чтобы соделаться достойными слышать глас Божий и видеть Божие откровение; но, когда наступило время, не могли приять видения света Его и крепости гласа громов Его.

Ныне же, когда в пришествие Свое изливал благодать Свою на мир, не в трусе, не во огне, не в гласе страшном и крепком снисшел Он, но как дождь на

* Пророк Моисей. — Ред.

руно и как капля, тихо капающая на землю, и видим был, иным способом беседуя с нами, то есть когда, как бы в сокровищнице, утаил величие Свое под завесою плоти и среди нас беседовал с нами в том, что мановением Своим соорудил Себе в лоне Девы и Богородицы Марии, чтобы мы, видя, что Он есть единый из нашего рода и с нами беседует, не ужасались при воззрении на Него.

Поэтому всякий, кто одет в ризу, в которой видим был в том теле, в какое облекся Творец, тот облекся в Самого Христа, потому что в то подобие, в каком видим был твари Своей и пожил с нею Христос, и он пожелал облечься по внутреннему своему человеку, и в этом подобии видим подобным ему рабам, и вместо одеяния чести и внешней славы сим украсился. Посему тварь, словесная и бессловесная, взирая на всякого человека, облеченного в сие подобие, поклоняется ему, как владыке, в честь Владыки своего, Которого видела облеченным в это же подобие и в нем пожившим. Ибо какая тварь не будет с уважением

взирать на смиренномудрого? Впрочем, пока слава смиренномудрия не была всем открыта, пренебрегаемо было это исполненное святости зрелище. Ныне же воссияло величие его пред очами мира, и всякий человек чтит подобие сие, видимое на всяком месте. В сем посредстве сподобилась тварь приять видение Творца и Зиждителя своего. Потому не пренебрегается оно и врагами истины. Хотя приобретший оное скуднее всякой твари, однако же, как венцом и порфирию, украшается им обучившийся ему.

Человек никогда не преследует ненавистию, не уязвляет словом смиренномудрого и не пренебрегает им. Поелику любит его Владыка его, то всеми любим он. И он всех любит, и его все любят. Все вожделевают его, и на всяком месте, куда ни приближается, взирают на него, как на Ангела света, и воздают ему честь. Если и начнут речь мудрый или наставник, то они умолкнут, потому что право говорить уступают смиренномудрому. Очи всех устремлены на его уста, в ожидании, какое слово изыдет из них. И

всякий человек ожидает словес его, как словес Божиих. Его краткое слово то же, что изречения мудрецов, истолковывающие умопредставления их. Слова его сладостны слуху мудрых более, нежели сот и мед гортани. Приговор его для всех — как Божий, хотя он и неучен в слове своем, уничижен и малозначащ по виду своему.

Кто презрительно говорит о смиренномудром и не признает его живым человеком, тот как бы на Бога отверзает уста свои. Но между тем как в очах его пренебрегается смиренный, у всякой твари соблюдается честь ему. Приближается ли смиренномудрый к губительным зверям, — едва только обратят взор свой на него, укрощается свирепость их: они подходят к нему, как к своему владыке, поникают своими главами, лижут руки и ноги его, потому что ощутили от него ту воню, какая исходила от Адама до его преступления, когда звери собраны были к Адаму и нарекал он им имена в раю. Это отнято было у нас, но обновил и даровал нам сие паки пришествием Сво-

им Иисус. Сим-то и помазано благоухание человеческого рода. Приближается ли также смиренномудрый к смертоносным гадам, — едва только приблизится ощущение руки его, и коснется их тела, прекращается едкость и жестокость смертоносной их горечи, и своими руками давит их, как саранчу. Приближается ли он к людям, — внимают ему, как Господу. И что говорю о людях? Даже демоны, при всей наглости и досаде своей, при всей высокомерности своего мудрования, когда приходят к нему, делаются как прах; вся злоба их теряет силу, разрушаются козни их, бездейственными остаются злоухищрения их.

Теперь, поелику показали мы величие чести смирению от Бога и сокрытую в нем силу, то покажем уже, что такое смирение и когда человек удостоивается приять оное в том совершенстве, каково оно есть. Сделаем также различие между смиренномудрым по видимости и между сподобившимся истинного смиренномудрия.

Смирение есть некая таинственная сила, которую, по совершении всего жи-

тия, восприемлют совершенные святые. Сила сия не иначе как только одним совершенным в добродетели дается силою благодати, поколику в должной мере способны к сему по природе, потому что добродетель сия заключает в себе все. Поэтому не всякого человека, кто бы он ни был, может кто-либо почитать смиренномудрым, но одних сподобившихся сего сказанного нами чина.

Не всякий, кто скромн и безмолвен, или благоразумен, или кроток по природе, достиг уже степени смиренномудрия. Напротив того, истинно смиренномудр, кто имеет в сокровенности нечто достойное гордости, но не гордится и в помысле своем вменяет это в прах. Да и того, кто смиренномудрствует при воспоминании грехопадений и проступков и памятует оные, пока не сокрушится сердце его и ум его при воспоминании о них не снизойдет с высоты горделивых мыслей, не назовем смиренномудрым, хотя и сие похвально, потому что есть еще в нем горделивый помысл, и не приобрел он смирения, а ухищренно приближает его к

себе. И хотя, как сказал я, и сие похвально, однако же смирение еще не принадлежит ему; желает он только смирения, но смирения нет у него. Совершенно смиренномудр тот, кто не имеет нужды мудрованием своим изобретать причины к смиренномудрию, но во всем этом совершенно и естественно приобрел смирение без труда, как человек, который приял в себя некое дарование великое и превышающее всю тварь и природу, но который на себя смотрит как на грешника, на человека ничего не значащего и презренного в собственных своих глазах; и между тем как вошел в тайны всех духовных существ и во всей точности совершен стал в мудрости всей твари, сам себя признает ничего не значащим. И этот не ухищренно, но без принуждения таков в сердце своем.

Возможно ли человеку или невозможно соделаться таким и по природе так изменить себя?

Не сомневайся, наконец, что приятая человеком сила таинств совершает в нем это во всякой добродетели, без его тру-

дов. Это есть сила, которую прияли блаженныя апостолы в виде огненном. Для нее-то заповедал им Спаситель *от Иерусалима не отлучатися*, пока не примут силы свыше (Деян. 1:4). Иерусалим сей есть добродетель, сила — смирение, а сила свыше — Утешитель, иначе толкуемый Дух утешения. Сие-то и значит сказанное о Нем в Божественном Писании, что тайны открываются смиренномудрым. Сего же Духа откровений, показующего тайны, сподобляются принимать внутрь себя смиренномудрые. Посему-то и сказано некоторыми святыми, что смирение усовершенствует душу Божественными созерцаниями.

Да не осмелится, наконец, человек помыслить в душе своей, что сам собою пришел он в меру смиренномудрия; и ради одного помысла умиления, возникшего в нем в некоторое время, или при малых слезах, истекших у него, или за одно какое-либо доброе дело, которое имеет он по естеству или которым овладел с усилием, и все то, что составляет полноту всех таин, что служит хранили-

щем всех добродетелей, — все это, говорю, вместе с сим дарованием приобрел малыми делами. Напротив того, если человек победил всех сопротивных духов, и из дел всякой добродетели не осталось ни одного, которого бы не совершил явно и не приобрел; если победил и покорил все твердыни сопротивников и после этого ощутил в себе духом, что приял сие дарование, когда, по слову Апостола, *Дух спослушествует духови его* (Рим. 8:16), — то сие есть совершенство смиренномудрия. Блажен, кто приобрел его, потому что ежечасно лобызает и объемлет он Иисусово лоно.

Если же спросит человек: «Что мне делать? Как приобрести? Каким способом соделаться достойным приять смирение? Вот принуждаю сам себя, и как скоро подумаю, что приобрел оное, вижу, что вот противные ему мысли обращаются в моем уме, и оттого впадаю теперь в отчаяние», — сему вопрошающему такой дан будет ответ: «*Довлест ученику соделаться подобным учителю своему, рабу — подобным господину своему*»

(ср.: Мф. 10:25). Смотри, как приобрел смирение Тот, Кто заповедал оное и дарует сие дарование, и подражай, и обретишь его. Он сказал: *...грядет сего мира князь, и во Мне не обретет ничего* (Ин. 14:30). Видишь ли, как при совершенстве всех добродетелей можно приобрести смирение! Поревнуем сему Давшему заповедь. Он говорит: *...лиси язвины имут, и птицы небесныя гнзда; Сын же человеческий не имать где главы подклонити* (Мф. 8:20). Говорит же сие Тот, Кто от всех, во всяком роде совершенных, освященных и достигших полноты, имеет славу, вместе с Отцом, Его пославшим, и со Святым Духом, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.



СЛОВО 54

О разных предметах, в вопросах и ответах

Вопрос. Хорошо ли удаляться от всего, что раздражает страсти? И такое бегство, когда душа избегает браней и избирает себе покой, победою ли признается или поражением души?

Ответ. Ответим на это коротко. Иноку всячески должно избегать всего, что раздражает в нем лукавые страсти, особенно отсекаль в себе причины страстей и то, чем приводятся в действие и от чего возрастают хотя бы то самые малые страсти. Если же будет время противостоять страстям и бороться с ними, когда ставятся нам сети в духовном созерцании, то сделаем это не шутя, но искусно. И человеку должно всегда отвращать мысль свою от страстей к естественному добру, какое Создателем вложено в природу, хотя диавол превратно употребил самую истину в лукавое искушение. И если прилично так сказать, то ему должно бегать не только от докучливости

страстей, но и от чувств своих, и погружаться во внутреннего своего человека, и там уединенно пребывать, непрестанно возделывая виноградник сердца своего, пока не приведет дел в согласие с монашеским именем, нареченным ему в сокровенности его и явно. И может быть, что сим пребыванием близ внутреннего человека придем в совершенное соединение с ведением нашей надежды живущего в нас Христа. Ибо когда ум наш пребывает там уединенно и отшельнически, тогда не он уже ведет брань со страстями, но благодать; разве только и самые страсти не приходят в нем в действие.

Вопрос. Если человек делает что ради душевной чистоты, а другие, не понимая, соблазняются его духовным житием, то должно ли ему удаляться божественного своего жития по причине соблазна или делать <то>, что полезно для его намерения, хотя то и вредно взирающим на него?

Ответ. Скажем и о сем, что, если законно, как принял от бывших прежде него отцов, делает он что бы то ни было

служащее к очищению ума его и предположил в себе эту цель — достигнуть чистоты, а другие, незнающие, соблазняются его намерением, то в ответственности не он, а соблазняющиеся. Не для того он воздерживается, или постится, или живет в строгом затворничестве и делает <то>, что полезно для его цели, чтобы другие соблазнялись, но для того, чтобы очистить ум свой. А соблазняющиеся порицают его по незнанию цели жития его и действительно подлежат ответственности за то, что, пребывая в нерадении, неспособны были уразуметь ту духовную цель, какую предположил он себе, то есть чистоту своей души. О них божественный Павел написал, говоря: *Слово крестное погибающим убо юродство есть* (1 Кор. 1:18). Что же теперь? Поелику слово крестное сими, не ощутившими силы слова, вменено было в юродство, то Павлу должно ли было молчать, а не проповедовать? Но вот и доныне учение крестное служит преткновением и соблазном для иудеев и для еллинов, поэтому и нам молчать об исти-

не, чтобы они не соблазнялись? Но Павел не только не молчал, но даже громко взывал, говоря: *Мне да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. 6:14). Сия хвала о кресте высказана святым не для того, чтобы других соблазнить, но потому, что велика проповедуемая сила креста. Посему и ты, святой, совершай житие свое сообразно с тою целию, какую предположил себе пред Богом, в чем не осуждается совесть твоя, и житие свое испытывай по Божественным Писаниям и по тем заповедям, какие принял ты от святых отцов. И если не будешь обвиняем ими, то не бойся того, чем соблазнились другие. Ибо ни один человек не может всех равно удостоверить или всем угодить, и в сокровенности своей трудиться для Бога.

Блажен тот монах, о блаженный, который действительно стремится к чистоте души своей всею силою своею, и тем законным путем, каким шествовали к чистоте отцы наши, по тем степеням ее, по каким они восходили чинно и постепенно, и он возвысится до приближения

к ней в премудрости и терпении скорби, а не по ухищренным степеням чуждым.

Чистота души есть первоначальное дарование естества нашего. Без чистоты от страстей душа не врачуется от греховных недугов и не приобретает славы, утраченной преступлением. Если же кто сподобился очищения, то есть душевного здравия, то ум его действительно и на самом деле приемлет в себя радость духовным чувством, ибо делается он сыном Божиим и братом Христовым и не имеет времени ощущать встречающееся с ним доброе и худое.

Да даст нам Бог познать волю Его, чтобы, всегда ее исполняя, прийти нам в вечный Его покой, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и во веки беспредельных веков. Аминь.



СЛОВО 55

ПОСЛАНИЕ

к преподобномѹ отцѹ Симеонѹ чюдотворцѹ

Послание твое, святыи, не просто начертанные слова; напротив того, в нем, как в зеркале, изобразил и показал ты любовь свою ко мне. И как представлял ты меня себе, так и написал, и самым делом показал, что любишь меня чрезмерно; а потому от сильной любви позабыл и меру мне. Ибо что я должен был написать твоему преподобию и о чем мне, если бы у меня было попечение о своем спасении, надлежало у тебя спрашивать и дознать от тебя самую истину, о том предупредил ты написать мне, по великой любви, а может быть, сделал это и по ухищрению любомудрия, чтобы тонкими и духовными вопросами, предложив мне оныя, пробудить душу мою от нерадения, в какое глубоко была она погружена. Впрочем, и я, по этой любви, по которой забыл ты меру мне, забываю свою скудость, а потому обращаю внимание не на то, к

чему могу быть способен, но что может сделать твоя молитва. Ибо когда я забуду меру себе, а ты молитвами своими упросишь Бога, чтобы совершилось прошение твое, тогда, без сомнения, чего просил ты в молитве, дано это будет от Бога тебе как искреннему Его служителю.

Итак, первый вопрос в послании следующий.

Вопрос. Должно ли сохранять все заповеди Господни, и есть ли способ спастись не сохраняющему их?

Ответ. И об этом, как мне кажется, нет нужды кому-либо и спрашивать. Ибо хотя заповедей и много, однако же необходимо сохранять их. В противном случае Спасителю не нужно было бы и давать их, потому что Владыка, как думаю, ничего не сказал и не сделал излишнего, на что не было бы причины и в чем не имелось бы нужды. И целию пришествия Его, когда дал нам животворящие заповеди Свои как очистительные врачевства в нашем страстном состоянии, было то, чтобы очистить душу от повреждения, произведенного первым

преступлением, и восстановить ее в первобытное ее состояние. Что врачевства для больного тела, то заповеди для страстной души. И явно, что заповеди поставлены вопреки страстям для уврачевания преступной души, как ясно говорит Господь ученикам Своим: *Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя; а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам. ...И к нему приидем, и обитель у него сотворим (Ин. 14:21,23); и еще: О сем разумеет мир, яко Мои ученицы есте, аще любите друг друга (ср.: Ин. 13:35).* Ясно же, что любовь может быть приобретена при душевном здравии, а душа, не сохранившая заповедей, не есть здоровая.

Хранение заповедей еще ниже духовной любви. И поелику много таких, которые хранят заповеди из страха или ради награды в будущем, а не по любви, то Господь многим убеждает к хранению заповедей по любви, чтобы ими сообщался душе свет. И еще: *...да видят люди ваша добрая дела и прославят*

Отца вашего, Иже на небесех (Мф. 5:16). Но в душе не могут быть видимы добрые дела, каким научил Господь, если не будут сохранены заповеди. И Господь же сказал, что заповеди не тяжелы для любящих истину, ибо говорит: *Приидите... вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы... Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11:28,30). Сам Он заповедал и то, что все заповеди должны быть сохраняемы нами рачительно, когда говорит: кто разоряет *едину заповедей сих малых* и учит тому человеки, тот мний наречется в Царствии Небеснем (Мф. 5:19). После всего этого, узаконенного к спасению нашему, не могу сказать, что не должно сохранять всех заповедей. Да и самая душа не в состоянии будет соделаться чистою, если не будет хранить их. Заповеди даны Господом как врачевства, чтобы очищать от страстей и грехопадений.

Знаешь ты, что повреждение пришло к нам от преступления заповедей. Из сего явствует уже, что здравие

возвращается снова их хранением. А без делания заповедей, пока прежде всего не пойдем оным путем, ведущим к душевной чистоте, не должно нам и желать или надеяться душевного очищения. И не говори, что Бог и без делания заповедей может, по благодати, даровать нам душевное очищение. Это Господни суды, и Церковь не повелевает нам просить чего-либо такового. Иудеи, во время возвращения своего из Вавилона в Иерусалим, шествовали путем естественно проложенным, и таким образом пришли во святой град свой и узрели чудеса Господни. Но Иезекииль сверхъестественно, по действию откровения, был восхищен и прибыл в Иерусалим, и в Божественном откровении соделался зрителем будущего обновления. Подобное сему бывает и в рассуждении душевной чистоты. Иные путем протоптанным и законным, чрез хранение заповедей в многотрудном житии, кровию своею приходят в душевную чистоту. А другие удостоиваются ее и по дару благодати. И чудно то, что не позволено просить в молитве чистоты, да-

руемой нам по благодати, и отказываться от жития, препровождаемого в делании заповедей. Ибо богатому, вопросившему Господа, как *живот вечный наследую* (Лк. 10:25), Господь ясно сказал: *сохрани заповеди*. И когда богатый спросил: *какие заповеди?* — во-первых, повелел ему *удерживаться от худых дел* и тем напомнил о заповедях естественных. Когда же домогался узнать еще больше, сказал ему: *Аще хочещи совершен быти, продаждь имение твое и даждь нищим, и возьми крест свой, и гряди в след Мене* (Мф. 19:21). А это значит: умри для всего, что имеешь у себя, потом живи во Мне; изыди из ветхого мира страстей и потом вступи в новый мир духа; возьми и совлекись ведения человеческих способов и ухищрений и потом облекись в простое ведение истины. Ибо Господь, сказав: *возми крест свой* (Мф. 16:24), научил тем человека умереть для всего в мире. И когда умертвил он в себе ветхого человека, или страсти, тогда сказал ему: *гряди в след Мене*. Ветхому человеку невозможно ходить путем Христовым,

как сказал блаженный Павел: ...яко плоть и кровь Царствия Божия наследити не могут, ниже тление нетления наследствует (1 Кор. 15:50); и еще: совлекитесь ветхаго человека, тлеющаго в похотех, и тогда можете облечься в нового, обновляемого познанием уподобления Сотворшему его (Еф. 4:22—23); и еще: ...мудрование перстное вражда на Бога: закону бо Божию не покаряется, ниже бо может. Ибо сущии во плоти плотское мудрствуют и Богу угодити духовным мудрствованием не могут (Рим. 8:7,8). Ты же, святыи, если любишь чистоту сердца и сказанное тобою духовное мудрствование, то прилепись к Владычним заповедям, как сказал Владыка наш: ...аще любиши внити в живот, сохрани заповеди (ср.: Мф. 19:17) из любви к Давшему их, а не из страха или за воздаяние награды. Ибо услаждение, сокрытое в правде, вкушаем не тогда, как делаем правду, но когда любовь к правде снедает сердце наше; и соделываемся грешниками не тогда, как сделаем грех, но когда

не возненавидим его и не раскаемся в нем. И не говорю, чтобы кто-либо из древних или из людей последних времен не хранил заповедей и достиг чистоты сердца, сподобился духовного созерцания; напротив того, как мне кажется, кто не сохранил заповедей и не шествовал по следам блаженных апостолов, тот недостойн именоваться святым.

Блаженный Василий и блаженные Григории, о которых сказал ты, что были любителями пустыни, столпами и светом Церкви и восхваляли безмолвие, пришли в безмолвие не тогда, как не упражнялись в делании заповедей, но жили сперва в мире и хранили заповеди, какие должно было хранить живущим в обществе, и потом пришли в душевную чистоту и сподобились духовного созерцания. Действительно, я уверен, что, когда жили они в городах, принимали странных, посещали больных, одевали нагих, умывали ноги трудящихся, и если кто поял их *поприще едино*, шли с ним два (Мф. 5:41). И когда сохранили заповеди, потребные в жизни общественной, и

ум их начал ощущать* первоначальную непоколебимость, Божественные и таинственные созерцания, тогда поспешили они и вышли в пустынное безмолвие; и с сего времени пребывали с внутренним своим человеком, почему соделались умозрителями и пребыли в духовном созерцании, пока не призваны благодатию соделаться пастырями Церкви Христовой.

В рассуждении же сказанного тобою, что великий Василий иногда хвалил жизнь общественную, а иногда отшельничество, замечу, что истинно рачительные двумя способами приобретают себе пользу, каждый по мере сил, по тому различию и по той цели, какую предположил он в себе. Ибо в сожителстве со многими иногда бывает польза сильным, а иногда и немощным, а то же самое бывает и в пустыне. Кто достиг душевного здоровья, у кого ум срастворен духом и кто умертвил себя для жития человеческого, тому общежитие со многими не бывает вредным,

* Слово *ощущать* дополнено из древних славянского и сербского переводов.

если трезвится он в делах своих. И он, поелику призван на то Богом, пусть не только сам получает пользу, но пользуется и других именем прочих отцов. Но и немощному, которому нужно еще возрастать, питаюсь млеком заповедей, полезно также сожителство со многими, пока не обучится, не образуется, не постраждет от искушений, не будет падать и в большем числе случаев восставать и не приобретет душевного здравия. Нет младенца, которого не питали бы потоками молока, и ни один монах, не быв воскормлен млеком заповедей, не преуспел, не препобедил страстей и не сподобился чистоты. А подобным образом и пустыня, как сказали мы, иногда полезна немощным и спасающимся бегством, а иногда и сильным: и первым, чтобы в них к разжжению и возрастанию страстей не заготовлялось того, что служит им пищею, а сильным — когда они окружены питающим страсти и сретили брани лукавого. Действительно, как сказал ты, пустыня усыпляет страсти. Но от человека требуется не это одно — усыпить свои страсти,

а и то, чтобы искоренить их, то есть преодолеть их, когда будут против нас упорствовать. Страсти же усыпленные пробуждаются, как скоро встречается причина прийти им в деятельность.

А как дознать тебе, говоришь ты, что не одна пустыня усыпляет страсти? Заметь, что во время болезни и великой немощи страсти несильно нападают на нас. И не это только, но даже нередко усыпляют они одна другую, когда одна другой уступают место. Ибо страсть тщеславия заставляет уступить ей место блудную страсть, и опять, страсть блудная укрощает страсть честолюбия. Не потому уже только будем желать пустыни, что усыпляет она страсти, но пожелаем, чтобы при недостатке чувственного и в удалении от всех умудриться нам в ней, и чтобы обновился в нас внутренний, духовный о Христе человек, чтобы на всякий час быть нам наблюдателями над самими собою, и чтобы ум наш соделался бодрственным и охранял себя ежечасно и не похищалось у него памятование надежды его.

Сего, кажется мне, достаточно на первый твой вопрос, если только и в этом настояла нужда. Скажем за сим и о втором, а он был следующий.

Вопрос. Почему Господь наш, для уподобления нашего величию Отца Небесного, назначил нам милосердие, иноки же предпочитают милосердию безмолвие?

Ответ. Вот на него ответ. Хорошо, что из Евангелия представил ты пример и образец исследования об этом великом житии — безмолвии. Входим мы в спор о милосердии, но не стараемся обратить оное в ничто, как нечто излишнее. Господь для уподобления нашего Отцу Небесному назначил нам милосердие, потому что милосердых приближает оно к Богу. Сие действительно так. И мы, иноки, чтим безмолвие, не исключая милосердия, а стараясь, сколько возможно, удалиться от попечения и мятежа, и не тогда как намереваемся противостать встречающимся нам нуждам, напротив того, заботимся о безмолвии, чтобы пребывать в богомыслии, которым всего бо-

лее можем возвратить себе чистоту после смущения и приблизиться к Богу. Если же когда на известное время будет необходимая какая потребность в нас братьям, не должно нерадеть об оной. Посему будем непрестанно понуждать себя во всякое время внутренно быть милосердными ко всякому разумному естеству. Ибо так внушает нам учение Господне, и в этом, а не в чем-либо пустом, состоит отличие нашего безмолвия. И надобно не только сохранять это внутреннее наше милосердие, но, когда призывают самые обстоятельства дел и нужда, не вознерадеть и о том, чтобы доказать любовь свою явно; и в особенности, если безмолвники не определили себя на совершенное безмолвие — даже и не встречаться ни с кем, но следуют правилу назначающих для себя безмолвие на одну или на семь седмиц. Ибо таковые, даже в продолжение времени, назначенного правилом, не удерживают себя, до исполнения сего времени, от дел милосердия к ближнему; разве кто крайне нечувствителен, жесток и бесчеловечен и держится без-

молвия лицемерно и напоказ. Знаем, что без любви к ближнему ум не может просвещаться Божественною беседою и любовию.

И какой ныне мудрый монах, имея у себя пищу и одеяние и видя ближнего своего алчущим и обнаженным, не отдаст ему того, что имеет, но сбережет что-либо из этого? Или еще: кто, видя, что человек единой с ним плоти изнурен болезнию, бедствует от изнеможения и имеет нужду в призрении, из любви к безмолвию правило затвора предпочтет любви к ближнему? Когда же нет чего-либо подобного, будем в уме хранить любовь и милосердие к братьям. Ибо в том только случае, когда дело к нам близко, Бог требует от нас исполнить и показать любовь на самом деле. Посему явно, что, если ничего у себя не имеем, не дозволяется нам ввергать себя в попечение и мятежи ради нищих, а если что имеем, требуется от нас это. Также если, по принятому нами роду жизни, удаляемся от сожительства с людьми и от участия в их собраниях, то не надлежит нам остав-

лять келию свою и место иноческого и отшельнического пребывания и предавать себя на то, чтобы кружиться по миру, посещать больных и проводить время в подобных делах. Ибо явно, что в подобных случаях бывает переход от высшего к низшему. Если же кто живет в обществе многих, и близ его есть люди, на самом месте пребывания его с ними, и трудами других упокоевается во время здоровья или болезни, то и сам обязан делать то же, а не выставять на вид ложного своего безмолвия, так чтобы самому во всем требовать себе от других успокоения, но как скоро увидит в тесных обстоятельствах сына плоти своей, носящего на себе один с ним образ, лучше же сказать, увидит поверженного и страждущего Христа, — удаляться и скрываться от него. Всякий таковой немилосерд.

И не приводи мне на память Иоанна Фиваидского и Арсения, не говори: кто же из них употреблял себя на подобные дела или прилагал попечение о больных и нищих, нерадел же о своем безмолвии?

Тебе и не приблизиться к каким-либо делам таковых мужей. Ибо если далек ты от всякого упокоения и сообщения с людьми, как далеки были они, то Господь и тебе повелевает пренебрегать подобными делами. Если же далек ты от одного совершенства и во всякое время пребываешь в телесных трудах и в общении с людьми, то почему нерадишь о заповедях (которые должно хранить тебе по мере сил своих), представляя в предлог, что проводишь великое житие святых, к которому ты и не приближался?

А я не буду столько нерадив, чтобы не упомянуть о поступке святого Макария Великого, который служит обличением небрежущим о братиях своих. Макарий пошел однажды посетить одного больного брата. И когда Великий спросил болящего, не желает ли он чего, а тот отвечал: «Немного мягкого хлеба» (а тогда все монахи, по большей части, пекли себе хлебы однажды в целый год, таков был обычай в том месте), — достоблаженный сей муж, будучи уже девяноста лет, немедленно встал, пошел из скита в

Александрию и сухие хлебы, которые взял в суму, променял на мягкие и принес их брату.

Но нечто и сего еще большее сделал подобный великому Макарию авва Агафон, муж опытнейший из всех того времени монахов и паче всех уважавший молчание и безмолвие. Итак, сей чудный муж во время большого торгоа пришел продать свое рукоделие и на торжище нашел одного лежащего больного странника; нанял для него дом, остался с ним, работал своими руками, и что получал за то, на него тратил и прислуживал ему шесть месяцев, пока больной не выздоровел. Сей же Агафон (как повествуют о нем) сказал: «Желал бы я найти прокаженного и ему отдать свое тело, а себе взять его». Вот совершенная любовь.

Боящиеся Бога, возлюбленный, охотно возделывают того и заботятся о том, чтобы хранить заповеди. И если окажется на деле, что отыскивание оных им достается в руки, то подвергаются ради их и опасности. Жизнодавец совершенство заповедей связал и заключил в двух

заповедях, объемлющих собою все прочее, — в любви к Богу и в подобной же любви к твари ее, то есть в любви к образу Божию. И первая удовлетворяет цели духовного созерцания, а вторая — созерцанию и деятельности. Ибо естество Божеское просто, несложно, невидимо, естественно ни в чем не имеет нужды; и сознание при самоуглублении своем естественно не имеет нужды в телесной деятельности и в содействии чего-либо, и в дебелости представлений, деятельность его проста и обнаруживается в единой части ума, сообразно той простоте достопоклоняемой Вины*, Которая выше плотского чувства. А вторая заповедь, то есть человеколюбие, по двойственности естества требует, чтобы попечение о делании ума было сугубое, то есть что исполняем невидимо в сознании, то подобным образом желаем исполнить и телесно, не только явно, но и тайно, и заповедь, совершаемая в делах, требует также совершения и в сознании.

* Вина — причина, начало. — Ред.

Как человек составлен из двух частей, то есть из души и тела, так и все в нем требует двоякой заботы, сообразно с двойственностью его состава. И поелику деятельность везде предшествует созерцанию, то невозможно кому-либо возвыситься до области этого высшего, если самым делом не исполнить прежде низшего. И ни один человек не смеет сказать теперь о приобретении любви к ближнему, что преуспевает в ней душою своею, если оставлена им та часть, которая, по мере сил сообразно со временем и местом, доставляющим случай к делу, исполняется телесно. Ибо при сем только исполнении делается достоверным, что есть в человеке и дает о себе знать любовь созерцательная. И когда бываем в этом, по возможности, верны и истинны, тогда дается душе сила в простых и ни с чем не сравнимых понятиях простираться до великой области высокого и Божественного созерцания. А где человеку нет возможности любовь к ближнему совершить в делах видимых и телесно, там достаточно пред Богом любви

нашей к ближнему, совершаемой только мыслию; особливо — если затворническое и безмолвное житие и преспеяние в оном пребывают достаточными в своем делании.

Если же скудны мы во всех частях безмолвия, то восполним недостаток присоединением к нему заповеди, то есть чувственной деятельности. И это, как восполнение покоя жизни нашей, исполнять будем утруждением тела нашего, чтобы свобода наша не оказалась предлогом к подчинению себя плоти, когда напрасно станем трудиться под отшельническим именем. Ибо явно, что тому, кто совершенно не имеет общения с людьми и всецело погружен мыслию в Боге, когда мертв он для всего, в удалении от этого, не повелевается прислуживать людям и делать им угождения. Но кто содержит правило безмолвия своего в продолжение седми недель или одной недели, и по исполнении своего правила сходится и вступает в общение с людьми, и утешается вместе с ними, но нерадит о братиях своих, которые в скорбях, думая

тем в строгости выдержать недельное правило, тот немилосерд и жесток. И само собою явствует, что он, по недостатку милосердия, и по самомнению, и по ложным помыслам, не снисходит до участия в таковых делах.

Кто пренебрегает больным, тот не узрит света. Кто отвращает лице свое от скорбящего, для того омрачится день его. И кто пренебрегает гласом страждущего, у того сыны его в слепоте оцупью будут искать домов своих.

Не поругаем великого имени безмолвия невежеством своим. Ибо всякому житию свое время, и место, и отличие. И тогда Богу да будет ведомо, угодно ли все делание оного. А без сего суетно делание всех пекущихся о мере совершенства. Кто ожидает, чтобы немощь его утешали и посещали другие, тот пусть смирит себя и потрудится вместе с ближним своим в то время, когда терпит он искушение, чтобы собственное свое делание с радостью совершить ему в безмолвии своем, будучи далеким от всякого самомнения и от бесовской прелести. Од-

ному из святых, мужу ведущему, сказано: ничто не может так избавлять монаха от беса гордыни и споспешествовать ему в сохранении целомудрия при разжжении блудной страсти, как то, чтобы посещать ему лежащих на ложах своих и одержимых скорбию плоти.

Велико ангельское дело безмолвия, когда ради потребности смирения присоединит к себе таковую рассудительность. Ибо когда бываем окрадываемы и расхищаемы — и сами не знаем. Сказал я это, братия, не для того, чтобы вознерадеть нам о деле безмолвия и пренебречь им. Ибо везде убеждаем к безмолвию, и теперь не оказываемся противоречащими словам своим. Из сказанного нами никто да не берет и не выводит чего-либо отдельно и, отложив в сторону все прочее, да не удерживает неразумно это одно в руках своих. Помню, во многих местах давал я такой совет, что, если кому и случится в келии своей быть совершенно праздным, то по нужде немощи нашей, постигающей нас от сего, не должно помышлять о совершенном

выходе из келии и внешнее делание почитать лучшим делания келейного. Совершенным же выходом назвал я не то, если временем встретится нам необходимое дело выйти на несколько недель и в продолжение оных приобрести упокоевание и жизнь ближнего, и ты стал бы называть это праздностию и признавать бездействием, но если думает кто о себе, что он совершен, и пребыванием своим пред Богом и удалением своим от всего видимого выше всех живущих здесь, и по этому благовидному предлогу станет отказываться и от сего. Велико есть делание рассудительности в том, что совершается под руководством Божиим. И Бог, по милости Своей, дарует нам исполнить слово Его, какое изрек Он, сказав: *...якоже хотите, да творят вам человецы, и вы творите им такожде* (Лк. 6:31). Ему слава и честь! Аминь.

Еще писал ты в послании своем, что монах, желающий возлюбить Бога паче всего, обязан иметь попечение о чистоте души своей. И сказал ты прекрасно, если

имеешь достаточные на то силы. А поелику говоришь еще, что душа не имеет дерзновения в молитве, как не препобедившая еще страстей, то представляется мне в том и другом противоречие, хотя я и невежда. Ибо если душа не препобедила страстей, то как ей иметь попечение о чистоте? И поелику правилом духовной правды не повелено ей этого, когда не препобедила своих страстей, то значит, домогаешься ты того, что выше ее. Ибо не из того, чего вожделевает человек, познается, что он любит; но из того, что любит, делается заключение о том, чего вожделевает: любовь естественно предшествует вожделению. (Чего не возлюбит человек, того не будет и вожделевать.) Страсти суть дверь, заключенная пред лицом чистоты. Если не отворит кто этой заключенной двери, то не войдет он в непорочную и чистую область сердца. И сказанное тобою, что душа не имеет дерзновения в час молитвы, сказано справедливо. Ибо дерзновение выше не только страстей, но и чистоты. И скажу тебе, какой бывает порядок этого

преемства: терпение с принуждением себе борется со страстями за чистоту. Поэтому если душа препобедит страсти, то приобретает чистоту; а истинная чистота делает, что ум приобретает дерзновение в час молитвы.

Ужели же подвергнемся укоризне, в молитве прося этой душевной чистоты, о которой теперь речь, и делом гордости и самомнения бывает наше прошение, если просим у Бога того, что предписывают нам Божественное Писание и отцы наши и для чего монах идет в отшельничество? Но думаю, святой, что как сын не сомневается в отце своем и не просит у него такими словами: «Научи меня искусству» или: «Дай мне что-нибудь», так неприлично монаху рассуждать и просить у Бога: «Дай мне то и то». Ибо знает, что промысление Божие о нас выше того, какое бывает у отца о сыне. И потому прилично нам, наконец, смириться, плакать о тех причинах согрешений, которые вне нашей воли, соделаны ли оные помыслом или самым делом, и с сокрушенным сердцем говорить словами мы-

таря: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18:13); тайно и явно делать, чему научил Господь, сказав: *...егда сотворите вся поведенная вам, глаголите, яко раби неключимы есмы; яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17:10), чтобы совесть твоя засвидетельствовала тебе, что ты неключим и имеешь нужду в помиловании. Знаешь же и сам ты, что не дела отверзают заключенную дверь сердца, но сердце сокрушенное и смирение души, когда пре победишь страсти смирением, а не пренебрежением. Ибо больной сперва смиряется и прилагает попечение о выздоровлении от своих недугов, а потом уже домогается сделаться царем, потому что чистота и душевное здравие суть царство души.

Какое же это царство души? Как больной не говорит отцу: «Сделай меня царем», — но прилагает сперва попечение о недуге своем, и по совершенном выздоровлении царство отца его сам собою делается его царством, так и грешник, принося покаяние, получая здравие

души своей, входит со Отцом в область чистого естества и царствует во славе Отца своего.

Припомним, как святой апостол Павел описывает свои прегрешения и душу свою ставит на самом последнем и низшем месте, говоря: *...Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз. Но сего ради помилован бых, да во мне первом покажет все Свое долготерпение (1 Тим. 1:15,16). Ибо вначале был я гонителем, досадителем и хульником, но помилован бых, яко неведый сотворих в неверствии (1 Тим. 1:13).* Когда же и в какое время сказал он это? После великих подвигов, исполненных силы дел, после проповеди, по благовествованию Христову, проповеданной им в целом мире, после многократных смертей, многообразных скорбей, какие терпел от иудеев и язычников. И все еще взирал он на первые свои дела, не только не почитал себя достигшим чистоты, но не помышлял даже признать себя, как следовало, учеником. Ибо говорил: *...несмь достоин*

нарециися Апостол, зане гоних Церковь Христову (1 Кор. 15:9). И когда паче всех людей одержал победу над страстями, говорил: ...умерищвляю тело мое и порабощаю, да не како иным проповедуя, сам неключимь буду (1 Кор. 9:27). Если же скажешь, что Апостол в иных местах повествует о себе и великое, то пусть сам он убедит тебя в рассуждении этого. Ибо говорит, что делал сие не добровольно, не ради себя, но для проповеди. И когда повествует о сем для пользы верных, представляет себя за таковую похвалу себе лишенным всякого разума, взывая и уверяя: ...вы мя понудисте (2 Кор. 12:11); и еще: ...не глаголю по Господе, но яко в безумии, в сей части похвалы (2 Кор. 11:17). Вот сие справедливое и верное правило, какое дал нам святой Павел. Будем, наконец, сохранять оное и поревнуем о нем. Отречемся от того, чтобы искать у Бога высокого, когда не посылает и не дарует Он этого, потому что Бог знает сосуды, избранные на служение Ему. Ибо блаженный Павел даже и после того не просил

царства душе, но говорил: *молилбыхся отлучен быти от Христа* (Рим. 9:3). Как же осмелимся мы и прежде времени, ведомого Богу, просить душе царства, не соблюдши заповедей, не препобедив страстей и не отдав долга?

Посему умоляю тебя, святой, да не входит тебе и на помысл это, но паче всего приобрести терпение для всего, что ни бывает с тобою. И в великом смирении и в сокрушении сердца о том, что в нас, и о помыслах наших, будем просить отпущения грехов своих и душевного смирения.

Одним из святых написано: «Кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом». Если же скажешь, что некоторые отцы писали о том, что такое душевная чистота, что такое здравие, что такое бесстрастие, что такое созерцание, то писали не с тем, чтобы нам с ожиданием домогаться этого прежде времени; ибо написано, что *не придет Царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17:20) ожидания. И в ком оказалось такое намерение, те приобрели себе

гордость и падение. А мы область сердца приведем в устройство делами покаяния и житием, благоугодным Богу; Господне же приидет само собою, если место в сердце будет чисто и неоскверненно. Чего же ищем с *соблюдением*, разумею Божии высокие дарования, то не одобряется Церковию Божиею; и приемшие это приобретали себе гордость и падение. И это не признак того, что человек любит Бога, но душевная болезнь. Да и как нам домогаться высоких Божиих дарований, когда Павел хвалится скорбями и высоким Божиим даром почитает общение в страданиях Христовых.

Еще писал ты в послании своем, что возлюбила душа твоя любовь к Богу, но не достиг ты любви, хотя имеешь великое вожделение любить, а сверх того вожделенно для тебя пустынное отшельничество. И сим показал ты, что положено в тебе начало сердечной чистоты и что памятование о Боге прилежно разжигается и возгревается в сердце твоём. И это — великое дело, если справедливо; но не желал бы я, чтобы писал ты это,

потому что не к одной принадлежит это степени. Если же сказал это для вопроса, то и вопрос требовал иного порядка. Ибо кто говорит, что душа его не имеет еще дерзновения в молитве, потому что не препобедила страстей, тот смеет ли сказать, что душа его возлюбила любовь к Богу? Нет способа возбудиться в душе Божественной любви, вослед которой таинственно течешь ты в отшельничестве, если она не препобедила страстей. Ты же сказал, что душа твоя не препобедила страстей и возлюбила любовь к Богу; и в этом нет порядка. Кто говорит, что не препобедил страстей и возлюбил любовь к Богу, — о том не знаю, что он говорит.

Но скажешь: не говорил я: «люблю», но «возлюбил любовь». И это не имеет места, если душа не достигла чистоты. Если же хочешь сказать это только для слова, то не ты один говоришь, но и всякий говорит, что желает любить Бога; и не только христиане говорят это, но и неправо поклоняющиеся Богу. И слово это всякий произносит, как свое собственное; однако же при произношении

таких слов движется только язык, душа же не ощущает, что говорит. И многие больные не знают даже того, что они больны. Порок есть болезнь души, и заблуждение — утрата истины. И весьма многие из людей, недугуя сим, объявляют себя здоровыми, и у многих заслуживают похвалу. Ибо если душа не уврачуется от порока и не будет приведена в естественное здравие, в каком создана, чтобы родиться от духовного здравия, человеку невозможно вожделевать сверхъестественных даров духа, потому что душа, пока болеет страстями, не ощущает чувством своим духовного и не умеет вожделевать оного, вожделевает же только по слуху ушей и по писаниям. Справедливо, наконец, сказал я и выше, что вожделевающим совершенства надлежит сохранять все заповеди, потому что сокровенное делание заповедей врачует душевную силу. И сие произошло не просто и как ни есть. Ибо написано, что без кровопролития не бывает оставления (Евр. 9:22). Но первоначально естество наше вочеловечении Хрис-

товом прияло обновление, приобщилось Христову страданию и смерти; и потом, по обновлении изливанием крови, обновилось и освятилось естество наше и соделалось способным к принятию заповедей новых и совершенных. А если бы заповеди сии даны были людям до изливания крови, до обновления и освящения естества нашего, то, может быть, и самые новые заповеди, подобно заповедям древним, отсекали бы только порок в душе, но не могли бы истребить в душе самый корень порока. Ныне же не так: напротив того, последовавшее сокровенное дело и заповеди новые и духовные, которые душа хранит, имея в виду страх Божий, обновляют и освящают душу и сокровенно врачуют все члены ее. Ибо явно для всех, какую страсть безмолвно в душе исцеляет каждая заповедь, и действенность их ощутительна и врачующему и врачуемому, как было и с кровоточивой женою.

Знаешь, возлюбленный, что если не будет исцелена страстная часть души, не обновится, не освятится в тайне, не будет

связана житием духовным, то душа не приобретет здравия и не освободится от того, чтобы не печалило ее встречающееся ей в твари. И исцеление сие может совершиться по благодати, как было с блаженными апостолами, потому что они верою усовершились в любви Христовой. А иногда бывает, что душа приобретает здравие законно. Ибо кто деланием заповедей и трудными делами истинного жития препобедил страсти, тот пусть знает, что законно приобрел он душевное здравие, и отдоен млеком вне овеществления мира сего, и отсек в себе прежний свой нрав, и возрожден, как и первоначально, в духовном, и по благодати, как приобретший понятия внутреннего человека, стал видим в области Духа, и приял его в себя мир новый, несложный.

Когда же ум обновлен и сердце освящено, тогда все возникающие в нем понятия возбуждаются сообразно с естеством того мира, в который вступает он. Сперва возбуждается в нем любовь к Божественному, и вожделевает он общения с Ангелами и откровения таин ду-

ховного ведения; ум его ощущает духовное ведение тварей, и воссиявает в нем созерцание таин Святой Троицы, также таин достопоклоняемого ради нас Домостроительства; и потом всецело входит в единение с ведением надежды будущего.

Наконец, из того, что написал я тебе, уразумей состояние свое. Если бы душа, когда заключена в области страстей, могла истинно возлюбить Бога, то не имела бы большой нужды спрашивать и дознавать о таинствах мира духовного. Но явно, что обучение и ведение при страстях не приносят пользы и недостаточны к тому, чтобы отверзть дверь, заключенную пред лицом чистоты. Если же отъяты будут от души страсти, то ум просвещается, и поставляется в чистом месте естества, и не имеет нужды в вопросах, потому что ясно видит блага, обретаемые на своем месте. Ибо как внешние наши чувства не вследствие обучения и вопросов ощущают соприкосновенные им естества и вещи, но каждое чувство естественно, а не с помощью вопросов, ощущает встречающуюся ему вещь (потому

что нет учения посредствующего между ощущающим и ощущаемым; слепому, сколько ни говори о славе солнца и луны, о сонме звезд, о блеске драгоценных вещей, — и приемлет, и судит, и представляет себе красоту, какую имеют они, только по названию; знание же и рассуждение его далеки от удовольствия, доставляемого самым видением), так, подобным сему образом, представляй себе о созерцании духовном. Ибо ум, презирающий в сокровенные тайны Духа, если он в своем естественном здравии, вполне созерцает славу Христову, и не спрашивает, и не учится, но наслаждается тайнами нового мира, превыше свободы воли, соразмерно горячности веры и надежды на Христа, как написал блаженный Павел: *еже видим, что и уповаем? Терпением ждем* (Рим. 8:25).

Наконец, должны мы ждать и пребывать уединенно и в простоте со внутренним нашим человеком, где нет впечатлений помыслов, ни воззрения на что-либо сложное: потому что ум, на что взирает, от того приемлет и образы. Ког-

да взирает на мир, тогда согласно с видоизменением образов, по которым он носитя, в таком же числе принимает от них в себя образы и подобия, которые, по мере своего множества и по различию своего изменения, возбуждают в нем помыслы; когда же помыслы возбуждены — отпечатлеваются они в уме. Если же ум проникает взором во внутреннего человека, где нет ничего такого, что могло бы служить изменением видов, и где сложное не отделяется от другого сложного инаковостию образа, но все — единый Христос, то явно, что ум приемлет тогда простое созерцание, без которого ничто иное не облагоухает душевной гортани и не соделает, чтобы душа приобрела дерзновение в час молитвы, потому что это есть пища естества души. И когда ум станет в области познания истины, тогда не имеет нужды в вопросах. Ибо как телесное око не спрашивает сперва, и потом уже взирает на солнце, так и душевное око не входит сперва в исследование, чтобы после того созерцать духовное ведение. Таким образом и

тайнственное созерцание, какого вожделеваешь ты, святой, открывается уму по приобретении душевного здравия. Желать же посредством исследования и расспросов дознавать таковые тайны есть неразумие души. Ибо и блаженный Павел не сказал, что по науке или вещественному какому способу видел и слышал тайны и неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати (2 Кор. 12:4), но восхищением восхищен был в духовную область и видел откровение таин.

Наконец, и ты, святой, если любишь чистоту, очисти от всего изливаемую на всех любовь и, вошедши в виноградник сердца своего, делай в нем, истребляй в душе своей страсти, старайся не знать злобы человеческой. Чистота взирает на Бога, воссиявает и цветет в душе не вследствие прощения, но вследствие неведения злобы какого бы то ни было человека. Если же желательно тебе, чтобы сердце твое соделалось обиталию таин нового мира, то обогатись сперва делами телесными, постом, бдением, службою,

подвижничеством, терпением, низложением помыслов и прочим. Связывай ум свой чтением Писаний и углублением в оные, напиши пред очами у себя заповеди и отдай долг страстей, когда бываешь побежден и побеждаешь. И непрестанным собеседованием молитвенным и самоуглублением в молитвословия искореняй в сердце своем всякий образ и всякое подобие, предварительно тобою воспринятое. Приучай ум свой углубляться всегда в тайны Спасителя Домостроительства; и оставь просить себе ведения и созерцания, которые в своем месте и в свое время превыше словесного описания, продолжай делание заповедей и труды в приобретении чистоты; и проси себе у Господа в молитве огнем разжженной о всем печали (какую влагал Он в сердца апостолам, мученикам и отцам), да укажет она в сердце твое, и да сподобишься умного жития. Начало, средину и конец жития сего составляет следующее: отсечение всего единением о Христе. Если же вожделеваешь созерцания таин, самым делом воздвигай в себе заповеди,

а не одним стремлением к их ведению. Духовное созерцание действует в нас в области чистоты. И ты домогайся сперва дознать, как войти тебе в область духовных таин, и потом начинай.

Первою из таин именуется чистота, достигаемая при действенности заповедей. Созерцание же есть духовное воззрение ума для того, чтобы постигать, что было и будет, и от всего приходить в изумление. Созерцание есть видение ума, приводимого в удивление Домостроительством Божиим во всяком роде и постигающего славу Божию и трудности нового мира, при чем сокрушается и обновляется сердце; подобно младенцам о Христе, воспитывается млеком заповедей новых и духовных, делается беспорочным, приобучается к духовным тайнам и к откровениям ведения, восходя от ведения к ведению, и от созерцания к созерцанию, и от постижения к постижению, и обучается и укрепляется таинственно, пока не будет возвышено любовью, соединено надеждою, и не водворится в нем радость, и не будет оно возвышено

Богом и увенчано естественною славою своего сотворения, в какой было создано.

На сих духовных пажитях восходит ум в откровения ведения, и падает, и восстает, и побеждает, и побеждается и пережигается в печи келии, и таким образом очищается, и бывает ему милость, и деятельно сподобляется он того созерцания Святой Троицы, которого вожделеваешь ты. Ибо три суть созерцания естеств, в которых ум возвышается, оказывает свою деятельность и упражняется: два созерцания естеств сотворенных, разумных и неразумных, духовных и телесных, и еще созерцание Святой Троицы. Посему сперва бывает воззрение на всякую тварь, пришедшую в бытие, и ум обзирает ее в откровении ведения; а что не подлежит чувствам, на то бывает мысленное воззрение. Ум имеет воззрение и для созерцания себя самого; им-то внешние философы надмевались в уме своем при представлении тварей.

Посему созерцание сынов таинства веры сопряжено с верою и пасется на

лугах Писаний: оно воедино собирает ум от всякого внешнего парения и связует его единением Христовым, как Василия Великого и Григория; и воззрение его бывает* на таинственные слова, помещенные в Писании. И слова, не постигаемые ведением, делаются понятными для нас при помощи веры, и ведение о них получаем в созерцании, какое бывает по очищении. Для духовных таин, которые выше ведения и которых не ощущают ни телесные чувства, ни разумная сила ума, Бог дал нам веру, которою познаем только, что тайны сии существуют. И от этой веры рождается в нас надежда о них. Верую исповедуем, что Бог есть Господь, Владыка, Творец и Создатель всяческих; а ведением решаем, что должно нам хранить заповеди Его и разуметь, что ветхие заповеди хранит страх, как сказал Сам Он, а животворные заповеди Христовы хранит любовь, по сказанному: ...*Аз заповеди Отца Моего соблюдох, и пребываю в Его любви* (Ин. 15:10). Почему

* Древний славянский перевод показывает, что здесь вместо: γενηται должно читать: γινεται.

явно, что Сын хранит заповеди Отца Своего не по страху, но из любви, а потому повелевает и нам соблюдать заповеди Его из любви, как говорит: *Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте, и Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам* (Ин. 14:15,16). Пришествием Утешителя называет дарования откровения духовных таин, посему в приятии Духа, которого прияли апостолы, — все совершенство духовного ведения. И Господь исповедал и обещал, умолив Отца Своего, дать им Утешителя, чтобы при делании ими заповедей и очищении самих себя пребывал с ними вовеки. Видишь ли, что за сохранение заповедей ум сподобляется благодати таинственного созерцания и откровений духовного ведения, а не как предполагала твоя мудрость, что дело хранения заповедей служит препятствием созерцанию Божественных таин, совершаемых в безмолвии?

Посему умоляю тебя, если ощутишь в душе своей, что достиг ты в область любви, соблюдай новые заповеди из любви к Давшему их, а не по страху, как и

блаженный Павел, когда возгорелся Божественною любовью, сказал: *Кто меня разлучит от любви Христовой? Скорбь ли, или темница, или гонение, — и прочее? И еще присовокупляет: Известихся бо, яко ни смерть, ни живот... ни настоящая, ни грядущая возмогут разлучити меня от любви Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем (Рим. 8:35, 38—39). И чтобы не подумать кому, будто бы вожделевает он великой награды, или чести, или преизобильного даяния духовных даров, как вожделевает твоя святыня, сказал: Молилбыхся отлучен быти от Христа (Рим. 9:3), чтобы присвоены Ему были чуждые. И чтобы знать тебе, что не таинственного и отшельнического созерцания искал он, как твое отечество вожделевает же того единственно, чего часто сподоблялись и иные по благодати, слушай, что говорит он в другом месте: *Аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, бых медь звенящи, или кимвал звяцай. И аще имам пророчество, и вею тайны вся, и весь разум, и**

аще имам веру, яко и горы преста-
ти, любве же не имам, ничтоже есмь
(1 Кор. 13:1,2), потому что законная
дверь, вводящая в это, есть любовь.
Если приобретем любовь, она вводит
нас в это. Если же сподобимся сего по
благодати без любви, то непременно ког-
да-нибудь утратим мы это, потому что
стяжание и страж высших святых и бо-
жественного жития есть любовь. Как
скоро монах лишится любви, сердце его
тотчас лишается мира, который есть се-
ление Божие, и заключается для него
дверь благодати, которою Господь наш
внидет и изыдет, по сказанному Им: *Аз
есмь дверь жизни, и Мною человек вни-
дет в жизнь и пажитъ обрящет*
(Ин.10:9) для питания духовной своей
жизни, где не препятствуют ему ни зло-
ба, ни прелесть; но на всех восхождени-
ях откровений ведения и таинственных
созерцаний Божественная любовь вво-
дит и изводит его, как и тех, которые
имеют свободу Христову. И чтобы уз-
нать тебе истину сего, а именно: что
духовная жизнь действительно есть Бо-

жественное созерцание ума, послушай великого Павла. Ибо вопиет он: неугодно мне это без любви, и если не войду (то есть в созерцание) законными вратами* любви, то не пожелаю оно́го; и если бы дано было мне по благодати, когда не приобрел я любви, то не домогаюсь сего; потому что вошел к нему не естественною дверью, которая есть любовь. Поэтому сперва должно приобрести любовь, которая есть первоначальное созерцание Святой Троицы, а после того и без даяния, естественно, будет у меня созерцание духовного. Уразумей же мудрость блаженного Павла, как оставил все дарования, сообщаемые благодатию, и просил самого существенного, того, что приемлет дарования и хранит их, как говорит некто. Дарование созерцания тварей дано было и Моисею, и многие сподобились оно́го, впрочем, не постоянного, но в откровении. Я же, крестившийся Духом Святым и исполненный благодати, хочу внутрь себя приять ощу-

* Из древнего славянского перевода видно, что здесь вместо: *την ἀγάπην* должно читать: *την πύλην*.

щение живущего во мне Христа. Ибо Христос Ипостасию Своею соделал обновление естества нашего, в Него облечены мы водою и Духом, и в неизреченном таинстве соединил Он нас с Собою и соделал членами тела Своего; но здесь — в виде только залога, а в новом мире естественно сообщает Он жизнь прочим членам. Для чего поэтому желаешь и домогаешься созерцания прежде любви, когда божественный Павел не одобрял оное без любви?

Но, сказав, что делание заповедей служит мне препятствием к созерцанию, явно похулил ты любовь к ближнему, и предпочел ей созерцание, и вожделеваешь видеть его там, где оно не усматривается. Пока не можем мы еще видеть созерцания, мудрейший, но само созерцание показывает нам себя на своем месте. Как по мере естественного возраста душа приемлет в себя новое и новое ведение, и ощущает существующее в мире, и день от дня более и более обучается этому, так и в духовном человек приемлет в себя духовное созерцание и Божест-

венное ощущение и обучается этому в той мере, в какой ум возрастает в разумном житии и простирается вперед. Когда же придет в область любви, тогда созерцает духовное на своем месте. Но пока человек употребляет усилие, чтобы духовное снизошло к нему, оно не покоряется. И если дерзновенно возмечтает он, и возведет взор к духовному, и будет доходить до него разумением не вовремя, то скоро притупляется зрение его, и вместо действительного усматриваются им призраки и образы. Как скоро вполне постигнешь это рассудительным умом своим, не будешь домогаться созерцания не вовремя. Если же кажется тебе, что и теперь видишь созерцание, созерцание сие есть тень призрака, а не созерцание, — потому что у всего мысленного бывает подобие и мечтательный образ, а бывает также и истинное созерцание. Ибо вот и в естествах сложных бывает призрак, а иногда возможно и истинное созерцание. Если же созерцание истинно, то обретается свет, и созерцаемое усматривается близким к действительности. А когда

бывает противное сему, тогда глаз вместо действительности видит тень и видит воду, где нет воды, видит здания, приподнятые вверх и висящие на воздухе, между тем как они стоят на земле. По таковому явлению телесного то же представь себе и о мысленном.

Если зрение ума не будет очищено деланием заповедей, делами безмолвного жития, не приобретет в совершенстве света любви, не преуспеет возрастом в обновлении Христовом, превосходством ведения не приблизится к духовным естествам в той степени, на которой ищет духовного, ангельского жития, то не сможет соделаться истинным зрителем Божественного созерцания. Все же те подобия духовного, какие думает составить себе ум, называются призраком, а не действительностью. И это, что ум видит одно вместо другого, происходит оттого, что он не очистился. Ибо естество истины пребывает всегда неизменным и не изменяется никогда в подобия; причиною же мечтания образов бывает немощь, а не чистота ума.

Это было и с философами внешними, потому что почли духовным то, о чем не прияли истинного учения от Бога. По сокращению и возбуждению разумной в них силы, по понятиям помыслов своих заключали в самомнении своем, что они суть нечто; а вместе с этим рассуждали, как они существуют, чтобы открытие их происхождения и изменение уподобления соделалось для них тем и другим. И разглагольствовали об этом в ненадлежащем самомнении, Единого Бога разделили в многобожии, говорили и соглашались между собою в глумлении помыслов и эту мечту безумия помыслов своих называли умозрением естеств.

Посему истинное созерцание естеств чувственных и сверхчувственных, и Самой Святой Троицы, уделяется в откровении Христовом. Ему научил и его указал человекам Христос, когда первоначально Своею Ипостасию совершил обновление естества человеческого, возвратил и дал ему первую свободу и Сам проложил нам путь животворящими Его заповедями восходить к истине. И есте-

ство тогда только способно соделаться зрителем истинного, а не мечтательного созерцания, когда человек первоначально претерпением страданий, деланием и скорбию совлечется ветхого страстного человека, как новорожденный младенец совлекается одежды, выносимой из матерних ложесн. Тогда ум способен возродиться духовно, соделаться видимым в духовном мире и приять созерцание отечества своего.

Поэтому ныне созерцание тварей, хотя оно и сладостно, есть только тень ведения. И сладость его неотделима от мечтания во сне. Поэтому созерцание нового мира духом откровения, которым ум услаждается духовно, есть действие благодати, а не тень ведения; и сладость его неотделима от той, какую описал Апостол, говоря: *Их же око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его, святым же Бог открыл есть Духом Своим: Дух бо вся испытует, и глубины Божия* (1 Кор. 2:9,10). И сие созерцание бывает пищею ума, пока не

придет он в состояние приять созерцание высшее первого созерцания; потому что одно созерцание передает человека другому созерцанию, пока ум не будет введен в область совершенной любви. Любовь есть обитель духовного, и водворяется в чистоте души. Когда ум станет в области любви, тогда действует благодать, ум приемлет духовное созерцание и делается зрителем сокровенного. Ибо сказал я, что двумя способами дается дарование откровений умного созерцания.

Ибо иногда дается по благодати за горячность веры, а иногда — за делание заповедей и за чистоту. По благодати, как блаженным апостолам, которые не деланием заповедей очистили ум и сподобились откровения созерцания, но горячею верою, потому что в простоте уверовали во Христа и несомненно, с воспламененным сердцем последовали за Ним. И когда Христос совершил достопоклоняемое Свое Домостроительство, послал им Духа Утешителя, очистил и усовершил ум их, и действительно умертвил

внутри их ветхого страстного человека, и действительно оживотворил в них нового духовного человека, и прияли они ощущение того и другого. Так и блаженный Павел обновлен был таинственно, и потом приял созерцание откровения таин; но и при этом не полагался на оное. Действительно приял он благодать и дар, но все время жизни своей совершал течение, чтобы, по возможности, воздать той благодати, какой сподобился, когда Господь с ним, как с присным Своим, беседовал на пути и послал его в Дамаск. Не написано, о чем Иисус беседовал с ним явно, но пишется, что сказал ему Анания: *Савле брате, Господь наш Иисус Христос, явлей ти ся на пути, посла мя к тебе, да прозрят очи твои и исполнишися Духа Свята (Деян. 9:17).* И когда крестил его, исполнился он Духа Святого и ощутил сокровенные тайны откровений, как совершилось сие и со святыми апостолами, когда был с ними Иисус и говорил: *...много имам глаголати вам, но не можете носить ныне: егда же придет Дух Святой, Он на-*

ставит вы на всяку истину... и грядущая возвестит вам (Ин. 16:12—13).

И блаженный Павел тогда именно, как приял Духа Святого и обновился Им, сподобился и таин откровения, стал созерцать духом откровений и услаждался созерцанием, слышал неизреченные глаголы, зрел созерцание высшее естества, восторгался созерцаниями небесных сил и услаждался духовным. И да не будет того, что в безумии своем утверждают еретики, называемые евхиты, будто бы сего восхождения достиг он своим желанием! Ум вовсе не может восходить туда. Напротив того, Павел восхищен был духом откровений, как сам написал в послании к Коринфянам, вопреки этим суетным людям, которые уподобляли себя святым апостолам, исповедали мечты своих помыслов и называли их духовными созерцаниями. Это относится и ко многим еретикам, то есть близко сие к Оригену, к Валентину, к сыну Диссанову, к Маркиону, к Манесу, к прочим древним начальникам зловредных ересей, начавшихся со времен

апостольских и доныне по местам обретающихся.

Наконец, поелику некоторые люди, поврежденные в уме бесовским мечтанием, восхотели растлить учение блаженных апостолов, то божественный Апостол вынужден был в ничто обратить похвальбу еретиков, хвалившихся тению делания являвшихся им бесов, и потому со смирением и великим страхом описывает он божественное свое созерцание, относя оное к лицу другого. Ибо говорит: *Вем человека о Христе, прежде лет четырнадцати: аще кроме тела, аще в теле, не вем, Бог весть: восхищена бывша в рай, и слышавшего глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати* (2 Кор. 12:2,4). Итак, говорит он, что восхищением восхищен был, а не произвольно восшел умом своим в созерцании до третьего небеси. Написал, что видел созерцания, сказал, что слышал глаголы; но какие были слова или образы созерцаний — того не мог написать. Ибо когда ум духом откровений видел это на своем месте, тогда не приял заповеди изречь

это не на своем для сего месте. А если бы и восхотел изречь сие, то не мог бы, потому что видел сие не телесными чувствами. Что ум приемлет телесными чувствами, то ими же может опять и изъяснить в области телесной; а что ощутительно созерцает, или слышит, или чувствует внутри себя, в области духовной, того, когда возвращается к телу, не способен пересказать, а только воспоминает, что видел это; но как видел — не умеет поведать ясно.

И сим обличаются ложные писания, так называемые откровения, изложенные начальниками ересей, растленных мечтанием бесовским, о обителях на тверди, в которые вводят ум для самовольного обучения, и о восхождениях ума на небо, и о местах отлученным на Суде, и о многовидных образах горних Сил, и о действительности их. Все это есть тень ума, упоенного самомнением и приведенного в оцепенение бесовским деланием. Поэтому-то блаженный Павел единым словом заключил дверь пред лицом всякого созерцания и затвор ее внес внутрь мол-

чания, где ум, если бы и мог объявить о сем, то не получил бы на то дозволения. Ибо сказал, что все созерцания, какие язык в состоянии обнаружить в телесной области, суть мечтания душевных помыслов, а не действие благодати.

Наконец, преподобие твое, памятуя сие, да наблюдает над мечтаниями помыслов глубоких. А этой брани всего чаще подвергаются обыкновенно монахи ума тонкого, входящие в исследование того, чем питается тщеславие, вождеlevающие нововведений и делающие все напоказ.

Некто по имени Малпас, ведя род свой из Эдессы, в одно время стал изобретателем ереси евхитов, тогда как проводил высокое житие и переносил самые тяжкие труды и скорби. Ибо говорят, что, быв учеником блаженного Иулиана, называемого Савою, на короткое время ходил с ним на Синай и в Египет и видел великих отцов того времени, видел блаженного Антония, слышал от него таинственные словеса, изглаголаннные им о чистоте и спасении душ; слышал тонкие

вопросы о страстях, в которых Антоний объяснял, что ум, по очищении своем, имеет созерцания духовных таин и что душа может, по благодати, сподобиться бесстрастия, когда деланием заповедей совлечется ветхих страстей и придет в здравие первобытного своего естества. И когда Малпас в цвете юности своей выслушал слова сии, воспламенился как огонь и пришел в свой город; и, так как возгорелась в нем страсть славолубия, избрал себе отшельническую храмину и посвятил себя на дела и жестокие скорби и непрестанные молитвы. И когда возгорелась в нем страсть непомерного славолубия, то есть надежда достигнуть ему тех высоких дарований, о которых он слышал, так как не обучился он искусству противоборствовать врагам истины, не уразумел козней, обманов и ухищрений супостата, какими сильных и крепких увлекает он в погибель, надеялся же только на дела, на скорби, на нестяжательность, на подвижничество, на воздержание, не приобретши самоуничижения, смирения, сердечного сокрушения,

— сих непреодолимых орудий при сопротивлении лукавого, не памятуя и Писания, которое говорит: когда исполните дела, сохраните заповеди, претерпите скорби, почитайте себя рабами непотребными; а напротив того, разжигаем был высоким о себе самомнением, основаным на делании им жития своего, и сгорал желанием высоких даров, о которых слышал, — по истечении многого времени, когда диавол увидел, что нет у него делания смирения, а только вожделевает созерцания, чтобы ощутить тайны, о которых слышал, явился ему в безмерном свете, говоря: «Я — утешитель, и послан к тебе от Отца, чтобы сподобить тебя видеть созерцание, которого желаешь за дела свои, дать тебе бесстрастие и на будущее время упокоить тебя от дел». Взамен же сего злокозненный потребовал поклонения у сего бедного. И этот обьюродевший, поелику не ощутил брани лукавого, немедленно с радостию принял его, и поклонился ему, и тот же час стал под властью его. И враг, вместо Божественного созерцания, наполнил его

бесовскими мечтаниями, сделал, что перестал он трудиться ради истины, возвысил его и поругался над ним тщетною надеждою бесстрастия, говоря ему: «Теперь не имеешь ты нужды в делах, злостраданиях тела, в борьбе со страстями и похотями»; и сделал его ересеначальником евхитов. Когда же умножились они и явно стало мерзкое и неправое их учение, изгнаны они были тогдашним епископом.

И еще некто другой, по имени Асинас, в том же городе Эдессе, сочинив многие трилогии, которые поются и доныне, проводил высокое житие и безрассудно связывал себя самыми трудными делами, пока не прославился. Его обольстил диавол, вывел из келии его и поставил на верху горы, называемой Сторий, заключил с ним договор, показал ему образ колесниц и конников и сказал ему: «Бог послал меня поять тебя в рай, как Илию». И как скоро вдался тот в обман младенческим своим разумом и взошел на колесницу, разрушилась вся эта мечта, низринулся он с великой вы-

соты, упал оттуда на землю и умер смертию, достойною смеха.

Не напрасно я сказал здесь это, но чтобы познать нам поругание от бесов, жаждущих погибели святых, и не вожделевать не вовремя высоты умного жития; а иначе будем осмеяны лукавым супостатом нашим, ибо и ныне вижу, что юноши, исполненные страстей, небоязненно суесловят и решительно судят о тайнах бесстрастия.

В рассуждении людей, которые исполнены страстей и входят в исследование о законах телесного и бестелесного, а потому не отличаются от больных, преподающих правила о сохранении здоровья, одним из святых написано: «Блаженный Павел, когда узнал об учениках, которые пренебрегали заповедями и не препобедили страстей, но вожделевали блаженства в созерцании таин, возможном по очищении, сказал им: совлекитесь сперва ветхого человека страстей, и тогда вожделевайте облечься в человека нового, обновленного познанием таин в подобие Творцу, и не вожделевайте моего и

прочих апостолов блаженства, действительно совершенного благодатию; потому что Бог *егоже хочет, милует: а егоже хочет, ожесточает* (Рим. 9:18). Ибо кто противостанет лицу Его или воспротивится воле Его? Бог дарует иногда туне; иногда же требует дел и очищения, и потом уже посылает дар; а иногда и после дел и очищения не дает здесь, но хранит, чтобы даровать созерцание на своем месте».

Находим же, что так поступает Он и в рассуждении меньшего в сравнении с сим даром, — разумею прощение грехов. Ибо вот, крещение дарует туне и совершенно ничего не требует, кроме веры; при покаянии же во грехах по крещении не туне прощает, но требует трудов, скорбей, печалей, сокрушения, слез, долговременного плача, и потом уже прощает. Разбойника туне простил за одно исповедание словом на кресте и обетовал ему Царство Небесное; и у грешницы потребовал также веры и слез. А у мучеников и исповедников, сверх сердечной их веры, требовал скорбей, истяз-

заний, строгания, мучений, многообразных смертей.

Посему святыня твоя, убедившись сим и подобным тому, да взирает на первых и последних и да не домогается созерцания, когда не время созерцанию. И пока заключен ты в месте тела, будь рачительным в делах покаяния и противоборцем страстей, терпеливым в делании заповедей, и остерегайся бесовского поругания, а также проповедующих непреложное совершенство в мире страстном и удобопреклонном. Это выше даже и святых Ангелов, сих служителей Отца и Духа; и они ожидают обновления в посредствующем, чтобы освободиться от работы нетления в свободе чад Божиих. Ибо возможно ли совершенство здесь, где солнце восходит и заходит среди облаков, временем благорастворение воздуха, а временем засухи, иногда радость, а иногда сетование? Что противно сему, то — часть волков, как сказал некто из святых. Бог же да утвердит основание жития нашего истинным утверждением и святым Своим учением. Ему подобает

слава, держава и велелепие ныне и в
нескончаемые веки веков! Аминь.



СЛОВО 56

О любви к Богу, об отречении от мира
и об упокоении в Боге

Душа, которая любит Бога, в Боге и в Нем едином приобретает себе упокоение. Разреши прежде в себе всякий внешний союз, и тогда сможешь быть сердцем в союзе с Богом, потому что единению с Богом предшествует отрешение от вещества. Хлеб дается в пищу младенцу после того, как откормлен он молоком; и человек, который намерен преуспевать в Божественном, желает прежде устранить себя от мира, как младенец от объятий и сосцов матерних. Телесное делание предшествует душевному, как персть предшествовала душе, вдунутой в Адама. Кто не снискал телесного делания, тот не

может иметь и душевного, потому что последнее рождается от первого, как колос из голого пшеничного зерна. А кто не имеет душевного делания, тот лишается и духовных дарований.

Болезни, в настоящем веке переносимые за истину, нейдут в сравнение с утешением, какое уготовано страждущим за доброе. Как за сеющими в слезах следуют рукояти радования, так и за злостраданием ради Бога последует радость. Сладок кажется земледельцу хлеб, добытый потом: сладки и делания ради правды сердцу, принявшему ведение Христово. С благою волею претерпи и уничижение и смирение, чтобы иметь тебе дерзновение пред Богом. Человек, с ведением терпя всякое жестокое слово, когда сам не сделал предварительно неправды изрекшему оное, хотя возлагает при этом на главу свою терновый венец, однако же блажен, потому что нетленно увенчивается, тогда как и сам того не знает.

Кто с ведением убегает суетной славы, тот ощутил в душе своей будущий век. Кто говорит, что оставил мир, и

препирается с людьми из-за какой-либо потребности, чтобы не было у него в чем-либо недостатка к упокоению его, тот совершенно слеп, потому что, хотя добровольно оставил целое тело, однако же ратует и препирается об одном его члене. Кто бежит покоя в настоящей жизни, у того ум соглядал уже будущий век. А кто связан любостяжательностию, тот раб страстей. Не думай, что одно приобретение золота и серебра есть любостяжательность; она есть приобретение чего бы то ни было, такого, к чему привязана воля твоя. Не хвали того, кто злостраждет телесно, но у кого дана воля чувствам, разумею же слух, зияющие и неудержимые уста и блуждающие очи. Когда предписываешь душе правила устроить свое спасение милосердием, приучай душу свою не искать оправдания в других делах, чтобы не оказалось, что делаешь одною рукою и расточаешь другою, ибо там потребность в сердоболнии, а здесь в широте сердца. Знай же, что оставлять грехи должникам принадлежит к делам правды. Тогда увидишь

тишину и светлость повсюду в уме твоём. Когда вступишь на путь правды, тогда прилепишься к свободе во всяком деле.

Некто из святых сказал об этом: «Слеп милостивый, если не бывает справедлив; разумею же, что должен давать другому из добытого собственными усилиями и трудами, а не из добытого ложью, неправдою, ухищрениями». И ещё он же в другом месте сказал: «Если угодно сеять в нищих, то сей из собственного. А если вознамеришься сеять из чужого, то знай, это — самые горькие плевелы». А я присовокупляю, что если милостивый не бывает выше своей правды, то он не милостив, то есть милостивый не только даёт людям милостыню из своего собственного, но и с радостию терпит от других неправду и милует их. А когда препобедит правду милостынею, тогда увенчивается не подзаконными венцами праведников, но евангельскими венцами совершенных. Ибо подавать нищим из собственности своей, одеть нагого, любить ближнего как себя самого, не

обижать, не лгать — это провозглашал и закон ветхий; совершенство же евангельского домостроительства повелевает так: *от взимающаго твоя не истязуй, и всякому просящему дай* (ср.: Лк. 6:30). И должно с радостью не только терпеть несправедное отъятие какой-либо вещи и прочее внешнее, но и самую душу полагать за брата. Кто душу полагает, тот милостив, а не тот, кто подаванием только оказывает милость брату своему. Но и тот милостив, кто услышит или увидит что-либо опечаливающее брата его и возгорится сердцем; а равно и тот, кто, если заушен братом своим, не возымеет столько бесстыдства, чтобы отвечать и опечалить сердце свое.

Почти делание бдения, чтобы найти тебе утешение близким к душе твоей. Занимайся чтением в безмолвии, чтобы ум твой всегда возводим был к чудесам Божиим. Возлюби с терпением нищету, чтобы собрать воедино ум свой от парения. Возненавидь жизнь пространную, чтобы помышления свои сохранить безмятежными. Удерживайся от многого и

заботься об одной душе своей, чтобы спасти ее от расточения внутренней тишины. Возлюби целомудрие, чтобы не постыдиться во время молитвы своей пред Богом. Приобретай чистоту в делах своих, чтобы озарялась душа твоя в молитве и памятованием о смерти возжигалась радость в уме твоём. Остерегайся малого, чтобы не впасть в большое. Не будь ленив в делании своем, чтобы не постыдиться, когда станешь среди друзей своих, и не оказаться не имеющим путевого запаса, почему друзья оставят тебя одного среди пути. С ведением води дела свои, чтобы не быть осуждену за все свое течение. Прибери свободу в жизни своей, чтобы освободиться от бури. Не связывай свободы своей тем, что служит к наслаждению, чтобы не сделаться тебе рабом рабов. В одеянии своем люби бедные одежды, чтобы уничтожить рождающиеся в тебе помышления, то есть высокоумие сердца. Кто любит блеск, тот не может приобрести смиренных мыслей, потому что сердце внутренне отпечатлевается по подобию внешних образов.

Кто, любя пустословие, может приобрести чистый ум? Кто, домогаясь уловить людскую славу, может приобрести смиренные помыслы, или кто, будучи невоздержным и изнежив свои члены, может сделаться чист умом и смирен сердцем? Когда ум увлекается чувствами, тогда и он ест с ними звериную пищу. А когда чувства увлечены умом, тогда они приобщаются с ним ангельской пищи.

За смиренномудрием следует воздержность и во всем ограниченность; а тщеславие — служитель блуда и дело гордыни. Смиренномудрие, по причине постоянного самоограничения, приходит в созерцание, украшает же и душу целомудрием; а тщеславие, по причине непрестанного мятежа и смущения помышлений своих, из всего встречающегося собирает нечистые сокровища и оскверняет сердце. Оно же еще непотребным взором смотрит на природу вещей и занимает ум срамными представлениями; а смиренномудрие духовно ограничивает себя созерцанием и приобретшего оно возбуждает к славословию.

Творящих знамения, чудеса и силы в мире не сравнивай с безмолвствующими с ведением. Бездейственность безмолвия возлюби паче, нежели насыщение алчущих в мире и обращение многих народов к поклонению Богу. Лучше тебе самого себя разрешить от уз греха, нежели рабов освобождать от рабства. Лучше тебе умириться с душою своею в единомыслии тройственного в тебе состава, то есть тела, души и духа, нежели учением своим умиротворять разномысленных. Григорий говорит: «Хорошо богословствовать ради Бога, но лучше сего для человека соделать себя чистым для Бога». Лучше тебе, будучи ведущим и опытным, быть ксеноязычным, нежели от остроты ума своего подобно реке источать учения. Полезнее для тебя позаботиться о том, чтобы падшее в душе твоей от страстей восстановить возбуждением помышлений своих к Божественному, нежели воскрешать умерших.

Многие совершали силы, воскрешали мертвых, трудились в обращении заблудших и творили великие чудеса, руками их

многие приведены к Богопознанию, и после всего этого сами, оживотворявшие других, впали в мерзкие и гнусные страсти, умертвили самих себя и для многих сделались соблазном, когда явны стали деяния их, потому что были еще в душевном недуге, не заботились о здравии душ своих, но, сами будучи еще немощны, пустились в море мира сего исцелять души других; и, как сказал я, утратили для душ своих надежду на Бога. Немощь чувств не в состоянии была сретить и вынести пламень того, что обыкновенно приводит в рассвирепение лютость страстей, потому что для чувств нужна была еще осторожность, и именно в том, чтобы вовсе не видать женщин, не предаваться покою, не приобретать серебра и других вещей, не начальствовать над другими, не превозноситься над иными.

Пусть лучше предполагают тебя необразованным за скудость в тебе уменья прекословить, нежели одним из мудрых за бесстыдство. Будь нищ по смирению — и не будь богат по бесстыдству. Тех, которые держатся учения противного

твоему, обличай силою добродетелей своих, а не убедительностию слов своих. Кротостию и спокойствием уст своих заграждай уста бесстыдства непокорным и заставляй их умолкнуть. Обличай развратных благородством жития своего, а тех, у кого бесстыдны чувства, — воздержностию очей своих.

Все дни жизни своей, куда бы ни пришел ты, признавай себя странником, чтобы в состоянии быть тебе избавиться от вреда, порождаемого вольностию в обращении. Во всякое время думай о себе, что ничего не знаешь, чтобы избежать тебе порицания, по подозрению, будто бы ты хочешь по-своему установить мнение другого. Благословляй всегда устами, и не будут тебя злословить, потому что от злословия рождается злословие, а от благословения — благословение. Во всяком деле почитай себя скудным для того, чтобы учить, — и во всю жизнь свою будешь оказываться мудрым. Не сообщай другому, чего сам не постиг, чтобы не было тебе стыдно себя самого и по сличении жития твоего не

открылась ложь твоя. Если же станешь говорить кому что-либо полезное, то говори в виде учащегося, а не со властью и бесстыдством, и наперед сам себя осуди, и покажи, что ты ниже его, чтобы слушающим показать чин смирения и побудить их выслушать речь твою и приступить к деланию, и будешь почтен в глазах их. Если можешь, то в подобных случаях говори со слезами, чтобы доставить пользу и себе, и слушающим тебя, — и с тобою будет благодать Божия.

Если приял ты благодать Божию и сподобился насладиться зрением судеб Божиих и видимых тварей, что составляет первую степень ведения, то приуготовь себя и вооружись против духа хулы. Но не стой в стране этой без оружия, чтобы не умереть тебе вскоре от подстерегающих и обольщающих тебя. Оружием же твоим да будут слезы и непрестанный пост. Остерегайся читать учения еретические, потому что сие всего чаще вооружает на тебя духа хулы. А когда наполнишь чрево, не входи с бесстыдством в исследование каких-либо пред-

метов и понятий Божественных, чтобы тебе не раскаиваться. Выразумей же, что говорю тебе: с наполненным чревом невозможно ведение таин Божиих. Часто, и не зная сытости, читай в книгах учителей о Промысле Божиим, потому что они руководствуют ум к усмотрению порядка в тварях и делах Божиих, укрепляют его собою, своею тонкостью приуготовляют его к приобретению светозарных мыслей и делают, что в чистоте идет он к уразумению тварей Божиих. Читай Евангелие, заветное Богом к познанию целой вселенной, чтобы приобрести себе напутствие в силе Промысла Его о всяком роде и чтобы ум твой погрузился в чудеса Божии. Таковое чтение согласуется с твоею целию. Чтение же твое да будет в невозмущаемой ничем тишине: и будь свободен от многопопечительности в теле и от житейского мятежа, чтобы ощутить в душе своей, при сладостном уразумении, самый сладостный вкус, превосходящий всякое ощущение, и чтобы душа ощущала это по пребыванию своему в том. Слова людей благоискусных да

не будут для тебя словами лицемеров, торгующих словом Божиим, чтобы не остаться тебе во тьме до конца жизни своей, не лишиться пользы от сих слов, и во время брани не прийти в смятение, как смущенному, и, по видимому ища добра, не впасть в яму.

Во что ни намеревался бы ты вникнуть, признаком вшествия* внутрь пусть будет для тебя следующее. Когда благодать начнет отверзать очи твои для ощущения зрением предметов в их действительности, тогда очи твои в то же мгновение начнут изливать ручьями слезы, так что не раз множеством их омоются ланиты твои. И тогда брань чувств утихает и сокращается внутри тебя. Если кто будет учить тебя противно сему, не верь ему. Кроме слез, не ищи другого более явного признака в теле. Когда же ум возвысился над тварями, тогда и у тела не будет ни слез, ни всякого движения и ощущения.

* Древний славянский перевод показывает, что здесь вместо: του μη εισέλθειν должно читать без отрицания: του εισέλθειν.

Мед обрет, яждь умеренно, да не како пресыщен изблюеши (Притч. 25:16). Естество души удободвижно и легко: иногда, восторгаясь, вожделевает она восходить высоко и дознавать, что превыше ее естества. Нередко при чтении Писаний и воззрении на вещи постигает нечто; когда же будет попущено, и сравнит она себя с постигнутым ею, тогда оказывается, что она в мере смотра своего ниже и меньше того, до чего простерлось ведение ее, а потому в помышлениях своих облекается в страх и трепет, и в боязни, как бы устыдившись, что отважилась коснуться высших ее духовных предметов, спешит снова возвратиться в ничтожество свое. По причине страха, внушаемого предметами, находит на нее какая-то боязнь, и рассудок помавает уму души обучаться молчанию и не быть бесстыдным, чтобы не погибнуть и не искать превосходящего ее, не допытываться того, что выше ее. Поэтому когда дана тебе возможность уразумевать — уразумевай, и не касайся с бесстыдством таин, но поклоняйся, славословь и благо-

дари в молчании. Как нехорошо есть много меда, так не входи и в исследование словес Божиих, чтобы, когда пожелаешь всматриваться в отдаленные предметы, не приблизившись еще к ним, по неудобству пути, не изнемогла и не повредилась у тебя сила зрения. Ибо иногда вместо действительности видишь какие-то призраки. И ум, когда придет в уныние от изыскания, забывает цель свою. Посему прекрасно сказал Соломон, что, *якоже град неогражден*, так и человек нетерпеливый (см.: Притч. 25:29). Поэтому, человек, очищай душу свою, свергни с себя попечение о том, что вне твоего естества, на понятия и движения свои повесь завесу целомудрия и смирения, и через это найдешь, что внутри твоей природы, потому что смиренномудрым дается откровение таин.

Если намерен ты предать душу свою на дело молитвы, очищающей ум, и на пребывание в бодрствовании ночью, чтобы приобрести светлый разум, то удаляйся от зрения мира, прекрати свидания с людьми, не принимай в келию свою, по

обычаю, друзей, даже под видом пользы, кроме единомысленных с тобою и сотаинников твоих; бойся смущения душевной беседы, которое обыкновенно происходит непроизвольно; по отсечении, отрешении и совершенном прекращении внешней беседы, — с молитвою твоею сопряги милостыню, и душа твоя узрит свет истины. Ибо в какой мере сердце перестает тревожиться внешними предметами, в такой же ум может от уразумения мыслей и дел Божественных доходить до постижения и изумления. Ибо душе обычно скоро заменять (человеческие собрания собеседованием с Богом и словами Божиими и)* одну беседу другою, если постараемся показать малую рачительность. А чтобы заменить одно собеседование другим, занимайся чтением Писания, открывающим тебе путь тонкости созерцания, и житиями святых, хотя сначала и не ощутишь сладости, по причине омрачающей близости вещей.

* Слова, заключенные в скобки, дополнены из древнего славянского перевода.

И когда станешь на молитву и на правило свое, то вместо размышления о том, что видел и слышал в мире, найдешь в себе размышление о Божественных Писаниях, какие прочел, и сим размышлением приведется в забвение, что памятовалось о мирском, а таким образом приходит ум в чистоту. И сие значит написанное, что чтение помогает душе, когда станет на молитву; и также: душа молитвою просвещается в чтении. И чтение опять, вместо внешней примеси, доставляет пищу разным видам молитвы, а потому и чтением душа просвещается, чтобы всегда молиться неленостно и несмущенно.

Плотолюбцам и чревоугодникам входить в исследование предметов духовных так же неприлично, как и блуднице разглагольствовать о целомудрии. Тело крайне болезненное отвращается и не терпит тучного в снедах: и ум, занятый мирским, не может приблизиться к исследованию Божественного. Огонь не возгорается в сырых дровах: и божественная горячность не возжигается в сердце, лю-

блудниѣ. Блудница не остается в приязни с одним: и душа, привязанная ко многим вещам, не пребывает верною Божественным наставлениям. Как тот, кто не видал своими глазами солнца, не может кому-либо описать его света по одному слуху, даже и не ощущает его света, так и не вкусивший душою своею сладости духовных дел.

Если имеешь что лишнее для дневной потребности, раздай это нищим и иди с дерзновением приносить молитвы свои, то есть беседуй с Богом, как сын с отцом. Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня; и ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная нищета. Лучше, чтоб многие называли тебя невеждою за простоту, нежели мудрым и совершенным по уму, ради славы. Если кто, сидя на коне, протянет к тебе руку, чтобы принять милостыню, не откажи ему, потому что в это время он, без сомнения, скуден как один из нищих. Когда же подаешь, подавай с великодушием, с ласковостию на лице, и снабди в большей мере, нежели

сколько просил. Ибо сказано: *посли кусок твой на лице бедного*, и не по многом времени найдешь воздаяние (Еккл. 11:1). Не отделяй богатого от бедного и не старайся распознавать достойного от недостойного: пусть все люди будут для тебя равны для доброго дела. Ибо сим способом можешь и недостойных привлечь к добру, потому что душа посредством телесного скоро привлекается в страх Божий. И Господь разделял трапезу с мытарями и блудницами и не отлучал от себя недостойных, чтобы сим способом всех привлечь в страх Божий и чтобы посредством телесного приблизились к духовному. Поэтому благотворением и честью уравнивай всех людей, будет ли кто иудей, или неверный, или убийца, тем паче, что и он брат тебе, одной с тобой природы, и по неведению заблудился от истины.

Когда сделаешь кому добро, не жди от него воздаяния: и за то и за другое вознаградит тебя Бог. А если возможно для тебя, делай добро и не ради будущего воздаяния. Если возложишь на душу

свою правило нищеты, и, по благодати Божией, освободишься от попечений, и нищетою своею станешь выше мира, то смотри, не возлюби стяжания по нищелюбию, для подаяния милостыни, не ввергни души своей в смятение тем, что будешь брать у одного и давать другому; не уничтожь чести своей подчиненностью людям и, прося у них, не утрать свободы и благородства ума своего в попечении о житейском, потому что степень твоя выше степени милостивых; прошу тебя никак не подчиняться. Милостыня подобна воспитанию детей, а безмолвие — верх совершенства. Ежели есть у тебя имение, расточи его вдруг. Если же ничего не имеешь, и не желай иметь. Очисти келию свою от роскоши и от излишеств, потому что сие поведет тебя к воздержанию невольно, хотя бы ты и не хотел. Скудость во всем учит человека воздержанию; а когда дозволили мы себе иметь то и другое, тогда не в состоянии бываем воздерживать себя.

Одержавшие победу в брани внешней возымели смелость не бояться самой

внутренней брани; и ничто не побуждает их к опасению, не беспокоятся они о брани, угрожающей им спереди или сзади; разумею же брань, воздвигаемую на душу чувствами и нерадением, например, слухом, языком, когда даем и берем. Все это, входя в душу, производит в ней ослепление. И при наступлении внешнего смятения не может она быть внимательною к себе в воздвигаемой на нее тайной брани и восстающих внутри ее побеждать тишиною. А когда человек затворит врата градские, то есть чувства, тогда ратует внутри и не боится злоумышляющих вне града.

Блажен, кто знает это, пребывает в безмолвии и не тревожит себя множеством дел, но всю телесную деятельность обратил на труд молитвенный и уверился, что, пока трудится с Богом и о Нем имеет попечение день и ночь, не будет иметь недостатка в чем-либо крайне необходимом; потому что для Бога удаляется от рассеяния и от труда. Если же кто не может пребывать в безмолвии без рукоделия, то пусть работает, пользуясь

рукоделием как пособием, а не для выгод, из корыстолюбия. Рукоделие назначается для немощных, а для более совершенных оно бывает причиною смятения. Ибо нищим* и ленивым отцы положили заниматься работою, но не как делом необходимым.

В то время как Бог внутренне приводит сердце твое в умиление, непрестанно твори поклоны и коленопреклонения. Не попускай сердцу своему заботиться о чем-нибудь, когда демоны начнут убеждать тебя заниматься другими делами; и тогда смотри и дивись, что произойдет у тебя из этого. Ничто другое в подвижнических борениях не бывает так важно и трудно и не возбуждает такой зависти в бесах, как если повергает кто себя пред крестом Христовым, молясь день и ночь, и бывает как бы со связанными назади руками. Хочешь ли не охладеть в своей горячности и не обнищать слезами, займись этим; и блажен ты, человек, если о сказанном тебе будешь заботиться день

* Чтение греческого текста подтверждается древними переводами — славянским и сербским.

и ночь и не станешь домогаться ничего другого. Тогда воссияет внутри тебя свет, и правда твоя возблистает скоро, и будешь как сад цветущий и как источник, не оскудевающий водою.

Смотри, какие блага порождаются человеку от подвигов. Нередко бывает, что человек преклонил колена в молитве, и руки его воздеты к небесам, лицо устремлено на крест Христов, и все помышления свои собирает он воедино в молитве к Богу; и пока человек молится Богу со слезами и умилением, в тот самый час вдруг внезапно воскипает в сердце его источник, изливающий услаждение, члены его расслабевают, очи закрываются, лицо поникает к земле и помышления его изменяются, так что не может он сделать поклона от радости, возбуждающейся в целом теле его. Обрати внимание, человек, на то, что читаешь. Ибо если не будешь подвизаться, то не обретешь, и если не будешь с горячностью ударять в двери и непрестанно пребывать при них во бдении, то не будешь услышан.

Кто, слыша это, пожелает внешней праведности, кроме неспособного пребывать в безмолвии? Впрочем, если кто не может упражняться в безмолвии (потому что благодатию Божиею дается человеку быть внутри двери), то пусть не оставляет другого пути, чтобы иначе не утратить части на двух путях жизни. Пока внешний человек не умрет для всего мирского, не только для греха, но и для всякого телесного делания, а также и внутренний человек — для лукавых мыслей, и не изнеможет естественное движение тела до того, чтобы не возбуждалась в сердце греховная сладость, дотоле и сладость Духа Божия не возбудится в человеке, члены его не примут чистоты в жизни сей, божественные мысли не войдут в душу его и пребудут неосязаемыми и незримыми. И пока человек в сердце своем не приведет в бездействие попечения о житейском, кроме необходимых потребностей естества, и не предоставит заботиться о сем Богу, дотоле не возбудится в нем духовное упоение и не испытает

он того утешения*, каким утешался Апостол (Гал. 2:20). Сказал же я это, не отсекая надежды, будто бы если кто не достигает верха совершенства, то не сподобится благодати Божией и не сретит Его утешение. Ибо действительно, как скоро человек презрит неуместное, и совершенно удалится от сего, и обратится к добру, в скором времени ощутит помощь. Если же употребит несколько усилия, то найдет утешение душе своей, улучит отпущение грехопадений, сподобится благодати и примет множество благ. Впрочем, он меньше в сравнении с совершенством того, кто отлучил себя от мира, обрел в душе своей тайну тамошнего блаженства и постиг то, для чего пришел Христос. Ему слава со Отцом и со Святым Духом ныне, и всегда, и во веки веков! Аминь.



* Древний славянский перевод показывает, что здесь вместо: της παραπληξίας должно читать: της παρακλήσεως. То же подтверждает и перевод сербский.

СЛОВО 57

ОБ УДАЛЕНИИ ОТ МИРА
И ОТ ВСЕГО СМУЩАЮЩЕГО УМ

Великую честь оказал Бог людям двояким обучением, каким одарил их, и повсюду отверз им затворенную дверь для вшествия в спасительное познание. Желателен ли тебе верный свидетель сказанного? Будь сам в себе, и не погибнешь. А если хочешь узнать это и отвне, то имеешь иного учителя и свидетеля, который безошибочно выведет тебя на путь истины.

Ум смущенный не может избежать забвения. И премудрость не отверзает таковому двери своей. Кто с точным ведением возмог постигнуть, к какому равенству ведет общий всех конец, тот для отречения от житейского не имеет нужды в ином учителе. Первоначально данный Богом человеку естественный закон есть рассматривание тварей Его. Закон писанный присовокуплен по падении.

Кто не удаляется добровольно от причин страстей, тот невольно увлекается в грех. Причины же греха суть следующие: вино, женщины, богатство, телесное здравие, впрочем, не потому, что это суть грехи по самому естеству, но потому, что природа удобно склоняется сим в греховные страсти; и поэтому человек должен тщательно остерегаться сего. Если всегда будешь памятовать немощь свою, то не преступишь предела осторожности. Людям гнусна нищета, а Богу гораздо более гнусны душа высокосердая и ум парящий. У людей почтенно богатство; а у Бога досточестна душа смиренная.

Когда хочешь положить начало добродетели, приуготовься сперва к постигающим тебя искушениям и не сомневайся в истине. Ибо у врага в обычае, когда увидит, что с горячею верою начал кто-либо доброе житие, встречать его разными страшными искушениями, чтобы, пришедши от сего в страх, охладел он в добром произволении и вовсе не имел горячности приближаться к Бого-

угодному деланию. И сопротивник делает это не потому, что имеет такую силу (тогда никто не мог бы сделать что-либо доброе), но потому, что попускается ему Богом, как дознали мы на праведном Иове. Посему уготовься мужественно встретить искушения, какие насылаются на добродетели, и потом уже начинай их делание. А если не будешь приуготовлен к сретению искушений, то удержишься от делания добродетелей.

Человек, сомневающийся, что Бог — Помощник в добром делании, боится тени своей, и во время достатка и обилия томится голодом, и при окружающей его тишине исполняется бури. А кто уповает на Бога, тот тверд в сердце, и всем людям явна досточестность его, и пред врагами его похвала его.

Заповеди Божии выше всех сокровищ мира. Кто стяжал их, тот внутри себя обретает Бога. Кто упокоевается всегда в Божием попечении, тот Бога приобрел домоприставником. Кто возделевает исполнения воли Божией, тот небесных Ангелов будет иметь путеводи-

телями. Кто боится грехов, тот беспреткновенно совершит страшное шествие и во время сумрака пред собою и внутри себя обретет свет. Стопы боящегося грехов охраняет Господь, и во время поползновения предваряет его милость Божия. Кто прегрешения свои почитает малыми, тот впадает в худшее прежнего и несет семикратное наказание.

В смирении посевай милостыню, и пожнешь милость на Суде. Чем погубил ты доброе, тем снова приобретаешь оное. Оволом задолжал ты Богу, за овал не возьмет с тебя жемчужины. Например: погубил ты целомудрие; Бог не примет от тебя милостыни, если пребываешь в блуде, потому что хочет от тебя святости тела. Так как преступил ты заповедь, то ужели, думая оставить стяжание мира, будешь вести брань за что-либо иное? Оставил ты насажденное, и с другими ли пришел ратовать?

Святой Ефрем сказал, что во время жатвы не будешь противоборствовать зною зимними одеждами. Так каждый, что сеет, то и пожнет. И всякий недуг

врачуется свойственными ему лекарствами. Ты, может быть, побежден зависитою, — для чего же усиливаешься бороться со сном? Пока проступок еще мал и не созрел, истреби его, прежде нежели пустил ветви в широту и стал созреть. Не предавайся нерадению, когда недостаток кажется тебе малым, потому что впоследствии найдешь в нем бесчеловечного властелина и побежишь перед ним, как раб-узник. А кто вначале противоборствует страсти, тот вскоре возгосподствует над нею.

Кто может с радостию перенести обиду, даже имея в руках средство отразить ее, тот приял утешение от Бога по вере в Него. И кто со смиренномудрием терпит взводимые на него обвинения, тот достиг совершенства, и ему удивляются святые Ангелы. Ибо никакая иная добродетель не будет столько высока и неудобоисполнима.

Не верь себе, что ты силен, пока не будешь искушен и не найдешь себя неизменным. Так и во всем испытывай себя. Прибери в себе правую веру, чтобы

попирать тебе врагов твоих. Пусть ум твой будет невысокомерен, и не полагайся на силу твою, чтобы не попущено было впасть тебе в естественную немощь; и тогда по собственному своему падению дознаешь немощь свою. Не доверяй своему знанию, чтобы враг, вошедши в посредство, не уловил тебя своею хитростию. Пусть язык твой будет кроток, и, конечно, не встретится с тобою бесчестие. Прибери уста сладкие, и все будут тебе друзьями. Не хвались никогда в речах своих делами своими, чтобы не быть постыжденным. Во всем, чем ни хвалится человек, Бог попускает ему изменяться, чтобы он был уничижен и научился смирению. Поэтому должен ты все предоставить Божью предведению и не уверяться в том, будто бы в этой жизни есть что-либо неизменяемое.

Поступая же так, возводи непрестанно око свое к Богу, потому что покров и Промысл Божий объемлет всех людей, но он невидим, разве только очистившим себя от греха и помышляющим всегда о Боге, и притом о Нем едином. Преиму-

ущественно же открывается им Промысл Божий, когда ради Бога входят они в великое искушение. Ибо тогда ощущают они Промысл Божий, как бы усматривая его телесными очами, сообразно с мерою и причиною искушения, какое постигает каждого из них, чтобы подвижников сих возбудить к мужеству, как было с Иаковом, Иисусом Навином, тремя отроками, Петром и прочими святыми, которым являлся в человеческом некоем виде, ободряя и утверждая их в благочестии. Если же скажешь, что сие даровано от Бога святым по Домостроительству и они одни исключительно сподобились таковых видений, то пусть образцами в мужестве будут для тебя святые мученики, которые нередко многие вместе, а иногда один по одному, во многих и разных местах, подвизались за Христа и нашедшею на них силою мужественно претерпели в бранных телах строгание железом и всякого рода мучения, нестерпимые для естества. Ибо таковым явственно являлись святые Ангелы, чтобы каждому из них дознать, как на них,

ради Бога в полной мере претерпевших всякое искушение и всякую скорбь, обильно являет себя Божий Промысл, в показание их доблести и в посрамление врагов их. Ибо сколько святые мужались при таковых видениях, столько противники терпением их были раздражаемы и приводимы в неистовство.

Нужно ли говорить что о подвижниках, чуждых для мира, и об отшельниках? Они пустыню соделали градом, обратили в селение и обитель Ангелов. К ним, по благоустройству жития их, всегда приходили Ангелы, и как ратники единого Владыки, по временам соратовали они друг другу. Они все дни жизни своей любили пустыню, и из любви к Богу имели жилища свои в горах, вертепах и пропастях земных. И как они, оставив земное, возлюбили небесное и соделались подражателями Ангелов, то и самые святые Ангелы по справедливости не скрывали за это от них зрака своего и исполняли всякое желание их, по временам же являлись им, научая, как надлежит им жить, а иногда объясняли то, в

чем недоумевали они; а иногда сами святые вопрошали их, о чем надлежало; иногда Ангелы наставляли на путь тех из них, которые заблуждались; иногда избавляли тех, которые впадали в искушения; иногда, при внезапной беде и угрожающей опасности, исхищали их от этого, спасая, например, от змия, или от камня, или от куска дерева, или от вержения камня; иногда, если враг явно нападал на святых, являлись видимым образом, и говорили, что посланы на помощь к ним, и придавали им смелость, отважность и отраду; а в иное время совершали чрез них исцеления, иногда же исцеляли самих святых, подвергшихся каким-либо страданиям; иногда телам их, изнемогшим от неядения, прикосновением руки или словами сообщали сверхъестественную силу и укрепляли их; иногда же приносили им пищу, хлеб и даже овощи* или какие-либо другие с хлебом вкушаемые снеди; и некоторым из них объявляли время, а иным — и

* Собственно: *лупины*, овощи, имеющие горячительное свойство.

образ их преставления. И должно ли перечислять многое, чем доказывается любовь к нам святых Ангелов и все возможное попечение их о праведных? Они промышляют о нас, как старшие братья о младших. Сказано же сие, чтобы всякий мог дознать, что близ *Господь всем призывающим Его во истине* (ср.: Пс. 144:18), и видеть, каково промышление Его о тех, которые посвятили себя на благоугождение Ему и от всего сердца Ему последуют.

Если веруешь, что Бог промышляет о тебе, к чему тебе беспокоиться и заботиться о временном и о потребном для плоти твоей? А если не веруешь, что Бог промышляет, и потому, кроме Его, сам заботишься о потребном для тебя, то ты самый жалкий из всех людей. Для чего и живешь или будешь жить? *Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает* (Пс. 54:23). *И не убоишися страха нашедшаго* (Притч. 3:25).

Кто однажды навсегда посвятил себя Богу, тот проводит жизнь в упокоении ума. Без нестяжательности душа не мо-

жет освободиться от мятежа помыслов и, не приведя в безмолвие чувств, не ощутит мира в мысли. Не входя в искушения, никто не приобретет духовной мудрости. Без прилежного чтения не узнает тонкости помыслов. Без тишины помыслов ум не подвигнется в сокровенные таинства. Без упования по вере душа не может отважиться смело на искушения. Не испытав явственного покровительства Божия, сердце не в состоянии надеяться на Бога. Если душа не вкусит с ведением страданий Христовых, то не будет иметь общения со Христом.

Человеком Божиим почитай того, кто по великому сердоболию умертвил себя для необходимой потребности. Ибо кто милует нищего, тот попечителем о себе имеет Бога. И кто ради Бога обнищает, тот обретет неоскудевающие сокровища.

Бог ни в чем не имеет нужды; но увеселяется, когда видит, что человек упокоевает образ Его и чтит оный ради Него. Когда попросит кто у тебя того, что имеешь ты, не говори в сердце своем: оставляю это душе моей, чтобы упоко-

иться в этом; Бог из другого места подаст ему потребное для него. Такие слова приличны людям неправедным и не знающим Бога. Человек справедливый и добрый не даст чести своей иному и не попустит, чтобы время благодати проходило без дела. Человек нищий и нуждающийся снабжается от Бога, потому что Господь никого не оставляет; но ты, отослав от себя убогого, уклонился от чести, данной тебе Богом, и удалил от себя благодать Его. Посему, когда даешь, веселись и говори: «Слава Тебе, Боже, что сподобил меня найти, кого упокоить!» Если же нечего тебе дать, паче радуйся и, благодаря Бога, говори: «Благодарю Тебя, Боже мой, что дал мне благодать эту и честь — обнищать ради имени Твоего, и сподобил меня вкусить скорби, положенной на пути заповедей Твоих, в недуге и нищете, как вкушали святые Твои, шествовавшие путем сим!»

И когда изнемогаешь, говори: «Блажен сподобившийся быть искушенным от Бога в том, за что наследуем жизнь». Ибо недуги насыляет Бог для здоровья

души. Некто из святых сказал: «Замечал я, что монаху, который не работает благоугодно Господу и не подвизается ревностно о спасении души своей, но нерадив в прохождении добродетелей, непременно попускается Богом впадать в искушения, чтобы не оставался он праздным и от многой своей праздности не уклонился в худшее». Посему-то Бог налагает искушение на ленивых и нерадивых, чтобы помышляли они об искушениях, а не о суетном. Творит же сие Бог всегда с любящими Его, чтобы вразумить, умудрить и научить их воле Своей. И когда будут умолять Его, нескоро вмешает им, пока не изнемогут и пока несомненно не дознают, что за нерадение и за леность их приключилось с ними это. Ибо написано: *Егда прострете руки ваша ко Мне, отвращу очи Мои от вас; и еще умножите моление, не услышу вас* (Ис. 1:15). И хотя говорится сие и о других, однако же написано собственно об оставивших путь Господень.

Но поелику говорим, что Бог много-милостив, то почему же, когда постоянно

толцем и просим в искушениях, не бываем услышаны, но презирует Он прошение наше? Сему, конечно, учит нас Пророк, говоря: не мала рука Господня, чтоб помиловать, и не тяжел Господь слухом, чтобы слышать. Но грехи наши разлучили нас с Ним, и беззакония наши отвратили лице Его, чтобы не слышать (см.: Ис. 59:1—2). Во всякое время воспоминай о Боге, и Он вспомнит о тебе, когда впадешь в беды.

Естество твое сделалось удобно приемлющим в себя страсти, много искушений в настоящем мире, недалеко от тебя зло, и исходит внутри тебя и под ногами твоими. Не сходи с того места, на котором стал. Когда соизволит Бог, освободишься от сего. Как близки между собою веки на глазах, так искушения близки к людям; и Бог предустроил сие премудро для пользы твоей, чтобы ты постоянно ударял в дверь Его, чтобы страхом скорбного всевалось памятование о Нем в уме твоём, чтобы к Нему приближался ты в молитвах и освящалось сердце твое непрестанным памято-

ванием о Нем. И когда будешь умолять, услышит тебя; и дознаешь, что избавляющий тебя есть Бог, и сознаешь Создавшего тебя, Промышляющего о тебе, Хранящего тебя и Сотворившего для тебя сугубый мир: один — как временного учителя и наставника, другой — как отеческий дом и вечное наследие. Бог не сотворил тебя недоступным прискорбному, чтобы и тебе, возжелав Божества, не наследовать того же, что наследовал бывший первоначально денницею, а впоследствии за превозношение ставший сатаною. А также не сотворил тебя неуклонным и неподвижным, чтобы не соделаться тебе подобным естеству неодушевленных тварей и чтобы доброе в тебе не осталось для тебя безвыгодным и не заслуживающим награды, как естественные скотские преимущества в бессловесных. Ибо всякому легко понять, сколько рождается пользы, благодарения и смирения оттого, что изощрены против тебя сии жала.

Посему явно, что в нашей возможности подвизаться в добре и уклоняться от

худого, и что нам усвоятся проистекающие от того и честь, и бесчестие. Постыждаемые бесчестием, мы боимся; возбуждаемые же честью, приносим благодарение Богу и простираемся к добродетели. Бог умножил сих пестунов, чтобы ты, освободившись от них, соделавшись недоступным для скорбей и став выше всякого страха, не забыл Господа Бога твоего, не уклонился от Него и не впал в многобожие, как многие другие, хотя были подобострастны тебе и поражаемы такими же горестями, в одно мгновение времени, по причине временной и малозначительной власти или телесной доброты, не только впали в многобожие, но и себя самих дерзнули несмысленно именовать богами. Посему-то Бог попустил быть тебе в скорбях. А иногда попускает и для того, чтобы ты, уклонившись, не прегогорчил Его, и чтобы Ему, подвергнув наказанию, не истребить тебя от лица Своего. Не буду говорить о нечестии и прочих хулах, порождаемых благоденствием и небоязненностью жизни, когда и сказанного пред сим не осмелится иной

выговорить. Посему-то страданиями и скорбями Бог умножил в сердце твоём памятование о Нем, и страхом противного побудил тебя приступить к вратам Его милосердия, и избавлением от сего всеял в тебя любовь к Нему; вложив же в тебя любовь, приблизил к Себе честию сыноположения и показал тебе, сколько богата благодать Его. Ибо откуда узнать бы тебе такую Его промыслительность и благопопечительность, если бы не встречалось тебе ничего противного? Поэтому любовь к Богу всего более может быть умножаема в душе твоей сим именно, то есть уразумением дарований Его и памятованием о преизбытке промыслов Его. Все сии блага порождаются для тебя горестями, чтобы научился ты благодарить. Наконец, памятуй о Боге, чтобы и Он всегда памятовал о тебе. А когда будет памятовать о тебе и спасет тебя, тогда приимешь от Него всякое блаженство. Не забывай Его, паря мыслию в суетном, чтобы и Он не забыл тебя во время браней твоих. Будь послушен Ему в изобилии своем, чтобы в скорбях иметь

пред Ним дерзновение, в сердечной и постоянной к Нему молитве.

Непрестанно очищай себя пред Господом, имея в сердце своем памятование о Нем, чтобы, пробыв долго без памятования о Нем, не оказаться тебе не имеющим дерзновения, когда приходишь к Нему. Ибо дерзновение пред Богом бывает следствием частого с ним собеседования и многой молитвы. Сношение с людьми и продолжение оногo бывает посредством тела, а сношение с Богом — посредством душевного памятования, внимательности в молитвах и всесожжения. Долговременным сохранением памятования о Боге душа по временам приводится в изумление и удивление. ...*Да возвеселится сердце ищущих Господа. Взыщите Господа, осужденные, и утвердитесь надеждою; взыщите лица Его покаянием* (Пс. 104:3—4), и освятитесь святынею лица Его, и очиститесь от грехов своих. Все виновные во грехах, притеките ко Господу, Который может простить грехи и презреть прегрешения. Ибо с клятвою изрек Он чрез Пророка: ...живу

Аз, глаголет Господь, не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему (ср.: Иез. 33:11); и еще: Прострох руце Мои весь день к людям не покоряющимся и противу глаголющим (Ис. 65:2); и еще: вскую умираете, доме Израилев (Иез. 33:11), обратитесь ко Мне, и обращаю к вам (Мал. 3:7); и еще: в тот день, в который грешник оставит путь свой, и обратится ко Господу, и сотворит суд и правду, беззаконий его не помяну, но живя жив будет, глаголет Господь. И если праведник оставит правду свою и, согрешив, соделает неправду, правды его не помяну, но попознание положу пред ним, и во тьме дел своих, пребыв в них, умрет он (см.: Иез. 18:21—24). Почему же это? Потому что грешник не преткнется в грехе своем в тот день, в который обратится ко Господу; и правда праведного не избавит его в тот день, в который согрешит, если пребудет он в таковом грехе. А Иеремии так сказал Бог: Возми себе свиток книжный, и что сказал Я тебе, напиши: от дне Иосии царя Иудина и до сего дне...

вся злая; что, как сказал Я, наведу на народ сей, да услышав и убоявшись, оставит человек путь свой лукавый и, обратившись, покается, и отыму грехи их (ср.: Иер. 36:2—3). И Премудрость изрекла: *покрываяй грех свой не будет ни к чему годен; а кто исповедует грехи свои и оставит их позади себя, тот сподобится милости от Бога* (ср.: Притч. 28:13). И Исаия говорит: *Взыщите Господа, и взыскав, призовите Его, и приблизившись, да оставит путь свой грешник, и муж неправедный советы своя, и да обратитесь ко Мне, и помилую вас. Не суть бо совети Мои, якоже совети ваши, ниже путие Мои, якоже путие ваши* (ср.: Ис. 55:6—8). *Аще послушаете Мене, благая земли снесите* (Ис. 1:19). Приидите ко Мне и послушайте Меня, и живы будете душою вашею. Когда сохранишь пути Господни и сотворишь волю Господню, тогда надейся на Господа и призывай Его. *И еще глаголющу ти, речет: се, приидох* (Ис. 58:9).

Когда на неправедного находит искушение, не имеет он упования, чтобы при-

звать Бога и ожидать от Него спасения; потому что во дни упокоения своего удался от воли Божией. Прежде, нежели начнешь брань, ищи себе помощи, и прежде недуга взыщи врача. Прежде, нежели найдет на тебя скорбь, молись Богу; и во время горести найдешь Его, и услышит тебя. Прежде, нежели поползнешься, призывай и умоляй; и прежде, нежели станешь молиться, уготовь обеты, то есть напутия отсюда. Ковчег Ноев приутовлен был во время мира, и древа его обделаны за сто лет; а во время гнева неправедные погибли, праведнику же стал он покровом.

Неправедные уста заграждаются молитвою, потому что осуждение совести делает человека неимеющим дерзновения. Сердце доброе с радостью источает слезы в молитве. В ком мир мертв, те с радостью терпят обиды; а в ком мир жив, те не могут терпеть обиды, но, движимые тщеславием, гневаются и от неразумного движения приходят в смятение или объемлются печалию. О, как трудно преуспеть в таковой добродетели, и какую славу

приобретает она у Бога! Кто хочет преуспеть в сей добродетели, то есть терпеть обиду и быть великодушным, тому нужно удалиться от своих родных и соделаться странником, потому что в отечестве своем невозможно преуспеть в этой добродетели. Одним великим и сильным свойственно переносить страдания ее среди своих родных, и могут сие только те, в ком умер этот мир, потому что отчаялись они во всяком настоящем утешении.

Как благодать близка к смирennemудрию, так болезненные приключения близки к гордыне. Очи Господни на смирennemудрых, чтобы возвеселить их. Лице же Господне противу гордых, чтобы смирить их. Смирение всегда приемлет от Бога милость. А жестокосердию и маловерию встречаются страшные события. Умалаяя себя во всем пред всеми людьми, и будешь возвышен пред князьями века сего. Предваряя всякого своим приветствием и поклоном, и будешь почтен паче приносящих в дар офирское* золото.

* Офир (Суфир; см.: 3 Цар. 22:48) — златоносная местность в Индии.

Уничижай себя, и увидишь в себе славу Божию. Ибо где прозябает смирение, там исходит Божия слава. Если будешь домогаться, чтобы явно уничижали тебя все люди, то Бог соделает, что будешь прославляем. Если же в сердце своем будешь иметь смирение, то в сердце твоём покажет тебе Бог славу Свою. Будь удобопренебрегаемым в величии твоём, а не великим в малости твоей. Старайся быть в пренебрежении, и исполнишься Божией чести. Не домогайся быть в почтении, будучи внутренне исполнен язв. Укори честь, чтобы стать почтенным; и не люби чести, чтобы не быть обесчещенным. Кто стремится за честью, от того бежит она вперед. А кто убегает от чести, того настигает она сзади и делается для всех людей провозвещницею его смирения. Если пренебрежешь сам себя, чтобы не быть тебе чествуемым, то провозгласит о тебе Бог. Если вправду будешь порицать себя, то Бог всем тварям Своим повелит восхвалять тебя, и отверзнут пред тобой дверь славы Создателя твоего, и восхвалят тебя,

потому что в тебе действительно есть Его образ и подобие.

Кто видел человека, сияющего добродетелями и для людей представляющегося ничтожным, светлого жизнью, мудрого ведением, смиренного духом? Блажен, кто смиряет себя во всем, потому что будет он возвышен. Ибо кто ради Бога во всем смиряет и умаляет себя, тот прославлен бывает Богом. Кто алчет и жаждет ради Него, того упоит Бог Своими благами. Кто терпит наготу ради Бога, тот облачается Им в ризу нетления и славы. Кто обнищает ради Бога, тот бывает утешен истинным Его богатством. Уничжай себя ради Бога, и не узнаешь, как умножится слава твоя. Всю жизнь свою признавай себя грешником, чтобы во всей жизни своей быть тебе оправданным. Будь невеждою в мудрости своей, а не кажись мудрым, будучи невеждою. Если смирение возвышает человека простого и неученого, то рассуди, какую честь доставит великим и почтенным?

Бегай тщеславия, и будешь прославлен. Бойся гордости, и будешь возвели-

чен. Не дано тщеславие сынам человеческим и высокоумудрие — порождению жен. Если добровольно отрекся ты от всего житейского, то ни о чем уже ни с кем не состязуйся. Если возгнушался ты тщеславием, то бегай тех, которые гонятся за ним. Бегай от любостяжательных, как и от самого стяжания. Удаляйся от роскошных, как и от самой роскоши. Бегай от непотребных, как и от самого непотребства. Ибо если одно воспомина-ние о сказанном возмущает ум, то кольми паче воззрение на таковых и препровождение времени с ними? Сближайся с праведными, и чрез них приблизишься к Богу. Обращайся с имеющими смирение, и научишься их нравам. Ибо если воззрение на таковых полезно, то кольми паче учение уст их?

Возлюби нищих, чтобы чрез них и тебе улучшить милость. Не сближайся с любопрителями, чтобы не быть тебе принужденным стать вне тишины своей. Без отвращения сноси зловоние от недужных и особливо — убогих, потому что и ты обложен телом. Не упрекай скорбящих

сердцем, чтобы тебя не поразил жезл их; и взыщешь утешителей — и не найдешь. Не унижай увечных, потому что в ад пойдем все равночестными. Люби грешников, но ненавидь дела их и не пренебрегай грешными за недостатки их, чтобы самому не быть искушенным в том же, в чем искусились они. Помни, что и ты причастен земного естества, и делай добро всем. Не укоряй требующих молитвы твоей и не лишай их умягченных словес утешения, чтобы не погибли они и с тебя не были взысканы души их. Напротив того, помни, что врачи воспалительные болезни исцеляют прохладительными лекарствами, а противоположные им — горячительными.

Когда встретишься с ближним своим, принуждай себя оказывать ему честь выше меры его. Лобызай руки и ноги его, обнимай их часто с великою честью, возлагай их на глаза себе и хвали его даже за то, чего не имеет. А когда разлучишься с ним, говори о нем все хорошее и что ни есть досточестного. Ибо сим и подобным этому привлечешь его к добру,

заставишь его стыдиться тем приветствием, каким приветствовал ты его, и посеешь в нем семена добродетели. От такой снисканной тобою привычки отпечатлется в тебе добрый образ, приобретешь в себе высокое смирение и без труда преуспеешь в великом. А сверх этого, если чествуемый тобою и имеет какой недостаток, легко примет от тебя врачевание, постыждаемый тою честью, какую ты оказал ему. Пусть всегда будет у тебя этот нрав — ко всем быть благоприветливым и почтительным. Никого не огорчай или никому не завидуй, ни по причине веры, ни по причине худых дел его. Но берегись кого-либо и в чем-либо порицать или обличать, потому что есть у нас нелицеприятный Судия на небесах. Если же хочешь обратить кого к истине, то скорби о нем и со слезами и с любовью скажи ему слово или два, а не воспаляйся на него гневом, и да не увидит в тебе признака вражды. Ибо любовь не умеет раздражаться, или огорчаться на кого, или укорять кого неравнодушно. Указанием любви и ведения

служит смирение, которое рождается от доброй совести о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему слава и держава со Отцом и со Святым Духом, ныне и всегда, и во веки веков! Аминь.



ГЛАВО 58

О том, что Бог на пользу душе попустил,
чтобы она была доступна страстям,
и о подвижнических деланиих

Поползнуться на что-либо греховное — обнаруживает человеческую немощь, потому что Бог на пользу душе попустил, чтобы она была доступна страстям, не усмотрел же полезным поставить ее выше страстей прежде второго пакибытия. И душе быть доступною страстям — полезно для уязвления совести; пребывать же в страстях — нагло и бесстыдно. Три есть способа, которыми всякая разумная душа может приближаться к Богу: или горяч-

ность веры, или страх, или вразумление Господне. Никто же не может приблизиться к Божией любви, если не предварит один из сих трех способов.

Как от чревоугодия рождается мятеж помыслов, так от многословия и бесчинных бесед — недоразумение и исступление ума. Попечение о делах житейских приводит в смятение душу, смущение ими смущает и лишает тишины ум.

Иноку, который посвятил себя небесному деланию, прилично всегда и во всякое время быть вне всякой житейской заботы, чтобы, погрузившись в себе самом, вовсе не находить в себе ничего принадлежащего настоящему веку. Ибо, став праздным от всего такового, может без развлечения поучаться в законе Господнем день и ночь. Телесные труды без чистоты ума то же, что бесплодная утроба и иссохшие сосцы, потому что не могут приблизиться к ведению Божию. Тело они утомляют, но не заботятся искоренять страсти в уме, а потому ничего и не пожинают. Как сеющий в тернии ничего не может пожать, так унижаю-

щий себя злопамятностью и любостязанием ни в чем не может успеть, но стелет на ложе своем от многого бдения и от затруднительности дел. И Писание свидетельствует, говоря: *...яко людие правду сотворившии и ни об единой из заповедей Господних не радевшие ищут у Меня правды и истины, и хотят приблизиться ко Мне, Богу, глаголюще: что яко постихомся, и не увидел еси? Смиримом себя, и не уведел еси? Во дни бо пощений ваших творите воли ваша (Ис. 58:2,3), то есть лукавые помышления ваши, и приносите их как всесожжения идолам, и странным умствованиям, которые признали вы в себе за богов, отдаете в жертву тело* свое, драгоценнейшее из всех курений, и которое вы должны были посвящать Мне при ваших добрых делах и чистой совести.*

Добрая земля увеселяет своего делателя плодоношением даже до ста. Если

* Греческое чтение: τό υμῶν σωμα оправдывается сербским переводом. Паисий, вероятно, вместо σωμα читал αὐτεξούσιον; в древнем славянском переводе читается без существительного имени: *ваше пожирающе*.

душа просияла памятованием о Боге и неусыпным бдением день и ночь, то Господь устрояет там к ограждению ее облако, осеняющее ее днем и светом огненным озаряющее ночь; во мраке ее просияет свет.

Как облако закрывает свет луны, так испарения чрева изгоняют из души Божию премудрость. И что пламень огненный в сухих дровах, то и тело при наполненном чреве. И как одно горючее вещество, приложенное к другому, увеличивает огненный пламень, так разнообразие брашен увеличивает движение в теле. В сластолюбивом теле не обитает ведение Божие; и кто любит свое тело, тот не улучит Божией благодати. Как в болезнях рождения происходит на свет плод, веселящий родившую, так при томлении гортани рождается в душе плод — ведение тайн Божиих, у ленивых же и сластолюбивых — плод стыда. Как отец заботится о чадах, так и Христос печется о теле, злостраждущем ради Его, и всегда бывает близ уст его. Стяжание делания, совершаемого с мудростию, неоцененно.

Тот странник, кто мыслию своею стал вне всего житейского. Тот плачущий, кто, по упованию будущих благ, все дни жизни своей проводит в алчбе и жажде. Тот монах, кто пребывает вне мира и всегда молит Бога, чтобы улучшить ему будущие блага. Богатство монаха — утешение, находимое в плаче, и радость от веры, воссиявающая в таинницах ума. Тот милостив, кто в мысли своей не отличает одного от другого, но милует всех. Тот девственник, кто не только сохранил тело неоскверненное плотским совокуплением, но даже стыдится себя самого, когда бывает один. Если любишь целомудрие, отгоняй срамные помыслы упражнением в чтении и продолжительною молитвою; и тогда будешь иметь оружие против естественных побуждений, а без сего невозможно увидеть в душе чистоту. Если желаешь быть милосердным, приобучи себя сперва всем пренебрегать, чтобы ум не увлекался тяжестью этого и не выходил из своих пределов. Ибо полное совершенство милосердия доказывается терпением решающегося переносить обиды.

Совершенство смирения в том, чтобы с радостью сносить ложные обвинения. Если истинно ты милосерд, то, когда несправедливо отнято у тебя твое, не скорби внутренне и не рассказывай об ущербе посторонним. Пусть лучше ущерб, нанесенный обидевшими тебя, поглощен будет твоим милосердием, как терпкость вина поглощается множеством воды. Докажи множество милосердия своего теми благами, какие воздаешь обидевшим тебя, как и блаженный Елисей поступил с врагами своими, намеревавшимися взять его в плен. Ибо когда помолился и ослепил их тьмою, показал тем, какая в нем сила, а когда, дав им пищу и питье, позволил уйти, доказал тем, каково его милосердие (4 Цар. 6:13—23).

Кто истинно смиренномудр, тот, будучи обижен, не возмущается и не говорит ничего в свою защиту о том, в чем он обижен, но принимает клеветы, как истину, и не старается уверять людей, что он оклеветан, но просит прощения. Ибо иные добровольно навлекали на себя название непотребных, не будучи таковы-

ми; другие же терпели именованіе прелюбодеев, будучи далекими от прелюбоденія, и слезами свидѣтельствовали, что несут на себѣ плод грѣха, котораго не дѣлали, и с плачем просили у обидѣвших прощенья в беззаконіи, котораго не совершали, когда душа их была увѣнчана всякою чистотою и непорочною. Иные же, чтобы не прославляли их за превосходные правила жизни, соблюдаемые ими в тайнѣ, представлялись в образѣ юродивых, быв растворены Божественною солю и непоколебимы в своей тишинѣ, так что на высотѣ совершенства своего святых Ангелов имѣли провозвестниками своих доблестей.

Думаешь ты о себѣ, что есть в тебѣ смиреніе. Но другие сами себя обвиняли, а ты, и другими обвиняемый, не переносишь сего и провозглашаешь себя смиренномудрым. Если хочешь узнать, смиренномудр ли ты, то испытай себя в сказанном: не приходишь ли в смятеніе, когда тебя обижают?*

* Сіе место переведено по греческому чтенію, согласному с древним славянским переводом.

Спаситель многими обителями у Отца называет различные меры ума водворяемых в оной стране, то есть отличия и разность духовных дарований, какими наслаждаются по мере ума. Ибо не по разности мест, но по степени дарований назвал обители многими. Как чувственным солнцем наслаждается каждый, соразмерно чистоте и приемлемости силы зрения, и как от одного светильника в одном доме освещение бывает различно, хотя свет не делится на многие светения, так в будущем веке все праведные не раздельно водворяются в одной стране, но каждый в своей мере озаряется одним мысленным солнцем и по достоинству своему привлекает к себе радость и веселие, как бы из одного воздуха, от одного места, престола, зрелища и образа. И никто не видит меры друга своего, как высшего, так и низшего, чтобы, если увидит превосходящую благодать друга и свое лишение, не было это для него причиною печали и скорби. Да не будет сего там, где нет ни печали, ни воздыхания! Напротив того, каждый, по данной

ему благодати, веселится внутренно в своей мере. Вне же всех одно зрелище и одна страна*, и, кроме сих двух степеней, нет иного посредствующего степени, разумею же одну степень — горнюю, другую — дольную, посреди же их разнообразие в разности воздаяний.

Если же это справедливо (как и действительно справедливо), что несмысленнее или неразумнее такой речи: «Довольно для меня избежать геенны, о том же, чтоб войти в Царство, не забочусь?» Ибо избежать геенны и значит это самое — войти в Царство; равно как лишиться Царства — значит войти в геенну. Писание не указало нам трех стран, но что говорит? *Егда придет Сын человеческий в славе Своей... и поставит овцы одесную Себе, а козлища ошуюю* (Мф. 25:31, 33.). Не три наименовал сонма, но два — один одесную, другой ошуюю. И разделил пределы различных обитателей их, сказав: *И идут сии*, то есть грешники, *в муку вечную, праведницы*

* Из древнего славянского перевода видно, что вместо: *χαρά* должно читать здесь: *χώρα*.

же в живот вечный (Мф. 25:46); просветятся яко солнце (Мф. 13:43). И еще: ...от восток и запад приидут и возлягут на лоне Авраамовом в Царствии Небеснем: сынове же царствия изгнани будут во тму кромешную, где плач и скрежет зубом (Мф. 8:11—12), что страшнее всякого огня. Не уразумели ты из сего, что состояние, противоположное горней степени, и есть самая мучительная геенна?

Посему прекрасное дело научать людей благодати Божией, привлекать их непрерывностию Промысла Божия и от заблуждения приводить к познанию истины. Ибо таков был образ действия у Христа и у апостолов, и он весьма высок. Если же человек, при таковом образе жизни и частом общении с людьми, чувствует в себе, что немощна совесть его при воззрении на существующее, и возмущается тишина его, и помрачается ведение, потому что ум его имеет еще нужду в охранении и в подчинении чувств, и, желая врачевать других, губит он собственное свое здравие, и, оставляя соб-

ственную свободу воли своей, приходит в смятение ума, — то пусть вспомнит таковой апостольское слово, внушающее нам, что *совершенных есть твердая пища* (Евр. 5:14); и пусть возвратится вспять, чтобы не услышать от Господа сказанного в притче: *врачу, исцелися сам* (Лк. 4:23). Пусть осуждает сам себя и охраняет здоровье свое; и вместо чувственных слов его да служит доброе его житие, и вместо гласа уст его да учат его деяния. И когда узнает, что душа его здрава, тогда пусть пользуется других и врачует своим здоровьем. Ибо когда будет вдали от людей, тогда может больше сделать им добра ревностию о добрых делах, нежели сколько сделает словами, будучи сам немощен и более их имея нужды в исцелении. *Слепец слепца еще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15:14). Твердая пища прилична здоровым, имеющим обученные чувства, способным принимать всякую пищу, то есть приращения всяких ощущений, и, по причине обучения в совершенстве, от каких бы то ни было встреч не видеть вреда сердцу.

Когда диавол захочет осквернить ум таковых людей блудным воспоминанием, тогда испытывает сперва терпение их любовь к тщеславию, и предначатие сего помысла не представляется страстию. Так обыкновенно поступает он с теми, которые охраняют ум свой и в которых невозможно скоро вложить какое-либо неприличное помышление. Когда же исторгнет человека из твердыни его, и начнет он беседовать с первым помыслом и удаляться от сей твердыни, тогда диавол срывает его чем-либо напоминающим о блуде и совращает ум на предметы непотребные. И сперва смущается он внезапным их приращением — тем, что предшествовавшее целомудрие помыслов встретилось с такими предметами, от воззрения на которые далек был правитель — ум. И если диавол не оскверняет его совершенно, то, по крайней мере, низводит с прежнего достоинства. Но если ум отступит назад и предупредит первое приращение помыслов, служащее причиною нашествия вторых помыслов, тогда удобно может, при помощи Божией, преодолеть страсть.

Страсти отвращать лучше памятованием добродетелей, нежели сопротивлением, потому что страсти, когда выступают из области своей и воздвигаются на брань, отпечатлевают в уме свои образы и подобия. Брань сия приобретает великую власть над умом, сильно возмущая и приводя в смятение помышления. А если поступить по первому сказанному нами правилу, то не оказывается в уме и следа страстей по отгнании их.

Телесный труд и поучение в Божественных Писаниях охраняют чистоту, а труд подкрепляют надежда и страх. Надежду же и страх утверждают в уме удаление от людей и непрестанная молитва. Пока человек не примет Утешителя, потребны ему Божественные Писания для того, чтобы памятование доброго напечатлевалось в мысли его, и непрестанным чтением обновлялось в нем устремление к добру, и охраняло душу его от тонкости греховных путей: потому что не приобрел он еще силы Духа, которая удаляет заблуждение, берет в плен душеполезные памятования и приближа-

ется к холодности при рассеянии ума. Ибо когда сила Духа низойдет в действующую в человеке душевную силу, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа, и тогда втайне учится у Духа и не имеет нужды в пособии вещества чувственного, потому что, пока сердце учится от вещества, непосредственно за учением следуют заблуждение и забвение, а когда учение преподается Духом, тогда памятование сохраняется невредимым.

Бывают помыслы добрые и изволения добрые; бывают же помыслы лукавые и сердце лукавое. Первая степень есть движение, происходящее в душе подобно ветру, воздвигаемому в море и воздымающему волны; вторая степень есть опора и основание. И по твердости основания, а не по движению помыслов бывает воздаяние за доброе. Душа движением изменчивых помыслов не приводится в покой. Если же за каждое из них, хотя не имеет оно основания во глубине сердца, назначишь воздаяние, то близок уже будешь к тому, чтобы тыся-

чекратно в день переменять тебе то блага свои, то противное тому.

Неоперившаяся птица — тот ум, который, при покаянии, недавно вышел из пут страстей и во время молитвы усиливается возвыситься над земным, но не может, а, напротив того, пресмыкается еще по лицу земли, не имея сил летать. Однако же с помощью чтения, делания, страха и попечения о множестве добродетелей собирает воедино помышления свои, потому что не способен знать что-либо, кроме сего. И это на краткое время сохраняет ум неоскверненным, но впоследствии приходят воспоминания и возмущают и оскверняют сердце, потому что человек не ощутил еще того спокойного воздуха свободы, в который, по долгом только времени*, забвением о земном вводит он ум, ибо приобрел телесные только крыла, то есть добродетели, которые совершаются наружно, но не видел еще добродетелей созерцательных и не сподобился ощущения их; а они суть те

* Здесь греческому тексту: μετα μικρον χρόνον предпочтен древний славянский перевод.

крыла ума, на которых человек приближается к небесному и удаляется от земного.

Пока человек служит Господу чем-либо чувственным, дотоле образы сего чувственного отпечатлеваются в помышлениях его, и Божественное представляет он в образах телесных. Когда же получит он ощущение внутреннего, тогда, по мере ощущения его, и ум, от времени до времени, будет возвышаться над образами вещей.

Очи Господни на смиренных сердцем и уши Его в молитву их (Пс. 33:16). Молитва смиренномудрого как бы прямо из уст в уши. Во время безмолвия твоего благими делами смирения взывай: Господи Боже мой! Ты просветиши тьму мою (ср.: Пс. 17:29).

Когда душа твоя приблизится к тому, чтобы выйти из тьмы, тогда вот что будет для тебя признаком: сердце у тебя горит и, как огонь, распаляется день и ночь, а потому целый мир вменяешь ты за уметы и пепел, не желаешь даже пищи от сладости новых, пламенеющих помыс-

лов, непрестанно возбуждающихся в душе твоей. Внезапно дается тебе источник слез, как поток, текущий без принуждения и примешивающийся ко всякому делу твоему, то есть во время чтения твоего, молитвы твоей и размышления твоего, когда принимаешь пищу и питье; и во всяком деле твоём оказывается, что у тебя срастворены с этим слезы. И когда увидишь это в душе своей, будь благонадежен, потому что переплыл ты море; и столько будь прилежен к делам своим, так тщательно содержи стражу, чтобы благодать умножалась в тебе со дня на день. А пока не встретишь в себе этого, ты не совершил еще пути своего и не вступил на гору Божию. Если же и после того, как обрел и приял ты благодать слез, они прекратятся, и горячность твоя охладает без изменения в чем-либо другом, то есть без телесной немощи, то горе тебе. Что погубил ты, впад или в сомнение, или в нерадение, или в расслабление? Но что последует за слезами по приятии оных и что встретится с человеком после сего, об этом напишем впо-

следствии в другом месте, в главах о Промысле, как просвещены мы в сем от отцов, которым вверены были таковые тайны, и из Писаний.

Если не имеешь дел, не говори о добродетелях. Паче всякой молитвы и жертвы драгоценны пред Господом скорби за Него и ради Его; и паче всех благоуханий воня пота их. Всякую добродетель, совершенную без телесного труда, почитай преждевременным и неодушевленным плодом чрева. Приношение праведных — слезы очей их, и приятная Богу жертва — воздыхания их во время бдений. Воззовут ко Господу праведные и угнетаемые тяжестью тела, и в болезни возшлют моления к Богу, и на вопль гласа их приидут на помощь к ним святые Чины ободрить и утешить их надеждою, потому что святые Ангелы, по близости своей к святым мужам, имеют общение в их страданиях и скорбях.

Доброе делание и смиренномудрие делают человека богом на земле, а вера и милостыня содействуют ему скоро при-

близиться к чистоте. Невозможно, чтобы в одной душе были и горячность, и сокрушение сердца; равно как в упоении невозможно владеть помыслами. Ибо как скоро дана душе сия горячность, отъемлется у нее слезное сокрушение. Вино даровано для веселия, и горячность — для душевной радости. Вино согревает тело, а слово Божие — ум. Распаляемые горячностью бывают восхищаемы размышлением об уповаемом и уготовляют мысль свою к будущему веку. Ибо как упившиеся вином представляют себе какие-то извращенные подобия вещей, так упоенные и согретые надеждою не знают ни скорби, ни чего-либо мирского. С людьми простосердечными и имеющими горячую надежду, после постоянного делания и по приобретении чистоты, бывает все сие и иное, подобное тому, а именно: что уготовано шествующим стезею добродетели. И в начале пути совершается сие верою души, ибо Господь творит все, чего хочет.

Блаженны те, которые для моря скорбей, ради любви к Богу, препоясали

чресла свои простотою и непытливый нравом и не обращают хребта. Они скоро спасаются в пристань Царствия, упокоиваются в селениях хорошо потрудившихся, получают отраду в своих бедствиях и преисполняются веселием своего упования. С надеждою вступающие на путь стропотный — не возвращаются назад и не останавливаются, чтобы входить в исследование о сем. Но когда преплывут море, тогда, взирая на стропотность пути, приносят благодарение Богу, что избавил их от теснот, стремнин и от такой негладкости в пути, тогда как они и не знали сего. А из тех, которые составляют много умствований, желают быть очень мудрыми, предаются замедлениям и боязни помыслов, приуготовляют себя и хотят предусматривать вредоносные причины, большая часть оказываются всегда сидящими при дверях своего дома.

Ленивый, посланный в путь, скажет: *...лев на стезях, на путех же разбойницы* (Притч. 22:14), подобно тем, которые говорили: сынов исполинов *виде-*

хом тамо и бехом пред ними, яко пружи (ср.: Числ. 13:34). Это те, которые во время кончины своей оказываются еще в пути: желают всегда быть мудрыми, и во всем не хотят положить и начала. А невежда, пускаясь в плавание, переплывает с первою горячностью, ни малой не прилагая заботы о теле и не рассуждая сам с собою, будет или нет какой успех от сего труда. Избыток мудрости да не будет у тебя поползновением душе и сетию пред лицом твоим; напротив того, возложив упование на Бога, мужественно полагай начало пути, исполненному крови, чтобы не оказаться тебе скудным всегда и лишенным Божия ведения. Страшливый, блудый ветра не сеет (Еккл. 11:4). Лучше смерть за Бога, нежели жизнь со стыдом и ленью. Когда хочешь положить начало Божью делу, сделай прежде завещание, как человек, которому уже не жить в этом мире, как приготовившийся к смерти и отчаявшийся в настоящей жизни, как достигший времени срока своего. И действительно имей это в мысли, чтобы

надежда продлить настоящую жизнь не воспрепятствовала тебе подвизаться и победить; потому что надежда продлить сию жизнь расслабляет ум. Посему никак не умудряйся до излишества, но вер дай место в уме своем, содержи в памяти многие дни, оставшиеся позади, и неисповедимые века после смерти и суда, и да не приходит на тебя когда-либо расслабление, как не приходило на премудрого, который говорит, что тысяча лет нынешнего века не равняется и одному дню в веке праведных (см.: Пс. 89:4). С мужеством начинай всякое доброе дело, а не с двоедушием приступай к таким делам, не колеблись сердцем твоим в уповании на Бога, чтобы труд твой не стал бесполезен и делание твое обременительно. Напротив того, веруй сердцем твоим, что Господь милостив и ищущим Его дает благодать, как мздовоздатель, не по деланию нашему, но по усердию и по вере душ наших. Ибо говорит: ...якоже веровал еси, буди тебе (Мф. 8:13).

Делания же жительствующих по Богу суть следующие: один целый день ударяет своею головою в землю — и делает это вместо совершения службы, то есть часов. Иной с постоянным и продолжительным коленопреклонением соединяет число молитв. Другой множеством слез своих заменяет для себя Божии службы — и довольствуется тем. Иной старается вникнуть в смысл читаемого — и совокупляет с тем определенное ему правило. Другой томит душу свою голодом, так что не в состоянии бывает совершать Божиих служб. А иной, ревностно изучая псалмы, делает службу непрерывною. Иной проводит время в чтении — и согревается сердце его. Иной отдается в плен, домышляясь Божественного смысла в Божественных Писаниях. Иной, приводимый в изумление чудесами, поражающими его в стихах, удерживается от обычного чтения — и овладевается молчанием. Другой, вкусив всего этого и насытившись, возвратился назад — и остался бездействен-

ным. А иной, вкусив только малое нечто и надмившись*, вдался в заблуждение. Иному воспрепятствовали хранить правило свое тяжкая болезнь и бессилие; а другому преобладание какой-нибудь привычки, или какого-либо пожелания, или любоначалия, или тщеславия, или любостыжательности, или пристрастия к тому, чтобы собирать вещественное. Иной преткнулся, но восстал, и не обратил хребта своего, пока не получил многоценную жемчужину. Посему всегда с радостию и усердием полагай начало Божію делу; и если ты чист от страстей и колебаний сердца, то сам Бог возведет тебя на вершину, и поможет тебе, и умудрит тебя сообразно с волею Его; и в удивлении примешь совершенство. Ему слава и держава ныне и всегда и во веки веков! Аминь.



* Здесь предпочтено чтение, согласное с древним славянским переводом.

СЛОВО 59

О чинѣ монашескаго житія, о сокращеннѣ
и различіи оноу и о томъ, почему и какимъ
образомъ добродѣтели рождаются одна отъ другой

Отъ напряженнаго деланія рождается без-
мерная горячность, распаляемая въ сердце
горячими помышлениями, вновь появля-
ющимися въ умѣ. А сие деланіе и хране-
ніе утончаютъ умъ своею горячностью и
сообщаютъ ему виденіе. И сие виденіе
порождаетъ сказанныя выше горячіе по-
мыслы въ глубинѣ душевнаго виденія,
которое именуется созерцаніемъ. А сие
созерцаніе порождаетъ горячность, и отъ
сей горячности, производимой благода-
тью созерцанія, рождается слезный по-
токъ, вначалѣ — въ малой некоторой мѣрѣ,
то есть въ одинъ день много разъ идутъ у
человека слезы и потомъ оскудеваютъ; а за
симъ следуютъ непрестанныя слезы, и отъ
непрестанныхъ слезъ душа принимаетъ уми-
реніе помысловъ; отъ умирненія же помыс-
ловъ возвышается до чистоты ума, а при
чистотѣ ума человекъ приходитъ въ виденіе

таин Божиих, потому что чистота пребывает сокровенною в умирении от браней. После же сего ум достигает до зрения откровений и знамений, как видел пророк Иезекииль. Сие изображает три степени, по которым душа приближается к Богу. Началом всему этому — благое пред Богом преднамерение. И виды дел безмолвия непреложны; они порождаются многим отсечением и удалением себя от дел житейских. Нет большой необходимости говорить о каждом виде сих дел, потому что они всем известны; впрочем, поелику описание оных безвредно и даже, как я утверждаю, более полезно читающим, то нет причины к тому, чтобы полениться описать оные.

Это суть: алкание, чтение, всенощное и трезвенное бдение, по мере сил каждого, и множество поклонов, которые полезно совершать в часы дневные, а нередко и ночью. Пусть же самую малою мерою будет для тебя — положить тридцать поклонов, потом поклониться честному кресту и тем кончить. Но есть и таковые, что, по мере сил своих, увели-

чивают сие число поклонов. Иные же в единой молитве проводят три часа, имея ум трезвенный и повергшись лицом на землю без принуждения и парения помыслов. И два сии вида обнаруживают и показывают множество богатства благодати, или благодати, какая уделяется каждому человеку, по мере собственного его достоинства. Какой же иной способ молитвы и пребывания в ней, свободного от принуждения, сего признал я справедливым не объявлять и ни устным словом, ни письменными начертаниями не изображать чина сей молитвы, чтобы читающий, оказавшись не понимающим того, что читает, не почел написанного бесполезным или, если окажется он знающим это, не стал уничижать того, кто не знает порядка в этом, и в последнем случае не произошло укоризны, а в первом — смеха. И тогда, по изречению Апостола, употребляемому им о пророчествующих, и я окажусь в таковых делах *иноязычником* (1 Кор. 14:11). Посему кому желательно дознать сие, тот пусть идет описанным выше путем и сделает, чтобы

делание соответствовало уму. И когда приступит к этому самым делом, тогда сам собою дознает сие и, конечно, не потребует учителя. Ибо говорят: сиди в келии, и это само о себе научит тебя всему. Богу истинному да будет слава во веки! Аминь.



СЛОВО 60

О различных способах брани,
какъ дияволъ ведетъ съ шествующими путемъ
теснымъ, превышшимъ мира

У сопротивника нашего диявола есть древний обычай со вступающими в подвиг сей хитро уразноображивать борьбу свою: употребляя против них разные оружия и соображаясь с намерением лица, изменяет он способ своего ратоборства. Которые ленивы произволением и немощны помыслами, на тех обращает особое внимание и с самого начала сильно нападает

на них, так что восставляет против них твердые и сильные искушения, чтобы в начале пути заставить их изведать все способы лукавства его, чтобы с первого подвига объяла их боязнь, путь их показался им жестоким и неудобопроходимым и сказали они так: «Если начало пути так тяжело и трудно, то может ли кто до самого конца его выдержать многие предстоящие на нем борения?» И с этого времени не могут уже они снова восставать или идти вперед, и даже видеть что-либо иное от не дающей покоя заботы о сем. И недолго диавол ведет с ними жестокую брань свою, чтобы обратить их таким образом в бегство. Лучше сказать, Сам Бог попускает диаволу превозмогать их, и ни в чем не вспомоществует им, потому что с сомнением и холодностию вступили в подвиг Господень. Ибо говорит Бог: *Проклят всяк творяй дело Господне с небрежением*, и *возбраняющий руке от крове* (Иер. 48:10); и еще: *Господь близ боящихся Его* (Пс. 84:10). Ибо без страха и холодности идти против диавола повелевает Бог, говоря: *начни*

только губить его, и устремись на брань с ним, и сразись с ним мужественно, и *возложу страх* твой на всех врагов твоих под небесем, — глаголет Господь (Втор. 11:25). Ибо если не умрешь добровольно чувственной смертию за благодать Божию, то поневоле умрешь духовно, отпав от Бога.

Поэтому если такова твоя участь, без негодования добровольно прими за Бога временные страдания, чтобы войти в славу Божию. Ибо если в подвиге Господнем умрешь телесно, Сам Господь увенчает тебя, и честным останкам твоим дарует Бог честь мученическую. Посему, как сказал я выше, поелику в самом начале были они нерадивы и расслаблены и не решились предать себя на смерть, то с сего времени во всех бранях оказываются последними и немужественными. Лучше же сказать, Бог попускает, чтобы они были гонимы и преследуемы во бранях, потому что не по истине взыскали Его, но, как бы искушая и издеваясь, пытались совершить дело Божие. Потому и сам диавол сначала узнал их и испытал

помыслы их, каковы оные, то есть боязливвы и самолюбиввы и более всего щадят тело свое. И посему-то как бы бурей гонит их, ибо не видит в них душевной силы, какую обык видеть в святых. По произволению человека стремиться к Богу, и по намерению достигать известной ради Него цели, и Бог содействует, и помогает, и являет ему Свое о нем промышление. А диавол не может приближаться к человеку или наводить на него искушения, если человек не вознерадит или и Бог не попустит ему. Или если кто допустит себя до срамных помыслов самомнением и превозношением или помыслом сомнения и двоедушия, то диавол испрашивает таких себе на искушение.

Новоначальных же, простых и неопытных, не испрашивает он у Бога, подобно святым и великим, для искушения их. Ибо знает, что Бог не попустит таковым впасть в руки его (так как Богу известно, что нет у них достаточных сил против диавольских искушений), разве будет в них одна из сказанных причин; и тогда сила Промысла Божия удаляется

от них. Это есть первый способ диавольских браней.

О втором способе диавольских браней

А которые, как видит диавол, мужественны, сильны, ни во что вменяют смерть, исходят на дело с великою ревностью, предают себя на всякое искушение и на смерть, пренебрегают жизнью мирскою и телесною и всеми искушениями, навстречу тем не вдруг выходит диавол, и долго не показывает себя им, сдерживается, дает им место, и не встречается с ними при первом их устремлении, и не вступает с ними в брань. Ибо знает, что всякое начало брани бывает горячее; и известно ему, что подвижник имеет великую ревность, а ревностные воители нелегко побеждаются. Делает же это диавол, не их самих устрашаясь, но боится он окружающей их, его устрашающей Божественной силы. Посему пока видит их таковыми, не осмеливается даже прикоснуться к ним до тех пор, как увидит, что охладели они в ревности

своей и какие уготовали себе в мыслях своих оружия, сложили с себя изменением Божественных словес и памятований, содействующих и вспомошествоющих им. Во время же лености их обращает на них внимание, когда уклонятся несколько от первых помыслов своих, и сами от себя начнут изобретать то, что служит к одолению их в них же источающимися ласкательствами мудрования их, и сами от себя душам своим искапывают ров погибели, от лености происходящим парением помыслов, от которых в них, то есть в мыслях и в сердцах их, воцарилась холодность. И диавол, когда удерживается от нападения на них, делает сие произвольно, не потому, что щадит их или стыдится их. Ибо ни во что вменяет их. Напротив того, рассуждаю, что некая сила окружает тех, которые с пламенной ревностью стремятся к Богу, с младенческими чувствами исходят на подвиг, без всяких расчетов отрекаются от мира, надеются же на Бога, веруют в Него и не знают, с кем ведут борьбу. Посему Бог отражает от них лютость диавольского

лукавства, чтобы не приближалась к ним. Враг обуздывается, видя Хранителя, всегда их охраняющего. Ибо если не отринуть от себя причин помощи, то есть молитв, трудов и смиренномудрия, то Заступник и Помощник никогда не удаляется от них.

Смотри и запиши это в сердце своем, потому что сластолюбие и любовь к покою бывают причиною попущения. А если кто пребывает в неослабном воздержании от этого, то никогда не оставляет его Божие содействие и врагу не попускается приражаться к нему. Если же и бывает когда попущено приразиться к нему для вразумления его, то сопровождает и поддерживает его святая сила, и не боится он демонских искушений, потому что помысл его благодушествует и пренебрегает искушениями ради этой силы. Ибо сама Божественная сила научает людей, как иной учит плавать какого-либо малого ребенка и, когда начнет он утопать, выносит его из воды, потому что ребенок плавает над руками обучающего, и, когда начнет робеть, чтобы не

утонуть, сам носящий его на руках своих взывает с ободрением ему: «Не бойся, я ношу тебя». И как мать учит малого сына своего ходить, удаляется от него и зовет его к себе; а когда он, идя к матери своей, начнет дрожать и по слабости и нежности ног и членов падать, мать его прибегает и носит его в объятиях своих: так и благодать Божия носит и учит людей, которые чисто и в простоте предали себя в руки Создателя своего, всем сердцем отреклись от мира и идут вослед Господа. А ты, человек, исходящий вослед Бога, во всякое время подвига своего помни всегда начало и первую ревность при начале пути и те пламенеющие помыслы, с какими исшел ты в первый раз из дому своего и вступил в воинские ряды. Так испытывай себя каждый день, чтобы горячность души твоей не охладела в одном из оружий, в какие облечен ты, и в ревности, воспламенившейся в тебе при начале, то есть при начале твоего подвига, и чтобы не лишиться тебе одного из оружий, в какие облечен ты в начале твоего подвига. И непрестанно

возвышай голос свой среди воинского стана, ободряй и поощряй к мужеству чад десной страны, то есть помыслы свои, а другим, то есть стороне противника, показывай, что ты трезвен. И посему если вначале увидишь устрашающее тебя устремление искушителя, не ослабевай; оно, может быть, будет тебе полезно, потому что Спасающий тебя никому не попускает даром приблизиться к тебе, если не устрояет в этом чего-либо к пользе твоей.

Но не показывай нерадения вначале, чтобы, показав нерадение здесь, не пасть тебе, когда поступаешь вперед, и не оказаться уже неспособным сопротивляться находящим на тебя скорбям, разумею же скорби по причине голода, немощи, страшных мечтаний и прочего. Не превращай намерения* Подвигоположника твоего, потому что даст тебе помощь против сопротивника, чтобы враг не нашел тебя каким ожидает. Но призывай непрестанно Бога, плачь пред благода-

* Здесь предпочитается чтение, согласное с древним славянским переводом.

тию Его, проливай слезы и трудись, пока не пошлет тебе помощника. Ибо если однажды увидишь близ себя Спасающего тебя, не будешь уже побежден сопротивляющимся тебе врагом твоим. Вот до сего места описаны два способа дьявольской борьбы.

О ТРЕТЬЕМ СПОСОБЕ ВРАЖЕСКОЙ БРАНИ С СИЛЬНЫМИ И МОЖЕСТВЕННЫМИ

Посему, когда дьявол после всего этого восстанет на кого-нибудь, не имеет уже сил к борьбе с ним, лучше же сказать — к борьбе с Укрепляющим его и Помогаящим ему; человек содействием сим возносится над врагом, заимствует у Содействующего силу и терпение, так что грубое и вещественное тело побеждает бесплотного и духовного. Когда же увидит враг всю эту силу, какую человек приял от Бога, увидит, что внешние чувства у человека не побеждаются видимыми вещами и слышимыми гласами и помыслы не расслабевают от ласкательств и обольщений его, тогда уже этот обманщик

желает отыскать какой-либо способ отдалить от человека одного помогающего ему Ангела. Лучше же сказать, обманщик этот желает ослепить ум человека, которому оказывается помощь, чтобы оказался он беспомощным, и возбудить в нем помыслы гордыни, чтобы подумал он в себе, будто бы вся крепость его зависит от его собственной силы и сам он приобрел себе это богатство, своею силою сохранил себя от противника и убийцы. И иногда рассуждает он, что победил врага случайно; а иногда, что победил по бессилию врага (умалчиваю о других способах и хульных помыслах, при одном только воспоминании о которых душа впадает в страх); иногда же враг, под видом откровений от Бога, изводит на среду прелесть свою, и в сновидениях показывает что-либо человеку, и также, во время его бодрствования, преобразуется в светлого ангела и делает все, чтобы прийти в возможность мало-помалу убедить человека, и хотя несколько привести в согласие с собою, и чтобы человек предан был в руки его. Если же благоразумный человек в бе-

зопасности удержит помыслы свои, лучше же сказать, удержит памятование о Содействующем ему и око сердца своего устремит к небу, чтобы не видеть нашептывающих в нем это, то враг снова предпринимлет изобретать иные способы.

О четвертой упорной вражеской брани

Наконец, у него осталось это одно, потому что природа имеет с сим сродство; и потому этим преимущественно надеется причинить гибель человеку. В чем состоит это ухищрение? В следующем: угнетать человека естественными его нуждами. Ум подвижника ослепляется часто видением и приближением к нему вещей чувственных и без труда побеждается в борьбе, когда сближается с ними гораздо же более, когда они бывают прямо перед глазами у человека. Ибо с знанием дела и с опытностью пользуется сим способом лютый диавол, то есть дознал сие опытно на многих крепких и сильных подвижниках, которые пали от сего, и делает это ухищренно. Хотя не

может он заставить человека совершить что на самом деле, потому что человек огражден безмолвием и жилище его далеко от поводов и причин ко греху, однако же усиливается сделать, чтобы ум у подвижников видел это в призраке, и старается образовать в них под личиною истины ложные мечты; чтобы пришли в вожделение мечтаемого, производит в них щекотания и побуждения останавливаться мыслию на срамных помыслах, соглашаться на оные, соделываться в них виновными, только бы чрез это удалить от них Помощника их. Ибо враг знает, что победа человека, и одоление его, и сокровище, и защита его, и все у подвижника производится помыслом его и совершается в краткое мгновение, только бы помыслу подвигнуться с места, и с оной высоты снизойти на землю, и произволением на одно мгновение показать свое согласие, как и случалось это со многими из святых при мечтательном представлении красоты женской. Если приближались они к миру на одно или на два поприща или на расстояние дневного

пути, то враг нередко прибегал к тому, что действительно приводил к ним женщин. А пребывающих вдали от мира не может уловить в эту сеть, потому в мечтаниях показывает им женскую красоту в непристойных видах, привлекая внимание то убранством одежд, то вольностью обращения, то телесною наготою. Сим и подобным сему одних победил враг на самом деле, а другие, по беспечности помыслов своих, обмануты были мечтаниями и через то пришли в глубину отчаяния, уклонились в мир, и души их утратили небесную надежду.

Другие же были крепче их и, просвещенные благодатию, победили врага и мечтания его, попрали телесные удовольствия и оказались искусными в любви Божией. Часто также враг делал, что видели они мечтательно золото, драгоценные вещи и золотые сокровища, а иногда самым делом показывал им это в той надежде, что, может быть, и успеет такими различными мечтаниями остановить кого-либо из них в течении его и запнуть одной из сетей и мреж своих.

Но Ты, Господи, Господи, ведущий немощь нашу, не введи нас в таковые искушения, от которых даже сильные и более искусные едва исходят победителями с таковой борьбы!

И все это попускается искустителю диаволу, когда со святыми ведет брань искушениями, чтобы таковыми искушениями изведывалась любовь Божия в них, действительно ли при удалении сих вещей, в отшельничестве, лишении и скудости своей они боголюбивы, и пребудут в любви Божией, и истинно любят Бога; и, когда приближаются к сим вещам, по любви к Богу, стараются пренебрегать ими и уничижать их; обольщаемые ими не уступают им над собою победы. И таким образом искушаются, чтобы чрез это соделаться не только известными Богу, но и самому диаволу, потому что желательно ему испытать многое и всех, если можно, изведать и испросить себе у Бога для искушения, как испросил праведного Иова. И когда бывает малое попущение Божие, искуститель диавол неудержимо приближается; но, по мере силы искушае-

мых им, а не по желанию своему, приражается к ним беззаконный диавол. И чрез сие испытываются истинные боголюбцы, твердые в любви Божией, пренебрегают ли они всем этим, и вменяется ли это в глазах их ни во что в сравнении с любовью Божиею, всегда ли смиряются они, воздают славу Содействующему им во всем и Виновнику их победы и Ему в руки предают себя во время подвига, говоря Богу: «Ты силен, Господи; Твой это подвиг, Ты ратоборствуй и побеждай в нем за нас». Тогда искушаются они, как золото в горниле.

Но изведываются и познаются в таких искушениях и ложные боголюбцы, и они, дав место врагу своему и став повинными, отпадают от Бога, как нечистота, за беспечность ума своего или за гордость свою, потому что не сподобились приять силу, какая действовала во святых. Содействующая же нам сила не преодолевается. Ибо Господь всемогущ, и крепче всех, и во всякое время бывает победителем в смертном теле, как скоро снисходит к подвижникам во время

брани. Если же бывают они побеждены, то явно, что побеждаются без Него. И это суть те, которые, по своему произволению, неблагодарностию своею удалили от себя Бога, потому что не сподобились силы, вспомоществующей победителям, и даже чувствуют себя лишенными той обычной, собственной своей силы, какую имели во время сильных своих браней. Как же чувствуют это? Видят, что падение их представляется приятным и сладостным в очах их и что трудно им выдержать жестокость борьбы со врагом их, которую прежде с ревностию решительно преодолевали стремлением естественного движения, сопровождавшимся в то время горячностью и быстротою. И этого не находят они теперь в душе своей.

И те, которые нерадивы и слабы в начале подвига, не только от сих и подобных борений, но и от шума древесных листьев приходят в боязнь и смятение, и малою нуждою, голодом в случае недостатка и небольшою немощию преодолеваются, отрекаются от подвига и возвра-

щаются вспать. Истинные же и благоискусные подвижники не пресыщаются злаками и овощами, даже питаюсь кореньями сухих былий, не соглашаются что-либо вкусить прежде назначенного часа, но в телесном изнеможении лежат на голой земле; очи их едва смотрят от чрезмерного истощения тела, и если от нужды близки бывают к тому, чтобы разлучиться с телом, не уступают над собою победы и не оставляют крепкого произволения, потому что желают и вождедевают лучше сделать себе принуждение из любви к Богу и предпочитают трудиться ради добродетели, нежели иметь временную жизнь и в ней всякое упокоение. И когда приходят на них искушения, веселятся паче, и еще усовершенствуются ими. Даже среди тяжких предстоящих им трудов не колеблются в любви Христовой; но, пока не утратят жизни, пламенно желают с мужеством выдерживать нападения и не отступают, потому что чрез это усовершенствуются. Богу же нашему да будет слава во веки веков! Аминь.

СЛОВО 61

О том, что полезно человекѣ для,
приблiженiа его в сердце своем к Богѣ,
какая истинная причина
сокровенно приблiжает к немѣ помощь,
и какая опять причина
приводит человека в смиренiе

Блажен человек, который познает немощь свою, потому что видение сие делается для него основанием, корнем и началом всякого доброго усовершенствования. Как скоро познает кто, и действительно ощутит немощь свою, тогда воздвигает душу свою из расслабления, омрачающаго оное в видение, и богатеет осторожностью. Но никто не может ощутить немощь свою, если не будет попущено на него хотя малого искушения тем, что утомляет или тело, или душу. Тогда, сравнив свою немощь с Божией помощью, тотчас познает ее величие. И также, когда рассмотрит множество принятых им мер, осторожность, воздержанiе, покров и ограждение души своей, в чем

надеялся он найти для нее уверенность, и не обретает, — даже и сердце его, от страха и трепета, не имеет тишины, то пусть поймет и познает тогда, что этот страх сердца его обнаруживает и показывает неприменную потребность для него иного некоего помощника. Ибо сердце страхом, поражающим его и борющимся внутри его, свидетельствует и дает знать о недостатке чего-то; а сим доказывається, что не может оно жить с упованием, потому что, как сказано, спасает Божия помощь. Но кто познал, что имеет нужду в Божьей помощи, тот совершает много молитв. И в какой мере умножает их, в такой смиряется сердце. Ибо всякий молящийся и просящий не может не смириться. *Сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Поэтому сердце, пока не смирится, не может престать от парения; смирение же собирает его воедино.

А как скоро человек смирится, немедленно окружает его милость. И тогда сердце ощущает Божественную помощь, потому что обретает возбуждающуюся в

нем некую силу упования. Когда же человек ощутит, что Божественная помощь вспомоществует ему, тогда сердце его сейчас же исполняется веры. Из сего уразумевает он, что молитва есть прибежище помощи, источник спасения, сокровище упования, пристань, спасающая от треволнения, свет пребывающим во тьме, опора немощных, покров во время искушений, помощь в решительную минуту болезни, щит избавления во брани, стрела, изощренная на врагов, и просто сказать: открывается, что все множество сих благ имеет доступ посредством молитвы; и потому отныне услаждается уже он молитвою веры. Сердце его веселится от упования, и никак не остается в прежнем ослеплении и при простом вещании уст. Но когда уразумевает сие таким образом, тогда приобретает в душе молитву, подобную сокровищу, и от великого веселия вид молитвы своей изменит в благодарственные гласы. И вот слово, изреченное Тем, Кто каждой вещи определил собственный ее образ: «Молитва есть радость, воссылающая благодарение».

Разумел же Он сию молитву, совершаемую в видении Бога, т. е. посылаемую от Бога; потому что не с трудом и утомлением молится тогда человек, какова всякая иная молитва, какою молится человек до ощущения сей благодати; но с сердечною радостью и удивлением непрестанно источает благодарственные движения при неисчислимым коленопреклонениях, — и от множества возбуждений к видению, от удивления и изумления пред благодатью Божией внезапно возвышает глас свой, песнослова и прославляя Бога, воссылает благодарение Ему и в крайнем изумлении приводит в движение язык свой.

Кто достиг сюда действительно, а не мечтательно, самым делом положил в себе многие признаки и по долгому самоиспытанию узнал многие особенности, тот знает, что говорю, потому что не противно сие. И отныне да престанет помышлять суетное, да пребывает неотступно пред Богом в непрестанной молитве, с боязнью и страхом, чтобы не лишиться великой Божией помощи.

Все сии блага рождаются в человеке от познания собственной немощи. Ибо по великому желанию помощи Божией приближается он к Богу, пребывая в молитве. И в какой мере приближается он к Богу намерением своим, в такой и Бог приближается к нему дарованиями Своими, и не отъемлет у него благодати за великое его смирение, потому что он, как вдова пред судьей, неотступно вопиет защитить от соперника. Поэтому же щедролюбивый Бог удерживает от него дары благодати, чтобы служило сие для человека причиною приближаться к Богу, и чтобы ради потребности своей человек неотлучно пребывал пред Источающим служащее на пользу. И некоторые прошения его Бог исполняет очень скоро, именно те, без которых никто не может спастись, а другие медлит исполнить. И в иных обстоятельствах отражает от него и рассеивает палящую силу врага, а в других попускает впасть в искушение, чтобы это испытание, как уже сказал я, служило для него причиною приблизиться к Богу, и чтобы научился он, и имел

опытность в искушениях. И вот слово Писания: Господь оставил многие народы, не истребил их и не предал в руки Иисуса, сына Навина, чтобы наставить ими сынов израилевых, и чтобы колена сынов израилевых вняли их урокам и научились брани (Суд. 3, 1. 2). Ибо у праведника, не познавшего своей немощи, дела его как бы на острие бритвы, и вовсе не далек он от падения и от тлетворного льва, разумею же демона гордыни. И еще: кто не знает своей немощи, тому недостает смирения; а кому недостает его, тот не достиг до совершенства; и не достигший до оного всегда бывает в страхе, потому что град его не утвержден на столпах железных и на порогах медных, т. е. на смирении. Смирение же не иначе может кто приобрести, как теми способами, какими обыкновенно приобретается сердце сокрушенное и уничиженные о себе помышления. Посему-то и враг нередко отыскивает себе след причины, чтоб совратить человека. Ибо без смирения не может быть совершено дело человека, и к рукописанию

свободы его не приложена еще печать Духа, лучше же сказать — доныне он раб, и дело его не превзошло страха; потому что никому не исправить дела своего без смирения и не вразумиться без искушений; а без вразумления никто не достигает смирения.

Посему-то Господь оставляет святым причины к смирению и к сокрушению сердца в усиленной молитве, чтобы любящие Его приближались к Нему посредством смирения. И нередко устрашает их страстями их естества и поползновениями срамных и нечистых помышлений, а часто — укоризнами, оскорблениями и заушениями от людей; иногда же — болезнями и недугами телесными; и в другое время — нищетою и скудостью необходимо-потребного, то — мучительностью сильного страха, оставлением, явную бранью диавола, чем обыкновенно устрашает их, то — разными страшными происшествиями. И все это бывает для того, чтобы иметь им причины к смирению и чтобы не впасть им в усыпление нерадения, или по причине тех недугов, в

каких находится подвижник, или ради будущего страха. Посему искушения по необходимости полезны людям. Но говорю сие не в том смысле, будто бы человеку следует добровольно расслаблять себя срамными помыслами, чтобы памятование о них служило для него поводом к смирению, и будто бы должен он стараться впадать в другие искушения; но — в том смысле, что следует ему в доброделании во всякое время трезвиться, соблюдать душу свою и помышлять, что он — тварь, и потому легко подвергается изменению. Ибо всякая тварь в защиту себе требует Божией силы, и всякий, кто требует защиты от другого, обнаруживает тем естественную немощь. А кто познал немощь свою, тому по необходимости потребно смириться, чтобы потребное для себя получить от Могущего дать сие. И если бы изначала знал и видел он немощь свою, то не вознерадел бы. И если бы не вознерадел, то и не впал бы в сон, и для пробуждения своего не был бы предан в руки оскорбляющих его.

Итак, шествующему путем Божиим, надлежит благодарить Бога за все, приключающееся с ним, укорять же и осыпать упреками душу свою, и знать, что попущено сие Промыслителем не иначе, как по собственному его какому-нибудь нерадению для того, чтобы пробудился ум его или потому что он возгордился. И потому да не смущается он, да не оставляет поприща и подвига, и да не перестанет укорять себя, — чтобы не постигло его сугубое зло; потому что нет неправды у Бога, источающего правду. Да не будет сего! Ему слава во веки! Аминь.



СЛОВО 62

О словах Божественного Писания,
поощряющих к покаянию, и о том,
что изречены оные по немощи человеческой,
чтобы люди не погубили,
отпав от Бога Живого,
и что не должно обращать оных
в повод к тому, чтобы грешить

То мужество в покаянии, какого отцы требуют в божественных своих писаниях, и ту силу его, какая изображена в Писаниях апостолов и пророков, не должны мы обращать в пособие к тому, чтобы грешить и разорять ненарушимые постановления Господни, какие от дней древних устами всех святых во всех писаниях и законоположениях определены силою Божиею к истреблению греха. Ибо для того, чтобы иметь нам надежду в покаянии, ухищрялись они предотвратить в нашем чувстве страх отчаяния, почему всякий человек поспешал бы прийти в покаяние и не грешил бы небоязненно. Ибо вот, Бог всеми мерами во

всех Писаниях внушал страх и показывал, что грех ненавистен Ему. Как погиб в потопе современный Ною род? Не за похотливость ли, когда люди с неистовством возжелали красоты дочерей Каиновых? Не было же в то время сребролюбия, идолослужения, волхования* и войн. За что и содомские города пожжены огнем? Не за то ли, что члены свои предали вожделению и нечистоте, которые по воле их владели всеми ими во всех скверных и непристойных деяниях? Не за любодееяние ли одного человека в одно мгновение подпало смерти двадцать пять тысяч сынов первенца Божия Израиля? За что отвержен Богом сей исполин Сампсон, который в матерней утробе отделен и освящен был Богу, о котором, как об Иоанне, сыне Захариином, до рождения благовествовал Ангел и который сподобился великой силы и великих чудес? Не за то ли, что святые члены свои осквернил

* Слова: *идолослужения, волхования* дополнены из древнего славянского перевода.

сожитием с блудницею? За сие-то удался от него Бог и предал его врагам его. А Давид, муж по сердцу Божию, за добродетели свои сподобившийся того, чтобы от семени своего произвести обетование отцов и чтобы воссиял от него Христос во спасение целой вселенной, — не наказан ли за прелюбодеяние с одною женою, когда глазами своими увидел красоту ее и пала стрела в душу его? За сие Бог воздвиг на него брань в дому его, и изгнал его происшедший от чресл его, хотя Давид со многими слезами приносил покаяние, так что и постелю свою омочал слезами, и Бог изрек ему чрез Пророка: *...Господь отъя согрешение твое* (2 Цар. 12:10).

Намереваюсь вспомнить и о некоторых прежде него. За что гнев Божий и смерть пришли на дом священника Илии, праведного старца, сорок лет украшавшегося священством? Не за беззаконие ли детей его, Офни и Финееса? Ибо не согрешил сам он, и они грешили не по его на то согласию. Но, поелику не было у него ревности наказать их за

преступление пред Господом, и отец любил их более, нежели повеления Господни, чтобы не подумал кто, что Господь на тех одних, которые все дни жизни своей изжили в беззакониях, являет гнев Свой за этот безрассудный грех, показывает ревность Свою на близких к Нему, на священниках, на судиях, князьях, людях, освященных Ему, которым вверил чудотворения. Сим дает знать, что Бог никогда не оставляет без внимания, как скоро являются преступившие законоположения Его, как написано у Иезекииля: сказал человеку, которому заповедал Я истребить Иерусалим невидимым мечом: начни с предстоящих жертвеннику Моему и не минуй старца и юношу (см.: Иез. 9:6). А сим показывает, что близки и любезны Ему те, которые в страхе и благоговении ходят пред Ним и исполняют волю Его, и что святые пред Богом доблестные дела и чистая совесть. Уничижающих же пути Господни и Он уничижает, и отвергает их от лица Своего, и отъемлет у них благодать Свою. Ибо за что вышел вне-

запно приговор на Валтасара и как бы рукою поразил его? Не за то ли, что посягнул на неприкосновенные приношения Ему, какие похитил в Иерусалиме, и пил из них сам и наложницы его? Так и те, которые посвятили члены свои Богу и снова отваживаются употреблять их на дела мирские, погибают от невидимого удара.

Поэтому не будем, в ожидании покаяния, с отважностью, подаваемою нам Божественными Писаниями, презирать словес и угроз Божиих, и прогневать Бога несообразностию деяний своих, и осквернять члены, которые однажды навсегда освятили мы на служение Богу. Ибо вот и мы освящены Ему, как Илия и Елисей, как сыны пророческие и прочие святые и девственники, которые совершали великие чудотворения и лицом к лицу беседовали с Богом, и все бывшие после них, как то: Иоанн девственник, и святой Петр, и прочий лик благовестников и проповедников Нового Завета, которые освятили себя Господу и прияли от Него тайны, одни из уст Его, другие

чрез откровение, и стали посредниками Бога и человеков и проповедниками Царства во вселенной.



СЛОВО 63

О том, чем охраняется
доброта иноческого жития,
и о чине славословия Божию

Иноку во всех своих чертах и делах должно быть назидательным образцом для всякого, кто его видит, чтобы, по причине многих его добродетелей, сияющих подобно лучам, и враги истины, смотря на него, даже нехотя сознавались, что у христиан есть твердая и непоколебимая надежда спасения, и отовсюду стекались к нему, как бы к действительному прибежищу, и оттого рог Церкви возвысился бы на врагов ее и многие подвиглись бы к соревнованию иноческой добродетели и оставили мир,

а инок соделался бы во всем досто-
честным за доброту жития его, потому
что иноческое житие — похвала Церкви
Христовой.

Посему иноку должно во всех отно-
шениях иметь прекрасные черты, то есть
презрение к видимому, строгую нестяжа-
тельность, совершенное небрежение о
плоти, высокий пост, пребывание в без-
молвии, благочиние чувств, осторожность
в зрении, отсечение всякой распри о чем-
либо в веке сем, краткость в словах, ос-
тавление злопамятства, при рассудитель-
ности простоту, при благоразумии, дея-
тельности и оборотливости ума просто-
душие и простосердечие. Ему должно
знать, что настоящая жизнь суетна и ско-
ропреходяща и что близка жизнь истин-
ная и духовная; не быть знаемым или
зазираемым от людей, не связывать себя
дружбою или единением с каким-либо че-
ловеком; место жительства иметь безмол-
вное; убегать всегда от людей, с неослаб-
ным терпением пребывать в молитвах и
чтениях; не любить почестей и не восхи-
щаться подарками; не привязываться к

жизни сей; мужественно переносить искушения; быть свободным от мирских желаний, от разведывания и памятования о мирских делах; заботиться и размышлять всегда об оной истинной стране; иметь лицо скорбное и покрытое морщинами, день и ночь непрестанно проливать слезы; паче же всего этого хранить целомудрие свое, быть чистым от чревоугодия, от малых и больших недостатков. Вот, говоря кратко, добродетели инока, свидетельствующие ему о совершенном омертвлении его для мира и о близости к Богу.

Посему во всякое время должно нам заботиться о сих добродетелях и приобретать их. Если же кто скажет: какая нужда определять их в частности, а не сказать о них вообще и коротко? — то отвечаю: сие необходимо, чтобы, когда радеющий о жизни своей взыщет в душе своей какой-либо из сказанных добродетелей и найдет себя скудным в чем-либо из перечисленного, познал он из этого недостаток свой в какой-либо добродетели и описание сие служило для него в

виде напоминания. Но когда приобретет в себе все здесь определенное, тогда дано ему будет ведение и о прочем, не упомянутом мною. И будет он для святых человеков виновником славословия Богу. И здесь еще, до исшествия своего из жизни, уготовит душе своей место упокоения. Богу же нашему да будет слава во веки! Аминь.



СЛОВО 64

О перемене и превратности,
какая бывает в шествующих
установленным от Бога
путем безмолвия

Кто решился в уме своем жить в безмолвии, тот пусть устроит себя и остаток дней своих проводить в делании безмолвия по чину того. Когда случится, что душа твоя внутренно наполняется тьмою (а сие обычно в определенном

Божиею благодатию чине безмолвия), и подобно тому, как солнечные лучи закрываются на земле мглою облаков, душа на несколько времени лишается духовного утешения, и свет благодати внутри померкает, по причине осеняющего душу облака страстей и потому, что умалена в тебе несколько радостотворная сила и ум приосенила необычная мгла, — ты не смущайся мыслию и не подавай руки душевному неведению, но терпи, читай книги учителей, принуждай себя к молитве и жди помощи. Она придет скоро, чего и не узнаешь ты. Ибо как лице земли открывается солнечными лучами от объемлющей землю воздушной тьмы, так молитва может истреблять и рассеивать в душе облака страстей и озарять ум светом веселия и утешения, что обыкновенно порождает молитва в наших помышлениях, особливо же когда заимствует себе пищу из Божественных Писаний и имеет бодрственность, осиявающую ум. Всегдашнее занятие писаниями святых исполняет душу непостижимым удивлением и Божественным

веселием. Богу же нашему да будет слава во веки!



ГЛАВО 65

О БЕЗМОЛВСТВУЮЩИХ: КОГДА НАЧИНАЮТ ОНИ
ПОНИМАТЬ, ДО ЧЕГО ПРОСТЕРЛИСЬ ДЕЛАМИ СВОИМИ В
БЕСПРЕДЕЛЬНОМ МОРЕ, ТО ЕСТЬ В БЕЗМОЛВНОМ ЖИТИИ,
И КОГДА МОГУТ НЕСКОЛЬКО НАДЕЯТЬСЯ,
ЧТО ТРУДЫ ИХ СТАЛИ ПРИНОСИТЬ ПЛОДЫ

Скажу тебе нечто, и не сомневайся в этом; не пренебрегай и прочими словами моими, как чем-то маловажным, потому что предавшие мне это — люди верные, и я, как в этом слове, так и во всех словах моих, сказываю тебе истину. Если повесишь себя за вежды очей своих и достигнешь чрез это слез, то не думай, что достиг уже чего-то поведением жизни своей. Ибо доныне миру служит сокровенное твое, то есть ведешь мирскую жизнь и Божие дело делаешь внешним

человеком, а внутренний человек еще бесплоден; потому что плод его начинается слезами. Когда достигнешь области слез, тогда знай, что ум твой вышел из темницы мира сего, поставил ногу свою на стезю нового века и начал обонять воню чудного нового воздуха. И тогда начинает источать слезы, потому что приблизилось рождение духовного младенца. Общая всех матерь, благодать, вожделевает таинственно в душе на свет будущего века произвести Божественный образ. А когда наступит время рождения, тогда ум начинает возбуждаться чем-то тамошним, подобно дыханию, какое младенец привлекает в себя еще внутри членов, в которых обыкновенно питается. И поелику не терпит того, что для него еще необычно, то начинает вдруг побуждать тело к воплю, смешанному со сладостью меда. И в какой мере воспитывается внутренний младенец, в такой же бывает приращение слез. Но сей описанный мною чин слез не тот, какой с промежутками бывает у безмолвствующих, потому что и у вся-

кого, пребывающего в безмолвии с Богом, бывает по временам сие утешение: то когда он в умственном созерцании, то когда занят словами Писаний, то когда бывает в молитвенном собеседовании. Но я говорю не о сем чине слез, а о том, какой у плачущего непрерывно день и ночь.

Но кто в действительности и точности нашел истинное значение сих образов, тот нашел оное в безмолвии. Ибо очи его уподобляются водному источнику до двух и более лет, а потом приходит он в умирение помыслов. А по умирении помыслов, сколько вмещает отчасти естество, входит в тот покой, о котором сказал святой Павел (см.: Евр. 4:3). И по сем мирном упокоении ум начинает созерцать тайны. Тогда Дух Святой начинает открывать ему небесное, и вселяется в нем Бог, и воскрешает в нем плод Духа, и оттого, несколько неясно и как бы гадательно, человек ощущает в себе то изменение, какое примет внутреннее естество при обновлении всяческих.

Сие на память себе и всякому, читающему сочинение это, написал я, как заимствовал из Писаний, из поведенного правдивыми устами, а нечто из собственного опыта, чтобы послужило это мне в помощь по молитвам тех, кому будет сие на пользу, потому что употребил я на это немалый труд.

Но послушай еще, что теперь скажу тебе и чему научился из нелживых уст. Когдаходишь в область умирения помыслов, тогда отъемлется у тебя множество слез, и потом приходят к тебе слезы в меру и в надлежащее время. Это есть самая точная истина; короче сказать, так верует вся Церковь.



СЛОВО 66

О том, что рабъ Божии, обнищавшемъ в
мирском и ишедшемъ взыскать Бога, из страха,
что не достигъ разуменнѣ истины, не должно
прекращать исканнѣ и охладевать в горѣчности,
порождаемой любовью к Божественномъ и к
исследованню таинъ Божиихъ; и о том, какъ ѡмъ
возмѣщается страстными припоминаннѣми

Три чина, в которыхъ человекъ преуспеваетъ: чинъ новоначальныхъ, чинъ средний и чинъ совершенныхъ. И кто в первомъ чинѣ, у того хотя образъ мыслей наклоненъ к добру, однако же движение ума бываетъ в страстяхъ. Второй чинъ есть нечто среднее между состояниемъ страстнымъ и бесстрастнѣмъ, и десныя и шуи помыслы возбуждаются в человеке одинаково, и, какъ уже сказано, не перестаетъ онъ вовсе истощать и светъ и тьму. Если же прекратитъ ненадолго частое чтеніе Божественныхъ Писаннѣй и воображеніе в умѣ Божественныхъ умопредставленнѣй, образами истины воспламеняющихъ его, по мере силъ своихъ умопредставляющаго съ внешнею

осторожностью, от которой рождаются и внутреннее хранение и достаточной меры дело, то увлекается человек в страсти. Если естественную горячность свою будет питать сказанным выше и не оставит искания, исследования и стремления к этому издалека, хотя и не видит сего, но, по мановению чтения Божественных Писаний, питает помыслы свои, и удерживает их от уклонения на страну шуюю, и не приемлет в себя под образом истины какого-либо дьявольского всеяния, а паче — с любовью хранит душу свою и будет просить Бога с терпением в неутомимой молитве, то Бог Сам исполнит ему прощение его и отверзет ему дверь Свою, особливо за смирение его, потому что откровение таин бывает смиренномудрым. А если умрет в сем уповании, то хотя и не узрит вблизи оную землю, однако же, думаю, наследие его будет с древними праведниками, уповавшими достигнуть совершенства и не узревшими оною, по апостольскому слову (см.: Евр.11:39); а они все дни свои трудились и почили на уповании. Но что

же сказать нам? Если не достигает человек того, чтобы взойти ему в землю обетования, которая есть образ совершенства, то есть чтобы явственно по мере естественных сил постигнуть ему истину, то ужели за сие возбранено будет ему это и пребудет он в последнем чине, у которого всякое намерение уклонено в страну шуюю? Или за то только, что не уразумел всей истины, останется на низкой степени последнего чина, который и не познает и не вождедевает сего? Или прилично ему возвыситься до сего, сказанного мною, среднего пути? Ибо хотя и не зрел оного иначе, как только в зеркале, однако же надеялся издали и с этою надеждою приложился к отцам своим: хотя не сподобился здесь совершенной благодати, однако же тем, что всегда беседовал с нею, всецелым умом обращался в ней и всю жизнь свою вождедевал ее, возмог он отсечь лукавые помыслы; и поелику надеждою сею сердце его исполнил Бог, отходит из мира сего.

Благолепно все то, что имеет смирение. Духовное поучение ума в любви

Божией, путеводимое разумением Божественных Писаний, ограждает душу изнутри от прежних лукавых помыслов и соблюдает ум в памятовании будущих благ, чтобы не расслабевал он от нерадения своего и вместо лучшего не занимался памятованием о вещах мирских, потому что от сего постепенно охладевает крепость чудных его движений, и впадает он в пожелания суетные и неразумные. Богу же нашему да будет слава!



СЛОВО 67

О видах надежды на Бога,
о том, кому должно надеяться на Бога
и кто надеется безрассудно и неразумно

Бывает надежда на Бога при сердечной вере: и она прекрасна, соединена с рассудительностью и ведением; и бывает другая, отличная от сей надежды, следствие беззакония, и она есть ложная. Человек,

который вовсе не имеет заботы о скоро-
гибнущем, но всецело, днем и ночью,
вверяет себя Господу, не заботится ни о
чем мирском, по великой своей рачитель-
ности о добродетелях, все свое время
употребляет на занятия Божественным и
потому нерадит о приуготовлении себе
яств и одежд, об устройении жилища телу
и о всем прочем, — такой человек пре-
красно и разумно надеется на Господа,
потому что Господь уготовит для него
необходимое. И это подлинно истинная и
самая мудрая надежда. Да и справедливо
таковому надеяться на Бога, потому что
сделался рабом Его, и рачителен к делу
Его, не предается нерадению, по какой
бы то ни было причине. Таковой досто-
ин, чтобы на нем особенным образом
показал Бог Свою попечительность, по-
тому что сохранил он заповедь Божию,
которая говорит: *Ищите прежде Цар-
ствия Божия и правды Его, и сия вся
приложатся вам (Мф. 6:33); и плоти
угодия не творите (Рим. 13:14)*. Ибо
при таком нашем расположении мир, как
раб какой, приготовит нам все, без со-

мнения будет подчиняться нам, как владыкам, не воспротивится словам нашим и воле нашей. Такой человек, чтобы не прерывать ему непрестанного предстояния Богу, не предается заботам о необходимой потребности тела и, по страху Божию, ни о чем другом не печется, кроме того одного, чтобы свободным ему быть от всякой таковой, малой и великой, заботы, имеющей целью удовольствие и парение ума; и однако же чудесным образом получает это, не заботившись и не трудившись о сем.

Но человек, у которого сердце совершенно погребено в земном, который всегда ест со змием персть, никогда не печется о благоугодном Богу, но утомлен и расслаблен всем телесным, не имеет попечения ни об одной добродетели, по причине всегдашних сношений с людьми и рассеяния в забавах, и представляет какие-либо к тому предлоги, — такой человек действительно, по этой лености и праздности, стал далек от доброго. И когда будет стесняем скудостью в чем-нибудь или смертию и подавлен плодами

беззаконий своих, — тогда и он, может быть, скажет: «Возложу упование на Бога, и сделает меня беспечальным, и даст мне послабление». До этого часа не вспоминал ты, безрассудный, о Боге, но оскорблял Его непотребством дел своих, и имя Божие ради тебя, как написано, хулимо было язычниками (см.: Рим. 2:24), а теперь осмеливаешься говорить отверстыми устами: «На Него возложу упование, Он поможет мне и попечется о мне!» В посрамление таковых хорошо сказал Бог чрез Пророка: *Мене день от дне ищут, и уразумети пути Моя желают, яко людие, правду сотворившии, и оправданий Бога своего не оставившии, просят у Мене суда праведна* (Ис. 58:2). К числу таковых принадлежит сей безрассудный, который и мыслию своею не приближался к Богу, а как скоро окружен стал скорбями, воздевает к Нему руки свои с упованием. Такового потребно было бы много раз жечь на огне, чтобы всячески вразумить его, потому что не сделано им ничего такого, почему был бы он достоин иметь упова-

ние на Бога. Напротив того, за свои злые дела и за свое нерадение о должном достоин он наказания; и долготерпеливый Бог по милости только Своей терпит его. Поэтому да не обольщает себя такой, да не забывает, какова жизнь его, и да не говорит, что надеется он на Бога. Ибо будет наказан, потому что нет у него ни одного дела веры. Да не остается он в праздности и да не говорит: «Верую, что подаст мне Бог необходимое», — как провождающий житие в делах Божиих, или да не ввергается безрассудно в кладезь, чтобы, никогда не имев в помышлении Бога, теперь по падении сказать: «Возложу упование на Бога, Он избавит меня». Не обольщайся, безрассудный; надежду на Бога предваряет труд для Бога и пролитый в делании пот. Если веруешь в Бога, то хорошо делаешь.

Но вера требует дел, и надежда на Бога обнаруживается в злострадании за добродетели. Веруешь ли, что Бог промышляет о тварях Своих и всемогущ? Да сопровождает веру твою приличное делание, и тогда услышит тебя Бог. Не

старайся в горсти своей удержать ветер, то есть веру без дел.

Нередко иной, не зная, идет путем, где есть дикий зверь, или убийцы, или что-нибудь подобное; и вот общий Промысл Божий спасает его от такового вреда: или, пока не пройдет мимо злой зверь, чем-нибудь замедляет шествие путника, или встречается ему кто-нибудь и заставляет уклониться от пути. И еще, иногда лукавый змий лежит на пути — и невидим; но Бог, не хотя предать человека такому искушению, делает, что змий начинает вдруг шипеть и трогаться с места или ползти впереди путника, и он, видя это, остерегается и спасается от змия. Хотя и недостойн этого человек по тайным грехам, известным ему одному, однако же Бог отводит его от беды по милости Своей. И еще, случается нередко, что падает дом, или стена, или камень, с шумом подвигшись с места своего, а там сидели иные, и Бог человеколюбиво повелевает Ангелу удержать и остановить в падении место сие, пока не встанут сидевшие или пока чем-нибудь не отве-

дет их и никого не останется на месте; и едва отойдут они, немедленно попускает упасть. А если и случится, что иной будет застигнут, делает, что не терпит он никакого вреда. Ибо сим хочет показать бесконечное величие силы Своей.

Все это и подобное этому есть дело Божия Промысла общего и повсюдного; праведник же имеет над собою неотлучное промышление. Ибо прочим людям Бог повелел рассудительно распоряжаться делами своими и при Божием промышлении пользоваться и своим ведением; но праведник не имеет нужды в сем ведении для распоряжения дел своих, потому что вместо ведения сего приобрел веру, которою низлагает *всяко возношение, взимающееся на разум Божий* (2 Кор. 10:5), и ничего исчисленного выше не устрашится, как написано: *праведный яко лев уповает* (Притч. 28:1), на все отваживаясь верою не потому, что искушает он Господа, но потому, что на Него взирает, и как бы вооружен и облечен силою Святого Духа. И как его постоянное попечение посвящено Богу, так и Бог

говорит о нем: ...с ним есмь в скорби, изму его, и прослаблю его. Долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое (Пс. 90:15—16). Расслабленный и ленивый к делу своему не может иметь такой надежды. Но кто во всем пребывает с Богом, к Нему приближается добротой дел своих и очи сердца своего неусыпно устремляет к благодати Его, тот может сказать о себе, что сказал божественный Давид: ...исчезосте очи мои, от еже уповати ми на Бога Моего (Пс. 68:4). Ему подобает слава, честь и поклонение во веки! Аминь.



ГЛАВО 68

ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ МИРА И О ПОДДЕРЖАНИИ
ОТ ВОЛЬНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЛЮДЬМИ

Когда возлюбим бегство от мира и удаление от людей мирских, тогда ничто не отделяет нас столько от мира, не умерщ-

вляет в нас страстей, не возбуждает и не оживотворяет нас для духовного, как плач и сердечное с рассуждением болезнование. Ибо лицо скромного подражает смирению Любимого. Но также ничто не делает нас столько сообщниками мира, и живущих в мире, и тех, которые в мире преданы пьянству и непотребству, и не удаляет нас столько от сокровищ премудрости и познания таин Божиих, как смехотворство и при вольности в обращении парение мыслей. И это есть дело блудного демона. Но поелику опытом дознал я любомудрие твое, возлюбленный, то умоляю тебя любовию, остерегаться злобы врага, чтобы тебе безусловием не остудить в душе своей горячности любви ко Христу, ради тебя вкусившему желчь на древе крестном, и чтобы враг, вместо сладостного одного упражнения и дерзновения пред Богом, не стал во время бодрствования твоего наполнять душу твою многими мечтами, а во время сна твоего пленять ее нелепыми грезами, зловония которых не терпят святые Ангелы Божии. И тогда соделаешься ты

для других поводом к поползновению, а для себя острым рожном. Посему при-
нуждай себя подражать смирению Хри-
стову, чтобы возгорелся скорее огонь, Им
в тебя вложенный, которым искореняют-
ся все движения мира, убивающие ново-
го человека и оскверняющие дворы свя-
того и всемогущего Господа. Ибо осме-
ливаюсь сказать со святым Павлом, что
мы храм Божий (1 Кор. 3:16). Посему,
как чист Сам Бог, очистим храм Его,
чтобы возжелал вселиться в нем. И как
Сам Он свят, освятим и храм; украсим
его всякими добрыми и честными дела-
ми, благоухаем его благоуханием покоя
воли Божией, чистою и сердечною мо-
литвою, каковой невозможно приобре-
сти общением в частых мирских волнени-
ях. И таким образом облако славы Его
приосенит душу, и свет величия Его вос-
сияет внутри сердца, и исполнятся радо-
сти и веселия все обитатели селения Бо-
жия, а наглые и бесстыдные исчезнут от
пламени Святого Духа.

Поэтому укоряй непрестанно самого
себя, брат, и говори: «Горе мне, бедная

душа! Приблизилось время отрешения твоего от тела. Для чего увеселяешься тем, что сего же дни должна будешь оставить и чего не увидишь вовеки? Обрати внимание на прежнюю свою жизнь, рассуди, что ты делала, почему так делала и каковы дела твои, с кем провела дни жизни своей или кто воспользовался трудом делания твоего на земле, кого возвеселила ратоборством своим, чтобы вышел он в сретение твое при исшествии твоём из мира, кого усладила во время течения своего, чтобы упокоиться тебе в пристани его, для кого бедствовала трудясь, чтобы прийти к нему с радостью, кого приобрела другом в будущем веке, чтобы приял тебя во время исшествия твоего, на каком поле работала по найму и кто отдаст тебе плату на западе солнца при разлучении твоём?»

Испытай себя, душа, и рассмотри, в какой земле удел твой, и миновала ли ты поле, которое делателям плодотворно приносит горечь; с воздыханием и беспокойством возгласи и возопи, — чем упокоевается Бог твой паче жертв и всесожжения.

Уста твои да источат болезненные гласы, какими услаждаются святые Ангелы; омочи ланиты свои слезами очей твоих, чтобы почил в тебе Святой Дух и омыл тебя от скверны порока; умиловиви Господа твоего слезами, чтобы помог тебе; призови Марию и Марфу, да научат тебя плачевным гласам; возопи ко Господу: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, плакавший над Лазарем и источивший над ним слезы скорби и сострадания, прими слезы горести моей, страданиями Твоими уврачуй страсти мои, кровию Твоею очисти мою кровь и с телом моим сраствори воню Твоего животворящего тела. Та желчь, какою напоили Тебя враги, да усладит душу мою от горести, какою напоил меня соперник. Тело Твое, распростертое на древе крестном, к Тебе да прострет ум мой, увлеченный демонами долу. Глава Твоя, преклоненная на кресте, да возвысит мою главу, заушенную супостатами. Всесвятые руки Твои, пригвожденные неверными ко кресту, к Тебе да возведут меня из бездны погибели, как обетовали всесвятые уста Твои.

Лице Твое, приявшее на себя заушения и заплевания от проклятых, да озарит мое лице, омраченное беззакониями. Душа Твоя, которую на кресте предал Ты Отцу Своему, к Тебе да путеводит меня благодатию Твоею. Нет у меня болезнующего сердца, чтобы взыскать Тебя; нет у меня ни покаяния, ни сокрушения, которыми вводятся чада в собственное свое наследие. Нет у меня, Владыка, утешительных слез. Омрачился ум мой делами житейскими и не имеет сил с болезнию возвести к Тебе взор. Охладело сердце мое от множества искушений и не может согреться слезами любви к Тебе. Но Ты, Господи Иисусе Христе Боже, сокровище благ, даруй мне всецелое покаяние и сердце неутомимое, чтобы всею душою приступить мне к взысканию Тебя. Ибо без Тебя буду я чужд всякого блага. Посему даруй мне, Благий, благодать Твою. Бездетно и вечно изводящий Тебя из недр Своих Отец да обновит во мне черты образа Твоего. Оставил я Тебя; Ты не оставь меня. Отошел я от Тебя; Ты прииди взыскать меня и введи меня на

пажить Твою, сопричти меня к овцам избранного стада Твоего, препитай меня лаком Божественных таинств Твоих вместе с теми, у которых чистое сердце их — обитель Твоя, и в нем видимо облистание откровений Твоих — это утешение и эта отрада для потрудившихся ради Тебя в скорбях и в озлоблениях всякого рода. Сего облистания да сподобляемся и мы по Твоей благодати и по Твоему человеколюбию, Спаситель наш Иисусе Христе, во веки веков! Аминь».



ГЛАВО 69

**О том, что безмолвникам полезно не иметь
забот, а вредны входы и выходы**

Человек многопечительный не может быть кротким и безмолвным, потому что необходимые причины обременяющих его дел принуждают его невольно, хотя бы и не хотел, заниматься ими и проводить в

них время, и расточают его тишину и безмолвие. Посему иноку должно поставить себя пред лицом Божиим и всегда непреложно возводить око свое к Богу, если истинно хочет охранять ум свой, дознавать прекращать и отклонять малые вкрадывающиеся в него движения и в тишине помышлений различать входящее и исходящее. Частые недосуги иноков служат признаком их расслабления в готовности к деланию заповедей Христовых и обнаруживают их недостаточность для Божественного.

Без освобождения от забот не ищи света в душе своей, ни тишины и безмолвия при расслаблении чувств своих. При недосугах от дел не умножай недосугов своих — и не найдешь парения в уме своем или в молитве своей. Без непрестанной молитвы невозможно приблизиться к Богу. После же труда молитвенного возложение на ум нового попечения производит расточение мыслей.

Слезы, ударение себя по голове во время молитвы и пламенное усердие к продолжению молитвы пробуждают в

сердце горячность сладости слез, и сердце с похвальной восторженностью воспаряет к Богу и взывает: *Возжада душа моя к Тебе, к Богу Крепкому, Живому: когда прииду и явлюся лицу Твоему, Господи (Пс. 41:3)?* Кто пил вина сего и потом лишился оногo, тот один знает, в каком жалком состоянии оставлен он и что отнято у него по причине расслабления его.

Сколько худы для живущих на безмолвии и лицезрение людей, и беседа с ними! Подлинно, братия, гораздо хуже, нежели для не соблюдающих безмолвия. Как сильный град, внезапно выпав на древесные плоды, иссушает их и уничтожает, так свидания с людьми, хотя бы оные были весьма кратковременны и допущены, по-видимому, с доброй целию, иссушают цветы добродетелей, только что расцветшие от срастворения безмолвия, нежно и роскошно увенчавшие собою стебель души, насажденный *при исходящих вод* покаяния (Пс. 1:3). И как сильный иней, покрыв собою едва изникшую из земли зелень, пожигает ее,

так и свидание с людьми пожигает корень ума, начавший производить от себя знак добродетелей. И если вредит обыкновенно душе беседа с людьми в ином воздержными, а в ином имеющими малые только недостатки, то не гораздо ли более вредны разговор и свидание с людьми невежественными и глупыми, не говорю уже — с мирянами? Как человек благородный и почтенный, когда упиется, забывает свое благородство, и бесчестится его состояние, и осмеянию повергается честь его за чуждые помыслы, вошедшие в него от вина, так и целомудрие души возмущается лицезнением людей и беседою с ними, забывает свою осторожность; в мысли у человека изглаждается намерение воли его и искоряется всякое основание к похвальному устройству жизни.

Посему если свидание с людьми и рассеяние себя, с пребывающим на безмолвии случающиеся при парении мыслей, или даже одно приближение к чему-либо, чтобы видеть или слышать это, достаточны уже к тому, чтобы входящее

вратами зрения или слуха производило в человеке холодность и омрачение ума для Божественного, и если краткий час может причинить столько вреда воздержному иноку, — что сказать о всегдашних свиданиях и долговременном в этом коснении? Испарение, исходящее из чрева, не позволяет уму принимать в себя Божественное познание, но омрачает его подобно туману, поднимающемуся из влажной земли и помрачающему воздух. А гордость не понимает, что ходит во тьме, и не имеет понятия о мудрости. Ибо как ей и знать это, пребывая в своем омрачении? Посему-то омраченным помыслом своим и превозносится она паче всех, будучи и ничтожна, и немощна, и не способна познавать пути Господни. Господь же сокрывает от нее волю свою, потому что не восхотела она ходить путем смиренных. Но Богу нашему да будет слава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 70

О пѣтахъ, приближающихъ къ Богу и делающихъ
главными человекѣ по прилжности делъ ночного
бдѣнія, и о томъ, что делатели оного все дни
жизни своей питаются медомъ

Не думай, человек, чтобы во всем ино-
ческомъ делании было какое-либо занятие
важнее ночного бдѣнія. Подлинно, брат,
оно и важно, и весьма необходимо для
воздержнаго. Если у подвижника не бу-
детъ рассеянія и возмущения делами те-
лесными и попечениемъ о преходящемъ, но
соблюдетъ онъ себя отъ мира, бдительно
будетъ охранять себя, то умъ его въ краткое
время воспаритъ какъ бы на крыльяхъ и
возвысится до услаждения Богомъ, скоро
приидетъ въ славу Его и по своей удобо-
движности и легкости погрузится въ веде-
нии, превышающемъ человеческое поня-
тие. Если монахъ съ рассудительностію
пребываетъ во бдѣнии ума, то увидишь въ
немъ какъ бы неплотоносца. Ибо подлинно
это дело ангельскаго чина. Невозможно,
чтобы те, которые всю жизнь проводятъ в

этом занятии, оставлены были Богом без великих дарований за их трезвенность, бодрственность сердца и попечительное устремление к Нему помыслов своих. Душа, трудящаяся над тем, чтобы пребывать в сем бдении, и отличающаяся оным, будет иметь херувимские очи, чтобы непрестанно возводить ей взор и созерцать небесное зрелище.

Думаю, что с ведением и рассудительностию избравшему этот великий и божественный труд и решившемуся нести на себе тяготу сию — невозможно не подвизаться в этом прославленном, избранном им деле и не охранять себя днем от мятежа сходбищ и от попечения о делах, в опасении иначе лишиться дивного плода и великого наслаждения, какое надеется получить от сего. Кто нерадит о сем, о том смело скажу, что не знает он, для чего трудится, воздерживается от сна, томит себя продолжительным стихословием, утруждением языка и всенощным стоянием, тогда как ум его не участвует в псалмопении и молитве его, но, как бы водясь привычкой, трудится

без рассуждения. И если это не так, как сказал я, то почему же лишается он возможности, при постоянном своем сеянии, над которым трудится, пожать великие благодеяния и плод? Ибо если бы вместо сих забот упражнялся он в чтении Божественных Писаний, которое укрепляет ум, особливо же служит орошением молитве и помогает бдению, тесно соединенному с молитвою и вместе подающему свет уму, то в сем чтении обрел бы вождя на стезю правую, обрел то, в чем семя всего питающего молитвенное созерцание и что удерживает помышления от парения, не дает им кружиться и питаться суетным, непрестанно посевает в душе памятование о Боге, указывает пути святых, благоугодивших Богу, и делает, что ум приобретает тонкость и мудрость, — словом, обрел бы зрелый плод таковых деланий.

Для чего же, человек, так нерассудительно распоряжаешься собою? Ночью совершаешь всенощное стояние и утруждаешь себя псалмопениями, песнословиями и молениями, но тяжелым и немалым кажется тебе, при кратковременной ра-

чительности во время дня, сподобиться благодати Божией за злострадание твое с другом*. Для чего утруждаешь себя, и ночью сеешь, а днем уничтожаешь труд свой, оказываешься бесплодным, расточаешь бодрственность, трезвенность и горячность, которую приобрел, напрасно губишь труд свой в тревожных собеседованиях с людьми и вещами, без всякого основательного к тому предлога? Ибо если бы у тебя нощному упражнению сообразными сделались дневное делание и горячность сердечной беседы и не было бы промежутка между тем и другим, то в короткое время мог бы ты припасть к персям Иисусовым.

Но из сего явствует, что живешь ты нерассудительно и не знаешь, для чего монахам надобно бодрствовать. Думаешь, что установлено сие для того только, чтобы трудиться тебе, а не для чего-либо другого, отсюда происходящего. Но кто сподобился дознать, по благодати, в какой надежде подвижники противятся сну,

* В издании 1911 г. читается: *в другом.* — *Ред.*

делают принуждение природе и в бодрственном состоянии тела и помышлений своих каждую ночь приносят прошения свои, тот знает силу дневного охранения, знает, какую помощь дает оно уму в ночном безмолвии, какую берет власть над помыслами, до какой доводит чистоты, как непринужденно и без борьбы дается уму рой добродетелей, и свободно познает он благородство помыслов. А я присоволю, что если бы тело по немощи своей ослабело и не могло поститься, то ум одним бдением может привести в благородство душу и дать уразумение сердцу к дознанию духовной силы; если только не уничтожится это умножением во время дня причин противодействующих.

Посему тебя, желающего приобрести трезвенный пред Богом ум и познание новой жизни, умоляю — во всю жизнь твою не быть нерадивым к пребыванию во бдении. Ибо им отверзутся тебе очи — увидеть всю славу сего жития и силу пути правды. А если (чего да не будет!) снова появится в тебе помысл обленения и станет, может быть, гнездиться в тебе, пото-

му что восхождет искусить тебя Помощник твой, обыкновенно попускающий тебе во всем подобном сему, в горячности ли то или в холодности, изменяться по какой-либо причине, или по немощи тела, или по оскудению у тебя сил к перенесению труда обычно совершаемых тобою продолжительного псалмопения, напряженной молитвы, многочисленных коленопреклонений, какие обык ты совершать, то с любовью умоляю тебя, если не станет в тебе этого и не возможешь исполнять сего, то, хотя сидя, бодрствуй и молись сердцем, но не засыпай, и все меры употреби без сна провести ночь, сидя и занимаясь добрыми мыслями. Не ожесточай сердца своего, не омрачай его сном — и снова придут к тебе, по благодати, прежняя горячность, и легкость, и сила, и взыграв, будешь угождать Богу, благодаря Его; потому что холодность сия и таковая тягость попускаются на человека для испытания и искушения. И если возбудит он себя, с горячностью и с малым себе принуждением отрясет с себя это, то приближается к нему благодать,

как было прежде, и приходит к нему иная сила, в которой сокрываются всякое благо и все роды помощи. И в изумлении дивится человек, припоминая прежнюю тягость и нашедшую на него легкость и силу, и представляя себе эту разность и удободвижность и то, как внезапно приял он в себя такое изменение. И с сего времени делается мудрым и, если найдет на него подобная тягость, знает это по прежнему своему опыту. А если человек не будет подвизаться в первый раз, то не может приобрести сей опытности. Видишь ли, сколько умудряется человек, когда возбудит себя несколько и претерпит во время брани, только бы не изнемогло телесное естество? Но это уже не борьба, а необходимость немощи. Ибо в сем случае нет пользы бороться с природою. Во всех же прочих случаях хорошо человеку принуждать себя ко всему, что полезно для него.

Всегдашнее безмолвие вместе с чтением, умеренное вкушение снедей и бдение скоро возбуждают мысль к изумлению, если не будет какой причины, нару-

шающей безмолвие. Мысли, возбуждающиеся в безмолвствующих сами собою, без преднамеренного усилия, делают, что оба ока, лиющимися из них слезами и обилием своим омывающими ланиты, уподобляются купели Крещения.

Когда же тело твое укрощено воздержанием, бдением и внимательностию к безмолвию, но почувствуешь, что в теле твоём без естественного движения возникает блудная страсть, тогда знай, что искушен ты помыслами гордыни. Примешай пепла в пищу свою, прилепи к земле чрево свое и разыщи, о чем ты помышлял, дознай изменение естества своего и противоестественные дела свои, и тогда, может быть, помилует тебя Бог, пошлет тебе свет, чтобы научиться тебе смирению и не возрастал в тебе грех твой. Посему не перестанем подвизаться и прилагать старание, пока не увидим в себе покаяния, не обречем смирения и не упокоится сердце наше в Боге. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 71

О силе и действительности греховных повреждений,
чем они производятся и чем прекращаются

Пока не возненавидит кто причины греха вправду от сердца, не освобождается он от услаждения, производимого действительностию греха. Это есть самое жестокое борение, не уступающее человеку даже до крови; в нем искушается его свобода в единстве любви его к добродетелям. Это есть сила, называемая раздражением и бранию; от одной вонии этого бедная душа изнемогает, по причине неизбежной брани, в ней происходящей. Это есть сила великости греха. Ею враг обыкновенно приводит в смущение души целомудренных и чистые движения понуждает испытывать то, чего никогда они вовсе не принимали в себя. Здесь, возлюбленные братия, докажем свое терпение, соревнование и рачение. Ибо это есть время незримого подвига, о котором говорят, что чин иноческий всегда им побеждает. При встрече с сею бранию

благочестивый ум скоро приходит в смущение, если не будет сильно ополчен.

В сии времена — времена мученичества — Ты, Господи, источник всякой помощи, силен подкрепить души, которые с радостью себя уневестили Тебе, небесному Жениху, и по искренним, а не ухищренным побуждениям вступили с Тобою в завет святой. Посему даруй им силу с дерзновением разорить укрепленные стены и всякую высоту, возносящуюся против истины, чтобы не остаться им неуспевшими в собственном своем намерении от невыносимого и нестерпимого принуждения в такое время, когда борьба идет о крови.

В этой лютой брани не всегда выдерживает подвиг целомудрие, потому что человек оставляется без помощи и для искушения. Но горе немоцному, искушаемому в сей решительной брани, потому что брань сия, от снисканного навыка, приобрела великую силу над теми, которые сами себя предают на поражение соизволением на собственные свои помыслы.

Остерегайтесь, возлюбленные, праздности, потому что в ней сокрыта дознанная смерть и без нее невозможно впасть в руки домогающихся пленить инока. В оный день Бог будет судить нас не о псалмах, не за оставление нами молитвы, но за то, что опущением сего дается вход бесам. А когда найдут они себе место, войдут и заключат двери очей наших, тогда мучительно и нечисто исполнят на нас то, что делателей их подвергает Божественному осуждению и жесточайшему наказанию; и соделаемся мы подручными им за опущение сего маловажного, но что, как написано мудрейшими, ради Христа делается достойным попечения. Кто воли своей не покоряет Богу, тот покорится противнику Его, а потому сие, представляющееся тебе малым, вменится тебе в стену, ограждающую от пленяющих нас. Совершение сего внутри келии по Духу откровения установлено мудрыми, содержащими церковный чин, для охранения нашей жизни. Опущение сего у немудрых признается маловажным. Поелику не берут они

в рассмотрение происходящего от того вреда, то и начало и середина пути их — невежественная свобода, которая есть мать страстей. Лучше стараться не опускать и малого, нежели расширением этого давать место греху. Ибо неуместной этой свободы конец — жестокое рабство.

Пока живы у тебя чувства, при встрече с чем бы то ни было почитай себя мертвым, потому что, если во всех членах твоих не умалится греховное разжжение, не сможешь приобрести себе спасения. Если кто из монахов скажет в сердце своем, что остерегается сего, то, значит, не хочет он и знать, когда заушают его. Кто обманет друга своего, тот по закону достоин проклятия. А кто обманывает сам себя, тот какое понесет наказание за то, что, зная порочность худого дела, прикрывается незнанием? Но что знает он, это показывает обличение совести. То и мучит его, что знает он, в чем притворяется незнающим.

О, как сладостны поводы к страстям! Человек может иногда отсечь страсти;

вдали от них наслаждается тишиною, веселится, когда прекращаются они: но не может сделать, чтобы не было у него причин к страстям. Поэтому искушаемся и нехотя, и печалимся, когда мы в страстях, но любим, чтобы оставались в нас поводы к ним. Грехов себе не желаем, но приводящие нас к ним причины принимаем с удовольствием. Поэтому вторые делаются виновными в действительности первых. Кто любит поводы к страстям, тот невольно и нехотя становится подручным и порабощается страстям. Кто ненавидит свои грехи, тот перестанет грешить; и кто исповедует их, тот получит отпущение. Невозможно же человеку оставить навык греховный, если не приобретет прежде вражды ко греху, и невозможно получить отпущение прежде исповедания прегрешений. Ибо вражда бывает причиною истинного смирения, исповедь — причиною сокрушения, последующего в сердце от стыда.

Если не возненавидим того, что достойно порицания, то, пока носим это в душах своих, не можем ощутить злово-

ния и смрада в действительности всего этого. Пока не отринешь от себя того, что неуместно, до тех пор не узнаешь, каким покрыт ты стыдом и сколько должен краснеть от сего. Когда же бремя свое увидишь на других, тогда узнаешь лежащий на тебе стыд. Удались от мира, и тогда узнаешь зловоние его. А если не удалишься, не узнаешь, сколько он смраден; напротив же того, скорее как в благоухание облечешься в зловоние его и наготу стыда своего будешь почитать завесою славы.

Блажен, кто удалился от мира и от тьмы его и внимает себе единому. Ибо прозорливость и рассудительность не могут действовать в том или услуживать тому, кто проводит жизнь в делах суетных. Да и как возмущаемая его рассудительность в состоянии будет различать, что должно? Блажен, кто вышел из усыпления в упоении своем и на других усматривает, какова ненасытимость сим упоительным чадом! Тогда познает он собственный свой стыд. А пока человек носит в себе чад упоения грехами свои-

ми, благоприличным кажется ему все, что ни делает он. И как скоро природа выходит из своего чина, все равно — упоена ли она вином или похотями: потому что и то и другое выводит из надлежащего состояния, и тем и другим одинаковое распадение производится в теле, вмещающем в себе это; хотя способы различны, но растворение одно. И хотя одинаково изменение, но различия причин бывают не равные, распознаются же и по приемлемости каждого.

За всякою отрадою следует бедствование, и всякое бедствование ради Бога сопровождается отрадою. Если все, что есть в этом мире, подлежит тлению, а тление и здесь, и в будущем веке, и во время исхода бывает от противных причин, и наипаче от непотребного сластолюбия или от противоположного сему сластолюбию злострадания, претерпеваемого при освящении, то Бог и сие устрояет по человеколюбию, чтобы или во время самого пути, или в конце его вкусить нам наказания, и тогда уже, по богатой милости Его, прейти путь, в

одном случае — как некое воздаяние, а в другом — как залог. Ибо не возбраняет приобретать доброе даже до последнего часа; но действительно возбраняет злое, потому что оставляется во зле, как написано, достойный наказания. Наказуемый здесь ради стыда своего вкушает своей геенны*.

Остерегайся собственной своей свободы, предшествующей лукавому рабству. Остерегайся утешения, предшествующего брани. Остерегайся ведения, предшествующего встрече с искушениями, а что всего чаще бывает, желания сей встречи, прежде совершения покаяния. Ибо если все мы грешники, и никто не выше искушений, то ни одна из добродетелей не выше покаяния, потому что дело покаяния никогда не может быть совершенно. Покаяние всегда прилично всем грешникам и праведникам, желающим улучшить спасение. И нет предела усовершению, потому что совершенство и самых совершенных подлинно нескончаемо. По-

* По другому чтению: *своего стыда*. В переводе сербском: *от своей геенны яст*.

сему-то покаяние до самой смерти не определяется ни временем, ни делами. Помни, что за всяким удовольствием следуют омерзение и горечь, как неразлучные спутники.

Остерегайся радости, с которой не соединена причина к изменению. Ибо касательно всего, в чем сокрывается высшее смотрение, не можешь ты постигнуть и познать предела и причины изменения в этом. Бойся тех, о ком предполагаешь, что идут прямым путем, потому что они, как говорится, ходят вне пути. Тот, кто премудро умеет управлять кораблем мира, во все, что в мире, вложил изменяемость; и что вне этого, то — тень.

За отдохновением членов следует исступление и смущение помыслов; за умеренным деланием — уныние, и за унынием — исступление. Но одно исступление различно от другого. За первым исступлением по отдохновении следует блудная брань, а за исступлением от уныния — оставление безмолвной своей обители и переходение с места на место. Соразмерному же и ревностно про-

должаемому деланию нет цены. Умаление в этом умножает удовольствие, и неумеренность умножает исступление. Терпи неразумие естества твоего, которое побеждает тебя, брат, потому что уготован ты быть в оной премудрости, имеющей вечный венец начальства. Не бойся смятения в Адамовом теле, уготованном быть в оном наслаждении, ведение которого здесь выше ума плотных, — быть, когда приидет небесный Образ, то есть Царь мира. Не смущайся изменением и смятением естества, потому что временно злострадание в этом для приемлющего оное с удовольствием. Страсти подобны небольшим псам, которые привыкли быть на мясных рынках и убегают от одного голоса, а если не обратят на них внимания, наступают, как самые большие львы. Ставь ни во что малое пожелание, чтобы не питать в себе мысли о силе его распада, потому что временное терпение в малом отдаляет опасность в великом. Невозможно преодолеть великого, если не препобедишь маловажного.

Помни, брат, тот чин, в котором будешь и в котором — не эта жизнь, как бы перебирающаяся и движущаяся по влагам, но жизнь, сокращающая мертвенность, жизнь, в которой не бывает в этом растворении воспламенения от потворства сластолюбия, доставляющего занятие младенчеству естеству. Претерпи трудность подвига, в который введен ты для испытания, чтобы приять от Бога венец и упокоиться по исшествии из сего мира. Памятуй и оное отдохновение, которому нет конца, и жизнь нелестную, и чин совершенного и непреложного Домостроительства, и плен, понуждающий любить Бога, господствующий над естеством. Сего да сподобимся и мы благодатию Самого Христа, Которому слава со Безначальным Отцом и Святым Духом ныне и всегда и во веки! Аминь.



ГЛАВО 72

О хранении сердца и о тонком созерцании

Если пребываешь наедине в келии своей и не приобрел еще силы истинного созерцания, то занимай себя всегда чтением тропарей и кафизм, памятованием о смерти и надеждою будущего. Все это собирает ум воедино и не позволяет ему кружиться, пока не придет истинное созерцание, потому что сила духа могущественнее страстей. В надежде же будущего занимай себя памятованием о Боге, старайся хорошо выразуметь смысл тропарей и остерегайся всего внешнего, что побуждает тебя к вожделениям. А вместе с тем будь осторожен и в малом, что совершается тобою в келии твоей. Испытывай всегда помыслы свои и молись, чтобы во всяком занятии своем иметь тебе очи: от сего начнет источаться тебе радость; и тогда найдешь такие скорби, которые сладостнее меда.

Никто не может победить страсти, разве только добродетелями ощутитель-

ными и видимыми; и парения ума никто не может преодолеть, разве только изучением духовного ведения. Ум наш легок, и если не связан каким-либо размышлением, не прекращает парения. А без усовершенствования в сказанных выше добродетелях невозможно приобрести сего хранения, потому что, если не победит кто врагов, не может быть в мире. И если не воцарится мир, как можно найти то, что предоставлено миру? Страсти служат преградой сокровенным добродетелям души; и если не будут они низложены прежде добродетелями явными, то за ними невидимы добродетели внутренние. Ибо тот, кто вне стены, не может быть в сообщении с тем, что внутри стен. Никто не видит солнца во мраке, и добродетели — в естестве души, при продолжающемся мятеже страстей.

Молись Богу, чтобы дал тебе ощутить желание Духа и вожделение Его. Ибо когда придут в тебя это созерцание и вожделение Духа, тогда удалишься от мира, и мир отступит от тебя. Сего же невозможно кому-либо ощутить без без-

молвия, подвижничества и упражнения в определенном для сего чтении. Без последнего не ищи и первого, ибо если будешь искать, то оное постепенно обращается и делается телесным. Разумеющий да разумеет. Премудрый Господь благоволил, чтобы в поте снедали мы хлеб сей; и соделал сие не по злобе, но чтобы не было у нас несварения и мы не умерли. Ибо каждая добродетель есть мать другой добродетели. Поэтому если оставишь мать, рождающую добродетели, и пойдешь искать дочерей прежде, нежели отыщешь мать их, то оные добродетели оказываются для души сходными*. Если не отринешь их от себя, то скоро умрешь.



* В издании 1911 г. читается: *ехиднами*. — Ред.

СЛОВО 73

О признаках и действиях любви к Богу

Любовь к Богу естественно горяча и, когда нападет на кого без меры, делает душу ту восторженною. Поэтому сердце ощутившего любовь сию не может вмещать и выносить ее, но, по мере качества нашедшей на него любви, усматривается в нем необычайное изменение. И вот ощутительные признаки сей любви: лицо у человека делается огненным и радостным, и тело его согревается. Отступают от него страх и стыд, и делается он как бы восторженным. Сила, собирающая воедино ум, бежит от него, и бывает он как бы изумленным. Страшную смерть почитает радостью, созерцание ума его никак не допускает какого-либо пресечения в помышлении о небесном. И в отсутствии, не зримый никем, беседует как присутствующий. Ведение и видение его естественное преходят, и не ощущает чувственным образом движения, возбуждаемого в нем предметами, потому что хотя

и делает что, но совершенно того не чувствует, так как ум его парит в созерцании и мысль его всегда как бы беседует с кем другим.

Сим духовным упоением упоевались некогда апостолы и мученики. И одни весь мир обошли, трудясь и терпя поношение, а другие из усеченных членов своих изливали кровь, как воду, в ужасных страданиях не малодушествовали, но претерпевали их доблестно и, быв мудрыми, признаны несмысленными. Иные же скитались в пустынях, в горах, в вертепах, в пропастях земных, и в нестроениях были самые благоустроенные. Сего неразумия и нас достигнуть да сподобит Бог!

Если до вшествия во град смирения примечаешь в себе, что успокоился ты от мятежа страстей, то не доверяй себе. Ибо враг готовит тебе какую-нибудь засаду, напротив того, после покоя жди великой тревоги и великого мятежа. Если не пройдешь всех обителей на пути добродетелей, то не встретишь покоя от труда своего и не будешь иметь отдохно-

вения от вражеских козней, пока не достигнешь обители святого смирения. Сподоби и нас, Боже, достигнуть оной Твоею благодатию! Аминь.



СЛОВО 74

О ВИДАХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

Подвижничество есть мать святыни, от него происходит первое изведение ощущения таин Христовых, что называется первою степеню духовного познания. Никто да не прельщает сам себя и да не мечтает о предугадываниях. Душа оскверненная не входит в чистое Царство и не сочетается с духами святых. Доброту целомудрия твоего угладь слезами, постами и уединенным безмолвием. Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби, потому что произвольная скорбь показывает опыт веры в любви. А дело покоя бывает

следствием усыпления совести. Поэтому святые, из любви Христовой, показали себя благоискусными в скорбях, а не в прохладе, потому что совершаемое без труда есть правда людей мирских, которые творят милостыню из внешнего, сами же в себе ничего не приобретают. Но ты, подвижник и подражатель страданиям Христовым, подвизайся сам в себе, чтобы сподобиться тебе вкусить славы Христовой. Ибо если с Христом страждем, то с Ним и прославимся (см.: Рим. 8:17). Ум не прославится с Иисусом, если тело не страждет за Христа. Наконец, кто небрежет о славе человеческой, тот сподобляется славы Божией, и вместе с душою прославляется и тело его. Ибо слава тела есть покорность целомудрия при помощи Божией, а слава ума есть истинное умозрение о Боге. Истинная покорность* двояка: в делах и в поношении. Посему когда страждет тело, состраждет с ним и сердце. Если не знаешь

* Из латинского перевода видно, что вместо: *υποταγή* (покорность) переводчик читал: *αποταγή* (отречение от мира).

Бога, невозможно возбудиться в тебе любви к Нему. Не возможешь возлюбить Бога, если не узришь Его. А видение Бога есть следствие познания Его, потому что созерцание Его не предшествует ведению Его.

Сподоби меня, Господи, познать и возлюбить Тебя не тем ведением, какое приобретается чрез упражнение с расточением ума, но сподоби меня того ведения, в котором ум, созерцая Тебя, прославляет естество Твое в созерцании, похищающем у мысли ощущение мира. Сподоби меня возвыситься над зрением воли, порождающей мечтания, и узреть Тебя, связуемого крестными узами, в этой второй части распятия ума, который свободно от влияния на него умопредставлений упокоевается в непрестанном, преестественном созерцании Тебя. Соделай, чтобы возрастала во мне любовь к Тебе и чтобы, идя вослед любви Твоей, оставить мне мир сей. Возбуди во мне разумение смирения Твоего, с которым пожил Ты в мире, в этой обители, которую понес Ты на Себе, заимствовав от членов

наших при посредстве Святой Девы, чтобы в непрестанном и незабвенном сем памятовании с наслаждением воспринять мне смирение естества своего.

Два есть способа взойти на крест: один — распятие тела, а другой — вхождение в созерцание; первый бывает следствием освобождения от страстей, а второй — следствием действенности дел духа. Ум не покоряется, если не покорится ему тело. Царство ума есть распятие тела: и ум Богу не покоряется, если свобода не покорена разуму. Трудно что-либо высокое преподать еще новонаначальному и младенцу возрастом. *Горе тебе, граде, в нем же царь твой юн* (Еккл.10:16). Кто покорит себя Богу, тот близок к тому, чтобы покорилось ему все. Кто познал себя, тому дается ведение всего, потому что познать себя есть полнота ведения о всем, и в подчинении души твоей подчинится тебе все. В то время как смирение воцаряется в житии твоём, покоряется тебе душа твоя, а с нею покоряется тебе все, потому что в сердце твоём рождается мир Божий. Но пока ты вне его, не

только страсти, но и обстоятельства будут непрестанно преследовать тебя. Подлинно, Господи, если не смиряемся, ты не престаешь смирать нас. Истинное смирение есть порождение ведения, а истинное ведение есть порождение искушений.



СЛОВО 75

О непрестанном посте, о том, чтобы пребывать собранным в себе на одном месте, о последствиях сего и о том, что при ведении различать обрѣчился он правильному употреблению всего подобнаго сказанному

Долгое время искушаемый в десных и шуих, неоднократно изведав себя сими двумя способами, прияв на себя бесчисленные удары противника и сподобившись втайне великих вспоможений, в продолжение многих лет снискал я опытность и, по благодати Божией, опытно дознал следующее. Основание всего доб-

рого, возвращение души из вражия плена, путь, ведущий к свету и жизни, — все это заключено в сих двух способах: собрать себя воедино и всегда поститься, то есть премудро и благоразумно поставить для себя правилом воздержание чрева, неисходное пребывание на одном месте, непрестанное занятие богомыслием. Отсюда покорность чувств; отсюда трезвенность ума; отсюда укрощение свирепых страстей, возбуждающихся в теле; отсюда кротость помыслов; отсюда светлые движения мысли; отсюда рачительность к делам добродетели; отсюда высокие и тонкие умопредставления; отсюда не знающие меры слезы, источающиеся во всякое время, и память смертная; отсюда чистое целомудрие, совершенно далекое от всякого мечтания, искушающего мысль; отсюда проницательность и дальновидность; отсюда глубокие, таинственные понятия, какие ум постигает при пособии Божественных словес, и внутренние движения, происходящие в душе, разделение и различение духовного как в святых силах и истинных виде-

ниях, так и в суетных мечтаниях. Отсюда тот страх на путях и стезях, который в море мысли отсекает лень и нерадение, тот пламень ревности, который попирает всякую опасность и преодолагает всякий страх, та горячность, которая пренебрегает всяким вожделением, и изглаждает оное в уме, и вместе с прочим приводит в забвение всякое памятование о преходящем; короче сказать, отсюда свобода истинного человека, душевная радость и воскресение со Христом во Царствии.

Если же кто вознерадит о сих двух способах, то пусть знает, что не только повредит он себе во всем, что пред сим сказано, но поколеблет и самое основание всех добродетелей пренебрежением сих двух добродетелей. И как они, если кто удержит их в себе и пребудет в них, суть начало и глава Божественного дела в душе, дверь и путь ко Христу, так, если кто отступит и удалится от них, то придет к сим двум противоположным тому порокам: разумею же телесное скитание и бесчестное чревоугодие. Это суть

начала противного сказанному выше, и они дают место в душе страстям.

И первое начало одной причины прежде всего покорные чувства разрешает от уз воздержности; что же наконец бывает от сего? Неуместные и неожиданные сходбища, приближающие к падениям, мятеж сильных волн, возбуждаемый видением, быстрое воспламенение очей, овладевающее телом и заключающее его в оковы, удобное поползновение в мыслях, неудержимые помыслы, стремящиеся к падению, охлаждение любви к делам Божиим, постепенное ослабление в предпочтении безмолвия и совершенное оставление правила жития своего; а вследствие того, что представляется человеку в произвольных и разных видениях и встречается при перехождении из страны в страну, из места в место, — возобновление забытых, худых дел и обучение иным, которых прежде он не знал. И страсти, которые, по благодати Божией, были уже умерщвлены в душе и истреблены забвением памятований, хранившихся в уме, снова начинают приходить в

движение и понуждать душу к их деланию. Вот что (если не говоришь и не входишь в подробности о всем прочем) открывается вследствие оной первой причины, то есть скитания тела и нетерпеливости в перенесении бедствований безмолвия.

Что же бывает следствием другой причины, то есть если начато нами дело свиней? Что же это за дело? Не то ли, чтобы дозволять чреву не знать границ, непрестанно наполнять его и не иметь указанного времени на удовлетворение телесных потребностей, какое свойственно наблюдать существам разумным? И что же наконец выходит из этого? Отсюда тягость в голове, великое отягощение в теле и расслабление в мышцах, а от сего — необходимость оставлять Божию службу, потому что приходят леность творить на ней земные поклоны, нерадение о поклонах обычных, омрачение и холодность мысли, ум, одебелевший и неспособный к рассудительности от смятения и великого омрачения помыслов, густой и непроницаемый туман, распрос-

тертый в целой душе, сильное уныние при всяком Божием деле, а также и при чтении, потому что человек не способен вкушать сладость словес Божиих; великая лень к отправлению необходимых дел, ум неудержимый, скитающийся всюду по земле; большее накопление соков во всех членах, по ночам нечистые мечтания скверных призраков и нелепых изображений, исполненных похотения, которое проникает в душу и в самой душе нечисто исполняет свои хотения. И постеля у бедного, и одежда его, и даже все тело оскверняются множеством срамных нечистот, какие лиются у него как бы из источника. И это бывает у него не только ночью, но и днем, потому что тело всегда источает нечистоты и оскверняет мысль, так что человек отрекается поэтому от целомудрия. Приятность щеко-таний в целом теле его производится непрерывным и нестерпимым разжжением. И бывают у него обольстительные помыслы, которые изображают перед ним красоту и собеседованием с ними во всякое время раздражают и щеко-туют ум. И

человек, нимало не колеблясь, сочетается с сими помыслами, помышляя о них и вождеlevая их по причине омрачения в нем рассудка. И это есть то самое, что сказал и Пророк: вот воздаяние сестре Содоме, которая, роскошествуя, ела хлеб в сытость, и так далее (Иез. 16:49). И о сем-то сказано одним из великих мудрецов, что если кто с великою роскошию будет питать тело свое, то душу свою подвергнет брани; и если придет в себя и примет на себя труд принудить себя, чтобы овладеть самим собою, то не может сего по чрезмерному разжжению телесных движений и потому что сильны и понудительны раздражения и щекотания, производимые теми, которые пленяют душу своими хотениями. Видишь ли в этом тонкость сих безбожных? И он же говорит еще: телесное наслаждение своею мягкостью и влажностью производит, что скоро снискиваются душою юношеские страсти, и окружает ее смерть, и человек подпадает суду Божию.

А душа, занятая памятованием своих обязанностей, упокоевается в свободе сво-

ей; заботы ее невелики, она ни в чем не раскаивается, промышляя о добродетели, обуздывая страсти, храня добродетель, в возрастание приводит беспечальную радость, добрую жизнь вводит в безопасную пристань. Телесные же наслаждения не только усиливают страсти и восставляют их на душу, но даже исторгают ее из самого корня, и с тем вместе разжигают чрево к невоздержанию, бесчинию до крайней расточительности, и понуждают безвременно удовлетворять телесным потребностям. Одолеваемый сим не хочет стерпеть малого голода и владеть собою, потому что он — пленник страстей.

Вот постыдные плоды чревоугодия. А выше описанные плоды терпения, пребывания на одном месте и в безмолвии великую пользу доставляют душе*. Посему и враг, зная времена наших естественных потребностей, побуждающих природу удовлетворять себя, зная, что от скитания очей и упокоения чрева ум приходит в кружение, старается и усилива-

* Слова: великую пользу доставляют душе дополнены из древнего славянского перевода.

ется в таковые именно времена побуждать нас, чтобы увеличивали мы естественные потребности, и посеять в нас образы лукавых помыслов, чтобы, если можно, страсти в усиленной борьбе взяли верх над природою и человек погряз в грехопадениях. А потому, как враг знает времена, так и нам должно знать немощь свою и силу естества своего, что она недостаточна к сопротивлению стремлениям и движениям в оные времена, и тонкости помыслов, которые в очах наших по легкости уподобляются пуху, и что не можем видеть их* и противостать тому, что встречается с нами, и по причине многого испытания, какому не раз бедственно подвергались мы и каким искушал нас враг, наконец умудриться и не позволять себе опрометчиво исполнять волю нашего покоя, не уступать над собою победу алчбе, но паче если будет изнулять и утеснять нас голод, не двигаться с места своего безмолвия, не ходить туда, где удобно случается с нами

* Согласно с древним славянским переводом здесь вместо: *εαυτους* лучше читать: *αυτους* .

это, и не уготовлять себе предлогов и способов к тому, чтобы уйти из пустыни. Ибо это явные замыслы врага. Если же пребудешь в пустыне, то не подвергнешься искушению, потому что не увидишь ни женщин, ни чего-либо вредного для жития твоего, и не услышишь непристойных гласов.

...Что тебе и пути египетскому, еже пити воду геонскую (Иер. 2:18)? Пойми, что говорю тебе: покажи врагу терпение свое и опытность свою в малом, чтобы не искал у тебя великого. Пусть это малое будет для тебя указанием, как низложить в том сопротивника, чтобы не было у него времени и не изрыл он тебе великих западней. Ибо кто не послушается врага, чтобы на пять шагов отойти от места своего безмолвия, тот может ли послушаться и уйти из пустыни или приблизиться к селению? Кто не соглашается посмотреть в окно из безмолвной своей келии, тот согласится ли выйти из нее? И кого едва убедишь вечером вкусить весьма мало пищи, того уловят ли помыслы есть прежде времени? Кто сты-

дится насыщаться и чем-либо дешевым, тот пожелает ли дорогих яств? Кого не убедишь посмотреть на свое тело, тот уловится ли любопытством видеть чужие красоты?

Посему явно, что иной, вначале пренебрегая малым, побеждается, и таким образом дает врагу повод нападать на него в великом. Кто не заботится о том, чтобы хотя на краткое время продолжилась временная жизнь его, тот побоится ли озлоблений и скорбей, приводящих к желанной смерти? Это брань рассудительная, потому что мудрые не дозволяют себе замышлять о великих подвигах, но терпение, показываемое ими в малом, охраняет их от впадения в великие труды.

Поэтому диавол усиливается сначала сделать, чтобы оставлена была непрестанная сердечная молитва, а потом внушает пренебрежение к уставленным временам молитвы и правила, совершаемого телесно. И таким образом вначале помысл предается слабости вкусить прежде времени какую-нибудь малость пищи и

что-либо самое незначительное и ничтожное, а по впадении в нарушение воздержания своего человек поползается в неумеренность и распутство. Сначала одолевается желанием (лучше же сказать, маловажным представляется это в глазах его) посмотреть на наготу своего тела или на другую какую красоту членов своих, когда снимает с себя одежды свои, или когда выходит он для телесной потребности или к воде, и расслабит чувства свои, или смело положит руку под одежды свои и начнет осязать тело свое, а потом восстает уже в нем и прочее одно за другим. И кто прежде охранял твердыню ума и скорбел о чем-либо одном из сказанного, тот отверзает тогда к себе широкие и опасные входы, потому что помыслы (скажу уподобительно), как вода, пока отовсюду бывают сдерживаемы, соблюдают добрый свой порядок; а если мало из твердыни своей выступят наружу, производят разорение ограды и великое опустошение. Ибо враг днем и ночью стоит у нас перед глазами, примечает, выжидает и высматривает, каким

отверстым входом чувств наших войти ему. И когда допущено нами нерадение в чем-либо одном из сказанного выше, тогда этот хитрый и бесстыдный пес пускает в нас стрелы свои. И иногда природа сама собою начинает любить покой, вольность, смех, парение мыслей, леность — и делается источником страстей и пучиною мятежа; а иногда противник внушает это душе. Но мы великие труды свои заменим, наконец, трудами малыми, которые почитаем за ничто. Ибо если сии пренебрегаемые нами труды, как показано, предотвращают многие великие подвиги, неудобоисполнимые труды, самые жаркие борьбы и тяжкие удары — кто не поспешит сими малыми предварительными трудами обрести себе сладостный покой?

О, как удивительна ты, мудрость, как издалека все предусматриваешь! Блажен, кто обрел тебя. Он свободен от нерадения юности. Если кто за маловажную вещь из своей собственности покупает врачевство от великих страстей, то хорошо он делает. Ибо однажды некто излюбомудрых, покачнувшись от слабо-

сти и ощутив это, немедленно сел, приведя себя в прямое положение; другой, посмотрев на него, рассмеялся на это. Но он отвечал: «Не этого убоялся я, но боюсь небрежения: потому что малая небрежность нередко ведет к великим опасностям. А тем, что нарушил я порядок и вскоре исправился, показал, что я трезвен и не пренебрегаю даже и тем, что не страшно». Вот любомудрие — человеку, что ни делает он, и в малом и в незначительном быть всегда трезвенным. Он уготовляет себе великое упокоение, и не спит, чтобы не случилось с ним чего-либо противного, но заблаговременно пресекает к тому причины и ради маловажных вещей переносит малую скорбь, уничтожая ею скорбь великую.

А безрассудные малый близкий покой предпочитают отдаленному Царству, не зная, что лучше претерпеть мучения в подвиге, нежели упокоиться на ложе земного царства и быть осуждену за лень. Мудрым вожделенна смерть, только бы не подпасть обвинению, что какое-либо из дел своих исполнили без трез-

венности. Почему и говорит мудрый: будь бодрствен и трезвен ради жизни своей, потому что сон ума сроднен истинной смерти и есть ее образ. А богоносный Василий говорит: кто ленив в чем-либо малом, до него касающемся, о том не верь, что отличится он в великом.

Не унывай, когда дело идет о том, что доставит тебе жизнь, и не поленись за это умереть, потому что малодушие — признак уныния, а небрежение — мать того и другого. Человек боязливый дает о себе знать, что страждет двумя недугами, то есть животолюбием и маловерием. А животолюбие — признак неверия. Но кто пренебрегает сим, тот удостоверяет о себе, что всею душою верует Богу и ожидает будущего.

Если кто приблизился к Богу без опасностей, подвигов и искушений, то и ты подражай ему. Сердечная бодрость и пренебрежение опасностей бывают по одной из сих двух причин: или по жестокосердию, или по великой вере в Бога. За жестокосердием следует гордость, а за верою — смиренномудрие сердца. Чело-

век не может приобрести надежды на Бога, если прежде, в своей мере, не исполнял воли Его. Ибо надежда на Бога и мужество сердца рождаются от свидетельства совести, и только при истинном свидетельстве ума нашего имеем мы упование на Бога. Свидетельство же ума состоит в том, что человека нимало не осуждает совесть, будто бы вознерадел о чем-либо таком, к чему обязан он, по мере сил своих. Если не осудит нас сердце наше, дерзновение имамы к Богу (1 Ин. 3:21). Посему дерзновение бывает следствием преспеяния в добродетелях и доброй совести. Потому мучительное дело — раболепствовать телу. Кто хотя несколько ощутил в себе надежды на Бога, тот не согласится уже по нужде работать этому жестокому владыке — телу. Богу же нашему слава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 76

О молчании и безмолвии

Всегдашнее молчание и хранение безмолвия бывают у человека по следующим трем причинам: или ради славы человеческой, или по горячей ревности к добродетели, или потому, что человек внутри себя имеет некое Божественное собеседование, и ум его влечется к оному. Поэтому если в ком нет одной из последних причин, то по необходимости недугует он первою немощию. Добродетель есть не обнаружение многих и различных дел, совершаемых телесно, но самое мудрое в надежде своей сердце, потому что правильная цель привязывает его к делам по Богу. Ум и без дел телесных может совершать доброе. А тело без сердечной мудрости, если и делает что, не может извлечь из сего пользы. Впрочем, человек Божий, когда находит удобство к совершению доброго дела, не утерпит, чтобы не доказать любви к Богу трудом делания своего. Первый чин все-

гда успевает, второй часто успевает, а иногда и нет. Но не думай, что маловажное дело — человеку всегда быть далеким от причин, возбуждающих страсти. Богу же нашему слава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 77

О ТЕЛЕСНОМ ДВИЖЕНИИ

Движение в низших членах тела, бывающее без усиленных помыслов неуместного сластолюбия, которое возбуждается с воспламенением и против воли влечет душу в бедствие, без сомнения, есть следствие пресыщения чрева. Если же чрево и соблюдает, может быть, умеренность в пище, но члены непроизвольно, каким бы то ни было образом, приходят в движение, то знай, что в самом теле — источник страсти. И в этой борьбе почти для себя крепким и непреодолимым оружием — удаляться от лицезрения

женщин, потому что противник не может произвести в нас того, что в состоянии сделать природа своею силою. Ибо не думай, что природа забывает о том, что естественно всеяно в нее Богом для чадородия и для испытания пребывающих в сем подвиге. Но удаление от предметов вожделения умерщвляет в членах похоть, производит забвение о ней и истребляет ее.

Инаковы помыслы о предметах, которые весьма отдаленны, проходят только в мысли и производят собою легкое и едва ощутительное движение. Инаковы же помыслы, которые погружают ум в видение предмета, не оставляя его в самозабвении, возбуждают страсти близостию, питают человека, как елей питает горение светильника, воспламеняют страсть уже омертвевшую и угасшую и море тела возмущают движением корабля мысли. То естественное движение, какое бывает в нас собственно ради чадородия, без присовокупления чего-либо отвне, не может возмутить чистоты произволения и потревожить целомудрия,

потому что Бог не дал природе силы преодолевать доброе произволение, устремляться к Нему. Но когда возбужден кто или раздражительностию, или похотию, тогда не сила естественная понуждает его выйти из пределов естества и выступить из своих обязанностей, а то, что присовокупляем мы к естеству по побуждениям воли. Что ни сотворил Бог, все сотворил прекрасно и соразмерно. И пока правильно сохраняется в нас мера ответственности в естественном, движения естественные не могут понудить нас уклониться с пути; напротив того, в теле возбуждаются одни стройные движения, которые дают только знать, что есть в нас естественная страсть, но не производят щекотания и смятений, чтобы тем воспрепятствовать целомудрию, а также не омрачают ума раздражительностию и не приводят из мирного состояния в состояние гневное. Если же увлекаемся иногда чувственным (отчего и раздражительность принимает обыкновенно противоестественное стремление) и предаемся или ядению, или питию в

превосходящем мере количестве, или сближению с женщинами и смотрению на них, или беседам о них, чем воспламеняется и быстро распространяется в теле огонь похотения, то естественную кротость свою изменяем при этом в свирепость или по причине множества в теле влаг, или по причине видения разных вещей.

Бывает же иногда движение в членах и по Божью попущению за наше самомнение; и оно уже не таково, как прежнее. Ибо те брани называем свободными, и в них виден путь общего естества. О сей же брани, которая, по причине нашего самомнения, бывает вследствие попущения, знаем, что, когда долгое время бываем внимательными к себе и трудимся, даже почитаем себя преуспевшими несколько, попускается терпеть нам сию брань, чтобы научиться смирению. Прочие же брани, без этой причины бывающие нам не по силам, происходят от нашей лености. Ибо естество, когда по чревоугодию принимает в себя какое-то добавление к чувственному, не согла-

шается уже хранить тот порядок, какой установлен при его создании. Кто добровольно отринул скорби и неисходное пребывание в келии, тот понуждается возлюбить грехи. Ибо без скорбей не может расстаться с обольщением мудрования. В какой мере умножаются труды, в такой уменьшаются грехи, потому что скорби и опасности умерщвляют в страстях сладострастие, а покой питает и возвращает их.

Наконец, ясно дознал я, что Бог и Ангелы Его радуются, когда мы в нуждах, а диавол и делатели его — когда мы в покое. Если же в скорбях и теснотах совершаются заповеди Божии, а мы уничижили их, то значит уже, что вопреки Божию повелению ухищряемся пренебрегать заповедями по причине страстей, рождающихся от нашего покоя, и приводим в бездействие причину добродетели, то есть тесноту и скорбь, и, по мере приобретаемого нами себе покоя, даем в себе место страстям, потому что в утесняемом теле помыслы не могут предаваться суетным парениям. Когда кто с

радостию несет на себе труды и скорби, тогда может сильно обуздывать помыслы, потому что помыслы сии трудами приводятся в бездействие. Когда человек памятует прежние свои грехи и наказывает себя, тогда и Бог прилагает попечение о том, чтобы упокоить его. Бог радуется, что за уклонение от пути Божия сам он наложил на себя наказание, что служит знаком покаяния. И чем более делает он принуждений душе своей, тем паче приумножается Богом честь его. Всякая же радость, причина которой не в добродетели, в обретшем оную немедленно возбуждает похотливые движения. Но содержи в мысли и то, что сказали мы это о всяком страстном, а не о естественном, похотении. Богу же нашему да будет слава во веки веков! Аминь.



СЛОВО 78

О видах разных искушений и о том, сколько
сладости имеют искушения, бывающие и
претерпеваемые за истину, и по каким степеням
восходит человек благоразумный

Добродетели одна другой преемственны, чтобы путь добродетели не был трудным и тяжким, чтобы можно было преуспевать в них по порядку и находить в этом для себя облегчение и чтобы таким образом самые трудности, переносимые ради добра, соделались любезными, как нечто доброе. Ибо никто не может приобрести действительной нестяжательности, если не убедит и не уготовит себя к тому, чтобы с радостию переносить искушения. И никто не может переносить искушений, кроме уверившегося, что за скорби, к участию в которых уготовил он себя, можно приять нечто превосходящее телесный покой. Посему во всяком, кто уготовал себя к нестяжательности, сперва возбуждается любовь к скорбям, а потом приходит к нему помысл не

приобретать того, что есть в этом мире. И всякий, приступающий к перенесению скорби, сперва укрепляется верою, а потом приступает к скорбям. Кто лишает себя вещественного, но не отнял у себя действительности чувств, разумею зрение и слух, тот уготовил себе сугубую скорбь и будет сугубо бедствовать и скорбеть. Лучше же сказать: какая польза лишать себя чувственных вещей — и услаждать ими чувства? Ибо от ощущений, производимых сими вещами, человек терпит то же самое, что прежде терпел при совершении дела, потому что памятование о привычке к ним не выходит у него из мысли. А если мысленные представления вещей без самых вещей производят в человеке болезненное чувство, что скажем, когда при нас и близко к нам — самые вещи? Прекрасно, наконец, отшельничество, потому что много содействует, сильно укрощает помыслы, самым пребыванием в отшельничестве влагает в нас силы и учит великому терпению в постигающих человека необходимых скорбях.

Не домогайся заимствоваться советом у человека, который не ведет одинакового с тобою образа жизни, хотя он и крайне мудр. Доверь помысл свой лучше человеку неученому, но опытно изведавшему дело, нежели ученому философу, который рассуждает по своим исследованиям, не испытав на деле. Что же такое опыт? Приобрести опыт — значит не подойти только человеку к каким-либо вещам и посмотреть на них, не приравняв в себя ведения о них, но по долгом обращении с ними ясно ощутить на опыте их пользу и вред. Ибо нередко вещь наружно кажется вредною, но внутри ее все оказывается исполненным пользы. То же разумеи и о противном сему, то есть нередко кажется вещь имеющею пользу, но внутренне исполнена вреда. Потому многие от выгодных, по-видимому, вещей несут ущерб; и оттого свидетельство ведения не истинно. А потому пользуйся таким советником, который умеет в терпении обсудить, что требует рассуждения. Поэтому-то не всякий, подающий совет, достоин доверен-

ности, но только тот, кто прежде сам хорошо управил свободу свою и не боится осуждения и клеветы.

Когда на пути своем находишь неизменяемый мир, тогда бойся, потому что далеко отстоишь от прямой стези, протоптанной утружденными стопами святых. Ибо пока ты еще на пути ко граду Царствия, признаком приближения твоего ко граду Божию да будет для тебя следующее: сретают тебя сильные искушения; и чем более приближаешься и преуспеваешь, тем паче предстоящие тебе искушения умножаются. А потому, как скоро на пути своем ощутишь в душе своей наибольшие и сильнейшие искушения, знай, что в это время душа твоя действительно втайне вступила на новую высшую ступень, и приумножена ей благодать в том состоянии, в каком она поставлена, потому что, соответственно величию благодати, в такой же именно мере и в скорбь искушений вводит Бог душу, и вводит не в мирские искушения, какие бывают с иными для обуздания порока и дел явных, не телесные возмущения разумеи

также под искушениями, но искушения, какие приличны инокам в их безмолвии и которые опишем подробно впоследствии. Если же душа в немощи и нет у ней достаточных сил для великих искушений, а потому просит, чтобы не войти ей в оные, и Бог послушает ее, то наверное знай, что в какой мере не имеет душа достаточных сил для великих искушений, в такой же она недостаточна и для великих дарований; и как возбранен к ней доступ великим искушениям, так возбраняются ей и великие дарования, потому что Бог не дает великого дарования без великого искушения. Соразмерно с искушениями определены Богом и дарования, по Его премудрости, которой не постигают созданные Им. Наконец, по жестоким скорбям, посылаемым на тебя Божиим Промыслом, постигает душа твоя, какую прияла она честь от величия Божия. Ибо по мере печали бывает и утешение.

Вопрос. Как же поэтому? Сперва ли искушение, и потом дарование; или сперва дарование, а за ним уже и искушение?

Ответ. Не приходит искушение, если душа не примет сперва втайне величия паче меры своей, и Духа благодати, приятого ею прежде. О сем свидетельствуют искушения самого Господа, а подобно сему и искушения апостолов, которым не было попущено войти в искушения, пока не прияли Утешителя. Кто приобщается благ, тому прилично терпеть и искушения, потому что скорбь его после блага. Так угодно было благому Богу творить со всеми. И хотя это действительно так, то есть благодать прежде искушения, однако же ощущение искушений, для испытания свободы, непременно предшествовало ощущению благодати. Ибо благодать ни в ком никогда не предшествует испытанию искушений. Благодать предускоряет в уме, но замедляет в ощущении. И нам во время сих искушений прилично уже иметь два противоположных и ни в чем не сходных между собою ощущения, то есть радость и страх; радость — потому что оказываешься идущим по пути, проложенному святыми, лучше же сказать — Самим Оживотво-

рителем всех, как это явствует из рассмотрения искушений. Страх же должны мы иметь, чтобы не по причине гордости терпеть в этом искушение. Впрочем, смиренномудрые умудряются благодатию и могут все это различать и дознавать, то есть какое искушение от плода гордости и какое — от ударов, наносимых^{*} любовью. Искушения при вступлении в доброе житие и при возрастании оно́го отличаются от искушений, попускаемых для вразумления за гордыню сердца.

Искушение друзей Божиих,
то есть смиренномудренных

Искушения, какие бывают душе от духовного жезла к ее преспеянию и возрастанию и которыми она обучается, испытывается и вводится в подвиг, суть следующие: лень, тяжесть в теле, рас-

* Перевод Паисиев показывает, что в сем месте читал он: τὸν τηκτομένον, а не τὸν τυπτομένον, как читается в греческом тексте. Переводы древние славянский и латинский подтверждают чтение печатного греческого текста.

слабление членов, уныние, смущение мыслей, мнительность от изнеможения тела, временное пресечение надежды, омрачение помыслов, недостаток человеческой помощи, скудость в потребном для тела и тому подобное. От сих искушений человек приобретает душу одинокую и беззащитную, сердце омертвевшее и смирение. И сим дознается, начал ли он возделывать Создателя. Промыслитель соизмеряет искушения с силами и потребностями приемлющих оные. В нас срастворяются и утешение и поражение, свет и тьма, брани и помощь, короче сказать, теснота и пространство. И это служит знаком, что человек при помощи Божией преуспевает.



СЛОВО 79

О гордости.

Искушения врагов Божиих, то есть гордых

Искушения, бывающие по Божию попу-щению на людей бесстыдных, которые в мыслях своих превозносятся пред благо-стию Божиею и оскорбляют гордостью своею Божию благодать, суть следующие явные демонские искушения, превышаю-щие пределы душевных сил: отъятие силы мудрости, какую имеют люди, покоя не дающее ощущение в себе блудной мыс-ли, попускаемой на них для смирения их превозношения, скорая раздражитель-ность, желание поставить все по своей воле, препираться на словах, делать вы-говоры, пренебрегающее всем сердцем, со-вершенное заблуждение ума, хулы на имя Божие, юродивые, достойные смеха, луч-ше же сказать, слез, мысли, будто бы пренебрегают ими люди, в ничто обра-щается честь их, и тайно и явно, разными способами наносится им стыд и поруга-ние от бесов, наконец, желание быть в

общении и обращении с миром, непрестанно говорить и безрассудно пустословить, всегда отыскивать себе новости и даже лжепророчества, обещать многое сверх сил своих. И это суть искушения духовные.

К числу искушений телесных принадлежат: болезненные, многосложные, продолжительные, неудобоизлечимые припадки, всегдашние встречи с людьми худыми и безбожными. Или человек впадает в руки оскорбителей, сердце его вдруг, и всегда без причины, приводится в движение страхом Божиим; часто терпит он страшные, сокрушительные для тела падения с камней, с высоких мест и с чего-либо подобного, наконец, чувствует оскудение в том, что помогает сердцу Божественною силою и упованием веры; короче сказать, и их самих и близких им постигает все невозможное и превышающее силы. Все же это, нами изложенное, принадлежит к числу искушений гордости.

Начало же оных появляется в человеке, когда начинает кто в собственных глазах своих казаться себе мудрым. И он

проходит все сии бедствия по мере усвоения им себе таковых помыслов гордости. Наконец, по роду искушений своих заключа́й о путях тонкости ума твоего. Если же видишь, что некоторые из сих искушений смешаны с искушениями, сказанными прежде, то знай, что сколько имеешь ты оных, столько же проникает в тебя гордыня.

Послушай еще и о другом способе заключать об искушениях. Всякое тесное обстоятельство и всякая скорбь, если нет при них терпения, служат к сугубому мучению, потому что терпение в человеке отражает бедствия, а малодушие есть мать мучения. Терпение есть мать утешения и некая сила, обыкновенно порождаемая широтою сердца. Человеку трудно найти таковую силу в скорбях своих без Божественного дарования, обретаемого неотступностию молитвы и изливанием слез.

Когда угодно Богу подвергнуть человека большим скорбям, попускает впасть ему в руки малодушия. И оно порождает в человеке одолевающую его силу уныния, в котором ощущает он подавление души,

и это есть вкушение геенны; сим наводит-ся на человека дух исступления, из кото-рого исходятся тысячи искушений: смущение, раздражение, хула, жалоба на судьбу, превратные помыслы, переселение из одной стороны в другую и тому подоб-ное. Если же спросишь: что причиною всего этого? — то скажу: твое нерадение. Сам ты не позаботился взыскать врачев-ства от этого. Врачевство же от всего это-го одно, при помощи только одного чело-век находит скорое утешение в душе сво-ей. Какое же это врачевство? Смиренно-мудрие сердца. Без него никто не возмо-жет разорить преграду сих зол; скорее же найдет, что превозмогли над ним бедствия.

Не гневайся на меня, что говорю тебе правду. Не взыскал ты смиренномудрия всею душою твоею. Но если хочешь, вступи в его область, и увидишь, что освободит оно тебя от порока твоего. По мере смиренномудрия дается тебе терпе-ние в бедствиях твоих; а по мере терпе-ния облегчается тяжесть скорбей твоих, и приемлешь утешение; по мере же уте-шения твоего увеличивается любовь твоя

к Богу; и по мере любви твоей увеличивается радость твоя о Духе Святом. Щедролюбивый Отец наш — у истинных сынов Своих, когда соблаговолит сотворить облегчение их искушений — не отъемлет искушений их, но дает им терпение в искушениях. И они рукою терпения своего приемлют все сии блага к усовершению душ своих. Да сподобит и нас Христос Бог по благодати Своей в благодарении сердца претерпеть злое из любви к Нему! Аминь.



СЛОВО 80

ОБ ИЗЪЯСНЕНИИ ВИДОВ ДОБРОДЕТЕЛИ
И О ТОМ, КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И КАКОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО
КАЖДОГО ИЗ НИХ

Телесная добродетель в безмолвии очищает тело от вещественного в нем, а добродетель ума смиряет душу и очищает ее от грубых губительных мыслей,

чтобы не ими занималась она страстно, но паче пребывала в созерцании своем. Созерцание сие приближает ее к разоблачению ума, что называется созерцанием невестственным. И это есть духовная добродетель: это возносит мысль от земного, приближает ее к первому духовному созерцанию, и пред Богом поставляет и мысль, и созерцание неизглаголанной славы (а это есть возбуждение представлений о величестве естества Божия), и отлучает ум от мира сего и от ощущения его. Сим-то утверждаемся в оной нам предоставленной надежде и удостоверяемся в исполнении ее*, — и это есть *препение*, о котором сказал Апостол (Гал. 5:8), то есть удостоверение, которым, по обетованной нам надежде, ум мысленно приводится в веселие. Выслушай же, что значит сие и как бывает то или другое из сказанного.

Телесное житие по Богу составляют дела телесные; делами же телесными именуются те, которые для очищения плоти

* Здесь удержан древний славянский перевод, несогласный с греческим текстом.

в добродетельной деятельности совершаются явными действиями, которыми человек очищается от плотской нечистоты. Житие умное есть дело сердца, неослабно продолжаемое с заботливою мыслию о Суде, или правде Божией и судах Божиих, также непрестанная молитва сердца, мысль о Промысле и попечении Божиим, как частном, так и общем, усматриваемом в целом мире, и охранение себя от страстей тайных, чтобы не встречалось ничего страстного в области сокровенной и духовной. Все это есть дело сердца; оно-то и называется житием умным. В сем деле жития, называемом душевною деятельностью, сердце утончается, отлучается от общения с противоестественною, ничтожною жизнью, а потом начинает иногда возбуждаться к тому, чтобы с размышлением смотреть на вещи чувственные, созданные для потребности и возвращения тела, и разумевать, как их служением дается сила четырём стихиям в теле.

Житие духовное есть деятельность без участия чувств. Оно описано отцами. Как

скоро умы святых приемлют на себя оное, отъемлются от среды воззрение вещественное и дебелость тела, и начинается уже воззрение умное (а воззрением вещественным называю тварь первоначального естества), и от сего вещественного воззрения человек удобно возводится к познанию уединенного жития, которое, по ясному истолкованию, есть удивление Богу. Это есть то высокое состояние при наслаждении будущими благами, какое дается в свободе бессмертной жизни, в жизни по воскресении, потому что природа человеческая не перестанет там всегда удивляться Богу, вовсе не имея никакого помышления о тварях; ибо если было бы что подобное Богу, то ум мог бы подвигнут быть к этому, иногда Богом, а иногда сим самым. Но поелику всякая красота твари в будущем обновлении ниже красоты Божией, то как может ум воззрением своим устраниваться от красоты Божией? Итак, что же? Опечалят ли его необходимость умереть, или тягость плоти, или память о родных, или естественная потребность, или бедствия, или пре-

пятствия, или неведомое парение, или несовершенство природы, или окружение стихиями, или встреча одного с другим, или уныние, или утомительный телесный труд? Нимало. Но хотя все сие и бывает в мире, однако же в то время, когда покрывало страстей снято с очей ума и зрит он будущую славу, мысль тотчас возносится в восторге. И если б в этой жизни таковому состоянию не положил Бог предела, сколько именно промедлить в оном, и притом дозволялось это человеку во всю его жизнь, то человек не мог бы и здесь устраниваться от воззрения на сие, и тем паче не возможен там, где нет всего исчисленного выше. Ибо добродетель она не имеет пределов, и мы самим делом и существенно войдем внутрь дворов царских, если сподобимся того за житие свое.

Посему как же может ум устраниваться и удалиться от дивного и Божественного оногo созерцания и остановиться на чем-либо ином? Горе нам, что не знаем душ своих и того, к какому житию мы призваны; но эту жизнь немощи, это состояние живущих, эти скорби мира и самый

мир, пороки его и упокоение его почитаем чем-то значительным!

Но, Христе, единый всемогущий! *Блажен муж, емуже есть заступление его у Тебе; восхождения в сердце своем положи* (ср.: Пс. 83:6). Ты, Господи, отворачай лица наши от мира к тому, чтобы вожделевать Тебя, пока не увидим, что такое мир, и не перестанем верить тени, как действительности. Вновь сотворив, обнови, Господи, в уме нашем рачение прежде смерти, чтобы в час исшествия нашего нам знать, каковы были вшествия и исшествия наши в мире сем, пока не совершено нами дело, на которое по воле Твоей первоначально мы призваны в жизнь, и потом не воспринята надежда умом, исполненным упования, получить, по обетованию Писаний, великие блага, какие уготовала любовь Твоя, во втором воссоздании, о котором памятование сохраняется верою в таинства.



ГЛАВО 81

Об очищении тела, души и ума

Очищение плоти есть неприкосновенность к плотской скверне. Очищение души есть освобождение от тайных страстей, возникающих в уме. Очищение же ума совершается откровением таин. Ибо очищается он от всего, что по дебелости своей подлежит чувству. Малые дети невинны телом, бесстрастны по душе; но никто не назовет их чистыми и по уму. Ибо чистота ума есть совершенство в самом действии небесного воззрения, к которому без участия чувств возбуждаемся духовною силою горних украшений и бесчисленных чудес оного небесного мира, наслаждение которыми в невидимом служении их разделяется для тех и других тонкими умопредставляемыми Божественными откровениями, непрестанно и на всякий час изменяющимися. Сам Бог наш да сподобит нас созерцать Его непокрытым умом, а потом и непосредственно во веки веков! Ему слава! Аминь.

СЛОВО 82

СОДЕРЖАЩЕЕ В СЕБЕ ПРЕДМЕТЫ ПОЛЕЗНЫЕ,
ИСПОЛНЕННЫЕ ДУХОВНОЙ МЪДРОСТИ

Вера есть дверь таинств. Как телесные очи видят предметы чувственные, так вера духовными очами взирает на сокровенное. У нас два душевных ока, как говорят отцы, подобно тому, как два же телесных ока; но потребность видения не одна и та же в каждом из очей душевных. Одним оком видим тайны Божией славы, сокровенные в естествах, то есть силу и премудрость Божию и совечное промышление Божие о нас, постигаемое из величия управления нами; а подобно сему тем же оком созерцаем и небесные сослужебные нам чины. Другим же оком созерцаем славу святого естества Божия, когда благоволит Бог ввести нас в духовные таинства и в уме нашем отверзет море веры.



СЛОВО 83

О ПОКАЯНИИ

Как благодать, на благодать людям по Крещении дано покаяние, потому что покаяние есть второе возрождение от Бога. И то дарование, которого залог прияли мы от веры, приемлем покаянием. Покаяние есть дверь милости, отверстая усильно ищущим его; сею дверью входим в Божию милость; кроме этого входа не обретем милости; *вси бо, по слову Божественного Писания, согрешиша... оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. 3:23—24). Покаяние есть вторая благодать, и рождается в сердце от веры и страха; страх же есть отеческий жезл, управляющий нами, пока не достигнем духовного рая благ; а когда достигнем, тогда оставит он нас и возвратится.

Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами, — где блаженный Павел напился преестествоною пищею, и как скоро вкусил там

плода с древа жизни, воскликнул, сказав: *Ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2:9). Плоды древа сего возбранены Адаму по умыслению диавольскому. Древо жизни есть любовь Божия, от которой отпал Адам; и с тех пор не встречала уже его радость, но работал и трудился он на земле терний. Лишенные любви Божией, если и по правоте ходят, едят тот хлеб пота в делах своих, какой повелено есть первозданному по падении его. Пока не приобретем любви, делание наше на земле терний; и хотя сеяние наше бывает сеянием правды, — и сеем и пожинаем мы среди терний, и ежечасно уязвляемся ими, и что ни делали б к своему оправданию, живем в поте лица. А когда обречем любовь, тогда станем питаться небесным хлебом и укрепляться в силах без работы и труда. Небесный хлеб есть Христос, *сшедший с небесе и дающий живот миру* (Ин. 6:33). Это есть пища ангельская.

Кто обрел любовь, тот каждый день и час вкушает Христа и делается от сего

бессмертным, ибо сказано: ...кто снестъ от хлеба сего, егоже Аз дам ему, смерти не узрит во веки (Ин. 6:51). Блажен, кто вкушает от хлеба любви, который есть Иисус. А что вкушающий любви вкушает Христа, сущего над всеми Бога, о сем свидетельствует Иоанн, говоря: *Бог любви есть* (1 Ин. 4:8). Наконец, живущий в любви плодоприносит жизнь от Бога и в этом еще мире, в ощущаемом здесь обоняет оный воздух воскресения. Сим воздухом наслаждаются праведные по воскресении. Любовь есть Царство; о ней Господь таинственно обетовал апостолам, что вкусят ее в Царстве Его. Ибо сказанное: *да ясте и пиете на трапезе Царствия Моего* (Лк. 22:30) — что иное означает, как не любовь? Любви достаточно к тому, чтобы напитать человека вместо пищи и питья. Вот вино, *веселящее сердце человека* (Пс. 103:15). Блажен, кто испиет вина сего! Испили его невоздержные — и устыдились; испили грешники — и забыли пути преткновений; испили пьяницы — и стали постниками; испили богатые — и возже-

лали нищеты; испили убогие — и обогатились надеждою; испили больные — и стали сильны; испили невежды — и умудрились.

Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладьи, так никто не может без страха достигнуть любви. Смердное море между нами и мысленным раем можем перейти только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Но если сии гребцы страха не правят кораблем покаяния, на котором по морю мира сего преходим к Богу, то утопаем в этом смердном море. Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — Божественная пристань. Поэтому страх вводит нас на корабль покаяния, перевозит по смердному морю жизни и путеводствует к Божественной пристани, которая есть любовь. К сей пристани приходят все труждающиеся и обремененные покаянием. И когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш свершен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святой. Ему слава и держава! И нас

страхом Своим да соделает достойными славы и любви Его! Аминь.



ГЛАВО 84

О том, как велика бывает мера веденія
и мера веры

Есть ведение, предшествующее вере, и есть ведение, порождаемое верою. Ведение, предшествующее вере, есть ведение естественное, а порождаемое верою есть ведение духовное. Есть ведение естественное, различающее добро от зла, и оно именуется естественною рассудительностью, которою естественно без науки распознаем добро и зло. Сию рассудительность Бог вложил в разумную природу; при помощи же науки она получает приращение и пополнение. Нет человека, который бы не имел ее. Это есть сила естественного ведения в разумной душе; это есть то различение добра и зла,

которое в душе непрестанно приводится в действие. Лишенные этой силы ниже разумной природы, а в имеющих ее природа духовная в надлежащем своем состоянии, и в них не погублено ничего из данного Богом природе к чести разумных тварей Его. Утративших сию познавательную силу, различающую добро от зла, Пророк укоряет, говоря: *...человек в чести сый, не разуме* (Пс. 48:13). Честь разумной природы — рассудительность, различающая добро от зла, и утративших оную Пророк справедливо уподобил бессмысленным скотам, не имеющим разума и рассудка. Сею рассудительностию можно нам обретать путь Божий. Это есть естественное ведение; оно предшествует вере и есть путь к Богу. Сим приобретаем познание, чтобы различить добро от зла и приять веру. И сила природы свидетельствует, что человеку должно веровать в Того, Кто сотворил все это, веровать словесам заповедей Его и исполнять их. От верования же рождается страх Божий. И когда вера будет сопровождать дела и постепенно придет

в делание, тогда рождает духовное ведение, о котором сказали мы, что рождается оно от веры.

Естественное ведение, то есть различение добра и зла, вложенное в природу нашу Богом, само убеждает нас в том, что должно веровать Богу, приведшему все в бытие. А вера производит в нас страх; страх же понуждает нас к покаянию и деланию. Так дается человеку духовное ведение, то есть ощущение таин, которое рождает веру истинного созерцания. А таким образом не просто от одной голой веры рождается духовное ведение, но вера рождает страх Божий, и при Божием страхе, когда в нем начнем действовать, от действия сего страха рождается духовное ведение, как сказал святой Иоанн Златоуст: «Когда приобретет кто волю, соответствующую страху Божию и правильному образу мыслей, тогда скоро приемлет он откровение сокровенного». Откровением же сокровенного называет он духовное ведение.

Но и не страх Божий рождает сие духовное ведение. Ибо что не вложено в

природу, то не может и родиться. Но ведение сие дается в дар деланию страха Божия. Когда исследуешь внимательно дело страха Божия, тогда найдешь, что оно есть покаяние; и отсюда-то духовное ведение. Это есть то самое, о чем сказали мы, что залог сего прияли мы в Крещении, а дарование приемлем непременно покаянием. И дарование сие, о котором сказали мы, что приемлем оное покаянием, есть самое духовное ведение — это даяние, подаваемое действительностью страха. Духовное же ведение есть ощущение сокровенного. И когда ощутит кто сие невидимое и во многом превосходнейшее, тогда приемлет оно от сего именование духовного ведения, и в ощущении его рождается иная вера, не противная вере первой, но утверждающая ту веру. Называют же ее верою созерцательною. Дотоле был слух, а теперь созерцание; созерцание же несомненное слуха.

Все сие рождается от одного естественного ведения, различающего доброе и злое. Оно есть доброе семя добродете-

ли, и о нем уже сказано. И когда естественное сие ведение омрачим своею сластолюбивою волею, тогда лишимся всех сих благ. За сим же естественным ведением в человеке последует всегдашнее уязвление совести, непрестанное памятование смерти и некая мучительная забота, продолжающаяся до самого его исшествия, а после сего печаль, унылость, страх Божий, естественная стыдливость, печаль о прежних грехах своих, надлежащая рачительность, памятование об общем пути, забота о напутствовании себя к оному, слезное испрашивание у Бога доброго вшествования в сии врата, которыми должно проходить всякому естеству, пренебрежение к миру и сильная борьба о добродетели. Все сие приобретается естественным ведением. Поэтому пусть с этим сличает всякий дела свои. Ибо когда окажется, что человек приобрел это, тогда значит, что идет он путем естественным. А когда превзойдет это и входит в любовь, тогда становится выше естества, и оканчиваются для него борьба, страх, труд и утомление во всем. Вот

последствия ведения естественного. И это находим в себе самих, когда не по-мрачаем сего ведения сластолюбивою своею волею. И на этой остаемся степени, пока не придем в любовь, которая освобождает нас от всего этого. Пусть всякий, на основании сего сказанного нами, сличает и испытывает сам себя, где его шествие, в том ли, что противоестественно, или в том, что естественно, или в том, что превышеестественно. По сим сказанным направлениям шествия может всякий ясно и скоро отыскать, как управляется целая жизнь его. И когда, как определили мы, не окажется он в наименованном у нас сообразным с естеством, и нет также его в превышеестественном, тогда явно, что низринулса он в противоестественное. Но Богу нашему слава во веки! Аминь.



СЛОВО 85

СОДЕРЖАЩЕЕ В СЕБЕ ИСПОЛНЕННЫЕ ПОЛЬЗЫ СОВЕТЫ,
КАКИЕ С ЛЮБОВИЮ ИЗГЛАГОЛАЛ ВО СМЕРЕННИИ
СЛЫШАЮЩИМ ЕГО

Добрая мысль не западает в сердце, если она не от Божественной благодати. Лукавый помысл не приближается к душе, разве только для искушения и испытания. Человек, достигший того, чтоб познать меру своей немощи, достиг совершенства смирения. Дарования Божии к человеку приводит сердце, возбуждаемое к непрестанному благодарению. Искушение наводит на душу ропотная мысль, постоянно возбуждаемая в сердце. Господь сносит всякие немощи человеческие, не терпит же человека, всегда ропшущего, и не оставляет без вразумления. Душа, далекая от всякого озарения ведением, предается таковым ропотным мыслям. Уста, всегда благодарящие, приемлют благословение от Бога; если сердце пребывает в благодарении, нисходит в него благодать. Благодати предшествует

смирение, а наказанию предшествует самомнение. Горделивому попускается впасть в хулу и превозносящемуся деятельною добродетелию попускается впасть в блуд, а превозносящемуся своею мудростию попускается впасть в темные сети неведения.

Человек, далекий от всякого памятования о Боге, носит в сердце своем тревожимую лукавою памятию мысль против ближнего. Кто, при памятовании о Боге, уважает всякого человека, тот, по мановению Божиию, втайне, обретает себе помощь у всякого человека. Кто защищает обиженного, тот поборником себе обретает Бога. Кто руку свою простирает на помощь ближнему своему, тот в помощь себе приемлет Божию мышцу. Кто обвиняет брата своего в пороке его, тот обвинителя себе обретает в Боге. Кто исправляет брата своего в клети своей, тот исцеляет собственный свой порок. А кто обвиняет кого-либо пред собранием, тот увеличивает болезненность собственных своих язв. Кто втайне врачует брата своего, тот явною делает силу любви

своей. А кто стыдит его пред глазами друзей его, тот показывает в себе силу зависти. Друг, обличающий тайно, — мудрый врач, а врачующий пред глазами многих в действительности есть ругатель. Знак сострадательности — прощение всякого долга, а знак лукавого образа мыслей — прекословие падшему. Кто делает вразумление с целию сделать здоровым, тот вразумляет с любовью; а кто домогается мщения, в том нет любви. Бог вразумляет с любовью, а не отмщает (да не будет сего!); напротив того, имеет в виду, чтобы исцелел образ Его, и не хранит гнева до времени. Этот способ любви есть следствие правоты и не уклоняется в страсть мщения. Правдивый мудрец уподобляется Богу, ибо наказывает человека, вовсе не отмщая ему за грех его, но чтобы или исправился человек, или устрашились другие. Наказание, не подобное этому, не есть вразумление. Кто делает добро ради воздаяния, тот скоро изменяется. Кто по силе ведения своего удивляется при созерцании ведения, какое в Боге, тот, если и умерщ-

вляется плотию, то не превозносится мыслию своею и не уклоняется от добродетели. Кто просвещает ум свой для достойного воздаяния Богу, тот и душою и телом снисшел во глубину смиренномудрия. Ибо прежде, нежели приблизится кто к ведению, восходит и нисходит в житии своем; как же скоро приблизится к ведению, всецело возносится в высоту; и пока возвышается, не достигает совершенства восхождение ведения его; пока не наступит оный век славы, не примет человек полного его богатства. Ибо в какой мере усовершеншается человек пред Богом, в такой идет вослед Его; в истинном же веке Бог показывает ему лице Свое, а не то, что Он есть. Ибо праведные, пока входят в видение Его, видят образ как в зеркале, а там узрят явление действительности.

Огонь, возгоревшийся в сухих дровах, с трудом угащается. И если в сердце отрекшегося от мира явится и упадет Божия теплота, то воспламенение ее не угащается и она стремительнее огня. Ког-

да сила вина войдет в члены, ум забывает строгость во всем. И памятование о Боге, когда овладеет пажитию в душе, истребляет в сердце памятование о всем видимом. Ум, обретший духовную мудрость, есть то же, что человек, который находит готовый корабль в море; и, когда взойдет на него, уплывает из моря века сего и приходит к острову будущего века. Ощущение будущего века в мире сем есть то же, что малый остров в море; и приближающийся к нему не утруждается уже в волнах видений века сего.

Купец, когда раздел его кончен, спешит уйти в дом свой. И монах, пока еще остается время деятельности его, скорбит о разлучении с телом сим; а когда ощутит в душе своей, что искупил он время и получил залог свой, вожделевает будущего века. Пока купец в море, в членах у него страх, чтобы не восстали на него волны и не потонула надежда делания его. Пока и монах в мире, страх овладевает житием его, чтобы не пробудилась на него буря и не погибло дело

его, над которым трудился от юности и до старости своей. У купца в виду твердая земля, а у монаха смертный час.

Мореходец, когда плавает среди моря, смотрит на звезды и по звездам направляет корабль свой, пока не достигнет пристани. И монах взирает на молитву, потому что она исправляет его самого и направляет шествие его к той пристани, к которой житие его направлено в ежечасной молитве. Мореходец высматривает остров, у которого бы привязать ему корабль свой, запасается там нужным на путь и направляется потом к другому острову. Таково и шествие монаха, пока он в жизни сей. Монах переходит от острова к острову, то есть от ведения к ведению, и, при этой перемене островов, то есть ведений, преспеивает, пока не выйдет из моря и шествие его не достигнет оного истинного града, в котором обитатели его не занимаются более куплею, но каждый упокоивается в богатстве своем. Блажен тот, у кого купля его не пришла в расстройство в этом суетном мире, среди великого моря сего. Блажен тот, у кого

корабль не разбился, и в радости достигает он пристани.

Пловец без одежды погружается в море, пока не найдет жемчужину. И мудрый монах, совлекишись всего, проходит жизнь, пока не обретет в себе бисер — Иисуса Христа. И когда обретет Его, не приобретает уже при Нем ничего из существующего. Жемчуг хранится в сокровищницах, и услаждение инока соблюдается в безмолвии. Деве вредно быть в народных собраниях и при многолюдстве, а уму инока — в беседах со многими. Птица, где бы ни была, стремится в гнездо свое, выводит там детей; и рассудительный монах поспешает в место свое — сотворить в себе плод жизни. Змея, когда сокрушено у нее все тело, блюдет свою голову; и мудрый монах во всякое время охраняет веру свою, которая есть начало жизни его. Облака закрывают солнце; а многоглаголение потемняет душу, которая начала просвещаться молитвенным созерцанием.

Птица, называемая еродий, по словам мудрых, веселится и радуется в то

время, когда удалится из мест обитаемых, и достигнет пустыни, и поселится в ней. Так и душа иночествующего приемлет в себя небесную радость в то время, когда удалится от людей, придет и вселится в стране безмолвия и там станет ожидать времени своего исшествия. Рассказывают о птице, называемой сирена, что всякий, слыша сладкозвучие ее голоса, так пленяется, что, идя за нею по пустыне, от сладости пения забывает самую жизнь свою, падает и умирает. Сему уподобляется то, что бывает и с душою. Когда ощущается ею небесная сладость, тогда от сладкозвучия словес Божиих, переданных чувством уму, душа всецело устремляется вослед этой сладости, так что забывает свою телесную жизнь; и тело лишается пожеланий своих, а душа возносится из этой жизни к Богу.

Дерево, если сперва не скинет с себя прежних своих листьев, не произращает новых ветвей. И монах, пока не изринет из своего сердца памятования о прежних своих делах, не приносит новых плодов и ветвей о Христе Иисусе.

Ветр утучняет плоды на деревьях и на ниве, а попечение о Боге — плоды в душе. В раковине, в которой зарождается жемчужина, как говорят, молниею производится некоторое подобие искры, и из воздуха приемлет она в себя вещество, а дотоле остается простою плотию. Пока и сердце инока не примет в себя разумением небесного вещества, дело его есть нечто обыкновенное и в раковинах своих не заключает плода утешения.

Пес, который лижет ноздри свои, пьет собственную свою кровь и, по причине сладости крови своей, не чувствует вреда своего. И инок, который склонен бывает упиваться тщеславием, пьет жизнь свою и от сладости, ощущаемой на час, не сознает вреда своего. Мирская слава есть утес в море, покрытый водами, и неизвестен он пловцу, пока корабль не станет на нем дном своим и не наполнится водою. То же делает с человеком и тщеславие, пока не потопит и не погубит его. У отцов говорится о нем, что в тщеславную душу снова возвращаются страсти, некогда ею побежденные и ис-

шедшие из нее. Малое облако закрывает круг солнечный, и солнце после облака особенно греет. И малое уныние потемняет душу, но после него бывает великая радость.

К словесам таинств, заключенных в Божественном Писании, не приступай без молитвы и испрошения помощи у Бога, но говори: «Дай мне, Господи, приять ощущение заключающейся в них силы». Молитву почитай ключом к истинному смыслу сказанного в Божественных Писаниях. Когда желаешь приблизиться сердцем своим к Богу, докажи Ему прежде любовь свою телесными трудами. В них полагается начало жития. Ибо много приближается сердце к Богу скудостью потребного, приобучением себя к одному роду пищи, а таким образом приближение сие последует за делами телесными. И Господь положил их в основание совершенства. Праздность же почитай началом омрачения души, омрачением же на омрачение — сходбища для бесед. Поводом к первому бывает второе. Если и полезные речи, когда нет им

меры, производят омрачение, то кольми паче речи суетные? Душа унижается от множества продолжительных бесед, хотя бы ограждала себя и страхом Божиим. Наконец, омрачение души происходит от беспорядочности в житии.

Мера и известное правило в житии просвещают ум и не допускают до смущения. Смущение же ума от беспорядочности производит в душе омрачение, а омрачением производится опять смущение. Мир бывает следствием доброго порядка, а от мира рождается в душе свет; от света же и мира просиявает в уме чистый воздух. По мере же того, как сердце, по устранении от мира, приближается к духовной мудрости, приемлет оно в такой же мере радость от Бога и в душе своей чувствует различие мудрости духовной и мудрости мирской, потому что в мудрости духовной овладевает душою молчание, а в мудрости мирской — источник парения мыслей. И по обретении первой мудрости исполняешься великого смиренномудрия, скромности и мира, царствующего над всеми твоими

помыслами. С сего времени и в членах твоих прекратятся смятение и буйные порывы, настанет же безмолвие. С обретением же второй мудрости приобретешь гордость в мудровании своем, и несказанно странные помыслы, и смятение ума, бесстыдство и кичение чувств. Не думай, что человек, привязанный к телесному, возымеет в молитве дерзновение пред Богом. Душа корыстная лишается премудрости, а душа милосердая умудрена будет Духом.

Как елей нужен для светения светильника, так милостыня питает в душе ведение. Ключ сердцу к Божественным дарованиям дается любовью к ближнему, и, по мере отрешения сердца от уз телесных, отверзается также пред ним и дверь ведения. Прехождение души из мира в мир есть приятие разумения. Как прекрасна и похвальна любовь к ближнему, если только попечение ее не отвлекает нас от любви Божией! Как приятна беседа с духовными нашими братьями, если только можем сохранить при оной и собеседование с Богом! Наконец, хорошо

заботиться и о сем, пока соблюдается в этом соразмерность, то есть пока под этим предлогом можно не утратить сокровенного делания и жития и непрестанного собеседования с Богом. Последнему бывает помешательством точное соблюдение первого; ум недостаточен к тому, чтобы вести два собеседования. Свидание с людьми мирскими в душе, отрекшейся от них для Божия дела, производит смущение. Вредна бывает непрестанная беседа и с духовными братьями; а на людей мирских вредно посмотреть только и издали. Телесной деятельности не препятствует* встреча с чем-либо чувств. Но кто желает, как плод от умирения мысли, пожать радость в делании сокровенного, в том и без видения одни звуки голоса приводят в смятение покой сердца его. Внутреннее омертвление невозможно без приведения чувств в недейтельность. И телесная жизнь требует пробуждения чувств, а жизнь душевная — пробуждения сердца.

* В переводах древнем славянском и сербском речь без отрицания: *И деяние телесное възбраняет* и проч.

Как душа по природе лучше тела, так и дело душевное лучше телесного. И как первоначально создание тела предшествовало вдуновению в него жизни, так и дела телесные предшествуют делу душевному. И невысокое житие, неизменно продолжаемое, — великая сила. Слабая капля, постоянно падая, пробивает жесткий камень.

Когда приблизится время воскреснуть в тебе духовному человеку, тогда возбуждается в тебе омертвление для всего, возгревается радость в душе твоей, неуподобляющейся тварям, и помыслы твои заключаются внутри тебя тою сладостью, какая в сердце твоём. А когда готов восстать в тебе мир, тогда умножается в тебе парение мысли, низкое и непостоянное мудрование. Миром же называю страсти, которые порождает парение ума. Когда они рождаются и достигнут зрелости, делаются грехами и умерщвляют человека. Как дети не рождаются без матери, так страсти не рождаются без парения мысли, а совершение греха не бывает без собеседования со страстями.

Если терпение возрастает в душах наших — это признак, что прияли мы втайне благодать утешения. Сила терпения крепче радостных мыслей, овладевающих сердцем. Жизнь в Боге есть упадок чувств. Когда будет жить сердце, упадают чувства. Восстание чувств есть омертвление сердца. И когда они восстанут — это признак омертвления сердца для Бога. От добродетелей, совершаемых между людьми, совесть не получает правоты.

Добродетель, какую творит кто ради других, не может очистить душу, потому что вменяется пред Богом в награду дел. Добродетель же, которую человек творит сам в себе, вменяется в совершенную добродетель и достигает того и другого, то есть и вменяется в воздаяние, и производит очищение. Посему устранись от первого и последуй второму. Без попечения же о втором оставить первое есть явное отпадение от Бога. Но второе заменяет собою первое, если и не будет сего первого.

Покой и праздность — гибель душе, и больше демонов могут повредить ей. Ког-

да тело немощно и будешь принуждать его к делам, превышающим силы его, тогда душе твоей прилагаешь омрачение к омрачению и вносишь в нее большее смущение. А если тело крепко и предаешь его покою и праздности, то в душе, обитающей в этом теле, усовершенствуется всякий порок; и если бы кто даже сильно возделывал добра, вскоре отъемлется у него самая мысль о добре, какую имел он. Когда душа упоена радостью надежды своей и веселием Божиим, тогда тело не чувствует скорбей, хотя и немощно. Ибо несет сугубую тяготу и не оскудевает в силах, но вместе и наслаждается, и содействует душевному наслаждению, хотя и немощно. Так бывает, когда душа входит в оную духовную радость.

Если сохранишь язык свой, то от Бога дастся тебе, брат, благодать сердечного умиления, чтобы в нем увидеть тебе душу свою и им войти в духовную радость. Если же преодолеет тебя язык твой, то поверь тому, что скажу тебе: ты никак не можешь избавиться от омрачения. Если нечисто у тебя сердце,

пусть чисты будут хотя уста, как сказал блаженный Иоанн.

Когда пожелаешь наставить кого на добро, упокой его сперва телесно и почти его словом любви. Ибо ничто не преклоняет так человека на стыд и не заставляет бросить порок свой и перемениться на лучшее, как телесные блага и честь, какую видит от тебя. В какой мере вступил кто в подвиг ради Бога, в такой сердце его приемлет дерзновение в молитве его. И в какой мере человек развлечен многим, в такой же лишается Божией помощи. Не скорби о телесных недостатках, потому что совершенно возьмет их у тебя смерть*. Не бойся смерти, потому что Бог все уготовал, чтобы тебе быть выше ее. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.



* Греческое чтение: ο Θεος αναλαμβάνει заменено здесь другим: ο θάνατος αναλαμβάνει, которое согласно с древним славянским и сербским переводами.

СЛОВО 86

ОБ АНГЕЛЬСКОМ ДВИЖЕНИИ,
ВОЗБУЖДАЕМОМ В НАС ПО БОЖИЮ ПРОМЫСЛУ
ДЛЯ ПРЕУСПЕЛНОЙ ДУШИ В ДУХОВНОМ

Первая мысль, которая по Божию человеколюбию входит в человека и руководствует душу к жизни, есть западающая в сердце мысль об исходе сего естества. За сим помыслом естественно следует пренебрежение к миру; и этим начинается в человеке всякое доброе движение, ведущее его к жизни. И как бы основание какое полагает в человеке сопутствующая ему Божественная сила, когда восхочет обнаружить в нем жизнь. И если человек эту сказанную нами мысль не угасит в себе житейскими связями и суетовием, но будет возвращать ее в безмолвии, и остановится на ней созерцанием, и займется ею, то она поведет человека к глубокому созерцанию, которого никто не в состоянии изобразить словом. Сатана весьма ненавидит сей помысл и всеми своими силами нападает, чтобы

истребить его в человеке. И если бы можно было, отдал бы ему царство целого мира, только бы развлечением изгладить в уме человека таковой помысл. И если бы мог, как сказано, то сделал бы это охотно. Ибо знает коварный, что если помысл сей пребывает в человеке, то ум его стоит уже не на этой земле обольщения и козни его к человеку не приближаются. Будем же разуметь это не о том первом помысле, который напоминанием своим возбуждает в нас память смертную, но о полноте сего дела, когда влагает оно в человека неотлучную память о смерти и когда помышлением о ней человек поставляется в состояние непрестанного удивления. Первый помысл есть нечто телесное, а сей последний есть духовное созерцание и дивная благодать. Сие созерцание облечено светлыми мыслями. И кто имеет оное, тот не входит более в разыскания о сем мире и не привязан к своему телу.

Совершенно справедливо, возлюбленные, что если бы Бог на малое время даровал людям это истинное созерцание,

то в мире сем не стало бы преемства. Созерцание это служит узами, пред которыми не может устоять природа, и приемлющему в душу свою размышление о сем — такую благодатью Божией, которая сильнее всех отдельных деланий и которая дается находящимся на средней степени и в правоте сердца желающим покаяния, дается же именно тем, о ком известно Богу, что им действительно подобает удалиться от мира сего к лучшей жизни по благой Его воле, какую обрел и в них. Возрастает же и пребывает благодать сия в них, в отшельнической и уединенной их храмине. Ее-то будем испрашивать в молитвах; ради нее будем совершать долгие бдения и со слезами станем умолять Господа, чтобы подал нам благодать сию, как ни с чем не сравнимую, и не будем уже более изнемогать в трудах мира сего. Вот начало помыслов жизни, совершающее в человеке полноту правды!



ГЛАВО 87

О втором делании в человеке

Другое после сего бывает делание, когда человек хорошо проходит добрую жизнь и достигнет восхождения на степень покаяния, приблизится ко вкушению созерцания и делания его, когда свыше примет он благодать вкусить сладость духовного ведения. Начало сего делания состоит в следующем: предварительно удостоверяется человек в промыслении Божиим о человеке, просвещается любовью своею к Творцу и удивляется вместе и устройению существ разумных, и великому о них попечению Божию. С сего начинаются в нем сладость Божественная, воспламенение любви к Богу, возгорающейся в сердце и пополюющей душевные и телесные страсти. И эту силу ощущает в себе человек, как скоро о всех тварных естествах и о всяком встречающемся ему предмете станет размышлять разумно, входить о них в исследования и рассуждать духовно. Посему-то человек

начинает тогда, при таковой сильной и Божественной рачительности и доброй совести, возбуждаться к Божественной любви и вдруг упоевается ею, как вином; расслабевают члены его, мысль его пребывает в изумлении, сердце его отводится в плен Богу; и таким образом, как сказал я, уподобляется он упившемуся вином. И в какой мере усиливаются внутренние ощущения, в такой усиливается и самое созерцание. И в какой мере человек старается о добром житии, о хранении себя, о том, чтобы проводить время в чтении и в молитвах, в такой же утверждается и упрочивается в нем сила их. И совершенно справедливо, братия, что временем приходится ему не помнить* о себе самом, что носит это тело, и не знает, в этом ли он мире.

Вот начало духовного созерцания в человеке; вот начало всех откровений уму! Сим-то началом ум возрастает и укрепляется в сокровенном; им-то возводится к

* По древнему славянскому переводу печатное чтение του μυημονευσαι надлежит исправить так: του μη μυημονευσαι.

иным, превышающим человеческую природу откровениям; короче сказать: его рукою сообщаются человеку все Божественные созерцания и духовные откровения, какие приемлют святые в мире сем, и все дарования и откровения, какие только естество может знать в жизни сей. Вот корень нашего чувствования, вложенный в нас Творцом нашим! Блажен человек, который сохранил это доброе семя, как скоро пало оно в душу его, и возрастил оное, и не расточил его в себе суетою преходящего и парением мысли! Богу же нашему да будет слава во веки! Аминь.



СЛОВО 88

ОБ ИЗМЕНЕНИИ СВЕТА И ТЬМЫ, КАКОЕ БЫВАЕТ В
ДУШЕ ВО ВСЯКОЕ ВРЕМЯ, И ОБ УКЛОНЕНИИ ЕЕ К
ДЕСНЫМ ИЛИ ШДЫМ

Взглянем, возлюбленные, в душу свою во время молитвы, есть ли в нас при чтении стихов внимательное молитвенное созерцание. Оно бывает следствием истинного безмолвия. И в то время как бываем в омрачении, не будем смущаться, особливо если не в нас тому причина. Приписывай же это Промыслу Божию, действующему по причинам, известным единому Богу. Ибо в иное время душа наша смертно томится и бывает как бы среди волн; и читает ли человек Писание или совершает службу, во всяком деле, за какое ни примется, омрачение у него за омрачением. Таковой оставляет дело, и часто не попускается ему даже приблизиться к оному; и вовсе не верит он, что это — временное с ним изменение и что бывает он и в мире. Этот час исполнен отчаяния и страха; надежда на Бога и

утешение веры в Него совершенно отменяются душою, а вся она всецело исполняется сомнения и страха. Претерпевшие искушение в этой волне часа сего по опыту знают, какое изменение последует при окончании его. Но Бог не оставляет души в таком состоянии на целый день, потому что она утратила бы надежду христианскую. Напротив того, скоро творит и *избытие* (1 Кор. 10:13). Если же тревожное состояние этого омрачения продолжается более, то вскоре ожидай изменения самой жизни.

А я замечу тебе, человек, и дам совет: если не имеешь силы совладеть с собою и пасть на лице свое в молитве, то облеки голову свою мантиею и спи, пока не пройдет для тебя этот час омрачения, но не выходи из своей келии. Сему искушению подвергаются наипаче желающие проводить жизнь умственную и в шествии своем ищущие утешения веры. Поэтому всего более мучит и утомляет их этот час колебанием ума; следует же за сим часто хула, а иногда приходит на человека сомнение в воскресении и иное

нечто, о чем не должно нам и говорить. Все это нередко познавали мы опытом и к утешению многих описали борьбу сию.

Занимающиеся делами телесными совершенно свободны от сих искушений. На них приходит иное уныние, известное всякому, и оно в образе действия своего отлично от сих и подобных сим искушений. Здравие и уврачевание страждущего им исходит безмолвием. Вот утешение для него! В сообществе же других никогда не приемлет света утешения и беседами человеческими не врачует, а упокоивается на время, и после того уныние сие с большею силою восстает в человеке. И ему необходимо нужен человек просвещенный, имеющий опытность в этом, который бы просветил его и укреплял при всяком случае во время нужды, но не навсегда. Блажен, кто терпит это, не выходя за дверь. Ибо после этого, как говорят отцы, придет в великую обитель и силу. Впрочем, не в один час и не скоро оканчивается борьба сия; и благодать не вдруг совершенно приходит и вселяется в душе, но посте-

пенно, и одно сменяется другим — временем искушение и временем утешение; и в таком состоянии человек пребывает до исшествия своего. А чтобы совершенно стать чуждым сего и совершенно утешиться, не будем того и надеяться здесь. Ибо Сам Бог благоволил, чтобы так устроялась жизнь наша здесь и шествующие путем терпели это. Богу слава во веки веков! Аминь.



ГЛОВО 89

О вреде неразѹмной ревности,
прикрывающейсѹ личиною ревности Божественной,
и о помощи, какаѹ бывает от кротости
и дрѹгих нравственных качеств

Человек ревнивый никогда не приходит в мир ума, а чуждый мира чужд и радости. Если мир ума называется совершенным здравием, а ревность противна миру, то значит уже, что тяжкою болезнию страж-

дет тот, в ком есть лукавая ревность. По-видимому, человек, обнаруживаешь ты ревность свою против чужих недугов, а в действительности свою душу лишил здоровья. Поэтому заботься лучше о здравии своей души. Если же желаешь врачевать немощных, то знай, что больные более нужды имеют в попечении о них, нежели в выговорах. А ты еще, тогда как не делаешь помощи другим, самого себя ввергаешь в тяжкую, мучительную болезнь. Ревность в людях признается не одним из видов мудрости, но одним из душевных недугов, и именно есть ограниченность в образе мыслей и великое неведение. Начало Божественной премудрости — скромность и кротость, которая свойственна великой душе и носит на себе немощи людей. Ибо сказано: *вы сильнии немощи немощных носите* (Рим. 15:1). И *падающего исправляйте духом кротости* (ср.: Гал. 6:1). К плодам Духа Святого Апостол причисляет терпение и мир (Гал. 5:22). Сердце, исполненное печали о немощи и бессилии в делах телесных, явных, заменяет собою

все сии телесные дела. Дела телесные без печали ума — то же, что и тело неодушевленное. Кто скорбит сердцем и дает свободу чувствам своим, тот подобен больному, который страждет телесно и у которого уста отверсты для всякой вредной ему снеди. Кто скорбит сердцем и дает свободу чувствам своим, тот подобен человеку, у которого есть едиnorodный сын и который мало-помалу закаляет его собственными своими руками. Печаль ума — драгоценное Божие даяние. Кто переносит ее как должно, тот подобен человеку, у которого члены его исполнены святости. Человек, который дал волю языку своему говорить о людях и доброе и худое, недостоин сей благодати. Покаяние и частые сношения с людьми — то же, что разбитая бочка. Щедрые подаяния и вместе заушения — то же, что в меду омоченный меч.

Целомудрие и беседа с женщиною — то же, что львица с овцою в одном доме. Дела без милосердия пред Богом — то же, что человек, который закаляет сына в присутствии отца его. Кто немощен

душою — и исправляет друзей своих, тот подобен человеку, который слеп глазами — и указывает другим дорогу.

Милосердие и правосудие в одной душе — то же, что человек, который в одном доме поклоняется Богу и идолам. Милосердие противоположно правосудию. Правосудие есть уравнивание точной меры: потому что каждому дает, чего он достоин, и при воздаянии не допускает склонения на одну сторону или лицепрятия. А милосердие есть печаль, возбуждаемая милостию, и ко всем сострадательно преклоняется; кто достоин худого с ним обращения, тому не воздает злом, и кто достоин доброго воздаяния, того преисполняет с избытком. И если правосудие на стороне правды, то милосердие уже на стороне греха. Как сено и огонь не терпят быть в одном доме, так правосудие и милосердие — в одной душе. Как зерно песку не выдерживает равновесия с большим куском золота, так требование правосудия Божия не выдерживает равновесия в сравнении с милосердием Божиим.

Что горсть песку, брошенная в великое море, то же грехопадения всякой плоти в сравнении с Божиим Промыслом и Божиею милостию. И как обильный водою источник не заграждается горстью пыли, так милосердие Создателя не препобеждается пороками тварей. Быть злопамятным и молиться — значит то же, что сеять на море — и ждать жатвы. Как светлости огня невозможно сделать преграду, чтобы не восходила она вверх, так и молитвам милосердых ничто не препятствует восходить на небо. Каково течение воды на покатом месте, такова сила раздражительности, когда найдет себе доступ в ум наш. Кто в сердце своем приобрел смирение, тот мертв стал для мира, и омертвевший для мира омертвел для страстей. Кто омертвел сердцем для близких ему, для того мертв стал диавол. А кто обрел зависть, тот обрел с нею диавола.

Бывает смирение по страху Божию, и бывает смирение из любви к Богу. Иной смирен по страху Божию, другой смирен по радости. И смиренного по страху

Божью сопровождают во всякое время скромность во всех членах, благочиние чувств и сокрушенное сердце; а смиренного по радости сопровождают великая простота, сердце возрастающее и неудержимое.

Любовь не знает стыда, потому не умеет придавать членам вид благочиния. Любви естественно не стыдиться и забывать меру свою. Блажен, кто нашел тебя, пристань великой радости! Собрание смиренных возлюбленно Богом, как собор Серафимов. Драгоценно пред Богом тело целомудренное паче чистой жертвы. Две сии добродетели, то есть смирение и целомудрие, уготовляют в душе залог Троицы.

К друзьям своим входи благоговейно; когда будешь так поступать, принесешь пользу и себе и им, потому что душа часто под предлогом любви свергает с себя узду осторожности. Остерегайся сходбищ, потому что не во всякое время они полезны. В собраниях предпочитай молчание, потому что удерживает оно от многого вреда. Наблюдай за чре-

вом, но не как за зрением, потому что домашняя брань, без сомнения, легче внешней. Не верь, брат, что внутренние помыслы могут быть остановлены без приведения тела в доброе и чинное состояние. Бойся привычек больше, нежели врагов. Питающий в себе привычку — то же, что человек, который дает пищу огню, потому что мера силы в том и другом состоит в количестве питающего их. Если привычка потребует чего однажды и требование ее не будет исполнено, то в другой раз найдешь ее слабою. А если однажды исполнишь ее волю, то во второй раз найдешь, что нападает она на тебя гораздо с большею силою.

Храни это в памяти касательно всего, потому что помощь предосторожности для тебя важнее помощи самых дел. Кто любит смех и любит выставлять себя напоказ людям, тому не будь другом, потому что научит тебя привычке предаваться расслаблению. Не встречай с веселым лицом того, кто ведет распутную жизнь, но берегись возненавидеть его, и, если пожелает восстать, подай ему руку

и до смерти прилагай попечение о том, чтобы приобрести его. Если же ты еще немощен, то отвращайся и от врачевания; ибо сказано: дай ему верх жезла твоего и прочее. С тем, кто высокоумен и страждет завистию, говори осторожно. Ибо, как скоро скажешь что, дает он словам твоим в сердце своем какое ему угодно толкование и в том, что есть в тебе доброго, отыскивает, чем других довести до преткновения; и слова твои в уме его обращаются в пищу его недугу. Когда начинает кто при тебе пересуждать брата своего, потупь лице свое. Как скоро сделаешь это, и пред Богом, и пред ним окажешься осторожным.

Если даешь что нуждающемуся, то пусть веселость лица твоего предваряет даяние твое, и добрым словом утешь скорбь его. Когда сделаешь это, тогда ласковость в уме его дороже и такого даяния твоего, которое было бы даже сверх потребностей тела. В тот день, когда отверзешь уста свои и станешь говорить что вопреки кому-либо, представь себя мертвым для Бога и суетным

во всех делах своих; хотя бы помысл побуждал тебя сказать, по-видимому, нечто справедливое и назидательное. Ибо какая нужда человеку разорять собственное свое здание и поправлять здание друга своего?

В тот день, в который печалишься о ком-либо страждущем каким-либо недугом, о человеке добром или злом, страждущем телесно или мысленно, почитай себя мучеником и взирай на себя как на пострадавшего за Христа и на сподобившегося стать исповедником. Ибо помни, что Христос умер за грешных, а не за праведных. Смотри, каково это великое дело — печалиться о людях злых и благодетельствовать грешным паче праведных! Апостол воспоминает о сем, как о деле, достойном удивления (Рим. 5:6—8). Если можешь сам собою оправдать душу свою, то не заботься искать другого оправдания. Во всех делах твоих да предваряют у тебя телесное целомудрие и чистота совести. Ибо без них суетно пред Богом всякое дело. О всяком деле, если делаешь оное без размышления и исследова-

ния, знай, что оно суетно, хотя и благоприлично, потому что Бог вменяет правду по рассудительности, а не по действию нерассудительному.

Праведник немудрый — светильник при солнце. Молитва злопамятного — сеяние на камне. Немилостивый подвижник — бесплодное древо. Обличение из зависти — ядоносная стрела. Похвала коварного — скрытая сеть. Глупый советник — слепой страж. Пребывание с малосмысленными — сокрушение сердцу. Беседа с благоразумными — сладкий источник. Мудрый советник — стена упования. Глупый и малосмысленный друг — хранилище вреда. Лучше видеть живущего с плачущими женщинами, нежели мудрого, следующего за глупым. Лучше жить со зверями, нежели поселиться с людьми худого поведения. Лучше пребывай с грифами*, нежели с человеком любостяжательным и ненасытным. Лучше будь другом убийце, нежели любителю споров. Лучше беседуй со сви-

* С хищными птицами.

ншею, нежели с чревоугодником, потому что свиное корыто лучше прожорливых уст. Живи лучше с прокаженными, нежели с гордыми. Пусть тебя гонят, ты не гони; пусть тебя распинают, ты не распинай; пусть тебя обижают, ты не обижай; пусть на тебя клеветают, ты не клеветай; будь скромн и не ревнуй во зле.

Судиться — не христианского жития дело; об этом нет и намека в учении Христовом. Веселись с веселящимися и плачь с плачущими, ибо это — признак чистоты. С больными — болезнуй, с грешными — проливай слезы, с кающимися — радуйся. Будь дружен со всеми людьми, а мыслию своею пребывай один. Принимай участие в страданиях всякого, а телом своим будь далеко от всех. Никого не обличай, не поноси, даже и крайне худых по жизни своей. Распростри одежду свою над падающим и покрой его. Если не можешь взять на себя грехов его и понести за него наказание и стыд, то будь, по крайней мере, терпелив и не стыди его. Знай, брат, что для того нам и надобно не выходить из две-

рей келии, чтобы не знать худых дел человеческих; и тогда в неведении ума своего во всех увидим людей святых и добрых. Если же станем обличать, вразумлять, судить, исследовать, наказывать, укорять, то жизнь наша чем будет отличаться от жизни городской? И если не оставим этого, что будет хуже пребывания в пустыне? Если не безмолвствуешь сердцем, безмолствуй, по крайней мере, языком. Если не можешь держать в порядке свои помыслы, то хотя чувства свои сделай благоустроенными. Если не один ты мыслию своею, то будь один хотя телом своим. Если не можешь потрудиться телом своим, поскорби хотя мысленно. Если не можешь бодрствовать стоя, то бодрствуй сидя или и лежа на ложе твоём. Если не можешь поститься в продолжение двух дней, постись, по крайней мере, до вечера. А если не можешь и до вечера, то остерегайся пресыщения. Если не непорочен ты сердцем своим, то будь непорочен хотя телом. Если не плачешь в сердце своем, то, по крайней мере, облеки в плач лице свое.

Если не можешь миловать, то говори, что ты грешен. Если ты не миротворец, то не будь хотя любителем мятежа. Не можешь стать рачительным — по крайней мере, в образе мыслей своих будь не как ленивый. Если ты не победитель, то не превозносись мыслию пред подчиненными. Если не в состоянии заградить уста осуждающему друга своего, то, по крайней мере, остерегись вступать с ним в общение.

Знай, что если от тебя выйдет огонь и пожжет других, то Бог от руки твоей взыщет души, возжженные огнем твоим. И если не ты ввергаешь огонь, но соглашаешься с повергающим и услаждаешься тем, то на Суде будешь сообщником его. Если любишь кротость — пребывай в мире. И если сподобишься мира, то во всякое время радуйся. Взыщи смысла, а не золота; облакайся в смирение, а не в виссон; приобретай мир, а не царство.

Кто не смыслен, тот и не имеет смирения. И кто не имеет смирения, тот не будет смыслен. Не смиренномудр, кто не мирен; и немирный — не смиренномудр;

и не мирен, если кто не радуется. На всех путях, какими ходят люди в мире, не находят они мира, пока не приблизятся к надежде на Бога. Сердце не умирается от труда и преткновений, пока не придет в него надежда, и не умиротворит сердца, и не прольет в него радости. О ней-то изрек ли достопоклоняемые и исполненные святости Уста: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11:28). Приблизься, говорит, чтобы на Меня возложить надежду, и успокоишься от труда и страха.

Надежда на Бога возвышает сердце, а страх геенны сокрушает его. Свет ума порождает веру; а вера порождает утешение надежды; надежда же подкрепляет сердце. Вера есть откровение разума; и когда помрачится ум, вера сокрывается, господствует над нами страх и отсекает нашу надежду. Вера по науке не освобождает человека от гордости и сомнения; освобождает же та, которая видима и воссиявает в смысле и называется познанием и явлением истины. Пока ум не уразумевает Бога, как Бога, в явлении

смысла, не приближается к сердцу страх. Когда бывает попущено впасть нам в омрачение и утратить этот смысл, пока не смиримся, тогда бывает в нас страх, пока не приблизит нас к смирению и покаянию.

Сын Божий претерпел крест. Потому мы, грешные, смело полагаемся на покаяние. Ибо если один образ покаяния в царе Ахаве отвратил от него гнев, то не будет для нас бесполезною действительность нашего покаяния. Если один образ смирения в нем, не пребывшем в истине, отвратил от него гнев, то не тем ли паче отвратит от нас, истинно печалющихся о грехопадениях наших? Скорби ума достаточно к тому, чтобы заменить всякое телесное делание.

Святой Григорий говорит: тот храм благодати, кто в единении с Богом и всегда озабочен мыслию о Суде Его. Что же значит иметь попечение о Суде Его, как не искать всегда упокоения Его, как не печалиться, не заботиться непрестанно о том, что не можем достигнуть совершенства по немощи естества нашего?

Иметь непрестанную печаль о сем — значит непрестанно носить в душе своей памятование о Боге, как сказал блаженный Василий. Нерассеянная молитва производит в душе ясную мысль о Боге. И водружение нами в себе памятования о Боге есть вселение в нас Бога. Так соделываемся мы храмом Божиим. Вот — попечение и сердце, сокрушенное угощением упокоения в Боге! Ему слава во веки! Аминь.



СЛОВО 90

О НЕВОЛЬНЫХ ЛЪКАВЫХ ПОМЫСЛАХ,
ПРОИСХОДЯЩИХ ОТ НЕРАДИВОГО НАБЛЮДЕНИЯ
ЗА ПРЕДШЕСТВОВАВШИМИ ИМ ПОМЫСЛАМИ

Иные подкрепляют тело и желают дать ему малый покой ради дела Божия, пока не соберутся с силами и не возвратятся снова к делу своему. Посему в немногие дни покоя своего не ослабим совершенно

наблюдения над собою и не предадим расслаблению всей души своей, как не имеющие и намерения снова возвратиться к делу своему. Иные во время мира поражаются стрелами вражиими; и это суть те, которые по дерзновению воли собирают брание душам своим и в стране святой, то есть в молитве, видят себя одетыми в нечистую одежду. А это есть то самое, что возбуждается в душе их в час помышления о Боге и молитвы. Что приобрели мы во время нерадения своего, то и посрамляет нас во время молитвы нашей.

Трезвенность помогает человеку больше, чем дело, а разрешение на что-либо вредит ему больше, чем покой. От покоя происходят и тревожат человека домашние брани; но он имеет возможность прекращать их. Ибо, как скоро человек оставит покой и возвратится на место дел, брани сии отъемлются от него и удаляются. Но не таково порождаемое разрешением, каково порождаемое расслаблением и покоем. Пока человек во время покоя пребывает в области свободы своей, может он снова возвратиться и

управить собою по установлению правила своего, потому что он еще в области свободы своей. Но, давая себе разрешение, выходит он из области свободы своей. Если бы человек не отринул совершенно наблюдения над собою, то не был бы с насилием и невольно вынужден покоряться тому, что не доставляет ему покоя. И если бы не вышел совершенно из пределов свободы, то не было бы с ним таких по необходимости связывающих его обстоятельств, которым не в силах он воспротивиться.

Не давай, человек, свободы которому-либо из чувств своих, чтобы не дойти до невозможности снова возвратиться к свободе. Покой вредит только молодым, а разрешение — и совершенным и старым. Вследствие покоя доходящие до худых помыслов могут снова возвратиться к наблюдению над собою и утвердиться в высоком своем житии. А которые, по надежде на дело, вознерадели о наблюдении над собою, те от высокого жития отведены пленниками в жизнь распутную.

Иной поражен в стране вражеской, а умирает во время мира. Иной выходит под предлогом купить себе жизнь, и получает в душу свою острое жало. Не тогда будем печалиться, когда пополземся в чем-нибудь, но когда закосневаем в том же, потому что поползновение бывает часто и с совершенными, а закосневать в том же есть совершенное омертвление. Печаль, какую чувствуем при своих поползновениях, вменяется нам благодатию вместо чистого делания. Кто, в надежде на покаяние, поползнется вторично, тот лукаво поступает с Богом; неведомо нападает на него смерть и не достигает он времени, в которое надеялся исполнить дела добродетели. Каждый давший волю чувствам, дал волю и сердцу.

Делание сердца служит узами для внешних чувств. И если кто с рассудительностью занимается оным, по примеру живших до нас отцов, то сие бывает явно по следующим в нем трем явлениям, а именно: не связан он телесными выгодами, не любит чревоугодия и вовсе да-

лека от него раздражительность. Где имеют место три эти явления, то есть телесная (малая ли то или большая) выгода, вспыльчивость и преодоление чревоугодия, там (да будет тебе известно), хотя бы человек по-видимому уподоблялся древним святым, разрешение на внешнее происходит у человека от нетерпеливости во внутреннем, а не от особенного небрежения души его. А иначе почему бы, пренебрегая телесным, не приобрести кротости? За рассудительным пренебрежением следуют: ничем несвязанность, пренебрежение покоем и людскою приверженностию. И если кто, с готовностию радуясь, приемлет ущерб ради Бога, то чист он внутренне. Если не пренебрегает никем за телесные его недостатки, то поистине он свободен; кто не смотрит с приятностию на оказывающего ему честь или не негодует на того, кто его бесчестит, тот в этой жизни мертв стал для мира. Хранение рассудительности лучше всякого жития, каким бы способом и в какой бы человеческой мере оно проводимо ни было.

Не питай ненависти к грешнику, потому что все мы подлежим ответственности. И если восстаешь на него ради Бога, то плачь о нем. И для чего тебе ненавидеть его? Ненавидь грехи его и молись о нем, чтобы уподобиться Христу, Который не гневался на грешников, но молился о них. Не видишь ли, как плакал Он об Иерусалиме (см.: Лк. 19:41)? И над нами во многом посмевается диавол; за что же ненавидеть того, кто, подобно нам, осмеян и над нами посмевающимся диаволом? И за что ненавидишь, человек, грешника? Не за то ли, что он, подобно тебе, неправеден? Где твоя правда, когда не имеешь любви? Почему не плакал ты о нем? Но ты гонишь его. По неведению иные возбуждаются к гневу, представляя себя судьями над делами грешных.

Будь проповедником Божией благодати, потому что Бог правит тобою, недостойным, потому что много ты должен Ему, а взыскания Его не видно на тебе, и за малые дела, тобою сделанные, воздает Он тебе великим. Не называй Бога толь-

ко правдивым к тебе, потому что в твоих делах не дает себя познавать правосудие Его. Хотя Давид именуется Его правдивым и правым, но Сын Его открыл нам, что паче Он благ и исполнен благостыни. Ибо говорит: *благ есть к лукавым и нечестивым* (Лк. 6:35). Почему именуешь Бога только правдивым, когда в главе о награде делателям встречаешь: *...друзе, не обижу тебе... хочу и сему последнему дати, якоже и тебе... Аще око твое лукаво, яко Аз благ есмь* (Мф. 20:13—15)? Почему также человек именуется Богом только правдивым, когда в главе о блудном сыне, блудно расточившем богатство, встречается, что при одном показанном им сокрушении притек и пал на выю его, и дал ему власть над всем богатством Своим? Никто другой не сказал сего о Боге, чтобы мы не усумнились о Нем; напротив того, Сам Сын Божий засвидетельствовал о Нем это. Где же правда Божия? Мы грешники, а Христос за нас умер! Если столько Он милостив, то будем веровать, что не приемлет Он изменения.

Да не помыслим никогда сего беззакония, чтобы Бога наименовать немилосердным! Свойство Божие не изменяется, подобно мертвецам. Бог не приобретает того, чего у Него нет, не лишается того, что у Него есть, или не получает приращения, подобно тварям. Что имел Бог от начала, то всегда имеет и будет иметь до бесконечности, как сказал блаженный Кирилл в толковании на книгу Бытия: бойся Бога, говорит он, из любви к Нему, а не по грозному имени, Ему приданному. Возлюби Его, как обязан ты любить Его, и не за то, что даст тебе в будущем, но за то, что получили мы в настоящем, и за этот один мир, который сотворил Он для нас. Ибо кто в состоянии воздать Ему? Где воздаяние Ему в делах наших? Кто убедил Его вначале привести нас в бытие? Кто умоляет Его о нас, когда мы не воспоминаем о Нем? Когда нас еще не было, кто возбудил к жизни это тело наше? И еще: откуда мысль ведения западает в персть? О, как дивно милосердие Божие! О, как изумительна благодать Бога и Творца нашего! Какая сила, дов-

леющая на все! Какая безмерная благодать, по которой <Он> естество наше в нас, грешных, снова возводит к воссозданию! У кого достанет сил прославить Его? Восстанавливает преступившего заповедь Его и похулившего Его, обновляет неразумную персть, соделывает ее смысленною и словесною, персть рассеянную и бесчувственную, чувства расточенные делает природою разумною и достойною способности мыслить! Грешник не в состоянии и представить себе благодать воскресения Его. Где геенна, которая могла бы опечалить нас? Где мучение, многообразно нас устрашающее и препобеждающее радость любви Его? И что такое геенна в сравнении с благодатию воскресения Его, когда восставит нас из ада, соделает, что тленное сие облечется в нетление, и падшего в ад восставит в славе?

Приидите, рассудительные, и удивляйтесь. Кто, имея ум мудрый и чудный, достойно подивится милости Создателя нашего? Есть воздаяние грешникам*, и

* В сербском переводе место сие читается так: *или речет, вздание грешником что есть?*

вместо воздаяния праведного воздает Он им воскресением; и вместо тел, поправших закон Его, облакает их в совершенную славу нетления. Эта милость — воскресить нас после того, как мы согрешили, выше милости — привести нас в бытие, когда мы не существовали. Слава, Господи, безмерной благодати Твоей! Вот, Господи, волны благодати Твоей заставили меня умолкнуть, и не осталось у меня мысли для возблагодарения Тебе! Какими устами исповедуемся Тебе, благий Царь, любящий жизнь нашу? Слава Тебе за сии два мира, которые создал Ты к нашему возрастанию и наслаждению всем, Тобою созданным, возводя нас к ведению славы Твоей, — слава Тебе отныне и до века! Аминь.



СЛОВО 91

О терпении из любви к Богу и о том,
как терпением приобретается помощь

В какой мере человек будет пренебрегать миром сим и ревновать о страхе Божиим, в такой приближается к нему Божий Промысл, и втайне ощущает человек содействие Промысла, и к уразумению оно-го даются ему чистые помыслы. И если кто добровольно лишает себя мирских благ, то в какой мере лишается он их, в такой же сопровождает его Божие милосердие и поддерживает его Божие чело-веколюбие. Слава Спасающему нас дес-ными и шуими и во всем этом Доставля-ющему нам случай к обретению жизни нашей! Ибо и души тех, которые изне-могли в своей воле к тому, чтобы приоб-рести себе жизнь, невольными скорбями приводит Он к добродетели. И оный нищий Лазарь не по воле своей лишен был благ мира сего, и тело его поражено было язвами, и терпел он два горьких страдания, из которых каждое было хуже

другого; однако же напоследок почтен был в лоне Авраамовом. Бог близок к скорбящему сердцу того, кто к Нему вопиет в скорби. Если и подвергает иногда в телесном лишениям и иным скорбям, то претерпение этого обращает нам в помощь; как и врач в тяжелой болезни восстанавливает здоровье сечением членов. К душе же скорбящего являет Господь великое человеколюбие соразмерно с жестокостию страданий в скорби его.

Поэтому когда возжелание любви Христовой не препобеждает в тебе до того, чтобы от радости о Христе быть тебе бесстрастным во всякой скорби своей, тогда знай, что мир живет в тебе более, нежели Христос. И когда болезнь, скудость, истощение тела, боязнь вредного телу возмущают мысль твою в радости упования твоего и в попечении по Господу, тогда знай, что живет в тебе тело, а не Христос. Просто сказать: к чему приверженность в тебе усиливается и преобладает, то и живет в тебе. Если же нет у тебя недостатка в потребном тебе, и тело здорово, и не боишься чего-

либо сопротивного, и скажешь, что можешь при этом прямо идти ко Христу, то знай, что болен ты умом и лишен вкушения славы Божией. Сужу же тебя не потому, что ты таков, а более для того, чтобы знать тебе, как много недостает тебе до совершенства, хотя и имеешь некую часть жития прежде нас бывших отцов, и чтобы не сказал ты, будто бы не нашлось человека, у которого бы ум совершенно возвышался над немощию, когда тело терпит крушение в искушениях и скорбях, и у которого бы любовью ко Христу препобеждалась печаль ума.

Не буду приводить на память святых мучеников, чтобы самому не изнемочь пред глубиною их страданий. Умолчу о том, сколько терпение их, подкрепляемое силою любви Христовой, препобедило великую скорбь и болезнь телесную. Оставим это и потому, что воспоминанием своим ввергает в скорбь человеческую природу и возмущает величию дела и чудесностию сего зрелища.

Посмотрим же на безбожных, так называемых философов. Один из них

положил себе в мысли своей законом хранить молчание несколько лет. Царь римский, удивленный слухом, захотел подвергнуть его испытанию. Поэтому приказал привести его к себе. И, когда увидел, что он решительно молчит при всяком вопросе, какой ни предлагал ему царь, и не отвечает, разгневался на него и велел предать смерти за то, что не уважил престола и венца славы его. Но философ не убоился, а, напротив того, хранил закон свой и безмолвно готовился к смерти. Царь дал приказ исполнителям казни: «Если убоится меча и нарушит закон свой, умертвите его; а если устоит в своей воле, возвратите его ко мне живого». Поэтому когда приблизился к назначенному месту и получившие приказание, нанося оскорбления философу, принуждали его нарушить свой закон и не подвергаться смерти, тогда рассуждал он: «Лучше в один час мне умереть и сохранить волю свою, об исполнении которой столько времени подвизался, нежели быть побеждену страхом смерти, поругать свою мудрость и подвергнуться

нареканию в боязливости при встретившейся мне крайности». И без смущения простерся он, чтобы принять усечение мечом. Донесено было о сем царю; царь удивился и отпустил его с уважением.

Иные же совершенно попрали естественное вожделение; другие легко переносили злословие; иные без скорби претерпевали жестокие болезни; а иные показали свое терпение в скорбях и великих бедствиях. И если они терпели это ради пустой славы и надежды, то не гораздо ли паче должны терпеть мы, монахи, призванные к общению с Богом? Сего и да сподобимся, по молитвам Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех в поте подвига своего благоугодивших Христу! Ему подобают всякая слава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцом и с Совечным, Единоестественным и Живоначальным Духом, ныне и во веки веков! Аминь.



СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ ИСААКЕ СИРИНЕ И ЕГО ПИСАНИЯХ

Целую тысячу лет по смерти прп. Исаака Сирина, именно — с начала VIII в. до начала XVIII, в Европе ничего не знали о нем, кроме его имени и сочинений. Ученые строили догадки о его личности. Одни принимали нашего автора за одно лицо с Исааком, пресвитером Антиохийским, известным полемистом и стихотворцем V в.; другие ученые считали его за одно лицо с Исааком, спасавшимся в Италии около города Сполеты, о котором говорит св. Григорий Двоеслов в 3-й книге своих «Диалогов». Греческая же и славянская рукописи с сочинениями прп. Исаака сообщали, что он был епископом Ниневийским и отшельником.

Так дело обстояло до 1719 года.

В 1719 году в Риме вышел в свет первый том «*Bibliothecae orientalis clementino-vaticanae: de scriptoribus syris orthodoxis*», Ios. S. Assemani Suri Maronitae. Здесь помещено составленное анонимным автором арабское жизнеописание прп. Исаака. Это жизнеописание, не говоря точно о времени жизни и смерти преподобного, ни о месте его рождения и кончины, дает, однако, довольно много интересных сведений о его жизни.

По этому жизнеописанию, прп. Исаак вместе со своим родным братом поступил в монастырь Мар-Матфея¹. Когда братья стали выдаваться из среды других своею ученостью и подвижничеством, брату св. Исаака было предоставлено начальствование над монастырем и управление монахами. А св. Исаак «по исполнении монашеского порядка», т. е. пройдя вполне искус общежития, удалился в отшельническую келлию, находившуюся неподалеку от монастыря, где всецело отдался безмолвию и уединению, отлучив себя от человеческого общества. И хотя брат в частых письмах к

¹ «Мар» значит «господин»; титул этот прилагался на Востоке к именам мужей святой жизни или епископов. Монастырь Мар-Матфея находился около Ниневии. Мар-Матфей — основатель монастыря.

нему настаивал, чтобы он вернулся в монастырь, однако преподобный оставался непоколебимым в своем намерении. Когда же слава о его учености и святости жизни распространилась повсюду, он был возведен на епископский престол великого города Ниневии. Но, увидев грубые нравы жителей этого города и чувствуя себя не в силах исправить их², и в то же время тоскуя по тишине и миру отшельнической келлии, он отказался от епископства и удалился в святую скитскую пустыню, где и жил до самой смерти, достигнув высочайшего совершенства в богоугодной жизни. Жил этот святой в начале седьмой тысячи лет от сотворения мира.

Вот что узнала о св. Исааке Европа с 1719 г., и только это она и знала о нем до 1896 г., когда французский ученый сириолог аббат Chabot открыл и опубликовал творение сирского историка VIII в. Иезудены, еп. Басры.

В сочинении Иезудены, куда автор, по словам сирского писателя Ebed-Iesu, «собрал истории всех святых и основателей (монастырей)», говорится, между прочим, и о св. «Мар-Исааке, епископе Ниневийском, который отказался от епископства и написал книги о монашеской жизни».

Вот что Иезудена рассказывает об этом Исааке: «Он был поставлен в епископы Ниневии патриархом Георгом в монастыре Беф-Абэ. После управления своего в течение пяти месяцев Ниневийским диоцезом, в качестве преемника епископа Моисея, он отказался (от епископства) по причинам, Бог знает каким, и удалился жить на гору... Мату, которая окружает местность Беф-Гузайа, и жил в уединении вместе с отшельниками, находившимися там. Потом он ушел в монастырь Раббан-Шабур. Он весьма прилежно изучал

² У Ассемана рассказывается, что вскоре после посвящения св. Исаака во епископы, пришли к нему на суд двое тяжущихся. Один из них требовал от другого немедленной отдачи долга, другой же просил себе отсрочки. Св. Исаак стал уговаривать займодавца подождать долг, согласиться на отсрочку, ибо Св. Евангелие учит, чтобы совсем не требовать того, что взято другим, значит, тем более нужно подождать, пока должник не справится со своим долгом. Но займодавец на это грубо заметил: «Ну, оставь ты это о Евангелии!» — «Если они и Евангелию не повинуются, то что пришел я сюда делать?» — с грустью сказал св. Исаак.

Священные книги, до такой степени, что потерял зрение вследствие пылкости в чтении и своего поста³. Исаак был достаточно сведущ в знании Божественных тайн: он составил труды о духовной жизни монахов.

Исаак покинул свою временную жизнь в глубокой старости и сложил свое тело в монастыре Шабур. Он был из Беф-Катарайа».

Без сомнения, Иезудена говорит о том же св. Исааке Сирине, о котором говорит и анонимный автор у Ассемана, потому что странно было бы думать, что могли быть два Исаака, оба — епископы Ниневии, которые по кратком времени отказались от престола и т. д. Но в то же время эти свидетельства о св. Исааке противоречат друг другу в некоторых пунктах, и даже весьма резко.

Иезудена дополняет Ассемановский рассказ указанием родины и времени жизни св. Исаака. «Он был, — говорит Иезудена, — из Беф-Катарайа». Беф-Катарайа, по словам Bedjan'a, находится на берегу Персидского залива, «по сю сторону Индии». Далее Иезудена говорит, что св. Исаак был поставлен в епископы Ниневии патриархом Георгом в преемники Моисею, а патриарх Георг и епископ Ниневии Моисей жили во 2-ой половине VII в.⁴ Значит, и св. Исаак жил во 2-ой половине VII в., а умер, вероятнее всего, в первой половине VIII-го.

О монастыре Мар-Матфея Иезудена ничего не говорит. О епископстве и отказе от него оба автора говорят одинаково, но, по Ассеману, св. Исаак удалился после сего в «святую скитскую пустыню», под которой естественнее всего разуместь Египетскую, известную под таким названием, а Иезудена говорит, что св. Исаак удалился жить на гору Мату, окружающую местность Беф-Гузайа (современный Хузистан), которая лежит выше северного берега Персидского залива.

³ Есть предание, что св. Исаак, ослепнув, не прекратил своих литературных занятий, но прибег к помощи писцов-монахов, коим и диктовал свои сочинения. О посте св. Исаака предание говорит, что святой питался только тремя небольшими хлебцами в неделю с малым количеством травы, к вареной же пище и не прикасался.

⁴ Патриарх Георг занимал свой престол в 660—680 г.

Где находился монастырь Раббан-Шабур, куда, по словам Иезудены, удалился под конец жизни св. Исаак, неизвестно. В «studia syriaca» Rahmani есть свидетельство, что св. «Исаак был монахом и учителем на своей родине». Но трудно решить, относится ли это свидетельство ко времени жизни св. Исаака до его епископства, или — ко времени его жизни после епископства...

Вот все, что можно сказать о св. Исааке. Может быть, в недалеком будущем, ученые, усердно занимающиеся теперь открытием и изучением сирской христианской литературы, и откроют что-нибудь, что дополнит или поправит сказание Иезудены, но пока ничего больше о св. Исааке мы не знаем. В VI — VII вв. в Сирии заметно было «значительное увлечение аскетическим идеалом жизни древней Церкви» или начального монашества. Это увлечение отразилось и в сирской литературе; поэтому в Сирии появилось за это время довольно много аскетических сочинений. Первое место среди них принадлежит, бесспорно, сочинениям св. Исаака. И теперь даже, когда прошло целых 12 веков со времени их написания, эти сочинения полны свежего интереса, замечательно оригинальны и глубоко поучительны. Святой Исаак — великий психолог и философ, что видно, например, хотя бы из одного его учения о ведении и вере. Он — удивительный знаток Св. Писания, Нового и Ветхого Завета и обширной аскетической литературы, греческой и, по всей вероятности, своей родной, сирской⁵. Он, наконец, мудрый и опытный наставник и руководитель в христианской духовной жизни. «Долгое время искушаемый в десных и шуих, — пишет сам св. Исаак, — многократно изведав себя сими двумя способами⁶, прирав на себя бесчисленные удары противника и сподобившись втайне великих вспоможений, в

⁵ Св. Исаак, часто приводя чужие мысли и слова, иногда указывает имена цитируемых им авторов, но при этом только славных, великих Отцов Вселенской Церкви, в других же случаях — только указывает, что такую-то мысль сказал «некто из святых», или «некто из любящих Бога», или «один из мужей богоносных» и т. п. Вероятно, среди этих-то безымянных авторов есть и сирские аскеты-писатели, предшественники св. Исаака.

⁶ Т. е. терпеливым отшельничеством и постом.

продолжение многих лет снискал я опытность и по благодати Божией опытно дознал следующее»⁷, что и предлагает «для возбуждения и просвещения душ» своих читателей⁸.

Св. Исаак был, по-видимому, одним из плодovitейших писателей. По свидетельству сирского писателя начала XIV в. Ebed-Iesu, «св. Исаак Ниневийский составил семь томов о водительстве духа, о Божественных тайнах, о судах и о благочинии». Даниил Тубанита, еп. Беф-Гармэ, по свидетельству того же Ebed-Iesu, «написал разрешение вопросов божественного пятого тома св. Исаака Ниневийского». Что это за «томы», неизвестно, и, по-видимому, они не все до нас дошли. В 1909 году в первый раз вышел в свет печатный сирский текст сочинений св. Исаака под заглавием: «*Mar Isaacus Ninevita de perfectione religiosa, quam edidit P. Bedjan*». Здесь, судя по заглавию, помещено 107 слов, или глав, но издатель говорит, что это только «первая часть сочинений св. Исаака», что он мог бы издать и 2-ой и 3-й тома этого сочинения, если бы только мог сверить имеющиеся у него манускрипты с другими параллельными. И издатель очень жалеет, что не может этого сделать и издать эти новые тома, жалеет потому, что там «много прекрасных страниц».

В арабском переводе до нас дошли 4 книги сочинений св. Исаака, и в первой книге находится 28 слов, во 2-ой — 45 слов, в 3-й — 44 слова, в 4-ой — 5⁹, всего, значит, 122 слова. В греческом же переводе до нас дошло только 86 слов и 4 послания, а в латинском и того менее.

Известный нам греческий перевод сочинений св. Исаака издан в 1770 г. в Лейпциге иеромонахом Никифором Феотокисом, впоследствии — епископом Астраханским, по поручению Иерусалимского патриарха Ефрема.

Перевод этот сделан был первоначально иноками лавры св. Саввы, Авраамием и Патрикием, вероятно, в IX веке, и сделан не во всем удовлетворительно. Кроме того, что он неполон, — так как в нем недостает по сравнению с

⁷ 373 стр. русск. пер.

⁸ 60 стр. там же.

⁹ Ассеман к 5 словам 4-й книги прибавляет еще 13 слов из известных ему сирских манускриптов, так что всего перечисляет 135 слов.

арабским переводом 41 слова, а по сравнению с сирским подлинником и еще больше, — он имеет и другие недостатки. Chabot, сравнивавшей его с сирскими манускриптами, вот что говорит о нем:

«Первая особенность греческого перевода, это — опускание трудных мест, а так как Исаак Сирий — один из труднейших сирских писателей, то таких опусканий много; вторая особенность — та, что перевод часто не следует смыслу автора». Хотя перевод и старается быть буквальным, по словам Chabot, но искажение смысла происходит частью от неумелого выбора значений сирских слов, частью от самой буквальности: сирский язык, как и другие восточные языки, весьма отличаясь по своей конструкции от европейских языков, не поддается буквальному переводу на них¹⁰.

Печатный славянский перевод принадлежит старцу Паисию Величковскому и издан с примечаниями к нему Оптиной Пустыней в 1854 году¹¹. Он — почти точная копия с греческого издания, только некоторые дополнения и порядок слов взяты из одной греческой рукописи и более древних славянских переводов¹².

Русский перевод соч. св. Исаака появился сначала в «Христианском Чтении» за двадцатые годы прошлого сто-

¹⁰ Любопытен еще отзыв о греческом переводе соч. св. Исаака, принадлежащий Филарету, митр. Московскому: «Вероятно, переводчик не был из ученых, т. е. не знал грамматических правил, и потому мешал слова и вместо должного выражения ставил неправильные и темные слова, да и от переписчиков, быть может, вкрались ошибки и невероятности». См. статью архим. Никодима в «Жизнеописаниях отечественных подвижников благочестия 18 и 19 вв. Сентябрь». М. 1909 г. 487 стр.

¹¹ Этот перевод был издан еще раньше, в 1812 г., Нямецким Молдавским монастырем, но не имел распространения, так как был запрещен тогдашней цензурой. Интересную историю этого перевода см. «Странник», 1906 г., т. 1, ч. 2, 734 и 899 стр.

¹² Славянские списки с соч. св. Исаака появились впервые не позже XIV в., к которому принадлежат, например, рукописи со славянским переводом «постнических слов» св. Исаака, принадлежащие Троицкой Сергиевой Лавре и Моск. Дух. Академии, также Лавре св. Саввы Освященного в Палестине, если судить по надписанию на дошедшем до нас изображении св. Исаака.

летия. Он делался с греческого издания Никифора Феотокиса, но было переведено только 30 слов. В 1854 г. вышел в свет полный русский перевод с греческого же языка, сделанный Московской Духовной Академией¹³. Перевод 30 слов в «Христианском Чтении» — довольно удачен и литературен, но зато иногда волен; перевод Московской Духовной Академии — буквальнее, но зато темнее.

Творения прп. Исаака всегда пользовались и продолжают пользоваться громадным уважением среди православных подвижников веры и благочестия. Прп. Петр Дамаскин, писатель XII в., обильно пользуется в своих творениях писаниями св. Исаака Сирина и постоянно ссылается на него. Прп. Никифор Уединенник, спасавшийся в XIV в. на Афоне, в своем сочинении «О трезвении и хранении сердца» делает выдержку из творений прп. Исаака Сирина. Известный русский святой — преп. Нил Сорский в своем «Уставе о жительстве скитском» постоянно приводит мысли св. Исаака по разным вопросам духовно-нравственной жизни. Епископ Феофан, Затворник Вышенский, составил даже молитву прп. Исааку Сирину. Вот она:

«Преподобне отче Исаакие! Моли Бога о нас и молитвою твоею озари ум наш разумети высокия созерцания, коими преисполнены словеса твои, и паче возведи или введи в тайники молитвы, которой производство, степени и силу так изображают поучения твои, да ею окрыляемые возможем свободно тещи путем заповедей Господних неуклонно, минуя препятствия, встречаемые на пути, и преодолевая врагов, вооружающихся на нас»¹⁴.

Настоящее издание перевода Слов св. Исаака Сирина является значительно измененным в сравнении с прежними. Перевод был сверен с переводом старца Паисия Величковского, и во множестве мест, где оказывались между ними разногласия по смыслу, или вообще, где русский перевод внушает подозрения, он был сличен с греческим текстом по изданию Никифора Феотокиса (1770 г.), а в нескольких

¹³ Московское издание было повторено потом в 1893.

¹⁴ «Письма о христианской жизни», 2-ое изд. М. 1899 г., с. 102.

местах еще и с греческими рукописями Московской Синодальной библиотеки. Но так как и греческий текст представляет собою также перевод, хотя и древний, с сирийского языка, на котором св. Исаак писал, то мы сочли полезным обращаться иногда и к новейшим переводам прямо с сирийского, которые имеются в западно-европейской литературе. На эти переводы мы и делаем указания, ради краткости — просто словами «в сирийском тексте». При просмотре прежнего перевода мы нашли нужным во многих местах его изменить по разным причинам: оказались и важные опечатки, искажавшие смысл, и неверное, по нашему мнению, понимание подлинника, и неловкие или слишком устаревшие русские выражения.

Во многих случаях, в виду трудности для понимания высоких мыслей св. Исаака, мы сочли необходимым сделать пояснительные примечания к тексту перевода, частью (очень немногие) наши собственные, а большей частью заимствованные нами из примечаний к переводу Паисия в печатном издании 1854 года и из примечаний в греческом издании Никифора Феотокиса.

Кроме того, для настоящего издания вновь составлены сведения о жизни св. Исаака, прибавлены два указателя — мест Священного Писания, упоминаемых в Словах, и предметов, о которых говорит св. отец.

Несомненно, и в настоящем издании найдется немало недочетов; но читатели, знакомые с греческим текстом, надеемся, простят нам недосмотры и ошибки, зная, как неясен этот текст, смысл которого приходится иногда скорее угадывать, чем переводить.

*Профессор Московской Духовной Академии
Сергий Соболевский¹⁵*

¹⁵ Вступительная статья (в сокращении) к изданию 1911 г.

Содержание

Слово 1. Об отречении от мира и о житии монашеском	7
Слово 2. О благодарности Богу, с присовокуплением краткого изложения первоначальных учений	21
Слово 3. О том, что душа до познания Божией премудрости и Божиих тварей доходит без труда, если безмолвствует вдали от мира и житейских попечений; ибо тогда может познавать естество свое и те сокровища, какие имеет сокрытыми внутри себя	35
Слово 4. О душе, о страстях и о чистоте ума, в вопросах и ответах	39
Слово 5. О чувствах, а вместе и об искушениях	50
Слово 6. О милосердии Владыки, по которому с высоты величия Своего снизошел к немощи человеческой, и об искушениях	61
Слово 7. О грехах произвольных, произвольных и совершаемых по какому-нибудь случаю	66
Слово 8. О хранении и блюдении себя от людей расслабленных и нерадивых; о том, что от сближения с ними воцаряется в человеке нерадение и расслабление, и он исполняется всякой нечистой страсти; и о хранении себя от близости с юными, чтобы ум не осквернился непотребными помыслами	73
Слово 9. О чине и уставе новоначальных и о том, что прилично им	87

Слово 10. Сказание святых мужей, их пре- подобные изречения и чудное житие	94
Слово 11. О древнем старце	97
Слово 12. О другом старце	101
Слово 13. О вопросе одного брата	103
Слово 14. Об одном укоренном брате	107
Слово 15. О разных отличиях безмолвия, о власти ума и о том, сколько властен ум возбуждать собственные свои движения при разных видах молитвы, какой предел дан молитве самим естеством, до какого предела властен ты молиться молитвою, по преступлении какого предела молитва твоя уже не молитва, хотя совершаемое тобою и называется молитвою	115
Слово 16. О чистой молитве	117
Слово 17. О предположении души, ищущей глубокого созерцания, чтобы погрузиться в оном от плотских помыслов, возбуждаемых памятованием вещей	131
Слово 18. О видении естества бесплотных, в вопросах и ответах	138
Слово 19. Образец умозрения о дне воскресном и о субботе; приточное их значение.....	147
Слово 20. Ежедневное воспоминание о том, что всего нужнее и что весьма полезно пребы- вающему в келии своей и решившемуся быть внимательным к одному только себе	152
Слово 21. О разных предметах; в вопросах и ответах	155
О посте и бдении	169
О различии слез	178

Слово 22. О том, что тело, которое боится искушений, делается другом греха	208
Слово 23. Послание, писанное к одному брату, любителю безмолвия	211
Слово 24. Послание к некоему брату естест- венному и духовному, который, живя в мире и желая видеться с Исааком, убеждал и умо- лял в письмах своих прийти к нему	220
Слово 25. О трех способах ведения, о разности их делания и понятий, о вере души, о таинст- венном богатстве, в ней сокровенном, и о том, сколько ведение мира сего разнствует в способах своих с простотою веры	222
Слово 26. О первой степени ведения	235
Слово 27. О второй степени ведения	240
Слово 28. О третьей степени ведения, которая есть степень совершенства	241
Слово 29. Об иных способах ведения и пред- ставлениях его различия	248
Слово 30. Об образе молитвы и о прочем, необходимо потребном для всегдашнего памятования и во многих отношениях полезном, если сохранит это читающий с рассуждением	250
О хранении памятований	252
О разных степенях любви	255
О том, как должно тебе молиться без кру- жения мыслей	256
От чего рождается уныние и от чего — парение ума?	257
О том, что должно не прекословить лукавым помыслам, но повергать себя пред Богом	258
О слезах	259
О рукоделии и о сребролюбии	260

- Слово 31. Об отшельничестве и о том, что должно нам не в боязнь приходить и утрашаться, но подкреплять сердце упованием на Бога и благодушествовать с несомненною верою, потому что стражем и хранителем имеем Бога 261
- О выгодах, доставляемых искушениями тем, которые терпят их и благодарностию, и мужественно 264
- О том, что хранение языка не только заставляет ум воспрянуть к Богу, но и содействует воздержанию 266
- Слово 32. О том, чем сохраняется тайное внутреннее в душе трезвение и откуда приходят сонливость и холодность в ум, угашают в душе святую горячность и умерщвляют стремление к Богу, лишив душу горячности к духовному и небесному 268
- Слово 33. О многих изменениях, последующих в уме и искушаемых молитвою 273
- Слово 34. О тех, которые живут в приближении к Богу и проводят дни свои в жизни ведения.... 276
- Слово 35. О приверженности к миру 280
- Слово 36. О том, что не должно желать или домогаться без нужды иметь у себя в руках какие-либо явные знамения 286
- Слово 37. О том, по какой причине Бог попускает искушения на любящих Его 292
- Слово 38. О том, как по возбуждающимся в человеке помыслам узнавать, на какой степени стоит он 296
- Слово 39. О том, почему люди душевные прозирают ведением в иное духовное, соразмерно с телесною дебелистю, как ум может

возноситься над оною, какая причина тому, что не освобождается от нее, когда и в какой мере можно уму пребывать без мечтания в час моления	305
Слово 40. О поклонах и о прочем	311
Слово 41. О молчании	317
Слово 42. Послание к одному из возлюбленных Исааком, в котором предлагает он: а) учение о тайнах безмолвия и о том, что многие, по незнанию сих таин, нерадят о сем чудном делании, большая же часть держится пребывания в келиях по преданию, ходящему у иноков, и б) краткое собрание относящегося к сказанию о безмолвии	327
Слово 43. О разных предположениях и о том, какая нужда в каждом из них	336
Слово 44. О том, как рассудительному должно пребывать на безмолвии	344
Слово 45. О степени тонкой рассудительности	350
Слово 46. Об истинном ведении, об искушениях и о необходимости точно знать, что не только люди невысокие, немощные и необучившиеся, но и сподобившиеся на время бесстрастия, достигшие совершенства в образе мыслей, приблизившиеся отчасти к чистоте, сопряженной с омертвлением, [ставшие выше страстей, пока они в мире сем, по Божию попущению от сопряжения жизни их со страстною плотию, пребывают в борении и по причине плоти терпят беспокойство от страстей, потому что] по милости попускается на них сие за падение их в гордыню	359
Слово 47. О самом значении этой главы и о молитве	370

Слово 48. О различии добродетелей и о совершенстве всего поприща	378
Слово 49. О вере и о смиренномудрии	394
Слово 50. О пользе бегства от мира	411
Слово 51. О том, посредством чего можно человеку с изменением внешнего образа жизни приобрести изменение в сокровенных мыслях	413
Слово 52. О ночном бдении и о различных способах его делания	422
Слово 53. О том, какую честь приобретает смиренномудрие и как высока степень его	426
Слово 54. О разных предметах, в вопросах и ответах	437
Слово 55. Послание к преподобному отцу Симеону чудотворцу	442
Слово 56. О любви к Богу, об отречении от мира и об упокоении в Боге	505
Слово 57. Об удалении от мира и от всего смущающего ум	530
Слово 58. О том, что Бог на пользу душе попустил, чтобы она была доступна страстям, и о подвижнических деланиях	557
Слово 59. О чине монашеского жития, о сокращении и различии одного и о том, почему и каким образом добродетели рождаются одна от другой	581
Слово 60. О различных способах брани, какую диавол ведет с шествующими путем тесным, превысим мира	584
Слово 61. О том, что полезно человеку для приближения его в сердце своем к Богу, какая истинная причина сокровенно приближает к нему помощь, и какая опять причина приводит человека в смирение	602

- Слово 62. О словесах Божественного Писания, поощряющих к покаянию, и о том, что изречены оные по немощи человеческой, чтобы люди не погибли, отпав от Бога Живого, и что не должно обращать оных в повод к тому, чтобы грешить 611
- Слово 63. О том, чем охраняется доброта иноческого жития, и о чине славословия Божия 616
- Слово 64. О перемене и превратности, какая бывает в шествующих установленным от Бога путем безмолвия 619
- Слово 65. О безмолвствующих: когда начинают они понимать, до чего простерлись делами своими в беспредельном море, то есть в безмолвном житии, и когда могут несколько надеяться, что труды их стали приносить плоды 621
- Слово 66. О том, что рабу Божию, обнищавшему в мирском и исшедшему взыскать Бога, из страха, что не достиг уразумения истины, не должно прекращать искания и охладевать в горячности, порождаемой любовью к Божественному и к исследованию таин Божиих; и о том, как ум возмущается страстными припоминаниями 625
- Слово 67. О видах надежды на Бога, о том, кому должно надеяться на Бога и кто надеется безрассудно и неразумно 628
- Слово 68. Об отречении от мира и о поддержании от вольного обращения с людьми 635
- Слово 69. О том, что безмолвникам полезно не иметь забот, а вредны входы и выходы 641

- Слово 70. О путях, приближающих к Богу и делающихся явными человеку по приятности дел ночного бдения, и о том, что делатели оного все дни жизни своей питаются медом 646
- Слово 71. О силе и действенности греховных повреждений, чем они производятся и чем прекращаются 654
- Слово 72. О хранении сердца и о тонком созерцании 665
- Слово 73. О признаках и действиях любви к Богу 668
- Слово 74. О видах добродетелей 670
- Слово 75. О непрестанном посте, о том, чтобы пребывать собранным в себе на одном месте, о последствиях сего и о том, что при ведении различать обучился он правильному употреблению всего подобного сказанному 674
- Слово 76. О молчании и безмолвии 690
- Слово 77. О телесном движении 691
- Слово 78. О видах разных искушений и о том, сколько сладости имеют искушения, бывающие и претерпеваемые за истину, и по каким степеням восходит человек благоразумный 697
- Слово 79. О гордости. Искушения врагов Божиих, то есть гордых 705
- Слово 80. Об изъяснении видов добродетели и о том, какое значение и какое преимущество каждого из них 709
- Слово 81. Об очищении тела, души и ума 715
- Слово 82. Содержащее в себе предметы полезные, исполненные духовной мудрости 716

Слово 83. О покаянии	717
Слово 84. О том, как велика бывает мера ведения и мера веры	721
Слово 85. Содержащее в себе исполненные пользы советы, какие с любовью изглагодал во смирении слушающим его	727
Слово 86. Об ангельском движении, возбуждаемом в нас по Божию Промыслу для преуспевания души в духовном	744
Слово 87. О втором делании в человеке	747
Слово 88. Об изменении света и тьмы, какое бывает в душе во всякое время, и об уклонении ее к десным или шуим	750
Слово 89. О вреде неразумной ревности, прикрывающейся личиною ревности Божественной, и о помощи, какая бывает от кротости и других нравственных качеств	753
Слово 90. О невольных лукавых помыслах, происходящих от нерадивого наблюдения за предшествовавшими им помыслами	768
Слово 91. О терпении из любви к Богу и о том, как терпением приобретается помощь	778
Сведения о преподобном Исааке Сирине и его писаниях	783



Книги издательства Шпатакова «Родное слово»
и других православных издательств
Вы можете заказать и получить по почте.

Обращаться по адресу:
95000, г. Симферополь, ул. Гоголя, 5,
издательство Шпатакова «Родное слово»,
тел./факс (0652) 600-108,
e-mail: rodnoeslovo@mail.ru
интернет-сайт: www.rodnoeslovo.com.ua

Духовно-просветительское издание
Преподобный Исаак Сирин
СЛОВА ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ

Ответственный за выпуск **О. Голосова**
Редактор **Е. Киселева**
Корректор **О. Лазаренко**
Обложка **О. Александрова**
Компьютерная верстка **О. Букреева**

Подписано в печать 14.12.2010 г.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура «Академическая»
Объем 42 п. л. Тираж 5000 экз. Заказ № 231.

ООО Издательство «Лепта Книга»
125368 г. Москва, ул. Барышиха, д. 19

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГП «Издательство и типография «Таврида»,
95000, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.
E-mail: marketing@tavridabook.com.ua

ЖЕЛАЮЩИЙ
СЕБЕ ЧЕСТИ
НЕ МОЖЕТ
ИМЕТЬ
НЕДОСТАТКА
В ПРИЧИНАХ
К ПЕЧАЛИ...

ПРП. ИСААК СИРИН

